Галина Сапожникова
КТО
КОГО
ПРЕДАЛ
Как убивали Советский Союз
и что стало с теми,
кто пытался его спасти

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге, написанной известной российской журналисткой Галиной Сапожниковой, рассказывается о том, как Литва первой из советских рес-публик стала полигоном для обкатки технологии «цветной» революции, с помощью которой был развален СССР. Автор публикует несколько десятков интервью с реальными людьми, свидетелями и участниками событий тех лет, которые опровергают миф о том, что Прибалтика в 1991 году сделала однозначный выбор в пользу Запада и сдалась без сопротивления, и открывают во многом сенсационные подробности того, как «новая, свободная, демократическая» Литва расправлялась с политическими противниками.

- Галина Сапожникова
  -
  - К читателям
  - Глава 1
    - Краткая история вопроса
    - Экс-командир группы «Альфа» Михаил Головатов: «Я воевал и знаю, как свистят пули»
    - Зачем маршала Язова объявили в международный розыск?
    - Помощник Горбачева Георгий Остроумов: «Модель развала СССР была заимствована у Прибалтики»
  - Глава 2
    -
    - Аудрюс Буткявичюс: «Мы испортили русским картинку»
    - Джин Шарп: «Прибалтика — моих рук дело»
    - Владимир Овчинский: «Руководство СССР сознательно уничтожало страну»
  - Глава 3
    -
    - Альгирдас Палецкис и инквизиция XXI века
    - «Все свалить на русских, и сойдет»
    - Не по Чехову
  - Глава 4
    -
    - Историк и философ Валерий Иванов: «Я пообещал забрать сына из детского сада и ушел на три года»

- Заговор с целью захвата власти с помощью дружинников
- Баллада о неназванной войне

- Глава 5
  -
  - Миколас Бурокявичюс: «Я не пошел на поклон к литовским буржуазным националистам»
  - Юозас Куолялис: «Не Литва разрушила СССР, а Москва»
  - Юозас Ермалавичюс: «В том, что пастух из «деревни рабов» стал профессором, и заключается уникальность советской власти»
  - Владимир Егоров: «Я не думал, что получится такой резонанс»
- Глава 6
  -
  - «Мы никак не могли предположить, что Литву сдадут»
  - Чужой среди своих
  - Станислава Юонене: «Моей родины больше не существует» Как к штыку приравняли перо
  - Чеслав Высоцкис: «Я жил в подполье, потому что Литва не оставляла попыток меня схватить»
- Глава 7
  -
  - Александр Невзоров: «Поход на СССР был отрепетирован и поставлен»
  - Атланты, которым не удалось удержать небо
  - На правильной стороне истории
  - Робин Гуд советского разлива
- Глава 8
  -
  - Шипы для раны
  - Поздравить с праздником…
  - Человек с ружьем
- Глава 9
  -
  - Говорит и показывает «Каспервидение»
  - Украденная победа
  - Альгимантас Науджюнас: «Можете заказывать гроб — Советский Союз развалился»
- Глава 10
  - Двое на качелях
  - Вендетта по-прокурорски

        - «За все в ответе»
        - Александр Осипов: «В нынешней Литве мы — антигерои»
        - Владислав Швед: «Мы мечтали совсем о другой Литве»
    - ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ
        - Почему Горбачев побоялся вручить орден маме Виктора Шатских?
    - Вместо послесловия
        - Подсудимый Юрий Мель, взятый в плен в мирное время: «Я был уверен, что служу своей стране»
        - Джульетто Кьеза: «Балтийский фронт в процессе нагревания»…
        - О том, как мне пытались помешать написать эту книгу
    - СПИСОК ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ
- notes
    - 1

Галина Сапожникова
КТО КОГО ПРЕДАЛ
Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти

Дизайн обложки *Максим Андрусенко*
Корректор *Любовь Семенова*

К читателям

…Сейчас мне вспоминать об этом смешно, но тогда было в первый раз страшно.

Осень 1991 года, Таллин. Свежеиспеченная независимость прибалтийских республик, свалившаяся на их головы в виде подарка после провалившегося в Москве путча. Водоворот надежд и событий, впереди — целое будущее, которое, без всякого сомнения, будет чистым и светлым. Ленина на площади перед ЦК Компартии Эстонии уже нет, но Бронзовый Солдат простоит еще целых 16 лет. И нет пока ни тревоги, ни боли, ни длинных очередей за видами на жительство в Департамент гражданства и миграции, в которые Эстония и соседняя Латвия поставили тех, с кем еще вчера сидели за одним столом. С кем дружили, на ком женились и от кого рожали детей. Третья республика Прибалтики — Литва — смотрелась на этом фоне образцом адекватности: она удержалась от того, чтобы унизить тех, кто десятилетиями жил рядом, предоставив всем своим жителям права и гражданство.

Но до всего этого еще далеко в те самые первые дни восстановленной прибалтийской независимости. Так и хочется написать «дни, наполненные радостью», но это будет неправдой. Есть несколько моментов, которые мешали разделить эту радость с представителями титульных наций. Эта тревога жила в нас с января 1991-го, когда случились трагические события в Вильнюсе. На таллинском Вышгороде возвели баррикады из тяжелых природных камней, их приволокли на случай прихода советских танков, которые, впрочем, так и не пришли. Вместо них в Таллин примчался «светоч демократии» Борис Ельцин, главным образом для того, чтобы продемонстрировать, что он — не Горбачев. Что он лучше всех этих носителей советского менталитета — работников — заводов союзного подчинения, которые требуют гарантий своих прав и отчего-то не поют с умильными улыбками в общем хоре. Подписав все, о чем его просили прибалты, и встретившись ровно на 3 минуты с русскоязычными депутатами, будущий Президент России бежал. Ну а как еще назвать спектакль с тайным вывозом Ельцина на машине в Петербург, в обход таллинского аэропорта, у которого его ждали соотечественники — русские?..

Расчет был правильным: спустя 7 месяцев стоящему на танке Ельцину аплодировал весь мир. А в Эстонии ровно тогда же появился первый политзаключенный — директор таллинского электротехнического завода имени Ханса Пегельмана Игорь Шепелевич. По официальной версии, его посадили в камеру

предварительного заключения за поддержку ГКЧП. На самом же деле совсем за другое — за мудрость предвидения: чем обернется вся эта история с независимостью для балтийских русских.

И мы — аккредитованные в Эстонии российские журналисты — начали вытаскивать Шепелевича из тюрьмы, хотя это было и небезопасно: оказаться в лагере проигравших могло означать конец карьеры, профессиональной и человеческой, поскольку от защитников СССР тогда шарахались как от прокаженных. Публикации в «Комсомолке», чьим собственным корреспондентом я тогда была, шли под псевдонимом, посольства России в Эстонии еще не было, спешно назначенный временный поверенный был стопроцентным «демократом», поэтому на его помощь рассчитывать не приходилось. В местных газетах писали о том, что всех несогласных скоро из страны вышлют. Жанр доноса вернулся так быстро, будто никуда и не уходил. Соседи писали петиции, что московский корреспондент в эстонском доме им не нужен. В длинном коридоре, ведущем к двери таллинского корпункта, время от времени шуршали чьи-то шаги: ручка на входной двери шевелилась. После того что со мной было в следующие 20 лет — многократных публичных занесений в подготовленные органами безопасности всех трех балтийских стран списки «врагов народа», нескольких обысков на границе и одной официальной депортации, — мой страх перед дверной ручкой кажется смешным, но тогда было невесело, потому что вместе с другими русскими жителями Прибалтики я оказалась в лагере «проигравших». Полагаю, что «победители» оставят о тех днях совсем другие — воспоминания. Память вообще вещь избирательная: я, например, в дни августовского путча запомнила ошарашенных птенцов-танкистов на глохнущих бронемашинах, которых эстонские бабушки угощали пирожками и яблоками. А американское посольство в Таллине — «героическую оборону эстонских повстанцев», и даже нашло на стенах таллинской телебашни следы от несуществующих пуль…

К Новому году мы Шепелевича из тюрьмы все-таки вытащили. И в моем личном послужном списке именно эта история была первым плюсиком в череде всех прочих профессиональных побед — то, что на той маленькой войне мы Эстонию от соблазна скатиться в эпоху «охоты на ведьм» отстояли.

Тем удивительнее было узнать, что в Литве, которая все эти годы нежилась в романтическом ореоле собственного великодушия, машина политического неправосудия не останавливалась ни на день. Десятки осужденных по политическим статьям, сотни людей, навсегда потерявших

родину, десятки тысяч покинувших ее в последние годы из-за липкой атмосферы, постепенно ставшей воздухом, — вот что открылось, когда 5 лет назад литовский политик Альгирдас Палецкис, вспоминая трагические события в Вильнюсе в январе 1991-го, сказал в радиоэфире фразу: «Как теперь выясняется, свои стреляли в своих». Она стоила ему нескольких лет судебных тяжб, лишения всех госнаград, настоящей травли в СМИ и солидного денежного штрафа. Литовской Фемиде этого было мало — свои приговоры получили даже свидетели, которые поддержали Палецкиса на суде и рассказали то, что видели своими глазами…

Но репрессивная машина ненасытна и постоянно требует корма.

Заочный суд по делу 13 января 1991 года, который Вильнюс старается превратить сейчас во второй нюрнбергский процесс, — лишь фрагмент общей мозаики под названием «Литва» и ее нового имиджа политической тюрьмы Европы, о чем я пишу с сожалением.

В этой книге собраны голоса людей, которых Литовская Республика лишила родины и доброго имени только лишь за то, что они не отказались от своих взглядов. За то, что не перекрашивались, — как секретари литовской Компартии на платформе КПСС Миколас Бурокявичюс и Юозас Ермалавичюс, писали честные книги, как Валерий Иванов и Юозас Куолялис, умирали, как лейтенант Виктор Шатских и генерал-майор Станислав Цаплин, и все эти годы держали спины прямо — как многие другие герои страниц, которые вы сейчас открываете.

Читайте их истории, которые 25 лет никто не хотел слушать.

В них — подлинная История Литвы и Прибалтики. Без лакировки.

Глава 1
Операция «Дискредитация»

Краткая история вопроса

«Остановите! Остановите убийство!» — слабым голосом повторял Витаутас Ландсбергис, и руки его тряслись. Все уже случилось: диктор телевидения Татьяна Миткова отказалась зачитывать в прямом эфире официальную версию событий в литовской столице, телевизоры показали танки и трупы, мир ахнул, узнав об очередной советской агрессии, а Борис Ельцин срочно выехал в Прибалтику, чтобы, открестившись от СССР, подписать договоры от имени независимой от СССР России. Лидер литовского движения «Саюдис» Витаутас Ландсбергис подписал их по телефону, но уже наутро примчался в Таллин. Ну а я подошла к нему за интервью.

Слушать его слова было стыдно — тогда вообще было неуютно находиться на советской стороне. Подготовленный разоблачениями в «Огоньке» и обученный каяться, русский человек автоматически начинал чувствовать себя виноватым за любую смерть на планете. Спустя четверть века стало понятно, что к этой мысли его подводили целенаправленно. Но тогда мы, московские журналисты, почти плакали, искренне сочувствуя литовцам. Кто был убийцей, а кто жертвой, в 1991-м было понятно без слов.

Советский Союз дышал на ладан, Михаил Горбачев, казалось, сделал одну из последних попыток его «сохранить»: дал приказ псковским десантникам и спецназу КГБ «Альфа» в ночь на 13 января 1991 года захватить литовские телекоммуникации, прекратив тем самым вещание «свободолюбивых голосов». Узнав про жертвы, последний Президент СССР от всех своих приказов отрекся, сказав знаменитую фразу: «Я «Альфу» в Литву не посылал!» И «Альфа», не знавшая до этого за всю свою историю ни одного прокола, возвращалась в Москву незнамо кем…

Двадцать лет об этой истории в России никто не вспоминал, пока летом 2010-го в венском аэропорту по требованию Литвы не был задержан экс-командир «Альфы» Михаил Головатов. Тогда-то и выяснилось, что Литва тихой сапой подготовила целый список людей, причастных к событиям января 1991 года. С чего вдруг? Во-первых, многим литовцам не нравиться та страна, которую они построили: люди уезжают почти массово — национальный дух нужно было как-то срочно укреплять. Во-вторых, изо всех дыр лезли факты, которые не вписывались в обкатанную легенду: то в одной книге напишут, что по толпе стреляли не советские солдаты, а неизвестные снайперы с крыш, то в другой напомнят об их американских инструкторах.

Вот так уродливо и нелепо выглядела довольно странная со стороны Михаила Горбачева попытка «спасти» Советский Союз. Фото из архива Г. Сапожниковой.

«На совести Ландсбергиса и Аудрюса Буткявичюса (тогдашний директор Департамента охраны края. — *Г. С.*) — кровь — тринадцати жертв. Это по их воле несколько десятков переодетых пограничников были размещены в вильнюсской телебашне. Они стреляли сверху вниз по толпе боевыми патронами. Я собственными глазами видел, как отскакивали от асфальта пули и пролетали рикошетом мимо моих ног. О том, как все было, мне рассказывали и несколько пострадавших пограничников. Они пытались восстановить правду через прессу, но ничего не могли доказать, поскольку были вычеркнуты из числа защитников…» — написал в 2004 году в книге «Корабль дураков» литовский писатель Витаутас Петкявичюс, который, будучи одним из основателей и лидеров «Саюдиса», позже полностью в нем разочаровался. Интересно, что после смерти Петкявичюса Витаутас Ландсбергис стал судиться с тремя его детьми, требуя от них публичного признания в том, что их отец его оклеветал. Верховный суд Литвы признал, что дети за слова отца отвечают…

Но всего этого экс-командир «Альфы» Михаил Головатов, конечно, не знал, потому что Литва в России особенно никого не

интересовала.

В ордере на его арест было сказано: «Подозревается в том, что, будучи членом КПСС, умышленно осуществляя политику другого государства (СССР), намеревался незаконно изменить конституционный строй Литвы». Не увидеть нестыковок было невозможно: в январе 1991-го Литва официально была частью СССР, а закон, в нарушении которого обвиняют Головатова, приняли через 12 лет после случившегося. Но нет: преступление не имеет срока давности, решили в литовской прокуратуре, переквалифицировав его в «преступление против человечности». И Литва начала отлов «бывших» по всему свету. Поймать удалось только танкиста Юрия Меля, который теперь отдувается за всех. Список назначенных врагами до последнего времени не обнародовался — его приходилось выцарапывать по буковке.

Что с того, что Генпрокурор СССР Николай Трубин еще в мае 1991-го написал в информационной записке Верховному Совету, что никаких подтверждений того, что 13 гражданских лиц погибли от рук советских военнослужащих, литовская сторона не предоставила, что по крайней мере 6 потерпевших были убиты сверху и в спину, минимум двое задавлены автомобилями, а — вовсе не танками, еще у одного человека был инфаркт миокарда и в одном случае 7 выстрелов были произведены в уже мертвое тело (Антанаса Шимулениса — *Г. С*)? Расследование не продолжили, потому что развалилась страна, а после путча все 37 томов оригиналов уголовного дела были переданы Литве под завывания о вечной дружбе. И если бы не слова Альгирдаса Палецкиса и свидетелей, которых он привел в суд, — правда о событиях у вильнюсской телебашни так навсегда и осталась бы похороненной под обломками СССР, на руинах которого возвели новые корпуса институтов политических репрессий.

«Почему же вы столько лет молчали?» — задавала я один и тот же вопрос всем, кого я встречала в Литве: свидетелям на суде, таксистам, торговкам на рынке. Всем, кто все эти годы знал и про снайперов, и про крыши.

«Потому что хотели независимости», — отвечали мне при включенном диктофоне.

«А почему сейчас начали говорить»?

«Потому что независимость оказалась хуже русского гнета», — говорили при выключенном…

Что имели в виду?

За 20 лет независимости население Литвы уменьшилось почти на миллион человек. Эта брешь ощущается даже на улицах — они пусты. Уничтожены практически все промышленные заводы-гиганты, построенные во времена СССР. Производства нет.

Из известных миру литовских брендов осталась только вильнюсская телебашня — как символ борьбы за свободу. Если Литву этого символа лишить, не останется ничего — ни борьбы, ни свободы.

Поэтому битва за него будет страшной.

Экс-командир группы «Альфа» Михаил Головатов: «Я воевал и знаю, как свистят пули»

— Майкл, вы когда-нибудь бывали в Литве? — офицер погран-охраны венского аэропорта взглянул на обладателя паспорта с интересом.

— Ну да, бывал, — ответил полковник запаса и экс-командир группы «Альфа».

Скрывать было нечего. Да и не хотелось: Вильнюс, как его ни затирай, навсегда останется в памяти, хотя бы потому, что там погиб один его боец. Да не просто боец — сын друга…

В отличие от Литвы в Австрии чиновники оказались адекватными и, быстро поняв, что стоящий перед ними человек никак не может быть «террористом», как представляли его литовские правоохранительные органы в официальных бумагах, от греха подальше отпустили.

Так Михаил Головатов, а вместе с ним и весь мир узнал, что в Вильнюсе затевается грандиозный судебный процесс, в котором он назначен одним из главных преступников.

Почему закон в Литве имеет обратную силу?

— Как это возможно — 20 лет Литва не предъявляла вам никаких претензий и вдруг подала в международный розыск?

— Нет, предъявляла. В 90-е годы Александр Коржаков, который был тогда руководителем службы безопасности Ельцина, мне неоднократно объявлял: «Каждый раз, когда Борис Николаевич Ельцин встречается с Ландсбергисом, тот говорит: «А почему у вас командиром «Альфы» до сих пор является Головатов, который принимал участие в вильнюсских событиях?», требуя моего отстранения. На что я ему отвечал: «Какое отношение Ландсбергис имеет к России? Я был военнослужащим Советского Союза, а сейчас — Российской Федерации, и выполнял свой долг честно». Поползновения начались сразу же, с марта 1991 года, и мне, если честно, непонятно, почему Борис Ельцин занял позицию, что мы будто бы осуществляли какие-то насильственные действия в отношении демократии. Мне был дан приказ, и этот приказ соотносился с теми действиями, которые я производил вместе со своими военнослужащими. В ноябре 1992 года я ушел на пенсию и — продолжал работать — был директором

совместных предприятий с британцами и американцами. Более 80 раз бывал в Лондоне, примерно 30 раз в Америке, и совершенно не считал себя человеком, который совершил преступление.

Полковника Михаила Головатова задержали в Венском аэропорту спустя двадцать лет после событий в литовской столице. Фото из архива Г. Сапожниковой.

И вот в июле 2010-го меня останавливают на паспортном контроле в Вене и показывают ордер на арест, подписанный генеральным прокурором Литвы. И в чем же я там обвиняюсь? В том, что я, будучи коммунистом, боролся с литовской независимостью! Это, напомню, был 1991 год, январь. А Литва вышла из состава Советского Союза в сентябре. Так кто лукавит? Почему закон в Литве имеет обратную силу? Законы в отношении лиц, которые подлежат задержанию, были приняты только в 2002 году, через 11 лет после вильнюсских событий.

— Та давняя история вернулась к нам не только в виде ордера на ваш арест. Тогда же начался процесс и над Альгирдасом Палецкисом, который усомнился в официальной версии истории.

— На суде прозвучали свидетельские показания, которые

только подтверждают его слова. Там выступали и сотрудники МВД, проводившие съемки, и обычные женщины, которые подтверждали: да, видели, как танкисты прятались в люках после того, как начали стрелять с крыш. Их всех что — Россия подготовила? Или лично я просил о том, чтоб они давали такие показания? Нет. Вот обвинительное заключение, 700 листов — это все перечисление того, что я якобы сделал за те три дня, которые со своим подразделением провел в Литве. Столько можно натворить только за пятилетку, наверное… Обвиняют в том, что мы чуть ли не оружейные склады вскрывали и грабили охотничьи магазины. У нас что, своего оружия не было? Как это совместить с обвинениями литовской генпрокуратуры в преступлениях против человечности?

«Мы были в своей стране и оружия применять даже и не думали»

— Какая перед вами в 1991 году ставилась задача?

— Выехать в Вильнюс и провести рекогносцировку по объектам с целью их освобождения от тех, кем они были захвачены. 6 января с двумя сотрудниками группы мы выехали, к 8-му скоординировали задачи, которые должны были выполнять. Первоначально говорилось о блокировании восьми объектов: это Департамент охраны края, Дом печати, Верховный Совет и так далее. Но основной задачей, стоявшей передо мной, было освободить телецентр для возможности организации вещания на русском языке на все прибалтийские республики, потому что шла оголтелая пропаганда со стороны Ландсбергиса. То же самое касалось и телебашни. Наиболее благоприятным днем было 11 января, потому что на этот день была намечена общенациональная забастовка и большинство манифестантов находилось бы перед зданием Верховного Совета. Я запросил 60 военнослужащих, которых можно было бы разделить на два объекта, что и было сделано. В оперативный штаб входил замминистра обороны Советского Союза Владислав Ачалов, первый заместитель командующего ВДВ СССР Освальдас Пикаускас, зампред КГБ Литовской ССР Станислав Цаплин. Штаб располагался в военном гарнизоне «Северный городок», где командиром дивизии был Владимир Усхопчик. Сотрудники прилетели 11 января двумя бортами, разместились в центре подготовки допризывников. Мы определили объекты, которые нужно было освобождать, чтобы предоставить возможность организовывать вещание на русском языке, и время — в ночь

на 13-е, доложили в центр. Я думаю, что Михаилу Сергеевичу Горбачеву о проводимой операции было доложено лично. С часу до двух ночи прошел боевой расчет, и затем мы выдвинулись по объектам, которые необходимо было освободить. В поддержку нам были подтянуты армейские подразделения, десантники из Псковской воздушно-десантной дивизии и конвойные войска, которым мы передавали объекты под охрану. Никаких других задач типа арестов перед нами не ставилось, необходимо было только освободить здания от тех экстремистов, которые их захватили, и обеспечить контроль передающего центра, чтобы не было отключения контура. Я разделил сотрудников на две части, сам находился на телебашне, потому что считал ее наиболее труднодоступной, — необходимо было подняться чуть ли не на 32-й этаж, где находились передающие станции. Вокруг башни находилось около пяти тысяч человек…

— Были ли сторонники Ландсбергиса вооружены?

— То, что вокруг все было забаррикадировано, — это факт, и что манифестанты окружили здание плотным кольцом, и около телецентра, и у телебашни. Доступ туда нам должен был обеспечить генерал Ачалов с помощью подразделения, состоящего из четырех танков. Это устрашающий фактор — если танки начинают двигаться, то здравомыслящие люди должны расступиться.

— А на чем к телебашне ехали вы?

— На крытом 131-м «ЗИЛе». Это был элемент тактики, который дал бы возможность нам туда зайти, — ни танковое подразделение, ни подразделение десантников к телебашне пробиться не могли. Минуя толпу, продвинулись с тыльной стороны. Там не было такого скопления народа, и мы смогли десантироваться. Мы были радиофицированы, управление осуществлялось по индивидуальным радиостанциям, вмонтированным в каски. Разбив стекла, проникли внутрь и столкнулись с физическим сопротивлением.

Витаутаса Ландсбергиса считают одним из главных вдохновителей трагедии в Вильнюсе в январе 1991 года. Фото из архива Г. Сапожниковой.

Мы воевали в Афганистане и считались людьми подготовленными, но здесь были в своей стране и оружия применять даже и не думали. Приемами рукопашного боя оттеснили с первого этажа людей, которые захватили башню. Они запустили систему пожаротушения и инертный газ. Мы были экипированы и надели противогазы, но вот сами они находиться там уже не могли. И, если по пожарным нормативам до 32-го этажа необходимо дойти за 39 минут, наши сотрудники уже через 15 минут доложили, что все под контролем.

Ни военнослужащие псковского полка, ни сотрудники группы «А» не применяли оружия. Исключено. При массовых беспорядках это бессмысленно — это только озлобит толпу.

Один на минус

— Вы были в курсе, что в это время происходило около телецентра?

— В районе трех ночи слушаю доклад о действиях на втором объекте, слышу: один на минус — то есть один человек получил ранение. Это был лейтенант Виктор Шатских. Он шел в замыкающей части, пуля от автомата Калашникова прошла через бронежилет в спину. Спроси меня по прошествии 20 лет, кто стрелял и случайный ли это был выстрел, — я не отвечу… Возможности его эвакуации в госпиталь не было: толпа таким

плотным кольцом окружила телецентр, что «Скорая помощь» не могла пробиться 40 минут. Когда его доставили в городскую больницу, он скончался от потери крови…

— А стреляли в него из чего?

— Из автомата Калашникова. Пули калибром 5,45.

У нас было штатное вооружение: у меня как у руководителя — пистолет Макарова, сотрудники же вооружены или снайперской винтовкой, или 5,45-мм АК. Но Виктор Шатских шел в замыкающей части, последним, а не в передовом отряде штурмующих — за ним никого из наших бойцов не было, то есть от случайной пули своих товарищей он погибнуть не мог. После доклада о Шатских (он был возле телецентра) и у нас на телебашне началось то, что на сегодняшний день называется «Свои стреляли в своих». Пошли доклады от руководителя оцепления, в котором стояли конвойные войска, что идут выстрелы с близлежащих домов и имеются раненые со стороны гражданского населения. Механики-водители боевых машин и танков, которые находились в непосредственной близости от телебашни, докладывали в штаб, а штаб — мне, что идет стрельба по боевой технике. Военнослужащие, которые ею управляли, закрыли люки и спрятались внутри. Я свою задачу выполнил, доложил в штаб о том, что мы сдали объект под охрану конвойным войскам.

— А не могла ли вступить в игру третья сила? Какие-нибудь убежденные советские патриоты?

— Исключено. Я это ответственно заявляю — я же участвовал во всех подготовительных мероприятиях и совещаниях!

— Из какого оружия велась стрельба?

— Не из армейского, это было ясно по хлопкам. Это был не автоматический огонь, а одиночные выстрелы. Я до этого 20 лет отвоевал и знаю, как свистит пуля и чем отличается выстрел, который идет из гладкоствольного оружия от выстрела из винтовки. Так вот, с крыш стреляли из гладкоствольного. Потом стало известно, что там были винтовки Мосина, потому что трасологические экспертизы были проведены сразу же, когда Литва еще была в составе Советского Союза. Дальше было так: я доложил, что мы сдали объект под охрану и выдвигаемся на место дислокации. Сказал, что поедем только на бронетранспортерах, — поскольку сам наблюдал вспышки на крышах. Подошло три БТР, мы разместились в десантных отсеках и в 4.30 утра выдвинулись в штаб дивизии. В четырех местах в нас с мостов бросали бордюрные камни. Представьте, что было бы, если бы мы шли на «УАЗе», под брезентом, — насмерть не убило, но личный состав покалечило бы.

Вернувшись на базу к пяти утра, мне пришлось еще в течение двух часов выцарапывать из морга городской больницы тело Виктора Шатских, которое нам не выдавали. Его удалось забрать только через военную прокуратуру Вильнюса.

«Это не свадьба, а похороны»

— А сколько Виктору Шатских было лет? И как он попал в «Альфу»?

— Двадцать один год. Получилось так, что захваты заложников, которые шли в зонах следственных изоляторов, случались в тот период настолько часто, что МВД с этим не справлялось. И тогда стали привлекать нас. Нам приходилось выезжать и проводить командно-штабные и тактические учения, связанные с освобождением заложников на воздушном и железнодорожном транспорте или в общественных местах по всему Советскому — Союзу. Во время занятий, которые проводились в Витебске на базе Витебской десантной дивизии, я познакомился с Шатских Виктором Алексеевичем, отцом Виктора. Сам он был из погранвойск, а его сын окончил Голицынское военно-политическое училище, откуда мы планово набирали выпускников. Способный, подготовленный офицер — и стихи писал, и пел. Пришел к нам в августе, а в январе погиб, прослужив только шесть месяцев. Не женат был. Остались мать, отец и сестра…

15 января двумя бортами, которыми прилетели, мы вернулись в Москву. Во «Внуково» нас встречали командир «Альфы» Виктор Карпухин и отец Виктора Шатских, Виктор Алексеевич. И для меня уже тогда был звоночек — если с любой операции, с которой мы возвращались раньше, нас встречал кто-то из нашего управления или представитель центрального аппарата КГБ, то здесь мы в течение сорока минут стояли на летном поле, выгрузив гроб, около которого были только Карпухин и отец погибшего лейтенанта. 17-го хоронили Шатских. В январе 1980 года во время похорон сотрудников, которые погибли в Афганистане, процессия тянулась на 8 — 10 километров, но здесь я получил коман-ду, что нужно обеспечить как можно меньше людей. На что я сказал: это не свадьба, а похороны. Кто придет, тот и придет… Если раньше мы были там, где беда, — в союзных республиках, — то здесь беда была уже в самой Москве. Это был январь 1991 года.

Горбачев всех переиграл

— Как раз в те дни, когда Михаил Горбачев сказал, что он «Альфу» в Литву не посылал?

— Утром 7 января делегация, состоящая из представителей Литвы, вылетела во «Внуково» тем самым бортом, на котором прилетели мы, они должны были встретиться в Москве с Горбачевым. Но Горбачев всех переиграл. Он поручил это председателю Совета национальностей Рафику Нишановичу Нишанову, и представители Литвы, поцеловав дверь, вернулись домой, так и не встретившись с президентом. Последний потом заявил, что в первый раз об этом слышит. Но у меня была другая информация — что в Литве должно было быть введено президентское правление. Именно на это все было и нацелено — дать возможность вести телевещание, потому что будет обращение Горбачева. А потом Михаил Сергеевич заявил: «Я в первый раз об этом слышу»… Ну если штаб с ним разговаривал в ночь на 13 января! Я пока еще при памяти, и не 50 лет прошло, а всего 25. Ни руководство спецслужб, ни армейское командование не могли принять самостоятельного решения о применении силы на территории Союза без санкции Горбачева. А тот на голубом глазу заявляет, что не знал ни о событиях в Прибалтике, ни в Тбилиси, ни в других горячих точках…

— Вы тем же утром поняли, что эти 13 трупов навесят на вас?

— Нет. Это началось уже после возвращения в Москву. Изначально пошла информация о том, что там были не убитые, а раненые — кто-то попал под колеса боевых машин, когда двигалась техника по Вильнюсу. И не о 13 человеках говорили, а о 5–6 убитых стрелковым оружием.

— Теперь уже не скрывается, что Литве в тот момент нужна была сакральная жертва. Аудрюс Буткявичюс, бывший тогда директором Департамента охраны края, подтвердил в интервью, что с 1987 года он был знаком с теоретиком «цветных» революций Джином Шарпом и что в Литву наезжали американские эмиссары. Неужели никто не знал, что с литовской стороны готовилась провокация? Почему стало неожиданностью, что боевики стали стрелять с крыш?

— Я думаю, что у тогдашнего литовского КГБ не было агентуры, которая абсолютно точно довела бы до сведения председателя, что именно готовится. Предположения были, но точных данных не было. Если бы я был информирован о возможном применении со стороны «Саюдиса» оружия — я что, не выставил бы снайперов, не противодействовал бы тому огню, который велся с крыш? Имея на вооружении снайперские винтовки с ночными прицелами, вычислить снайпера было бы

несложно…

Зачем маршала Язова объявили в международный розыск?

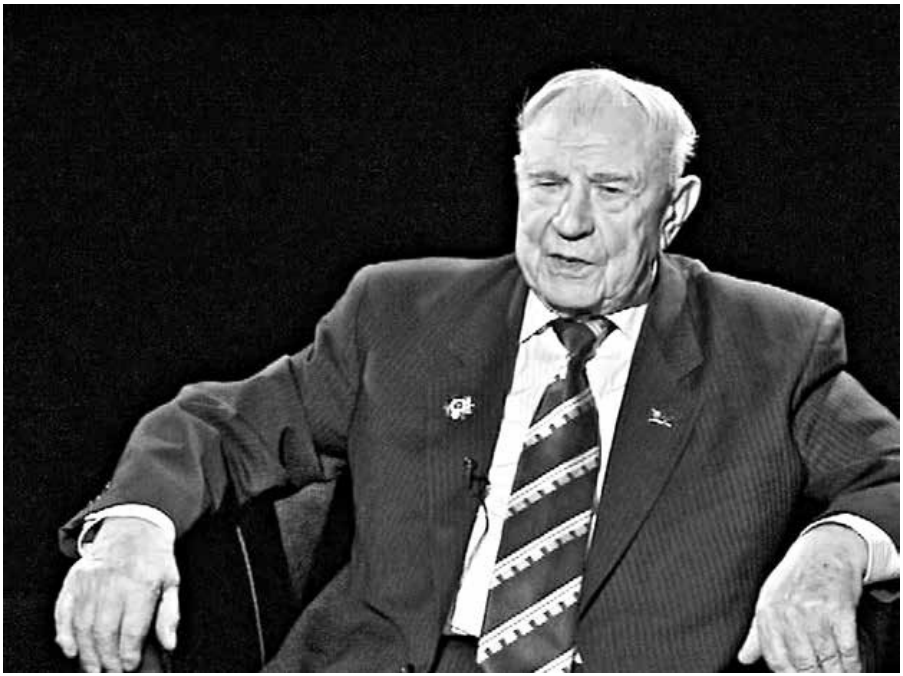
Было бы слишком просто написать, что, получив почтовый конверт из Литвы и прочитав в «Уведомлении о подозрении» свою фамилию, маршал Советского Союза Дмитрий Язов застыл в изумлении… В 90 с лишним лет человека вообще уже трудно удивить. Тем более такого — последнего в истории СССР маршала, прошедшего фронт и отсидевшего два года в тюрьме по подозрению в измене Родине. Но в обвинительном заключении, которое пришло на домашний адрес бывшего министра обороны СССР, было написано, что в январе 1991-го Язов, «действуя по предварительному сговору», совместно с председателем КГБ В. Крючковым, министром внутренних дел Б. Пуго и еще 54 другими весьма достойными людьми «организовал заговор, пытаясь свергнуть государственный строй в Литовской Республике», «умышленно убил 13 человек» и еще нескольким сотням «причинил физическую боль и нанес тяжкие телесные повреждения»… Заочно нанес, поскольку в Вильнюсе никогда в своей жизни не был.

«Навести в Литве порядок»

— Дмитрий Тимофеевич, позвольте вернуть вас к событиям 25-летней давности, когда начали рушиться основы Союза и окраины забурлили. Что вы там, в Литве, натворили?

— Расскажу вам такую историю: находясь во Франции в октябре 1990 года (по приглашению тамошнего министра обороны), я был на приеме у президента. Выхожу с приема — стоит делегация, человек 10–15, с литовскими флагами. Сразу — вопрос ко мне: «Господин Язов?» Я говорю: «Я не господин». — «Ну как вас там? Товарищ министр!» — «Слушаю». — «У нас есть сведения, что ваши десантники напали на госпиталь в Каунасе».

Позже я узнал, что там находились несколько десятков солдат, убежавших из Советской армии, литовцев по национальности. Их, вероятно, готовили для вооруженной команды. Наши десантники вернули их в свои части. То есть открытый факт дезертирства и неповиновения уже тогда на Западе преподносили как «нападение».



Маршала Язова литовское правосудие обвиняет в том, что он «умышленно убил 13 человек», хотя он в Вильнюсе никогда не был. Фото Г. Сапожниковой.

В декабре 1990-го в Москве была 4-я сессия Верховного Совета СССР. Приезжал Ландсбергис и начальник Департамента охраны края Литвы Буткявичюс. И ни с того ни с сего вдруг пригласили меня и главнокомандующего Сухопутными войсками Валентина Варенникова в постоянное представительство Литовской ССР в Москве. Я спросил разрешения у Горбачева. Он говорит: «Да черт с ними, сходите, послушайте, что они хотят». Мы пришли. Разговор вроде был нейтральный. Потом они поставили вопрос прямо: а если наш народ поднимется, как будет действовать ваша армия? Я говорю: никаких указаний насчет этого не было. Если прикажут — будем изолировать тех, кто выступает против советской власти.

— И тут наступил январь 1991-го…

— В Литве обстановка нагнеталась. Примерно числа 9-го Горбачев пригласил меня, Крючкова и Пуго поговорить о том, какие принимать меры, чтобы прекратить этот шабаш антисоветской деятельности. Президент СССР как гарант соблюдения Конституции, безусловно, имел на это право. И на следующий день он приказал навести в Литве порядок. Там у нас находилась 107-я стрелковая дивизия, командовал которой генерал Усхопчик, а начальником артиллерии был полковник

Масхадов (тот самый, который потом возглавлял чеченских сепаратистов. — *Г. С.*). Я туда направил генерала Варенникова и заместителя министра обороны Ачалова, который должен был сменить меня на посту министра обороны, поскольку мне уже было под 70. Они докладывают о массовых беспорядках и выдвижении нашей военной колонны к телецентру, чтобы обеспечить действия группы «Альфа». С этой телебашни велась постоянно антисоветская пропаганда, все критиковалось, высмеивалось. Туда был направлен небольшой отряд, человек 30 из «Альфы», специально для того, чтобы занять башню. И надо было оказать помощь войсками. Выдвинули несколько подразделений из 107-й дивизии. Наши еще не успели подойти, как оттуда начали одна за одной отходить санитарные машины. Одновременно по войсковой колонне полетели камни, бутылки с зажигательной смесью, а с крыш прилегающих домов был открыт огонь по толпе и бронетранспортерам. Солдаты укрылись под броней.

Наутро выяснилось, что убиты 13 местных жителей и смертельно ранен лейтенант Шатских из группы «Альфа», причем в спину… Приехали представители Генпрокуратуры, я приказал прибыть туда военным врачам, мы хотели освидетельствовать каждого: кто, во что и как был ранен? Но ни прокуратуру нашу, ни врачей к осмотру не допустили. Литовцам надо было обязательно доказать, что мы имели ко всему этому отношение.

Варенников, Ачалов мне докладывали: ни одного выстрела никто не производил. А по ним стреляли.

— В Вильнюсе были местные органы милиции, органы КГБ. Зачем при таком букете силовых структур потребовалось использовать еще и армию?

— Все дело в том, что 11 марта 1990 года литовцы уже себя объявили независимыми. Местные правоохранительные органы перестали работать. Все, включая КГБ, подчинялись Ландсбергису.

— Может, все было рассчитано на то, чтобы втащить армию в эту воронку?

— На то, чтобы создать недовольство народа. Надо было убрать войска с территории Литвы. А как убрать? Пролить кровь, провокацию сделать. Вот они и сделали. Они нас обыграли. Убили своих для того, чтобы выиграть.

«Зато никто никого не убил»

— В печати то, что случилось в Вильнюсе, называли

«репетицией августовского путча».

— До путча еще много чего произошло. Можно сказать, что к тому времени было ликвидировано Политбюро. Горбачев, став президентом, создал Политбюро из секретарей компартий республик. В Литве Компартия разделилась на две части, поэтому было целых два представителя. Каждый стремился во что бы то ни стало быть самостоятельным. И разработанный Устав Союза Суверенных Государств не находил единогласной поддержки. Горбачев думал так: несколько республик документ подпишут, а остальные никуда не денутся. И решил 19 августа 1991 года пригласить первых секретарей пяти республик Средней Азии и России, чтобы подписать Союзный договор. Остальные не соглашались.

Мы об этом знали, все члены правительства, в том числе и председатель Кабинета Валентин Павлов, и заместитель Горбачева Геннадий Янаев. Кстати сказать, сам этот Союзный договор был опубликован вечером в пятницу, когда все на дачу уехали. В субботу — воскресенье этот договор никто не читал. А в понедельник уже надо было его подписывать. Короче говоря, хотели народ обмануть. Мы, значительное большинство членов правительства, собрались на объекте КГБ, обсудили обстановку. Она была критической. Не утихли еще события в Азербайджане и Армении, Нагорный Карабах захватили армяне, азербайджанцы выгнали из Баку всех армян. Не все было в порядке в Фергане, в Киргизии и Узбекистане, в Крыму. В Грузии турки-месхетинцы хотели занять свои земли. В общем, обстановка была очень напряженной, прежде всего по национальному вопросу. Но вместо того чтобы принять меры для стабилизации ситуации, Горбачев начал разрабатывать договор о суверенных государствах. Шаймиев (Татарстан) и представители других республик задались вопросом: а мы чем хуже? Мы тоже хотим быть самостоятельными! А как еще должны были реагировать республики, которые находятся внутри России? Мы считали, что, подписывая этот договор, мы разрушали Советский Союз.

17 августа в Форос к Горбачеву полетели Шенин, Бакланов, Варенников, Плеханов и Болдин. Я должен был оставаться в Москве — в случае возможного ракетного удара кому-то же надо было быть на месте. Горбачев их долго не принимал, потом принял, спросил: «Зачем приехали?» Каждый объяснил ему, что надо принимать меры для сохранения страны, что воля народа — это высшая воля для руководства. Он их обругал: «Делайте что хотите». Это было в субботу.

В воскресенье, 18-го, я организовал охрану телецентра, но никто выступать на телевидение не поехал. Вместо этого

включили «Лебединое озеро».

Потом мне вдруг звонит командующий ВДВ Павел Грачев: Ельцин просит охрану. Я отправил батальон. И подумать не мог, что это преподнесут как подтверждение того, что армия хотела штурмовать «Белый дом». Показывали потом фильм: сидит Мстислав Ростропович с автоматом, а на коленях у него спит солдат… А штурмовать их никто и не собирался!

Собрались мы в кабинете у моего зама Владислава Ачалова. Приехал ко мне маршал Ахромеев: что происходит? Я говорю: да ничего, собственно, не происходит — мы хотим не дать развалить Советский Союз. Но пока Горбачев против того, чтобы вводить чрезвычайное положение, и сейчас товарищи думают, каким образом повлиять на то, чтобы не было подписания пятью республиками этого договора. Я поехал в Кремль, в кабинет к Павлову. Подписание договора было сорвано. Мы опять полетели к Горбачеву. Я знал, что по возвращении в Москву меня будут арестовывать, мне сообщили по телефону прямо в самолет. По летному полю уже бегали в милицейской форме солдаты. Баранников (глава МВД РСФСР. — *Г. С.*) попросил меня пройти в комнату, где сидел прокурор Степанков. «Оружие есть?» — «Нет». — «Вы арестованы».

Можно было, конечно, послать их подальше и идти в машину. Ачалов мне звонил и спрашивал: «Хотите — захватим аэродром?» Я сказал: не надо. Если бы захватили аэродромы, могли бы развязать войну. Я на это не пошел. Зато никто никого не убил.

И опять стреляли с крыш!

— Когда мы находились в «Лефортово», стало ясно, что три человека в Москве погибли. Причем опять кто-то стрелял с чердака. Но наши военные не могли стрелять. Значит, стреляли или по распоряжению Ельцина, или американского посольства.

— *Точно как в Литве… А вы, кстати, во время операции в Вильнюсе вели учет, сколько было выпущено патронов?*

— Ни одного. Никто не стрелял, на руки боевые патроны не выдавались. Когда начали разбираться, там были только пули из винтовок, из автомата ППШ и из охотничьих ружей.

— *Слова Горбачева о том, что в Вильнюсе надо разбираться, вы восприняли как прямое руководство к действию. А как дальше обстояло? В ночь на 13 января, когда шла операция, вы ему сообщали об этом или он был в неведении?*

— Горбачев все знал. Мне сказал: принимай меры. Я, повторюсь, направил туда Варенникова и Ачалова. И позвонил

Усхопчику: вы несете ответственность за все. До 13-го числа никто из военных никуда не выезжал и по городу не то что не стрелял, а даже не ходил, чтобы не спровоцировать ситуацию.

— Порядок операции разрабатывался заранее, или это было некое спонтанное решение?

Два коммуниста: первый президент независимой Литвы Альгирдас Бразаускас и последний Президент СССР Михаил Горбачев. Казалось, все говорило о том, что развода не будет. Фото из архива Г. Сапожниковой.

— Ничего заранее не разрабатывалось. Ведь не вся «Альфа» ходила туда, а всего-навсего человек 30. И дивизия не вся — может быть, один батальон и не больше. Мне докладывали, что по городу ходит очень много санитарных машин. Но сколько было убитых и сколько раненых, из наших никто не знал.

— Так вы докладывали Горбачеву ночью?

— Все время докладывал. Когда он звонил, докладывал.

— Это был уже третий конфликт на территории СССР. До этого еще пролилась кровь в Баку и произошла мутная история в Тбилиси. Технология была одна и та же, или те конфликты качественно отличаются от литовского?

— Расскажу. В январе 1990-го вызывает Горбачев меня, председателя КГБ СССР Крючкова и министра внутренних дел Бакатина и приказывает немедленно лететь в Баку, ввести чрезвычайное положение, навести порядок. Мы тут же поехали на Чкаловский аэродром и через 2 часа были там. Телевидение не работало, его кто-то вывел из строя. Через 2 или 3 дня наладили

Первый канал. Но Народный фронт уже все организовал по-своему, повелев перекрыть военным дорогу. И тут мне докладывают: бронетранспортеры идут с закрытыми люками, потому что стреляют из всех окон и с крыш…

295-я мотострелковая дивизия была поднята по тревоге. В воен-ном городке «Красный Восток» на строевом плацу находились солдаты. С крыши детской больницы по ним был открыт огонь. Несколько военнослужащих были ранены и убиты.

— И опять стрельба с крыш? Но у нас же была масса умнейших специалистов — почему они не видели, что раз за разом повторяется одна и та же схема?

— Скажите, возле вильнюсской телебашни кто-нибудь из наших мог взобраться на чердак? Нас же не пускали туда! Так же и в Баку. Госпиталь, с крыши которого стреляли, находился за пределами военного городка. Когда мы туда забрались, на крыше уже никого не было.

Взлет без посадки

— История о саперных лопатках в Тбилиси из этой же серии?

— Там было немножко по-другому. Собралось бюро ЦК во главе с первым секретарем Патиашвили и приняло решение: — просить командующего войсками Закавказского округа Игоря Родионова освободить площадь от митингующих. Солдаты шли цепью. В них начали бросать камнями. Они саперными лопатками прикрывали лица. Оттесняли толпу бронетранспортерами. Подавили друг друга сами люди. Потом тот же самый Патиашвили выступил на сессии Верховного Совета и рассказал: за одной старухой десантник якобы бежал километра три… Затем объявили, что люди умерли от удушающих газов. Химики проверили: никаких газов там не было. Все погибли от сдавливания, но вину возложили на военных. Патиашвили, который сам принимал решение, все свалил на генерала Родионова.

— Почему же вы не отбили эту информационную атаку?

— Мы делали все возможное. Но разбираться послали не меня, а Шеварднадзе. Они и «разобрались» так, что во всем будто бы была виновата армия. Потом еще поехала комиссия из Верховного Совета, которую возглавлял Собчак. Комиссия установила, что люди действительно погибли в результате сдавливания. Но нам указали: «Почему послали бронетранспортеры? Надо было по радио объявлять, чтобы все разошлись». В общем, нашли форму, чтобы обвинить армию.

— Итак, за каких-то два года были предприняты сразу несколько операций по дискредитации армии. Почему вы еще тогда не сделали это достоянием общественности? Или общественность не хотела вас слушать?

— Мы ничего без ведома Верховного главнокомандующего делать не могли. Горбачеву было тяжело: в то время у страны было слишком много проблем. И насчет Тбилиси он лично мне ставил задачу, и насчет Баку, и насчет Вильнюса. Когда начали перестройку, никто не знал, что она собой представляет. Писатель Юрий Бондарев, выступая на сессии, сказал: перестройка — что-то вроде самолета, который взлетел, но не знает, где сесть, не указан аэродром. Так и тут. Объявили перестройку, а что она означает, какой будет конец? А концом было, оказывается, разрушение Союза.

— Вы собираетесь защищаться? Каково вам вдруг чувствовать себя в шкуре военного преступника? Или уже все равно, что там надумала литовская прокуратура?

— Конечно, не все равно. Но как защищаться? Я в Вильнюсе ни разу не был. Ехать туда, доказывать, что я никого не убивал? Скажут: вы давали команду… Я давал команду, чтобы навели порядок, — а под этим можно все что угодно придумать. Мы точно знали, что в Баку и в Вильнюсе стреляли по нам. Но мы ни по кому не стреляли. За что судить-то?

(Интервью взято совместно с Виктором Баранцом.)

Помощник Горбачева Георгий Остроумов: «Модель развала СССР была заимствована у Прибалтики»

«Михаилу Сергеевичу о событиях в Литве больше сказать нечего. Он все сказал», — устало прокомментировал его пресс-секретарь очередную, миллионную по счету и совершенно бесперспективную попытку прессы добиться ответа Горбачева на вопрос — давал он команду «построить» Литву или нет?

Обозреватель «КП» Александр Гамов, который не раз брал у первого и последнего Президента СССР интервью, по моей просьбе задал ему несколько вопросов. Вот что ответил Михаил Сергеевич: «Все разговоры о том, что я там дирижировал, какой-то план осуществлял, точно так же, как и путч организовал… Ну что за дурак Горбачев? Мы программу по выходу из кризиса составили. Ее даже поддержали прибалтийские страны. Договор новый подготовили и опубликовали в газете. В партии провели пленум в июле. И на ноябрь очередной съезд назначили, чтобы реформировать. Мы вышли на широкую такую дорогу… И спрашивается, зачем же Горбачеву надо было, когда идет процесс острый, но позитивный, из-за угла стрелять то по одним, то по другим? Неужели не поняли Горбачева? Как раз знали его слабую сторону и называли это нерешительностью. Но как только где убивали людей при беспорядках — так Горбачев… Уже спустя некоторое время после всех этих событий была какая-то годовщина создания группы «Альфа». Пришла группа «альфистов» ко мне, говорят: «Михаил Сергеевич, мы издали книжку». И там все это описано. И оказывается, что, помимо решения Политбюро, Язов и Крючков договорились подтянуть силы и быть готовыми на всякий случай для удара.

— В Вильнюсе?

— В Вильнюсе. Программа написана от руки в тетради.

— А вам докладывали тогда, что стрельба у телебашни была провокацией «Саюдиса», а не делом рук советских солдат и «Альфы»?

— Мне говорили уже тогда, что это в спину стрельба была».

Помощник Михаила Горбачева Георгий Остроумов считает, что в трагедии в Вильнюсе его шеф был заинтересован меньше всего. Фото Г. Сапожниковой.

Вот такой был разговор. Ничего нового о той истории Михаил Сергеевич явно больше не расскажет.

Поэтому голосом Горбачева будет его помощник Георгий Сергеевич Остроумов, который согласился держать удар вместо своего шефа.

Репетиция ГКЧП

— Меньше всего Горбачев был заинтересован в том, чтобы в Вильнюсе произошли эти события, — решительно заявил Георгий Сергеевич, как только зашел в редакцию.

— *Разве десантники могли действовать самостоятельно?*

— Они не самостоятельно действовали! Вот какие документы были найдены после того, как Горбачев ушел в отставку: десантники ему прислали отрывки из книги Михаила Болтунова, где рассказывалось о том, что это была чисто чекистская войсковая операция. К этой операции Горбачев не имел никакого отношения. Он не давал никаких указаний и не мог давать.

Потому что это была репетиция ГКЧП. Это мое мнение.

— *Мы с вами по-разному понимаем эту «репетицию». Мне рассказывали такую историю: несколько лет назад в Беловежской*

Пуще Александр Лукашенко проводил международную конференцию, посвященную 20-летию событий распада СССР. И там был экс-руководитель ГДР Ханс Модров, который вышел на трибуну и сказал перед полным залом: «Во время августовского путча я был в Форосе рядом с дачей Михаила Сергеевича. Увидел по телевидению, что произошло ГКЧП, и подумал, что Михаил Сергеевич арестован. Вышел и побежал по дорожке вдоль дачи Горбачева и вижу, что… он спокойно с Раисой Максимовной гуляет вместе с охранниками, улыбается и смеется!» Как это прикажете понимать?

— Горбачев демонстрировал публике, что он здоров! На знаменитой пресс-конференции, где у Янаева тряслись руки, было сказано: мы предоставим вам документы, которые говорят о том, что Горбачев болен. Когда Раиса Максимовна услышала об этом, ее хватил инсульт, — зная, что такое КГБ и какие у него возможности сделать из здорового человека больного. Готовились страшные вещи. Но ни один врач не пошел на то, чтобы дать фальшивую справку о болезни Михаила Сергеевича. Горбачевские силовики и Ельцин играли одну игру. Одним нужно было запачкать Горбачева всякими насильственными акциями, а другим — его убрать. Народ еще даже не успел узнать об этих событиях, как сразу пошли демонстрации «Горбачева в отставку!»

Ельцин очень спешил…

— Вернемся к Литве. Происходят литовские события. Главнокомандующий Горбачев узнает, что, помимо его воли, был послан спецназ на захват телебашни, убиты люди. Почему он не снимает Язова, Крючкова, почему не наказывает руководителя «Альфы»?

— Когда Горбачев рано утром узнал о событиях в Вильнюсе, первым, к кому он обратился, был Крючков. Тот сказал, что таких указаний не давал. Тогда Горбачев обращается к Язову. Язов утверждает, что указание на операцию дал начальник гарнизона генерал Усхопчик, что весьма сомнительно. Борис Пуго говорил о том, что из Москвы не было приказа, чтобы направить танковую колонну к телебашне. Горбачев поручает прокуратуре это расследовать.

— Если совершаются такие действия, надо было собрать Политбюро и арестовать Крючкова и Язова прямо в кабинете. Почему этого не было сделано?

— Не все так просто, как кажется. Вспомните, что творилось на улицах Москвы. Шум стоял и вой: «В отставку Горбачева!» В

этой обстановке Михаил Сергеевич не считал возможным это осуществить.

— Если следовать вашей версии, что трагедия в Вильнюсе совершилась без участия Горбачева, который при этом не принял никаких мер, — то он совершил самую большую политическую ошибку. И заранее себе вырыл могилу, которая потом кончилась его отставкой и ГКЧП.

— Насчет могилы я бы был поосторожнее… Но в целом я с вами согласен.

Нельзя сбрасывать со счетов и ельцинский фактор. Модель развала Советского Союза — а именно то, что российские законы выше союзных — была Ельциным прямо заимствована из Прибалтики. Но вернусь к ГКЧП. Опубликовано личное письмо Крючкова Горбачеву, где он просит о встрече и кается в том, что совершил. Есть допрос Язова. И вдруг в ходе дела перелом — они начали отрицать свои показания и стали все валить на Горбачева. По этой схеме действуете сейчас и вы — пытаетесь свалить все на Михаила Сергеевича. А Горбачеву это меньше всего было надо. Наоборот совершенно: Горбачев не хотел отпускать Литву. Он рассуждал так: нужно действовать в правовом поле. К тому времени был принят закон о порядке выхода из Советского Союза. Мы должны были договориться о правах русских и русскоязычного населения, а не просто так разорвать отношения и спрыгнуть, как с подножки трамвая. Кто этому мешал? Ельцин, который очень спешил…

Прорыв или проигрыш?

— А то, что Горбачев очень тесно контактировал сначала с Рейганом, потом с Бушем и беспредельно им доверял? Понимал ли он, что американцы его переиграют?

— Две великие державы, от которых зависит судьба мира, начали говорить, доверяя друг другу, — в этом колоссальный прорыв Горбачева. А вот кто кого переиграл — это вопрос большой.

— Вокруг Михаила Сергеевича было две группы. Одна либеральная — Яковлев, Шеварднадзе. Другая — та, что была потом ближе к ГКЧП. Но Яковлев всегда был близок к Горбачеву. И несколько раз открыто говорил, что его цель была «сломать хребет тысячелетней российской государственности и уничтожить коммунистическую систему изнутри».

— Я никогда не слышал, чтобы Яковлев это говорил. Но если он это сказал, это просто дикость. Нельзя верить словам, нужно

верить документам. То, что Яковлев говорил о ленинско-сталинском фашизме, я точно помню. Мы разводили руками. Но представление о том, что Яковлев чуть ли не архитектор перестройки — это слишком большое преувеличение. Сейчас все действуют по принципу гэкачепистов: вали все на Горбачева. Это глупо, контрпродуктивно и провокационно.

«Он за это заплатил»

— Если до Горбачева дошла информация о том, что в Вильнюсе стреляли с крыш, почему он тогда не защитил «Альфу»?

— Это одна из причин, почему он не отправил в отставку Язова и никого не стал преследовать. Потому что поднялся визг и против Горбачева, и против Советской армии.

— Почему Михаил Сергеевич не обвинил в этой провокации литовские власти?

— Ему поступали самые противоречивые данные из разных источников. И он взвешивал: а что было бы, если бы там ввели президентское правление? Горбачев, не введя президентское правление, избежал гражданской войны в Литве.

— Тогда зачем он посылал туда десантников?

— Давайте скажем, что во всем виноват Горбачев, он «предатель», — как это сейчас пишут в газетках. Я это опровергать не собираюсь.

— Но его вина как политического лидера однозначна…

— Фактическая вина Горбачева во всех бедах, которые произошли, несомненна, он за это уже заплатил.

Глава 2
«Литовский синдром» 25 лет спустя

Сценарии всех ЧП на территории бывшего СССР были похожи: Михаил Сергеевич Горбачев постоянно спал и был вроде как ни при чем, армия решала вопросы по своему разумению, а мирное население исключительно пело песни, нацепив на грудь разноцветные ленточки… Но вот что интересно: в декабре 1-991-го Горбачев со сцены ушел, а спектакли на территории бывшего СССР продолжились. Особенно в той части, которая касалась ненасильственных способов свержения власти. Подозрения о том, что с самыми первыми опытами «цветных» революций мы «имели счастье» встретиться еще в конце 80-х, в виде «поющих» революций в Прибалтике, возникали уже давно. Но автор всей этой технологии, американец Джин Шарп, лично мне на таллинских улицах ни разу не встретился. А оказалось, что искать его надо было не в Таллине, а в Вильнюсе.

Аудрюс Буткявичюс: «Мы испортили русским картинку»

Выяснилось это случайно — в интервью с политтехнологом Аудрюсом Буткявичюсом, который в начале 90-х занимал в Литве должность директора Департамента охраны края и которого, кстати, называют главным режиссером той январской драмы.

Личность яркая и неординарная, по образованию — врач-психотерапевт, он в 2000 году дал весьма откровенное интервью литовской газете «Обзор», в котором признался в том, что 13 января 1991 года на жертвы среди гражданского населения пошел сознательно. О чем не жалеет: эти смерти «нанесли такой сильный удар по двум главным столпам советской власти — армии и КГБ», что те уже не оправились. «Да, я планировал, как поставить Советскую армию в очень неудобную психологическую позицию, чтобы любой офицер стал стыдиться того, что он там находится». Надо признать, ему это удалось… Потом Буткявичюс говорил, что журналистка все выдумала и даже немножко сошла с ума, но опровержения у газеты так и не потребовал.

Любимый ученик Джина Шарпа Аудрюс Буткявичюс теорию своего учителя успешно применил на практике. *Фото Г. Сапожниковой.*

Мы встречались с ним несколько раз, каждый раз возвращаясь к одной теме, — так что беседа, которую вы

прочитаете ниже, составлена из нескольких интервью. Мы ругались и ссорились, четко понимая, что навсегда останемся по разные стороны баррикад, — что, впрочем, не мешало нам разговаривать, потому что противника, тем более умного и опытного, следует уважать.

Это не было революцией!

— Как же я хотела посмотреть на человека, который видел живым Джина Шарпа!

— Не только видел, но даже был у него в гостях! В середине девяностых я работал у него целый год в Бостоне, в Институте Альберта Эйнштейна.

С Джином Шарпом и его коллегами мы начали переписываться еще в 1987 году. Я тогда трудился в лаборатории — психологических и социологических исследований в Каунасском кардиологическом институте, меня интересовала психологическая война, а он создавал технику, позволяющую использовать большие группы людей при гражданском неповиновении властям. Я в то время лез в политику, мне это стало интересно.

— Как же вы в годы тотального, как рассказывают, контроля умудрились свободно общаться с иностранцами?

— Были письма, выезжали за рубеж люди. Литовская эмиграция была достаточно большой. Первый раз мы увиделись с Шарпом уже в Вильнюсе. Он сам приехал сюда в феврале 1991 года.

— В самое что ни на есть время «поющей» революции?

— Это не было революцией. Это была еще одна волна национально-освободительного движения. После того, как Речь Посполитая была разделена, каждые 30 лет у нас были восстания. В 1795 году, в 1830-м и так далее.

— Было ли то, что мы наблюдали с 1988 по 1991-й на территории Прибалтики, изготовленной по классическому рецепту Джина Шарпа «цветной» революцией? Той, что потом повторилась в Сербии, на Украине, в Киргизии и Грузии?

— Точно нет! Мы использовали много техник, которые описывал Шарп. Но этими техниками пользовались люди в разных странах — и буддистские монахи, и студенты во время сопротивления в Чехии и Польше, и даже в разных странах Африки. Просто Шарп объединил весь этот опыт и создал стройную теорию, сделав настоящую стратегию психологической войны, когда гражданское неповиновение используется как

главное оружие. Он создавал инструмент, помогающий людям бороться против властей, за свои идеалы. Это не научный подход, а скорее религиозный.

Я был счастлив тем, что занялся этим серьезно. Имея медицинское образование с уклоном в психологию, я понял, как можно использовать идею. И что власть очень зависит от людей. Стоит человеку перестать повиноваться, как вся сила власти уходит. Научить человека не бояться, чувствовать локоть рядом стоящего — вот это была моя задача. Сам Шарп таких вещей никогда не организовывал. Он просто гениально понимал важность этого процесса. Получился совсем неплохой конгломерат: с одной стороны, люди готовы были принимать его теорию на вооружение. С другой — были книги и разработки Шарпа. И с нашей стороны — хорошая организационная сила.

«Мы переиграли Москву»

— Вы работали параллельно во всех трех республиках?

— Когда мы начинали, в Латвии и Эстонии контактов у него не было. Практически мы приняли на себя роль распространителей его идей. В 90-х годах я стал директором Департамента охраны края, потом министром обороны Литвы. Создавая департамент, я решал для себя вопрос — как действовать? Копировать стратегию большого государства или создавать смешную армию, которая будет вооружена мушкетами XIX века, думая, что сможет что-то сделать против советских войск? Для себя я ответил однозначно, что таких ошибок, которые делали наши отцы и деды, мы себе позволить не можем.

Для нас очень важно было использовать приемы психологической войны. До августовского путча в Москве использование техник гражданского неповиновения было основной нашей стратегией. У нас были небольшие вооруженные подразделения, но они были больше предназначены для того, чтобы не дать повода говорить, что Литва не сопротивлялась оккупации. Шарп был одним из самых полезных людей, которые пришли нам на помощь. Очень часто его именем спекулируют, не понимая, что он всего лишь сформулировал принципы.

— Но технологии Шарпа исключают кровь. А 13 января 1991 года в Вильнюсе кровь пролилась…

— Вы неправильно поняли. Исключается возможность использовать вооруженные силы или причинять физический ущерб. Но если идет разговор о силе моральной, психологической, экономической, финансовой — то, наоборот,

это все как раз является действенным началом. Мы достаточно хорошо знали, какие действия предпримет противник, надеясь на то, что в Литве произойдет конфликт между литовцами и русскими, и армия с целью защиты национального меньшинства придет наводить порядок. Советские структуры безопасности готовились к событиям именно по такому сценарию и пригласили в Литву иностранных журналистов засвидетельствовать правомерность использования военной силы. Но мы переиграли по-другому: убедили местных русских не участвовать в игре на стороне коммунистов. У Горбачева и его команды все было готово, кроме одного, — не появились русские, которые пошли бы на стычку с литовцами. А так как команда была уже дана, танки выехали и вонзились прямо в толпу людей, которые окружали телевизионную башню. Эту картину снимали иностранные журналисты и телевизионщики. Создавать что-либо нам было просто незачем.

— Почему же тогда вас называют режиссером тех событий?

— В действительности мы поменяли местами всего один кадр в замысле противника — не позволили местным русским участвовать в игре по сценарию Москвы и испортили им всю картинку. Вот в этом и была моя режиссура. Не я же дал команду палить из пушек в мирном городе! Я принимаю на себя ответственность только за то, что мы пользовались техникой ненасильственной борьбы в ситуации, когда люди могли погибнуть. У меня много русских друзей, которые в то время были вместе со мной. Я создавал тогда так называемый интернациональный батальон, в котором было очень много русских — 500 человек из Москвы и из Питера. Они смеялись, что я их брошу первыми против бронетранспортеров и танков. Потому что после этого я смог бы вовлечь в войну против коммунистов всю Россию. И они были правы, я бы сделал это.

Сценарии всех «цветных» революций были похожи, как и их последствия…*Фото из архива Г. Сапожниковой.*

«Стрелки были не наши»

— В суде по делу Альгирдаса Палецкиса выступали свидетели, которые подтвердили, что люди гибли не от рук советских военнослужащих. Пули летели с крыш домов, в спины.

— Бросьте вы эту чепуху. Я могу вам представить тысячу свидетелей того, что было все наоборот. Просто у Палецкиса есть какая-то группа поддерживающих его людей, которые потеряли все во время распада Советского Союза. И они теперь рассказывают ерунду. Все пули, которые были вынуты из погибших или раненых людей, находятся в материалах дела. Я, как человек, который точно знал, что будет происходить, был не заинтересован ни в каких действиях, которые помогли бы противнику доказать, что они имеют моральное, психологическое или юридическое право на нас нападать. Я могу вам ответить только за свою сторону: мы не стреляли и не имели такого намерения. Если кто-то докажет, что были какие-то стрелки, надо выяснять — чьи. Я точно знал, что будет происходить. Зная, что советская вооруженная техника готовится на выезд в город, я

докладывал об этом Совету государственной безопасности. Мы приняли решение использовать гражданских лиц. И я всегда принимаю на себя ответственность за то, что мы пользовались техникой ненасильственной борьбы в ситуации, когда люди могли погибнуть. Но такое решение было принято. А говорить о том, что с нашей стороны использовалось еще что-то добавочное, в виде стрельбы, это вообще глупость. Я вам задаю встречный вопрос: кто дал команду выезжать бронетехнике в город? Кто дал команду стрелять из танковых пушек? Это же не я делал!

— Не вы… Вы, понимая, что там может быть месиво, тем не менее отправили к телебашне людей со своими ненасильственными методами, понимая, что те могут погибнуть.

— Да. Я от этой ответственности не бегу. Скажу вам более: если бы мы применяли другую технику защиты своего государства, погибло бы намного больше. Например, если бы решили защищаться, используя старые методы партизанской войны и начали стрелять из допотопных пушек. Или если бы придумали играть в войну и солдатиков — тогда бы погибло очень много людей. В данной ситуации погибло столько, сколько погибло. И ответственность за это ложится на людей, которые выгнали в мирный город военную технику.

Армия потеряла лицо

— Совесть к вам по ночам не приходит?

— Ну ответьте на вопрос — кто, я командовал танками? Я дал приказ выводить бронетехнику? Я дал команду палить из танков и пушек? Когда я смотрел на это, я думал, что ребята в Москве сошли с ума. Так действовать можно было, только если они хотели помочь нам достичь независимости самыми быстрыми темпами. Что произошло после того, как советские войска в Вильнюсе напали на мирный город и невооруженных людей? Армия потеряла лицо.

— Но вы же в своих интервью поясняете, что это и была одна из ваших целей — подорвать два последних столпа советской власти — КГБ и армию. Значит, берете на себя долю ответственности…

— Они сами наступали на грабли везде, где только могли. Кто посылал их против людей в Праге? Или в Будапеште? Я хочу, чтобы вы поняли: в том, что мы тогда остановили здесь Горбачева и его команду, было больше заслуги ваших русских, чем нас. Надо было быть абсолютными дураками, чтобы таким образом отреагировать на происходящее. Они просто не поняли, что это

не 1956 год в Венгрии, не 1968-й в Чехии. Они не поняли, что они стоят перед камерами CNN, BBC и тележурналистов со всего мира.

— Как, кстати, вам удалось затащить в Вильнюс такое количество прессы?

— На границах стоял КГБ. Это советская власть затащила этих ребят сюда с желанием показать совсем другую картинку, чем та, которая происходила. Они хотели продемонстрировать, как происходит битва между литовскими националистами и русскоязычными. Но мы погасили этот возможный конфликт, и армия врезалась в абсолютно мирную толпу.

«Я был против всех этих понтов»

— Вы довольны тем, что стало со страной, которую вы построили?

— Понятно, что нет. Я недоволен, потому что Литва потеряла главное, за что мы боролись: независимость. В свое время, когда Литва вступала в Евросоюз, я был одним из немногих, кто говорил, что этого делать нельзя. Когда Литва старалась изо всех сил догнать европейские стандарты, принимая на себя методы, которыми пользовались европейские страны, то есть беря все в долг, мы были очень жестко против. Мы все время критиковали власть за долги, в которые влезла Литва. За то, что ничего не было построено, что не было создано ничего из того, что бы могло наше государство вывести на новые рубежи. Просто все проедалось и проворовывалось. И то, что Литва покорно слушается сейчас господ из Евросоюза, — тоже один из самых больших грехов нынешних литовских властей. Про НАТО могу сказать то же самое. Шло постоянное прикрытие словом, что нам поможет НАТО. Сама проблема безопасности откладывалась в сторону. Людям показывали четырех пьяных пилотов из Румынии, которые выполняли миссию воздушной полиции над Литвой, как великое достижение безопасности, идущее от НАТО. Да, я был против всех этих понтов, если уж так говорить. Наверное, как раз потому и не играю в сегодняшней политике.

— Но если вы так недовольны нынешним положением дел — почему бы вам как политтехнологу снова не вспомнить техники Шарпа и не использовать разноцветные ленточки? Простите мой юмор, если он вас ранит.

— Это не юмор, и он не ранит. Это совсем другая игра. Люди достаточно сильно одурачены, изменить ситуацию, не имея очень и очень больших средств, не способен никакой политтехнолог.

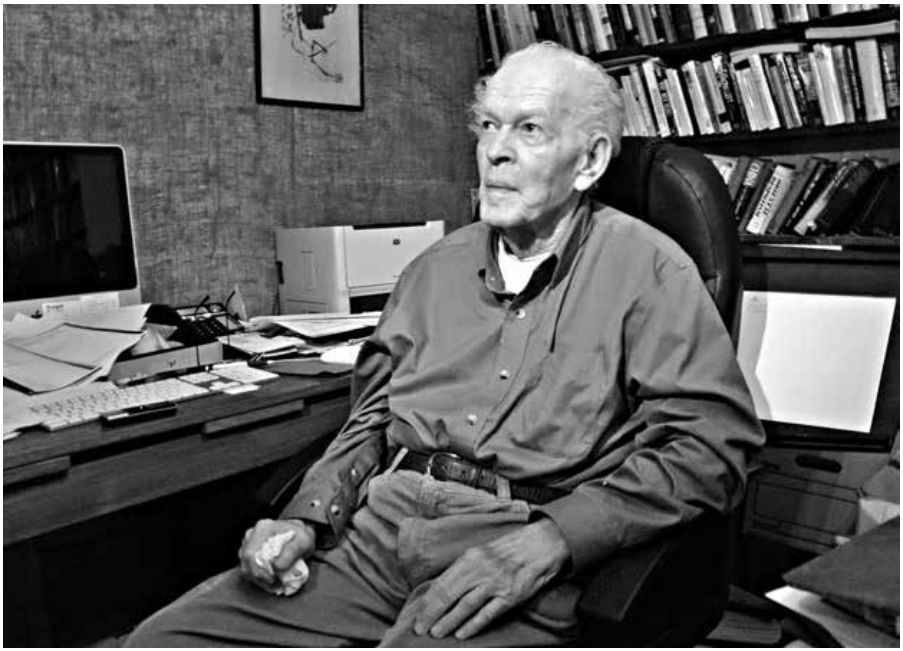
Мы потеряли тысячи самых активных людей — все те, кто мог бы участвовать в митингах и постоять за себя, уехали. Для народа, который насчитывает 3,5 миллиона, отрезать 500–600 тысяч самых лучших работников, самых авантюрных людей, которые могут браться за дело и не боятся жить в новом месте, — это много. Мы потеряли возможность их использовать во внутренних битвах в Литве. Это самое грустное.

Джин Шарп: «Прибалтика — моих рук дело»

…Можно сказать, что к этому дому на окраине Бостона я шагала много лет. С того самого времени, как увидела в первый раз «балтийскую цепочку», когда в самом конце Советского Союза эстонцы, латыши и литовцы взялись за руки, дабы показать миру, как они хотят выйти из состава СССР. Полосатые национальные ленточки бились цветными змейками на прохладном ветру. Это было искренне и красиво. Я бы даже написала, что на глаза наворачивались слезы, но только для того, чтобы сказать, что это зрелище способно вызвать такую реакцию лишь раз в жизни. На другую человеческую цепочку, которую я наблюдала в грузинском Батуми в 2008 году, через две недели после пятидневной августовской войны, и на третью, которая растянулась на Садовом кольце в Москве зимой 2011 года, глаза почему-то реагировали иначе. В первый раз, как известно, история является к нам в виде трагедии, во второй — фарса, в третий — карикатуры на однажды опробованную технологию.

Это ощущение дежавю догоняло меня еще не раз: на «оранжевой» Украине, в «розовой» Грузии и «тюльпановой» Киргизии. Сейчас о технологии ненасильственного свержения власти, которую изложил в своих трудах американский профессор Джин Шарп, знают даже школьники. 198 его методов (ношение ленточек, молитвы и богослужения, символическое «освоение» земель, голодовки, цепочки и прочее) почти каждый день передают нам приветы с телеэкранов — то из Кишинева, то из Каира, то из Киева. Вопрос: что было первым — яйцо или курица? Профессор Шарп всего лишь зафиксировал детали этого явления или навязал свою «цветную» технологию миру? Вопрос требовал ответа. Я написала письмо в американский Институт Альберта Эйнштейна. Ответ из Бостона был коротким: приезжайте.

…Грязный испаноговорящий район, по которому ветер гонял бумажки, никак не предполагал наличия в нем научно-исследовательского института. На доме, где живет профессор Джин Шарп и первый этаж которого отдан под институт, ни таблички, ни вывески. Две крохотные комнатки завалены книгами и бумагами почти до потолка. Маркс, Ленин, Махатма Ганди, книги и плакаты на всех языках — видно, что хозяин этого кабинета очень мудр и стар. Настолько, что ему требуется лупа, чтобы разглядывать монитор компьютера.



«Отец» теории ненасильственного свержения власти Джин Шарп: даже не верится, что СССР мог разрушить немощный старик… *Фото Г. Сапожниковой.*

— Я невнятно говорю, — задыхаясь, извиняется Джин Шарп, глубокий старик, который в свои (тогдашние 84 — *Г. С*) выглядит как памятник. — Но если надо, повторю для вас и пять раз, и десять.

Это и правда не помешает. О том, как с помощью его технологии двадцать с лишним лет назад разваливали СССР, можно говорить бесконечно.

Трещины на монолите

— А знаете ли вы, господин Шарп, сколько людей у нас в России умерло после развала страны? Сколько эмигрировало? Сколько погибло в межнациональных войнах?

— Неужели? — искренне удивляется он.

У него есть привычка прикрывать рукой рот, когда он говорит, поэтому кажется, что он все время охает.

— Вы основали свой институт в 1983 году. Вы тогда уже знали о том, что Советский Союз развалится?

— Нет, это невозможно было предсказать. Я, во всяком случае, не мог.

— Кто, по-вашему, разрушил СССР: Горбачев, профессор Шарп или сами русские?

— Ни одно, ни другое, ни третье. На эту тему есть эссе ученого Карла Дойча, которое называется «Трещины на монолите». Он — американец немецкого происхождения, профессор Гарварда. В этой работе, которая вышла в США в 1957 году, есть глава про тоталитаризм, я ее цитирую в своей книге «От диктатуры к демократии». Так вот: в то время, когда сталинский режим был еще в силе и контролировал всех и вся, Дойч писал, что эта система имеет проблемы, отметив 7 или 8 слабых ее мест. Я не думаю, что это эссе каким-либо образом повлияло на Советский Союз… То есть я подозреваю, что СССР развалил не Горбачев и не я. Кто такой я, собственно? Маленький человек.

— А когда вы начали наведываться к нам в страну?

— Я не силен в датах. Точно был в 1991-м и думаю, что вернулся еще через год или два. Первоначально прилетал только в Москву, побывал на двух конференциях в советской Академии наук, одна была посвящена этике ненасильственного движения, другая — его истории. У нас с собой были сигнальные экземпляры книги «Общественная оборона», которая готовилась к изданию в Принстонском университете. Мы раздали их представителям прибалтийских стран, которые и увезли их в свои столицы.

— Не можете припомнить, кому именно?

— Я всегда путаю имена. Госминистру Эстонии Райво Варе. Каким-то людям из правительства Латвии. Аудрюсу Буткявичюсу, тогда он был директором Департамента охраны края.

— Я в тот момент жила в Таллине и могла своими глазами наблюдать как саму вашу технологию, так и ее результат, не догадываясь, кто за этим стоял. А недавно прочитала в одном из ваших интервью: «Прибалтика — моих рук дело!»

— Эти три страны начали ненасильственное сопротивление сами, я тут ни при чем. За ними стояла история партизанской вой-ны — против советской оккупации, нацистской и опять — советской. И они решили добиваться независимости — ненасильственным путем, без какого бы то ни было влияния с моей стороны.

— Но как же вы друг друга нашли?

— Очень просто: они нас к себе пригласили. Но, кажется, вы пытаетесь увязать эти события с моей личностью? Это ошибка. Это связано с моими идеями, а не лично со мной. Идея как подвид сопротивления может явиться к самым разным людям, но при этом в их странах может ничего и не случиться. Если бы

прибалты были сильными, они бы, вероятно, для достижения цели применили насилие. Но они были слабыми. Их сила была в массе людей, которые думали одинаково. На самом деле идеи, изложенные в моих трудах, уходят корнями в далекое прошлое. Вы видите на стене портрет Махатмы Ганди — я многому у него научился, хотя, естественно, никогда его не встречал.

Провокация как метод достижения цели

— Вернемся в Прибалтику. Вы помните трагедию в Вильнюсе в январе 1991-го, когда у телебашни погибли 13 мирных жителей и один советский офицер и во всем обвинили Советскую армию? Это правда, что вы приезжали в Литву за несколько дней до начала штурма и давали советы литовским борцам за свободу?

— Никаких советов я не давал! Я не знаю, кто распространяет эти сплетни. Я приехал уже после того, как все произошло. А до этого встречался с ними только в Москве.

— А как вам такая теория: литовцы настолько хотели получить независимость, что решили ускорить процесс, организовав провокацию, и что за этим спектаклем стоял якобы ваш любимый ученик Аудрюс Буткявичюс?

— О нет! Я знаю его прекрасно, он никогда бы не сделал ничего подобного. Он был совершенно убежденным сторонником использования ненасильственных методов борьбы. Простите меня, но это звучит, как советская пропаганда. Советский Союз продолжает сочинять байки, чтобы оправдаться за те вещи, за которые ему должно быть стыдно.

— Но я сама читала в одной из ваших книг высказывание, смысл которого в следующем: если вы хотите независимости, вы должны быть готовы к тому, что кто-то из ваших соратников будет убит…

— Я имел в виду другое: что авторитарные и диктаторские правительства очень зависят от насилия, полицейского либо военного, иначе им свои диктатуры не удержать. Когда народное движение начинает им угрожать, пусть и используя только ненасильственные методы, не следует удивляться тому, что режим будет уничтожать людей, дабы это движение остановить. На самом деле ненасильственная борьба не означает, что вы в безопасности. Это значит, что может быть убито несколько меньше человек, чем при насилии. И меньше, чем если бы вы не делали вообще ничего. Чеченцы поступили немудро, когда сделали ставку на насилие, чтобы достичь независимости, потому что Россия мощнее. Выбирать борьбу с оружием в руках, когда

твой оппонент столь силен, не имеет смысла. Но если вы используете только ненасильственные методы, власть не будет знать, что с вами делать. Потому что, если она применит против вас силу, это вызовет немедленную международную реакцию. Иными словами: если бы чеченцы не использовали насилия, жертв было бы меньше и у них был бы большой шанс на победу.

— Некоторые считают, что события 13 января 1991-го в Литве были репетицией августовского путча в Москве. Так сказать, пробным камнем… Вы с этим согласны?

— Я в то время разговаривал со многими людьми из Прибалтики и могу сказать, что их цели были весьма ограничены — вернуть себе независимость. Более широко — развалить СССР — они не мыслили. Никогда. Тот, кто навязал вам идею о том, что в людей стреляли литовские снайперы, не знает ничего о Вильнюсе и телевизионной башне. Снайперы не могли стрелять в демонстрантов! Около этого холма вообще нет высоких зданий.

Там есть дома чуть подальше — пять этажей или что-то типа этого, но прямо рядом с башней строений нет. Люди были убиты не снайперами, а русскими солдатами. Ваше правительство иногда делает вещи, которые делать не следует, как, впрочем, и правительство США. Чтобы это признать, предателем становиться необязательно.

— Но доказательств того, что у телебашни стреляли советские солдаты, нет! К тому же там были найдены гильзы от пуль, выпущенных из оружия Второй мировой войны…

— У каждого правительства свои оправдания. И всякий раз, когда делается нечто презренное, появляется объяснение: мы, дескать, этого не делали, это сделал кто-то другой и так далее. Вы, конечно, можете верить в то, во что вам хочется. Но я возражаю против того, чтобы факты подтасовывались.

Кто у кого учился?

— Поговорим о вашей теории. Вы знаете, что иногда ее используют не в самых праведных целях? Технология-то универсальна: можно снести правительство, а можно и оппозицию.

— Ну, конечно, знаю! Люди могут объявлять голодовку, чтобы заполучить что-нибудь нехорошее. Но я думаю, что лучше объявлять голодовку, чтобы заполучить что-нибудь нехорошее, чем ради этого нехорошего убивать. В первом случае единственными пострадавшими становятся сами голодающие.

— Удалось ли вам создать систему противодействия тому,

чтобы ваши методы не использовались во вред обществу?

— Только в общих терминах. Этому, естественно, нужно сопротивляться. Ненасильственно. Есть пределы тому, что я могу.

— Что вы, кстати, чувствуете, когда революции, скроенные по вашей технологии, проваливаются? Вон на Украине благодаря вашим рекомендациям «оранжевая» революция вроде бы победила — и что? Новые демократы, которые пришли на место старой власти, стали делать то же самое, что и предыдущие правители.

— Ситуацию на Украине я не отслеживал. Но в последней части моей книги «От диктатуры к демократии» сказано так: свержение режима не дает полного решения проблемы. Те, кто делает революции, должны быть начеку, чтобы новый режим не стал диктатурой и не был похож на предыдущий. Проблема не в том, чтобы снять режим. Вы должны четко понимать, как предотвратить захват власти некой политической группой. Как удержаться от переворота, спровоцированного ЦРУ, — как это было, например, в Чили. Или в Иране, когда к власти пришел аятолла. Или в России в 1917-м, когда власть захватили большевики. Мы — единственная организация, которая сформулировала методологию, как предотвратить переворот. Кстати, тому немногому, что я знаю о методах ведения ненасильственной борьбы, я научился в том числе и у Льва Толстого. У него была теория политической силы — что тираны имеют только ту власть, которую им дает — народ. Если же народ не согласен, то диктатор власть теряет. Так что надо еще подумать, кто у кого учился, — вы у меня или я у вас.

— Вы догадываетесь о том, что ваше имя в России несколько демонизировано?

— Посмотрите, какой из меня демон! Три головы и 14 рук… Насколько я силен! Какой огромный у нас офис, сколько работников. Право, это смешно.

— Может быть, люди имеют в виду то, что вы в ответе за развал СССР?

— Это хорошая шутка! Вы думаете, я один мог развалить империю, самую большую страну в мире, с миллионами людей, огромной бюрократией, КГБ и армией? Это ерунда. Ерунда! И они приписывают это мне, старичку? Я даже ходить не могу без чужой помощи! Проблема советского общества была в том, что его третировал старик? Значит, в этом обществе были очень большие проблемы… Это ваши внутренние дела, не имеющие ко мне никакого отношения. Если бы я не родился, если бы вообще не существовал, эти проблемы были бы все равно.

«Мы никому не даем советов»

— Власти США применяли вашу технологию много раз — почему же не оценили ее по достоинству?

— Я не заслуживаю никакой оплаты, поскольку они моей методикой не пользуются. Они устроили экономический бойкот — Кубы, например. Но это то, что используется уже сотни лет. Это не я придумал. Чтобы сменить власть в Ираке, призвали на помощь военных, а не меня. Денег от американского правительства я не получал, лишь однажды непрямой грант через одного гарвардского профессора, который, в свою очередь, получил грант от Пентагона на исследование нетрадиционного способа разрешения конфликтов. У нашего института, как вы видите, нет ни здания, ни большого штата сотрудников.

Я никого не обучаю, я не учитель. Я провожу исследования, анализирую и обнародую результаты. И если людей это интересует, они могут научиться. Сюда приезжают самые разные посетители, получают книги — и ничего в их странах не происходит.

Мы никогда не говорим людям из других стран, что делать и в каком порядке. Многие приезжают сюда и просят: пожалуйста, скажите, что нам предпринять — в Венесуэле, например. Я отвечаю: «Нет. Я не знаю ситуации в вашей стране так, как вы. Но я знаю принципы ненасильственной борьбы. Мы даем вам руководство под названием «Самоосвобождение». Оно как раз и составлено для того, чтобы вы обучились тому, чего не знаете. А в сочетании с тем, что вы знаете, и умением стратегически мыслить вы составите ваши собственные планы». Книга «От диктатуры к демократии» на самом деле была написана для Бирмы. Теперь она распространена на 34 языках мира.

— Ваше пожелание будущим революционерам.

— Остановиться, подумать, поучиться и снова подумать, до того как начнете что-нибудь делать.

* * *

«Генетический анализ показал, что Джин Шарп не является отцом «цветных» революций», — записала я себе в блокнот красивую фразу. И задумалась. Живой профессор Шарп не соответствовал образу — ни по уровню достатка, ни по физическому состоянию. Он был непропорционален тому, что делал. Весь хваленый Институт Альберта Эйнштейна состоял из него самого и двух сотрудниц, которые помогали ему разгребать почту и редактировать книги. Последние стопками лежали тут же, на холодильнике. «Вообще-то словарь Джина Шарпа стоит сто

долларов, но вам мы продадим за 20», — предложили нам его помощницы голосами распространительниц «Гербалайфа». В три жилых этажа наш герой нас с фотокорром не пустил — так что мы, увы, не смогли заснять для истории, как он поливает свои знаменитые орхидеи. «Там у меня беспорядок. Это здесь я более или менее чистоту навел…» — смущенно объяснял он, оглядывая бумажные горы на своем рабочем столе, к которому он в свои 84, едва ходя, спускается каждый день, чтобы работать. Острейший ум и почти полная физическая беспомощность.

Я написала еще один абзац, почти благостный: «Вот такой он, мистер Шарп: живущий на окраине Бостона, на улице, по которой ветер гоняет мусор, работающий в кабинете, заваленном бумагами. Человек, создавший систему, которая может перевернуть мир, в конце жизни об этом пожалевший и пытающийся остановить молодых революционеров от непродуманных — действий».

Вечером пересматриваю отснятый материал и ничего не могу понять: будто закончилось действие гипноза. Как можно было так попасть под обаяние его ума, что не заметить на буклете Института имени Альберта Эйнштейна рекламный слоган: «Консультации с правительственными министрами, парламентариями и волонтерскими организациями для развития гражданского сопротивления — такого, как было в Литве, Латвии, Эстонии и Таиланде».

То есть, выходит, приложил профессор Шарп руку к «бархатным» революциям в Прибалтике — первым «цветным» на пространстве СССР?

Да, забыла ему напомнить: все-таки есть, есть возле вильнюсской телебашни высотные дома, с крыш которых могли стрелять снайперы…

Владимир Овчинский: «Руководство СССР сознательно уничтожало страну»

Парадокс заключается в том, что знаменитый криминолог, генерал-майор МВД, доктор юридических наук Владимир Овчинский всю правду о событиях в Литве знал еще в феврале 1991-го, когда в соавторстве с политологом Сергеем Кургиняном опубликовал свое знаменитое расследование «Литовский синдром», — вернувшись из Вильнюса, в который был командирован сразу же после того, что случилось у телебашни:

«Очевидно, что возможность кровопролития была заранее смоделирована со стороны советников Ландсбергиса, так как уже в момент захвата телевидения с автономных радиостанций в эфир пошли заранее заготовленные пленки на различных языках о том, что «в Вильнюсе пролилась кровь и осуществлен военный переворот».

Информация, которую журналистам спустя годы приходится добывать по крупицам, была ими собрана, проанализирована и опубликована 25 лет назад, — да только в тогдашнем демократическом угаре их с Кургиняном никто не захотел слушать.

Очередное вранье Михаила Сергеевича

— Каким образом вы оказались на месте событий в Вильнюсе, в качестве кого, и перед кем впоследствии отчитывались?

— История берет свое начало гораздо раньше, когда в стране только начались межнациональные конфликты, — с Нагорного Карабаха. Министром внутренних дел Вадимом Бакатиным во ВНИИ МВД был создан Отдел чрезвычайных ситуаций, который подчинялся напрямую оперативному управлению штаба МВД СССР и непосредственно через него — министру. Оперативное управление возглавлял Владислав Насиновский — это человек, который был одним из руководителей группы «Кобальт» в Афганистане, очень опытный оперативник. Он нас курировал в управленческом, оперативном плане. Сначала мы работали в Нагорном Карабахе, потом в Цхинвале, затем в Молдавии. Когда в 1990 году литовцы объявили о своей независимости, определенные силы внутри КПСС и правительства СССР были заинтересованы в — наличии независимых потоков объективной информации. И мы напрямую докладывали Политбюро,

председателю Совета Министров Николаю Рыжкову, председателю КГБ Владимиру Крючкову и Леониду Шебаршину, начальнику внешней разведки, тогда это называлось Первым главным управлением КГБ СССР. Таким образом я, работник милиции, совершенно неожиданно оказался включен в анализ политических событий в стране.

Знаменитый криминолог Владимир Овчинский всю правду о событиях в Вильнюсе знал еще 25 лет назад. *Фото Г. Сапожниковой.*

В Литву мы выехали под видом журналистов и работали несколько недель в 1990 году, собирали информацию среди националистических и экстремистских сил. Примерно знали, как действовали американские политтехнологи и специалисты из европейских стран, но, скорее всего, это были представители спецслужб, которые входили в НАТО. И поскольку мы работали очень активно, то попали в поле зрения местного КГБ, нас даже однажды попытались задержать, приняв за граждан иностранных государств. После этого с сотрудниками КГБ Литвы мы работали на полном доверии. И когда случились события у телебашни, погибли люди и начался шум и завывания на всесоюзном телевидении и радио, которое сразу заняло позицию литовских сепаратистов, стало искусственно формироваться общественное мнение, которое настраивало общество против вооруженных сил и спецслужб. Получалась такая картина: советские десантники напали на безоружных людей, убили 13 человек, захватили

телебашню и действовали без команды из центра… Какая-то вакханалия. С нашей группой непосредственно работали первый секретарь Московского горкома КПСС Юрий Анатольевич Прокофьев и Олег Семенович Шенин, который был секретарем ЦК КПСС. Они попросили нас срочно выехать в Литву и по горячим следам собрать материал о том, что произошло на самом деле. Мы вы-ехали вместе с независимым политологом Сергеем Кургиняном, с которым познакомились в Нагорном Карабахе, после чего стали сотрудничать в аналитическом плане.

Первое, что мы поняли: десантники работали не сами по себе, а по команде непосредственно от Горбачева и министра обороны Язова.

— То есть слова про то, что он спал и ничего не знал — это…

— Это вранье. Очередное вранье Михаила Сергеевича Горбачева. Он лично дал команду захватить телебашню. И после захвата первый доклад был именно ему — это нам рассказывали работники КГБ Литвы, которые присутствовали при том, как десантники докладывали Крючкову, Горбачеву и Язову о том, что задание выполнено. Никого они не убили из местного населения, погиб только лейтенант Шатских, которого застрелили, скорее всего, «саюдисты». То есть все это было известно с первого дня. Это во-первых.

Во-вторых: мы совершенно четко установили, что в Литве действуют резидентурные группы США, состоящие в основном из этнических литовцев, которые имели американское гражданство, воевали в различных странах в спецподразделениях, служили в военной разведке, в ЦРУ и в других спецслужбах Соединенных Штатов Америки. Но к моменту, когда они оказались в Литве, все они были уже отставниками — приехали к себе на историческую родину помогать становлению демократических начал. Придраться к ним как к агентам ЦРУ формально было нельзя. Но все же понимают, что если человек — отставной сотрудник спецслужб, то это навсегда.

Это часто применяемый прием, особенно в спецслужбах США. Так называемый спецназ Катара, который штурмовал Триполи, на 90 % был сформирован из отставных сотрудников европейских и американских спецслужб. Фактически наемников. Эти резидентурные группы уже тогда имели свои боевые группы. Они обучали людей делать коктейли Молотова, и если бы случилось настоящее вторжение, то началась бы реальная гражданская война. На территории всех прибалтийских республик были схроны с оружием, которые оставались там еще с момента действия последних «лесных братьев».

Самые законспирированные структуры были, впрочем, не

в Литве, а в Латвии, и мы об этом докладывали непосредственно руководству страны и партии. То, что погибшие у вильнюсской телебашни люди в большинстве своем были убиты снайперами из оружия, скорее всего, охотничьего, на тот момент тоже было известно.

Предательство шло сверху

— Каким же тогда, интересно, образом все перевернулось с ног на голову и виноватыми оказались спецназовцы?

— Все это было известно с самого начала. Мы приехали рано утром, идем по Вильнюсу — баррикады, дым стоит, люди с повязками ходят, проверяют документы. Ситуация, как в Гражданскую войну, какой-то революционный город… И тогда я позвонил сотрудникам местного КГБ и встретился с теми русскими, что там остались. К этому моменту уже едва ли не половина сотрудников КГБ Литвы перешла на сторону «саюдистов» — в кабинете у себя сидел только заместитель председателя КГБ Литовской ССР по фамилии Цаплин, скромный человек в очках. Цаплин как раз и дал команду своим ребятам дать все материалы, что есть, чтобы в Москве знали правду. Принесли оперативные дела, мы взяли фотографии американских резидентов, которые руководили тамошним сопротивлением. Эти фотографии потом были опубликованы в «Московской правде».

Самое главное для нас было установить, что десантники действовали по указанию Горбачева, что должно было быть введено прямое президентское правление, которое введено так и не было, а из Полибюро ЦК КПСС для Комитета национального спасения должна была поступить команда, которая так и не поступила. Что никого из гражданских при штурме телебашни и телецентра не убили, все люди убиты были снайперами «саюдистов» или агентурой западных спецслужб. Что на территории Литвы активно действовала сеть американской и натовской резидентуры и вся эта ситуация развивалась по книгам Джина Шарпа.

— Это вам уже тогда было известно?

— Конечно. Я эту фамилию знаю с конца 80-х годов, как только начал заниматься всеми этими историями.

— А почему, если вы все знали, вы не смогли противостоять его технологии?

— Мы все это докладывали. Единственный человек, который пошел на легализацию этих материалов, был Юрий Анатольевич Прокофьев. Он нам сказал: «У меня у самого в горкоме партии

бунт, люди верят литовцам и тому, что показывает телевидение». Тогда он собрал партийный актив в огромном зале в здании горкома партии и попросил выступить Кургиняна, меня и еще некоторых товарищей. Нас не отпускали, наверное, часа два, мы в подробностях рассказывали все свои впечатления и по Литве, и в целом по Прибалтике. Тогда кто-то из бюро встал и сказал: я предлагаю, чтобы все это было опубликовано в «Московской правде». Так мы написали статью «Литовский синдром». Все это вышло в двух статьях большим тиражом и было положено на стол Горбачеву, всем членам ЦК и правительству. Потом мы все это еще раз повторили на заседании президиума Совмина СССР. А то, что было секретно, доложили лично Крючкову как председателю КГБ. Все, что можно, мы сделали. Но что можно было сделать, если предательство шло с самого верха, если целью Горбачева и Яковлева было отпустить прибалтов?.. Я считаю сейчас, что вся эта операция по взятию телебашни была инсценировкой для того, чтобы дать возможность прибалтам уйти. Когда Союз хотят закрепить, действуют, как в Венгрии, как в Чехословакии. Я не буду сейчас давать оценку, хорошо это было или плохо, но это — часть нашей истории. Но когда хотят получить обратный эффект, действуют так, как действовали Горбачев и Яковлев. То, что произошло в Литве, — это микроГКЧП, тот вариант провокации, который позволил отделить Литву, а потом в целом всю Прибалтику от СССР. Поэтому, если бы даже в тот момент пришел какой-нибудь руководитель из ЦРУ и сказал, что будет на нас работать, — все равно ничего нельзя было сделать, потому что руководство СССР сознательно уничтожало партию и страну, которую представляло.

Машина по развалу СССР

— Это вы и имели в виду, когда писали в своей статье, что в Литве отовсюду торчали «уши» ЦРУ и наших спецслужб?

— Да. Что такое Народные фронты Латвии, Эстонии и литовский «Саюдис»? Покойный Борис Пуго, который, по официальной версии, покончил с собой, будучи министром внутренних дел, лично мне это говорил (у меня с ним были очень прямые доверительные отношения). Я его спросил: товарищ министр, а как получилось так, что вы, будучи председателем КГБ Латвии, допустили, что у вас в республике появились Народный фронт и националистические, профашистские структуры? И он мне рассказал, что, когда он был первым секретарем, у него ничего подобного в республике не было, но Михаил Сергеевич

вызвал его в Москву и спросил: «А почему у тебя не идут демократические процессы? Вот в Литве есть «Саюдис», в Эстонии Народный фронт, даже в Москве есть свой Народный фронт, а у тебя никакого демократического движения нет. Помоги этим процессам». И Пуго стал помогать. Он вызвал к себе всю агентуру, которая работала в искусстве и в науке, и стал им говорить, что надо создать такой же фронт, как у эстонцев и у литовцев. Все отнекивались, никто не хотел это делать, один вообще упал на колени, чуть ли не ноги ему целовал — зачем ты, дескать, Борис Карлович, хочешь меня погубить? «Мы сейчас все создадим, выведем людей на улицу, а вы нас потом арестуете, а может, еще и расстреляете». То есть все Народные фронты изначально создавались через пятые управления КГБ СССР и КГБ в республиках. Все до единого! Потом весь процесс был перехвачен резидентурой и агентурой США и натовских стран и местными националистами. Процесс был запущен, а те, кто все это начинал, смещены и скомпрометированы. В Литве уже опубликована агентурная карточка Казимиры Прунскене. Как бы она потом ни оправдывалась, что это-де было не активное сотрудничество, как политический лидер была сожжена… Это было предательство внутри КГБ самой Литвы. Поэтому я и говорю, что это был обоюдный проект — как наших спецслужб, так и зарубежных. Никакой бы демократической революции в СССР не было, если б Горбачев и Яковлев не запустили машину по развалу КПСС.

Глупость или подлость?

— Каким образом план операции, намеченной на 12 января 1991 года, оказался на столе у Ландсбергиса?

— Ему его передал непосредственно Яковлев.

— Доказательства?

— Таковы: когда я совершенно секретную записку, лично написанную после событий в Нагорном Карабахе, направлял через руководство МВД лично Яковлеву, эта записка оказалась в руках и армянских националистов, и азербайджанских. А когда я докладной запиской доложил о фашистских структурах в Латвии руководству страны, то руководство МВД дало команду меня уволить из органов. Я каким-то чудом остался.

— Повышение цен, которое произошло в Литве прямо накануне событий, тоже было частью сценария?

— Думаю, это была общая экономическая вакханалия. Главный элемент был — ввести войска, провести силовую акцию, убить людей и свалить это на десантников. И всех, кто

сомневался, сделать противниками СССР. Эта задача была выполнена в результате той провокации, которую организовали Горбачев с Яковлевым и те, кто им помогал в наших спецслужбах.

— В чем еще вам как профессионалу была видна отрежиссированность ситуации?

— Мы не проводили официального расследования — таких полномочий не было. Мы встречались с людьми в литовской компартии и в КГБ, с теми, кто занимался политическим анализом, — все были в подавленном состоянии. Но общее мнение было таково: команду на штурм телебашни дал лично Горбачев, но потом от этого отказался, подставив всех людей и сделав из них фактически преступников, десантники никого не убивали, а те, кто был убит из литовцев, были убиты снайперами или сотрудниками спецслужб зарубежных стран. Так же как в 1993-м — никто из «белодомовцев» вроде бы не стрелял по работникам милиции, но… кто-то же стрелял! Моему однокурснику тогда прострелили легкое из снайперской винтовки — он инвалидом остался на всю жизнь. Выстрелили в спину, со стороны Кутузовского проспекта, а он стоял в оцеплении у «Белого дома». В Вильнюсе была такая же методика. Стреляли по людям, чтобы потом свалить всю вину на «Альфу» и десантников. Точно так же, как во время тбилисских событий: погибшие были задавлены в давке, а распространили слух, что были убиты саперными лопатками. Ни одной смерти от саперной лопатки там не было, это все был вымысел грузинских националистов. Людей не надо было разгонять, никто ничего не делал. Это Горбачев дал команду.

— От глупости или от подлости?

— Он все делал сознательно и специально провоцировал ситуацию. Никакая это не глупость, он очень умный человек.

— Тогда постарайтесь мне, пожалуйста, объяснить, что было с нашим обществом — что оно это проглотило, не подавившись?

— Наше общество было нормальным. Когда во время ГКЧП я с семьей находился в Анапе, я видел, какой была реакция людей. Когда объявили о ГКЧП, народ ликовал и говорил — наконец-то… Потом меня вызвал в Москву Борис Пуго, и я видел реакцию людей в аэропорту — все говорили, что наконец-то наводят порядок после этого вселенского горбачевского бардака. Никто ж не знал, что это очередная провокация, организованная самим Горбачевым. Большинство людей в марте 1991-го проголосовали за единство Советского Союза. А потом три преступника подписывают филькину грамоту о том, что разваливают эту страну. А изменники, которые сидели в Верховном Совете РСФСР, фактически единогласно все это приветствуют. Поэтому не надо

все списывать на народ — народ все прекрасно понимал, все сделала какая-то кучка предателей, которая оказалась на радио, на телевидении и в печатных СМИ.

Это было не кино…

— Почему вы не продолжили эту тему?

— А где и с кем? СССР уже не было. Я убегал из Вильнюса с фотографиями, которые передали мне литовские кагэбэшники. Через четыре года зампредседателя КГБ Литвы Цаплин был убит. Мой товарищ, который передавал мне документы, был на — нелегальном положении и долго скрывался. Потом его объявляли в розыск. Я не знаю его судьбу, он исчез. Его бросило и наше российское ФСК, потом ФСБ… Таких людей много по всем республикам. Когда он привез мне в привокзальный ресторан документы — выписки из оперативных дел, которые я потом передал Крючкову, — мы увидели, что находимся фактически в кольце «саюдистов». Тогда мы перезаказали еду — это такой психологический эффект, рассчитанный на психологию хуторян: если заказали, значит, не собираемся уходить. Я пошел в туалет и выпрыгнул через окно со второго этажа. Перебежал площадь и уехал с документами.

— И что нам, скажите на милость, теперь делать с этой вырвавшейся на поверхность правдой?

— Такая правда существует не только по Литве — по любому государству в пространстве бывшего СССР. Поднимите альтернативный доклад, который мы вместе с Кургиняном готовили по тбилисским событиям, или альтернативный доклад по Карабаху. Для меня литовские события не главные, это просто один из эпизодов той трагедии, которая произошла с уничтожением СССР. Погибли люди? Но после этого в межнациональных этнических конфликтах на пространстве бывшего СССР погибла масса людей. Никто ж не говорит, что в результате резни в Таджикистане, когда произошла так называемая исламо-демократическая революция, поддержанная Ельциным и его окружением, погибло 150 тысяч человек. Я называю точную цифру: мой личный друг Тимур Рахимбаев сначала был заместителем министра внутренних дел Таджикистана, позже стал начальником Ходженского УВД, и потом был взорван в самолете над Эмиратами вместе со всем ходженским кланом. Это не 13 литовцев, застреленных самими литовцами. Это тысячи людей, вырезанных в Киргизии. Это тысячи погибших в Чечне… Что вспоминать о Литве, когда такие

трагедии произошли на территории России? Я никогда не забуду те выжженные поселки, которые видел сразу после боевых действий между осетинами и ингушами, когда был помощником первого заместителя министра внутренних дел и мы летели на вертолете. Трудно поверить, что это было не кино… Это все одна цепь измены и предательства, которое совершили руководители нашей страны.

* * *

…Это интервью требовало осмысления. На вопросы, которые поставил Владимир Овчинский, мог ответить только один человек — Эдуардас Эйсмунтас, председатель КГБ Литвы с 1987 по 1990 год. И я его нашла, чтобы спросить: «Неужели спецслужбы ничего не знали о том, что в конце 80-х здесь работали американские политтехнологи? И «цветная» революция, которая тогда называлась «поющей», готовилась совершенно открыто?»

Вот что он ответил:

— Все видели и знали, но что мы могли сделать, если эмиссары приезжали через Москву? Все денежные средства тоже шли из Москвы. Местное КГБ было полностью беспомощным. Не Литва начала движение за демократизацию. Все тлело, но было под контролем. Но вот пришел великий реформатор Горбачев, и началось… Открыли все двери и окна: сюда хлынули эмигранты и разведчики, поплыли деньги. А еще приезд этого хромого агента американской разведки Александра Яковлева, который явно дал понять: делайте что хотите. Все поняли, что можно не ограничиваться демократизацией, а говорить о выходе из СССР. Сколько я ни писал, сколько ни докладывал Крючкову — вижу: процесс неуправляем и ничего нельзя сделать. Договорились с коллегами — председателями КГБ из Латвии, Эстонии и Молдавии — поехать в Москву доложить обстановку вместе. Нам говорят: без паники, все под контролем… Я вернулся, подал рапорт и ушел в отставку. Действовать против закона я не хотел и не мог. Не Прибалтика виновата в развале Советского Союза, а Горбачев и его команда. Так что в январе 1991-го я сидел дома и смотрел телевизор. Никто меня не информировал — я бы отговаривал от этого штурма, если бы знал. Вмешивать армию в это дело было полнейшей глупостью. Какой дурак дал команду брать телебашню? Можно было просто отрубить кабель — под Каунасом находилась сильнейшая в Европе перехватывающая радиостанция, откуда можно было транслировать передачи не

только на Литву, но и на Латвию с Эстонией.

Действительно…

Глава 3
А потом позвали Деда Мороза…

Каждый Новый год в Литве начинается с того, что дети рисуют танки, — всю неделю перед годовщиной январской трагедии. Можно сказать, что и сама вильнюсская телебашня стала местом культовым, иллюстрацией к самой героической странице современного литовского эпоса. Официально утвержденная версия всех устраивает, потому что на ней выстроена вся государственная идеология. Боже упаси случайно забыть про траурную дату в календаре — заклюют, как несколько лет назад Валерия Гергиева, у которого аккурат на этот день был назначен в Каунасе концерт. Маэстро был немножко потрясен, конечно, пикетами против музыки у входа в концертный зал, но концерт не отменил и даже, как человек вежливый, выразил со сцены соболезнования. После этого в Литве задумались над следующим: а имеют ли право русские вообще праздновать старый Новый год в то время, как вся остальная Литва скорбит? Лично наблюдала, как посетители одного вильнюсского ресторана, пришедшие 13 января поужинать и хорошо провести время, дружно отодвинули вилки и салаты и послушно встали по команде ведущего, чтобы замереть в минуте молчания. А потом весело позвали Деда Мороза…

Скорбеть, собственно, никто и не против: погибли 14 человек, большинство из них — молодые люди, поддавшиеся призывам Ландсбергиса идти защищать свободу и поверившие заверениям Буткявичюса о том, что стрелять будут только холостыми. Дело не в жертвах литовской «небесной сотни», а в виновниках их смерти. Легенда о «советской агрессии» прочно впаяна в новейшую литовскую историю, а тема телебашни в Литве абсолютно сакрализирована: ей посвящены уроки памяти, в честь нее организовываются спортивные соревнования, разжигаются костры на площадях и устраиваются выставки детских рисунков. Из нескольких сотен цветных картинок, вывешенных на уличных стендах около литовского музея жертв геноцида — с бесчисленным множеством танков, телебашен и страшных советских людей в серых шинелях, — сердце царапают две: советский солдатик утаскивает у литовского мальчика деревянную лошадку. И на вильнюсскую телебашню наезжает танк не с советским, а с российским флагом… Ошибки никто не исправляет — в колею, которой Литва решила следовать в светлое будущее, это прекрасно укладывается.

Отобрать у народа такой повод для объединения национального духа было бы неправильно. Проще было дискредитировать источник смуты, коим и стал для Литвы оппозиционный политик Альгирдас Палецкис.

На детском рисунке, посвященном январской трагедии 1991 года, Литву атакует танк с… российским флагом! В истерию по поводу будущей российской агрессии, которая поразила Европу несколько лет назад, включили даже литовских школьников. *Фото Г. Сапожниковой.*

Собственно, ничего нового он не изобретал — он лишь повторил мысли, которые были уже озвучены в печати другими. Но шум вышел страшный. Палецкиса стали судить за «отрицание советской агрессии». Первый суд в январе 2012 года он выиграл. Но возмущенные защитники телебашни написали судье письмо с требованием покарать отщепенца. Этих людей тоже можно понять: за свой подвиг они давно получили медали, пенсии и наделы земли. Двадцать лет рассказывали детям и внукам о том, как победили страшного советского дракона. А теперь получается, что дракон был не таким страшным, как его малевали, и дышал не огнем, а стариковским тленом. И суд второй инстанции за эти несколько неправильных слов («Как теперь выясняется, свои стреляли в своих») назначил Альгирдасу Палецкису штраф в 3 тысячи евро. Из Европейского суда по

правам человека в Страсбурге, куда он направил жалобу, ему ответили: «Вопрос маловажен», продемонстрировав тем самым отношение как к свободе слова, так и к самой Литве.

Поэтому разбираться в этой мутной истории четвертьвековой давности будут те, кому это действительно важно, — литовцы и россияне.

Альгирдас Палецкис и инквизиция XXI века

До того, как Альгирдас Палецкис произнес в эфире радио свои знаменитые 7 слов, примерно об этом же напрямую говорили в своих книгах минимум три человека: Юозас Куолялис, Витаутас Петкявичюс и Валерий Иванов.

Почему же столь бурно отреагировали именно на него?

Причина кроется в фамилии. Писатель Петкявичюс уже умер, пенсионер Куолялис отпраздновал 85-летие, дважды отсидевший Иванов носит фамилию Иванов — и этим все сказано. За ними никто не пойдет. Они не опасны. И тут на сцену выходит молодой и яркий продолжатель знаменитого рода Палецкисов, дедушка которого включал Литву в состав СССР, отец был евродепутатом, а в советское время — дипломатом и журналистом, поэтому будущее самого Альгирдаса было известно еще до его рождения. Блестящее образование, четыре абсолютно свободных иностранных языка, прекрасная карьера в литовском МИДе, загранкомандировки и все, что полагается иметь представителю политической элиты. Все, кроме убеждений, которые совершенно не вписываются в современный литовский ландшафт. Звучит как анонс плохого кинофильма, но это правда: насмотревшись на дипприемы, избравшись в сейм, потрудившись вице-мэром и получив две государственные награды (французский орден Почетного легиона и орден «За заслуги перед Литвой», которого его впоследствии лишили), в районе своих 35 лет человек приходит вдруг к выводу, что мир устроен несправедливо, а «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно». Уходит резко влево из партии социал-демократов, произносит давно забытые слова про социальную справедливость и даже организовывает собственную партию.

Что ж, призрак левой идеи, ставший особенно актуальным во время мирового финансового кризиса, по Европе бродит уже несколько лет, но никто не думал, что он может материализоваться в стране, которая последние двадцать лет с энтузиазмом неофита освобождается от всего коммунистического. Но он материализовался — в виде молодого Палецкиса.

В январе 1991-го у него — тогдашнего студента университета — тоже не было никаких сомнений по поводу того, кто виноват в том, что произошло у телебашни. Советская армия, конечно… Что же должно было случиться, чтобы спустя двадцать с лишним лет его мнение стало перпендикулярным общественному?

— Откуда взялись такие убеждения на фоне абсолютно «правого» информационного фона?

— Я шел сначала по стопам отца, дипломатия казалась мне спокойным и уютным заливом. А мне хотелось плыть и быть в гуще событий. Поэтому было принято решение уйти из литовского МИДа. Одним из главных мотивов было то, насколько глубока социальная несправедливость и неравенство в Литве после стольких лет независимости. Люди недостойны той жизни, которой они сейчас живут.

— Что лично вам запомнилось из событий января 1991-го?

Литовский политик Альгирдас Палецкис, которого осудили за фразу, сказанную в прямом эфире радио, привел в суд 12 свидетелей, которые подтвердили его версию событий, а не официальную. Но на приговор это не повлияло. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Мне было 20 лет, я был студент Вильнюсского университета и дитя эпохи гласности. Конечно, на меня самого тоже действовала пропаганда Ландсбергиса, тогдашнего лидера националистов, который умело манипулировал образом России, Советского Союза как извечного врага Литвы. Мы все наивно верили, что перестройка — это мост в новое суперобщество из

общества застойного. И когда в Литве началось национальное пробуждение, были абсолютными романтиками. Но так как мой отец был одним из лидеров литовской компартии, я знал чуть больше — о том, какая борьба за власть началась в верхах. «Саюдис» из патриотических сил очень быстро стал националистическим. Началась «охота на ведьм», нашу семью тоже терроризировали. И к 1991 году у меня появился ко всему этому иммунитет. Может быть, именно поэтому в отличие от многих литовцев я и не подвергся этому массовому психозу, и к телебашне не пошел, посмотрел только, что происходит у парламента, и решил пойти готовиться к экзамену. И потом вдруг выстрелы, шок и злость на то, что происходит, и на тех, кто это делает. Этот стереотип — что советские солдаты убивали литовцев, граждан Литвы — оставался на долгое время.

— Конкретно у вас или у общества?

— Я вырос в семье советского литовского дипломата, и мое детство прошло в ГДР, в советской школе. Подростком пару лет жил в Москве. Поэтому, будучи литовцем, я был интернационалистом. Но в Литве обстановка давила, ко всему русскому и советскому у литовцев появилось негативное отношение. Позже, когда новые власти провели приватизацию и население обнищало, начали появляться большие сомнения.

— Иллюзии по поводу демократии рассыпались на фоне общего разочарования в капитализме?

— «Саюдис» изначально назывался движением в поддержку перестройки и социалистического обновления. Но когда его возглавил Ландсбергис, движение стало резко уходить вправо, в национализм. Я это видел и по своей семье, по нападкам на дедушку, который к тому времени уже умер. В «Саюдисе» был настоящий психологический террор, который прикрывался борьбой за независимость и демократию, а реально являлся банальной борьбой за власть. Среди его лидеров было много перевертышей, что разочаровывало в движении, которое начиналось хорошо, — за перестройку, против привилегий, но уже в 1989 году перешло в чистый национализм, русофобию и пещерный антикоммунизм.

Закон с обратной силой

— Наверняка наутро после событий 13 января 1991 года почти ни у кого не было сомнений в том, что все было так, как говорил Витаутас Ландсбергис. Через сколько лет начала просачиваться другая информация?

— Все были шокированы и приняли эту версию как истину. По телевизору показывали кадры убитых людей — несмотря на то, что не было ни одного кадра, как кого-то переезжает танк или конкретно убивают советские солдаты, только как они прикладами пробивают себе дорогу, — все равно это воздействовало на психику.

Первым начал сомневаться писатель Витаутас Петкявичюс — очень известная, колоритная фигура «Саюдиса» и перестройки. Он написал книгу воспоминаний «Корабль дураков», где развенчал многие мифы о Ландсбергисе, о «Саюдисе» и о 13 января, первым заявив о том, что пули-то были охотничьими и что все было задумано и сделано Ландсбергисом и Буткявичюсом, тогдашним директором Департамента охраны края. Была целая серия его интервью в прессе, но им решили не придавать значения, сослались на то, что Петкявичюс человек старый, что-то явно напутал. Но это был бестселлер, он разошелся мгновенно. А в 2010 году появилась книга Юозаса Куолялиса, политзаключенного, отсидевшего несколько лет в литовской тюрьме вместе с другими лидерами Компартии Литвы, которая осталась на платформе КПСС. Это были политические заключенные, им вменили в вину, что они работали на другое государство.

— Это в 1990–1991 годах, когда Литва фактически была признана только Исландией и жила на деньги СССР?

— Именно. Когда Юозаса Куолялиса судили, он получил доступ к материалам литовской судебной медэкспертизы, в которых черным по белому было написано, что из 13 гражданских жертв 5 или 6 убиты охотничьими пулями, выстрелами сверху вниз под углом 50–60 градусов. И тут никто не может сказать, что это происки врагов, это же была литовская судмедэкспертиза! Вопрос: кто стрелял из охотничьих ружей и винтовок — Мосина сверху вниз? Если бы советские солдаты, то, во-первых, это были бы пули от автомата Калашникова, а во-вторых, поражения были бы фронтальными. А судебная экспертиза установила, что пули прошли через шею вниз. В этой же книге, которая называется «Дело на стыке двух столетий», Куолялис написал о том, что читал в судебных документах показания свидетелей, которые видели, как какие-то лица в спортивных костюмах вели пальбу вниз по толпе с крыш 5-этажных и 9-этажных домов. Эту книгу в Литве тоже старались замолчать. Она вышла в 2010 году, тогда же, когда приняли закон, запрещающий отрицание советской оккупации и агрессии в 1940 и 1991 годах.

Общий враг

— А какие к вам-то могли быть претензии? Вы же вроде бы только повторили то, что сказали другие?

— Будучи вице-мэром Вильнюса, я сам столкнулся с живыми свидетелями тех событий — людьми, которые живут рядом с телебашней и которые мне сами рассказывали про провокаторов, которые стреляли с крыш, и о том, что какие-то рослые ребята говорили им — не бойтесь, идите к танкам, там холостые патроны. Хотя многие шли туда и по собственному рвению — нельзя отрицать, что был всплеск национальных, патриотических эмоций, которые были использованы против самой же Литвы. В ноябре 2010 года я получил приглашение принять участие в радиопередаче о проблемах Литвы: о том, где истоки нищеты и неравенства. И когда один из гостей начал говорить, что «Саюдис» якобы всех нас спас, я решил напомнить ему, что все было не так просто. И привел в пример события 13 января 1991-го, сказав слова, которые ввергли в панику почти всю литовскую элиту. После этой передачи члены сейма и правящей партии подали на меня заявление в прокуратуру. И против меня было возбуждено уголовное дело по факту отрицания и умаления агрессии СССР против Литвы и оскорбления жертв. Хотя кто такие «свои», было вопросом спорным: тогда был фактически еще Советский Союз, национальных паспортов литовцы не имели. Даже Ромуальдас Озолас, правая рука Ландсбергиса, написал потом в своих воспоминаниях о том, что цинизм Ландсбергиса беспределен, — почему он так быстро похоронил эти жертвы? Почему не провел до конца расследование: кто убил, как убил, при каких обстоятельствах? Почему не выяснено, кто были эти подстрекатели, которые звали людей к телебашне, зная, что будет стрельба? Получилось, люди погибли обманутыми — ведь их звали на «поющую» революцию и говорили, что будут стрелять холостыми. Но никого это не заинтересовало, коллективную ответственность возложили на Советскую армию, написав в обвинительном заключении, что советские солдаты умышленно убили людей. Что самое обидное — ни один из лидеров «Саюдиса» сам у телебашни не был. Они все сидели в забаррикадированном Верховном Совете. Ландсбергиса ждал самолет, пилот был готов его вывезти из Литвы. Пилотом самолета был Роландас Паксас, будущий президент Литвы, которому Ландсбергис потом организовал импичмент. Вот такая ирония судьбы.

— Чего вы лишились после этого громкого скандала? Друзей, работы?

— Лишился или обрел — это философский вопрос, никогда не знаешь, что будет в финале. Я не думал, что власть будет

настолько глупа, что начнет преследование. Конечно, я лишился некоторых сподвижников, которые не смогли пройти через это испытание. Семья выдержала, хотя и отец, и брат от меня отмежевались. Но я могу их понять: то, что я сказал, для Литвы слишком сложно. Из событий 1991 года политиканы сделали религию. Это стало догмой: русские убивают литовцев, Россия — вечный враг, а Литва принадлежит Западу, который всегда демократичен, — и кто в этом сомневается, должен сесть в тюрьму. Поэтому пущены миллионы, если не миллиарды денег на создание этой версии. Когда я сказал, что «земля вертится», — в том смысле, что «свои стреляли в своих», — началась инквизиция XXI века.

— Вы бы хотели, чтобы той фразы в вашей жизни не было?

— На этот вопрос ответа нет… Это дало результат: Литва начала очищаться от некоторых идеологических штампов. Я надеюсь, что те слова, которые стоили мне столь дорого, все-таки дадут импульс для нового понимания патриотизма: правда, даже горькая, лучше, чем сладкая ложь. Настоящий патриотизм — это независимость от предубеждений. Официальная версия очень удобна для теперешних властей, чтобы оправдывать свои экономические неудачи. Есть враг — царская Россия, Советский Союз, сейчас путинская Россия, — который всегда вредит Литве и всегда во всем виноват. И как только в Литве возникают какие-то экономические проблемы, сразу включается кнопка русофобии и антикоммунизма. И люди снова сплачиваются, потому что у них есть общий враг.

Следуя этой логике, литовцы должны были точно так же сплотиться и сейчас, поскольку новый общий враг — Альгирдас Палецкис — покусился на святая святых. Но жизнь пошла не по задуманному сценарию. Потому что тот привел в суд еще 12 свидетелей, которые подтвердили ЕГО версию событий, а не официальную.

«Все свалить на русских, и сойдет»

…Ума не приложу: как суд по делу о «советской агрессии» 13 января 1991 года, с которого в Литве начался 2016 год, будет разбираться с показаниями свидетелей, коих тысячи?!

В первое время, когда я только начала записывать интервью о событиях той январской ночи, я думала, что буду писать классическое журналистское расследование о том, что в действительности происходило у вильнюсских телебашни и телецентра. Начала опрашивать свидетелей и сломалась — в их версиях советские танки множились в геометрической прогрессии и давили десятки, нет, даже сотни людей! Солдаты и офицеры будто бы были «обкуренными» (термин, который вообще-то пришел к нам в циничных 90-х, но никак не на исходе целомудренного в этих вопросах СССР. — *Г. С.*). Память одних записала, как лейтенант в советской форме будто бы расстреливал строй литовцев в живот, у других в толпе защитников стояли Ландсбергис и Буткявичюс, которых там точно не было, у третьих взрывались и убивали дымовые шашки… Что поделать: человеческие эмоции, наложенные на время и количество пересмотренных телепередач, могут дать самый поразительный результат.

И я это занятие бросила — пусть детали трагедии по крупинкам восстанавливают историки и прокуроры. Эта книга о другом — о той Литве, которая выросла на обломках конструкции, обрушившейся 25 лет назад, и о механизме политических репрессий, который включился там на удивление быстро. Чуть ли не в тот самый миг, когда на башне Гедиминаса взвился национальный литовский флаг.

Но вот вопрос: что делать с показаниями свидетелей, которых привел на свой суд Альгирдас Палецкис, — тех, кто запомнил картинку, которая не вписывается в отредактированный цензурой сюжет? Шансов заявить о себе в литовской прессе у них нет по той простой причине, что согласно закону об отрицании советской агрессии, отрицать эту самую агрессию нельзя, даже если ты лично сам наб-людал картину прямо противоположную.

Кристина Брадаускене, математик-программист:

— Услышав призыв Ландсбергиса защитить телебашню от захвата и узнав, что людей к ней свезли со всей Литвы, мы с — подругой сварили две кастрюли горячей еды и поехали кормить защитников. Атмосфера там была почти дискотечной — ровно до того момента, пока ребята из охраны края не сообщили, что танки движутся в нашу сторону, и не попросили нас взяться за руки.

Потом мы услышали гул тяжелой техники и увидели, как со стороны жилых домов на полянку начали подниматься бэтээры и танки. Танкисты были виртуозы — я ужасалась, когда они на большой скорости ехали в направлении толпы и умудрялись останавливаться буквально в полуметре, и только инерция выдавала, какая у них была скорость. Я видела выстрелы, доносящиеся с дома напротив, они были видны в ночи, потому что стреляли трассирующими пулями. Если бы это были советские солдаты и нас давили бы танками — жертв было бы намного больше.

Павел Лагодный, бывший военный:

— В тот день Ландсбергис целый день выступал по телевидению и радио. Сам сидел в подвале, но призывал, чтобы все бежали к телебашне. Я тоже пошел посмотреть и видел, что начали стрелять с пятиэтажного дома номер 37 на улице, которая теперь называется улицей 13 Января. Были вспышки и падали люди — то ли они так прятались, то ли были ранены-убиты. На второй или третий день после событий я пошел в поликлинику. Иду и вижу столпотворение детей. Смотрю: у них сумка с гильзами. Я сам держал в руках гильзу от пули 16-го калибра, выстреленную, от ППШ с круглым диском, они были еще в войну и оставались на вооружении в армии до начала 50-х, современная армия их не использовала. Видел там и гильзы от винтовки Мосина. Жалел потом, что не взял. Хотя… Ну показал бы я сейчас суду эти гильзы — кто бы мне поверил?

Болеславас Билотас, бывший член «Саюдиса»:

— Я прекрасно помню, как и когда поднялся лозунг освобождения от русского гнета. Надо было освободиться от тех военных гарнизонов, которые здесь стояли, и сделать, чтобы народ восстал. Чтобы он спохватился и сказал: мы не хотим русских! А как это сделать, если это нам вообще не мешало: мы даже не разбирались, кто русский — кто литовец?

Что происходило у телебашни, я до самого следующего утра не знал. Пришел в штаб «Саюдиса», а Витаутас Петкявичюс вслух говорит: свои стреляли в своих вчера. Я говорю: так ведь это же будет международный скандал! Москва узнает, пришлет комиссию и армию, и мы все через пару дней окажемся в Сибири! А он говорит: кто в этом бардаке разберется сейчас? Все свалить на русских, и сойдет…

Похороны были созваны пышнейшие, собралась вся Литва, людей было очень много, настроение было не антисоветское, а антирусское. И мы у себя на бюро были даже довольны тем, что пролилась наша литовская кровь от русской руки. Мы могли требовать: «Русские, вон из Литвы!» Так и было: они собрались и

уехали без единого выстрела. А мы остались.

Мы тогда договорились, что самое лучшее — молчать и не распускать языков. И если бы на суде меня не спросили — я и сегодня ничего бы не сказал. Я считал, что это честь моей родины, потому и не разглашал. И я чувствую за это беспокойство на душе, потому что вижу, что Палецкиса судят ни за что, а тех, кто разорил наши заводы, не судят. Мне от этого стыдно…

Яунутис Лякас:

— В тот день вся моя семья была около парламента, жена и четверо детей, самой младшей было 10. Вернулся домой, хотел прилечь, но дети крикнули: танки идут! Дочку оставили соседке и побежали к телебашне. Из танков стреляли холостыми, опускали стволы и хлопали, но только из пушек, изнутри никто не стрелял. Нас начали оттуда выжимать — передо мной выстроилась шеренга солдат и все они стреляли в землю. Если бы боевым оружием, то было бы страшное дело! Потом я обратил внимание на пятиэтажный дом — что будто трое человек снимают кино. А посредине дома видел четыре хлопка.

Встретил недавно на улице соседа, тот рассказывал, что у него дома будто бы до сих пор хранятся разные гильзы от патронов. Я говорю — дай мне свой адрес, а он в ответ: «Я боюсь!». Литовцы боятся теперь своей собственной тени. Эйфория прошла. Надурачили нас, как с перестройкой. Нам обещали, что богами станем, а вышло наоборот. Получили независимость, чтоб исчезнуть. У нас жителей не осталось совсем, 53 процента земли продано иностранцам. Народ без земли, без государства — только бутафория. Нас идеально обдурили — говорили «свобода», но — вышло наоборот… Раньше продавались немцам, потом советской власти, сейчас американцам. Получается, мы не телебашню — мы бетонный столб защищали…

«Эйфория прошла, — признает еще один свидетель по делу Палецкиса, Яунутис Лякас. — Надурачили нас, как с перестройкой». *Фото Г. Сапожниковой.*

В соответствии с замыслом дизайнера…

Снова 13 января, и мы с Дангуоле Раугалене, свидетельницей событий января 1991-го, опять идем к вильнюсской телебашне — только на дворе сейчас не XX век, а XXI.

За двадцать с лишним лет много что изменилось: у подножия башни стоят деревянные кресты, а вокруг установлены маленькие обелиски на месте гибели тех, кто строго смотрит с паспортных фотографий в вестибюльном музее.

— Вот видите, — рассказывает экскурсовод, показывая на невысокие каменные столбики, — люди гибли не только перед башней, но и за ней тоже, на противоположной стороне от жилых домов. Пули «неизвестных снайперов с крыш» попасть туда никак не могли. Значит, всех убили десантники!

Аргумент действительно впечатляет. Кажется, что у телебашни до сих пор пахнет смертью…

Драматургия сюжета требует написать, что Дангуоле волнуется. Но это не так: она уже отволновалась свое, в суде, причем целых три раза. В первый — когда давала показания по делу Альгирдаса Палецкиса. Во второй и в третий — когда судили ее саму. За то, что рассказала о том, что видела своими

собственными глазами, а не прочитала в газетах:

— Я жила недалеко от телебашни. И пошла туда, потому что нельзя было не идти. Днем и вечером Витаутас Ландсбергис показывался в окне сейма, и люди скандировали: «Ландсбергис, Ландсбергис!». И я точно так же кричала. И когда ночью двинулись танки, я на ходу начала одеваться и говорю брату: пошли туда! Внутри все кипело, все были как на крыльях. Когда мы прибежали к телебашне, танки туда еще только заворачивали. Танкисты наполовину вылезли из машин, как на параде. Сверху начали стрелять — и тогда они залезли вовнутрь.

— *Откуда сверху?*

— С пятиэтажки и девятиэтажки. Пули светились. Ночью было видно, как они трассируют. Потом началось самое ужасное: возле металлической сетки стояли молодые парни, их освещали прожектора танков. Лиц было не видно. Я только видела, как оседают их силуэты, и слышала крики, что кого-то убили… В толпе ходили люди, которые призывали нас не уходить, а идти туда, куда вонзались эти трассирующие пули, говорили: «Там стреляют холостыми, точно не застрелят!»

Дангуоле Раугалене, свидетельница по делу Палецкиса, своими глазами видела снайперов, которые стреляли с крыш близстоящих домов. *Фото Г. Сапожниковой.*

— *Но в тот момент, когда вы увидели, как люди падают, у вас не было сомнений в том, что они были убиты советскими солдатами?*

— Те солдаты, которые приехали на танках, точно не стреляли. Если бы стреляли, то от этого района Вильнюса наверняка ничего бы не осталось. Мы орали, что они убийцы, и

даже обрадовались, когда кто-то начал стрелять по танкам сверху вниз, потому что решили, что мы не одни и подоспела помощь.

— А когда все это сложилось в картинку, противоположную от первого впечатления?

— Когда я пришла домой и рассказала отцу. Он мне сказал: забудь о том, что видела, и никогда больше не рассказывай. На следующий день я купила цветы и снова пошла к башне. И в глазах вдруг мелькнула картинка, как у сетки оседают силуэты… Я целый год после этого обходила это место стороной, — показывает Дангуоле на то место, где раньше стоял забор.

А потом вдруг задумывается и говорит:

— Знаете, а ведь эти столбики на месте гибели людей расставлены неправильно! Лорета Асанавичюте (парни из толпы вытолкнули эту молодую девушку под боевую машину десанта, и ее прижало к сетке забора. — *Г. С.*) получила травмы совсем не тут. А у сетки, где я видела падающие силуэты, почему-то вообще никаких обелисков нет!

Исторической достоверности никто не требовал — видимо, памятные знаки расставили в соответствии с замыслом дизайнера. Чтобы было красиво…

У вильнюсской телебашни сегодня совсем иная задача. Идеологическая. И она должна быть отработана по полной программе.

* * *

Против двух свидетелей из этого списка — Дангуоле Раугалене и Яунутиса Лякаса — после того, как они обнародовали свои показания, было возбуждено уголовное дело о лжесвидетельстве. Но Верховный суд Литвы полностью их оправдал.

Не по Чехову
сценограф Валентинас Тудораке

«Ты понимаешь, что всех оскорбил? Что люди бежали к телебашне без всякого призыва! Что ты им в душу плюнул!» — бросали в лицо Альгирдасу Палецкису однокурсники, друзья, родители.

Это понятно: для многих литовцев события января 1991-го действительно стали самым ярким эмоциональным событием всей жизни.

И как человеку теперь жить с новым знанием о том, что все было не так, как об этом написали газеты? Как вписать его в общую мозаику, не разрушив гармонии?

Другой вопрос — можно ли назвать «гармонией» эту зацементированную временем легенду о «советской агрессии», где не было места никакому другому мнению?

К герою следующего интервью я пришла в театр, в надежде услышать формулу той самой гармонии, ради которой, собственно, 25 лет назад и погибли люди, чьи имена носят теперь вильнюсские улицы. К кому еще идти, если не к ним — писателям, художникам, артистам, — в очередь за истиной, которая обычно посещает их первой?

Участник событий января 1991-го Валентинас Тудораке

вспоминает события 25-летней давности, как пик всей своей жизни. *Фото Г. Сапожниковой.*

А после того, что услышала, поняла, что спешить некуда: никакой гармонии в Литве нет и пока не предвидится. Интервью со сценографом вильнюсского Малого театра Валентинасом Тудораке я публикую для того, чтобы представить: каким было литовское общество в 1991 году? И к чему пришло за последнюю четверть века.

«Мы курили, как в кино, как перед боем»

— За два дня до 13 января 1991-го мы сыграли премьерный спектакль «Вишневый сад» по Чехову. Через два дня должен был состояться второй спектакль, но в связи с этими событиями мы решили его отложить на несколько дней. Было время всеобщего поднятия духа, большого единения: спектакль отвлекал бы от основного — того, где нужны были силы всей нации. Звучит, наверное, пафосно, но на самом деле так и было. Сейчас, по прошествии 20 с лишним лет, многое воспринимается иначе, тем более что ожидания многих участников тех событий не исполнились. Мне тогда было 36 лет.

— *Как вы оказались у телебашни?*

— Был призыв собираться у сейма. Не то чтобы защитить его своими телами — предполагалось, что чем больше людей, тем меньше вероятность того, что будут предприняты какие-то брутальные действия со стороны советских войск. Русскоязычное население, в частности, организация «Единство» во главе с Валерием Ивановым, пыталось все время спровоцировать потасовки, чтобы доказать, что здесь находиться небезопасно и что обязательно надо вводить военное положение. Я, как и все сотрудники театра, постоянно ходил на дежурства к сейму. Все проходило довольно спокойно: если бы дело было летом, наверное, все это напоминало бы встречу единомышленников или клуб. В Вильнюс из другого города приехала моя мама, чтобы тоже ходить на митинги и мероприятия. Она привезла мне зимнюю теплую куртку, и уже было не так холодно.

У всех было включено радио, телевизор, по которому постоянно шла новая информация. В тот вечер я решил принять ванну — это детали, но сейчас вы поймете, почему это важно. Позвонила мама: «Сынок, всех зовут к телебашне, надо идти!». Я говорю, что у меня еще голова не высохла, а она: «Быстрее сушись и иди, нужна помощь людей». Я оделся и пошел пешком.

Несколько часов ходил вокруг башни, было все спокойно — люди пели народные песни, приплясывали, чтобы не замерзнуть. Часов в 11 вечера услышал, что что-то происходит. На ступенях телебашни собралась группа мужчин, у кого-то в руках был литовский национальный флаг. В это время сбоку от лесочка послышался звук двигателей и появилось несколько БМП, они развернулись под прямым углом к забору, раздавив его, и окружили всю башню плотным кольцом. Промежуток между машинами был настолько маленький, что, если ты хотел оттуда уйти, надо было протискиваться. Они крутили башнями, поднимали пушки и делали всякие устрашающие жесты. Потом к забору подъехало несколько грузовиков, из которых выскочили солдаты с автоматами и пешим строем кинулись вперед. В первую очередь они начали разбивать камеры и бить журналистов, а потом уже кинулись к нам. Я помню, что мы с соседом курили быстро, как в кино, как перед боем. Было ощущение катарсиса. Чувство, что это и есть твое предназначение и судьба. Мы все сцепились, никто не расходился, и, если кого-то били по голове и человек терял сознание, его все равно держали другие…

Солдаты подбежали и начали стрелять из автомата по стеклу, поверх голов, оно разбилось, но мы все равно не расходились. Тогда они кинули дымовую шашку, и люди расступились. Что-то рвануло — и в этот момент кусок стеклянной витрины отделился и упал мне на голову. Я потерял сознание. Флаг пытались отобрать, он все время переходил из рук в руки, но все равно поднимался над кучкой людей, которые были у входа. Один пожилой дедушка, седой, все кричал по-русски: «Что вы делаете? Что вы делаете?». Когда я очнулся, какие-то молоденькие парень с девушкой взяли меня под руки, вытащили из этого окружения и увели. Там стояли машины «Скорой помощи», все они были переполнены, кого-то бинтовали на месте, кого-то увозили.

«Это был пик всей моей жизни»

— Вы сказали, что было много раненых. Чем?

— Во-первых, стреляли из пушек. Я думаю, что холостыми, но все равно оттуда что-то выскакивало, мне самому в ногу попал кусочек пластмассы. Во-вторых, людей избивали. Мне самому перед тем, как на меня упало стекло, автоматчик по хребту автоматом въехал так, что я чуть не загнулся на месте.

— Видели ли вы, как десантники и бойцы «Альфы» убивали людей?

— Что на кого-то конкретно наставили автомат, выстрелили в

живот и человек от этого умер, я не могу сказать, но то, что пулями стреляли, — это точно. Они или пользовались автоматом по прямому назначению, или как дубиной били по головам.

— В материалах дела сказано не так…

— Какого дела? Это Палецкис тут мутит воду, когда говорит, что в своих стреляли свои. Политический деятель великий! Что он тут рассказывает сказки про какую-то винтовку Мосина?

— Но об этом свидетельствует судмедэкспертиза, сделанная литовской стороной: что пять человек убиты пулями из винтовки Мосина и из охотничьих обрезов, а не из автоматов Калашникова!

— Я категорически заявляю, что не могло этого быть.

— Но судэкспертиза-то была сделана литовцами!

— Я знаю, какие бывают люди! Если все такие хорошие, так откуда вылезают такие палецкисы? Дедушка его треть нации сгноил в Сибири с помощью таких коллаборантов, как он.

— Послушайте, но он же привел в суд 12 свидетелей, которые подтвердили, что тоже видели, как стреляли с крыш!

— Все там ясно — это те, кому очень хорошо жилось при Советах. Кто получал путевки в Минеральные Воды или в Ялту. Сейчас просто так на Черное море не съездишь. А тогда они могли себе это позволить.

— Сейчас это и в Литве не все могут себе позволить…

— Согласен. Но это другие вещи. Это экономика. Мир несовершенен, и справедливости в нем нет. Вот сейчас нас и так все душат, так еще Россия с нефтью и газом. Слава Богу, с нефтью мы от вас уже отфутболились. Вот найдем какую-нибудь альтернативу газу, и тогда Россия нам вообще до лампочки будет!

— Зря вы думаете, что россияне начинают свое утро с мысли о Литве. Сами запомните и другим передайте по цепочке: ни одна живая душа в России не хочет кормить вас снова. Но скажите — а вы лично потеряли от развала СССР или приобрели?

— Я лично приобрел. Свободу. Это самое главное ощущение у человека. Что может быть лучше, когда ты знаешь, что у тебя есть возможности? Не все так развивается, как хотели бы те, кто был у башни, но в общем и целом все приобрели гораздо больше, чем потеряли. Я тот момент истории вспоминаю как пик своей жизни. Как духовный подъем. Поэтому всякие домыслы или новые пересказы воспринимаю как личное оскорбление. Они мне будоражат душу, и мне от этого больно.

«Куда-то делось людей немерено»

— Как думаете — кто все-таки стрелял из обрезов и винтовки

Мосина?

— Мое личное мнение, что это все выдумано. Могли быть провокаторы. Что, КГБ здесь не было? История Советского Союза вообще вся построена на крови и лжи!

— То есть у вас нет ни одного положительного воспоминания об СССР?

— Почему нет? Я сам в Петербурге учился. И друзья у меня в России есть. Я против этой нации и этих людей ничего не имею. Только против выкормышей организации, которая злостно уничтожала людей.

— А ничего, что ваши «лесные братья» уничтожили 25 тысяч соплеменников? В плане жестокости литовцы в XX веке тоже отметились неплохо…

— Кого больше всего было сослано в лагеря? Из Литвы людей вагонами угоняли. Третья часть нации, если не больше, уничтожена. Возьмите советскую статистику.

— Вот вам статистика: из 3 миллионов населения Литвы в Сибирь было выслано 130 тысяч человек. Большая часть из них вернулась обратно. И говорить о том, что вы потеряли треть нации, — это неправда.

— Я сейчас уже не помню точно, это было давно, но я смотрел, что было перед войной и как стало после. Куда-то делось людей немерено.

— Ну, 196 тысяч евреев, допустим, убили сами литовцы.

— Вот прямо убили? Литовцы? (В этот момент мой собеседник даже растерялся, не поверив. Но быстро оправился. — *Г. С.*) А сколько людей сбежало на Запад? Они тоже для Литвы потеряны.

— А в том, сколько сбежало сейчас, тоже виноват Советский Союз?

Валентинас Тудораке молчал. Оставалось спросить последнее.

— Неужели фразы, что «свои стреляют в своих» хватило для того, чтобы Альгирдас Палецкис стал в литовском обществе изгоем?

— Он изгой совершенный! — обрадовался сценограф. — У нас в театре как в телевизоре появится про него какая-то новость, так у всех на языке болтается одно слово: «Повесить!»

…Ответ, который мог бы быть находкой для любого театрального режиссера, сэкономил мне массу времени и целую главу. Во всяком случае, стало понятно, какой именно механизм был включен в Литве сразу же после августовского путча, когда она объявила охоту за всеми «бывшими» — коммунистами и журналистами, омоновцами, дружинниками и военными, —

всеми, кто мог помешать ей выстроить «светлое будущее», до которого она так и не дошла.

Это был знакомый со Второй мировой войны механизм человеконенавистничества. Ничего нового изобретать не пришлось.

Глава 4
А процесс-то голый!

Занавес над Литвой опустился 21 августа 1991 года, когда начались аресты коммунистов и им сочувствующих. Труп ГКЧП еще не успел остыть, как в квартиры тех, кто не считал СССР «преступным государством» и пытался его сохранить, постучались. Скорость, с какой начали действовать вчерашние друзья и коллеги против тех, с кем днем раньше сидели за одним столом, по-настоящему впечатляет. А еще поражает гипертрофированное чувство мести: врагом еще не оперившегося, почти никем не признанного и де-факто не существующего государства неофиты от революции готовы были признать любого, кто был не с ними. Началась великая литовская «охота на ведьм».

В списках «врагов народа» были сотни: секретари райкомов партии, журналисты, работники милиции, омоновцы — все, кто наивно и до последнего пытался отстоять честь СССР. Десяткам жителей бывшей Литовской ССР в августе 1991-го пришлось навсегда покинуть свои дома, дабы избежать расплаты за то, чего они не совершали. За личными историями их расставаний с маленькой и теплой родиной — самый правдивый снимок великих литовских дней затмения, когда черное превращалось в белое и наоборот.

Хуже было тем, кто остался. За ними тоже пришли. И спустя 8 (!) лет после событий января 1991-го в Вильнюсе начался судебный процесс, вошедший в историю как «дело красных профессоров». Таковых насчитали целых шесть, правда, один из них, Иван Кучеров, до суда не дожил. Еще один — главный редактор радио «Советская Литва» Станислав Мицкевич — на приговор не явился, будучи гражданином России и сумев спрятаться на ее просторах. Но на секретарях Компартии Литвы на платформе КПСС Миколасе Бурокявичюсе, Юозасе Ермалавичюсе и Юозасе Куолялисе отыгрались по полной программе (им будет посвящена следующая глава. — *Г. С.*). Еще двое подсудимых — бывший работник милиции Ярослав Прокопович и экс-директор Издательства ЦК КПЛ Леонас Бартошявичюс — честно отсидели по полтора года. Возраст подсудимых, из которых самому младшему (Ермалавичюсу) было 54 года, а самому старшему (Бартошявичюсу) — его привозили на суд в инвалидной коляске — почти 73, во внимание принят не был. «Прошу дать мне умереть дома. Я очень больной человек.

После операции у меня постоянно болит голова. Я не могу спать ни днем, ни ночью… Я никогда не выступал против Литвы… Я не являюсь политическим деятелем. Я не виновен ни в чем. Прошу суд меня оправдать и принять во внимание состояние моего здоровья», — молил Бартошявичюс о милосердии. Тщетно. Время пребывания в камере предварительного заключения ему в счет наказания зачли, но после объявления приговора иезуитски заставили досидеть еще 6 дней до выхода на свободу.

Все заслуги перед Литвой были забыты: даром что перед судом предстали два доктора наук, три заслуженных деятеля культуры и один заслуженный работник МВД — «цивилизованная Европа» не обратила на этот процесс никакого внимания. Представитель ПАСЕ Андреас Гросс, навестивший в тюремной камере Миколаса Бурокявичюса, вежливо отмолчался. А временно исполняющий обязанности директора Управления международных стандартов и правовых дел ЮНЕСКО Джон Доналдсон написал в Союз журналистов России (который пытался вступиться за журналиста Станислава Мицкевича. — *Г. С.*) ответ, из которого следовало, что Компартия Литвы на платформе КПСС и вовсе являлась «мятежной группой», а в «свободе слова и печати литовцам было отказано в течение полувека с 1940 по 1990 год».

Обстоятельства процесса над «красными профессорами» зафиксировал для Истории другой политический заключенный — историк и философ Валерий Иванов. Сначала его лишили свободы на три года за то, что тот возглавлял общественную литовско-русско-польскую организацию «Венибе-Единство-Едность», которая противостояла «Саюдису». А когда он, освободившись из заключения, написал книгу «Литовская тюрьма» — о том, как он сидел в условиях победившей «литовской демократии», в — пыточном карцере блока строгого режима, в «шкафу» размером 2 метра на 78 сантиметров, — его вдогонку посадили еще раз. По официальной версии — за оскорбление памяти жертв 13 января. Фактически — за то, что усомнился в официальной версии гибели людей от рук советских военнослужащих и разгласил великую литовскую тайну: дела против «красных профессоров», дружинников и лично против него самого, которыми Литва все эти годы оперирует, пытаясь организовать «второй Нюрнберг» над коммунизмом, по сути, слеплены из газетных вырезок и не имеют под собой никакого профессионального основания.

Однажды два этих политических процесса пересеклись, и на суд к Иванову в качестве свидетелей привезли на допрос экс-руководителей литовской Компартии на платформе КПСС. Это было 11 апреля 1994 года.

Из дневника В. Иванова:

«Сегодня был особый для нас день. В суд в качестве свидетелей привезли из Лукишской тюрьмы бывшего первого секретаря ЦК КПЛ (КПСС) Бурокявичюса М. М., бывшего заведующего идеологическим отделом ЦК КПЛ (КПСС) Ермалавичюса Ю. Ю. и советника ЦК КПЛ (КПСС) Кучерова И. Д.

С того момента, когда спецслужбы Литвы выкрали с территории Белоруссии руководителей компартии Литвы, прошло три месяца. Тюрьма еще не успела наложить свой отпечаток на их светлые лица. Лишь Иван Данилович Кучеров, к этому дню проведший в застенках 9 месяцев, выглядел бледным и несколько растерянным.

Когда их, поочередно, под охраной полицейских вводили в зал суда для дачи показаний, мы вставали со скамьи подсудимых, отдавая тем самым честь людям, которые в самый ответственный момент боролись за единство нашей великой страны, взяли на себя ответственность за социалистическое будущее и которых беспардонно предали — прежде всего, их бывший прямой номенклатурный руководитель генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачев М. С., Президент СССР.

Сейчас они переживают вместе с нами акт драмы, достойной пера Шекспира. Привезенные в суд, они свидетельствовали, что честно служили государству, гражданами которого все мы были до декабря 1991 года».

…Спектакль закончился, а пьеса продолжала жить своей жизнью. И если бы Шекспир узнал о том, что спустя четверть века после премьеры (событий января 1991-го. — Г. С.) в Литве по третьему кругу будут сгонять актеров на финальную сцену под названием «Показательный суд», он превратился бы в Станиславского и закричал: «Не верю!»

Историк и философ Валерий Иванов: «Я пообещал забрать сына из детского сада и ушел на три года»

Собственно, у меня к этому человеку был только один вопрос, но зато самый важный: на третий день августовского путча, 21 августа 1991 года, когда демократия в Прибалтике расцвела красными маками и начались первые аресты, умные люди начали из Литвы убегать. Почему он — Валерий Иванов — остался?

— У меня не было другого выхода. Во-первых, я никого не убивал. Я вел чисто политическую борьбу вместе со своей организацией, лидером которой являлся и которая была официально зарегистрирована. Я, честно сказать, просто и предположить не мог, что меня могут преследовать. Тем более всем прекрасно было известно, что я отец-одиночка, жена у меня умерла от рака пару лет назад до этого, и у меня на руках были маленький ребенок и мама, пожилая женщина, у которой я — единственный сын. Ну, думаю, вызовут, может, пригрозят, допросят — но сажать-то за что? Увы: мне тем не менее пришлось пройти все круги ада.

Валерий Иванов своего сына Адриана до детского сада так и не довел: его арестовали прямо по дороге. *Фото из архива В. Иванова.*

— И в этой иллюзии вы пребывали до самого дня ареста — 27 ноября 1991 года?

— Да. Я вел ребенка в детский сад, подходят двое. Я понял, что это по мою душу. До этого я уже договорился со своими ребятами: если вдруг что-то произойдет и меня куда-то увезут, я попробую дать знать, чтобы они забрали Адриана и вывезли его в Россию, иначе меня будут им шантажировать… Так оно и было. Меня арестовали. Из детского сада повели прямо в прокуратуру. Я говорю: дайте домой зайти и хотя бы что-то взять. Не дали. Я поцеловал ребенка, сказал, что в шесть часов вечера за ним приду, и ушел на три года.

По законам советского времени

— Что вам инкриминировали?

— Сначала не знали, что вменить, потому пытались использовать 105-ю статью, будто бы в ночь на 13 января 1991-го я убил некоего господина Канапинскаса. Потом оказалось, что этого человека увезли в больницу еще до того, как я со своей съемочной группой появился у здания телерадиокомитета. Я человек опытный, в молодости работал санитаром на «Скорой помощи», хотел быть медиком и знаю, как оформляются бумаги. Это документы строгой отчетности. И я обратил внимание следствия на то, что Канапинскаса вывезли в 2.10 ночи с того места, где его нашли, а автобус с дружинниками и видеогруппой, в котором ехал я, прибыл к зданию телерадиокомитета в 2.30, что было зафиксировано. То есть у меня было алиби.

— За что же вас тогда три года продержали в тюрьме?

— За «создание антигосударственной организации и антигосударственную деятельность». 70-я, политическая статья еще с советских времен.

— Получается, вас сажали по советским законам? Неужели они не предусматривали отсрочку или условный срок отцу-одиночке?

— Нет. Я сразу сказал: вы знаете, что у меня ребенок в детском саду и я должен вечером его забрать? Они все знали, конечно… Когда следователь вышел из кабинета, я быстро позвонил с его телефона друзьям — специально, видимо, было подстроено так, чтобы я мог сделать звонок. И все. Потом меня

вывели под дулами четырех автоматчиков, чтобы не убежал, и увезли в тюрьму.

Что такое советская власть?

— Я знаю интересный факт из вашей биографии — что все эти три года в тюремной камере вы провели небесполезно для себя и для общества. А именно: получив доступ к материалам уголовного дела, потихонечку день за днем и страница за страницей переписывали его себе в блокнотик. Это настоящий подвиг — в условиях того, что к оригиналам уголовного дела о 13 января 1991-го Литва никого не подпускает.

— Дело в том, что я — человек образованный и прошел очень хорошую историческую школу в Варшавском университете. Нас учили работать с документами, делать правильные выводы и искать информацию. Правда, есть одна немаловажная деталь: я отказался давать показания. Я был лидером организации, и любое мое слово могло задеть других людей, которых бы тоже начали таскать на допросы. И за это меня вывезли в Шяуляй, подвергли жесточайшему прессингу и били так, что я месяц лежал синий в санчасти шяуляйского изолятора… Перед выходом из шяуляйской тюрьмы в отношении меня была сделана провокация, в результате которой я, наверное, должен был исчезнуть. То есть, если бы я не проявил выдержки, меня бы убили сокамерники. Однажды кто-то из них меня спрашивает: ты за советскую власть? Я говорю: да. На меня набрасываются, я защищаюсь, но вижу, что у одного из них штырь в руке. Сижу и думаю: ну и бейте меня, пусть я буду покалеченный, и у вас потом не будет алиби. Но они, видя, что я не реагирую, останавливаются. Через два часа меня увели.

— Так как вы все-таки сообразили, что нужно копировать документы?

— Я начал их переписывать, когда следствие было закончено и нас подпустили к материалам дела. А когда был в тюрьме, писал дневники, которые потом опубликовал в виде книги. Ее издали небольшим тиражом, она моментально разошлась и стала раритетом. Но после этого я сделал презентацию в Госдуме, повторив, что доказательств гибели людей от рук советских солдат не было и нет. Там присутствовал представитель литовского посольства. И, когда я вернулся в Вильнюс, против меня немедленно было начато новое дело — уже по книге. И за нее я получил год.

— За разглашение государственной тайны?

— Ну какая гостайна, если я написал то, что в документах концы с концами не сходятся. Не схо-дят-ся. А я, извините, философ, я философию строю на математике, поэтому очень точен.

«Неправильная» книга

— Зачем же вы вернулись в Литву? Не просчитали, чем дело закончится?

— Я все просчитал, но что я мог сделать? Я знаю, что я невиновен. Иисус Христос тоже всем делал добро, а куда попал? У меня были идеалы, на которые я равнялся: делай добро и не бойся, получишь зло и все равно не бойся — пройдешь и через это и победишь. И я победил.

— Наверное, «Литовская тюрьма» была потом многократно переиздана, раз уж вас за нее посадили?

— Нет, потому что она была неправильная. Ни в России не соответствовала идеологическому моменту, ни в Литве. Это был 1996 год. Прибалтика тогда считалась «образцом демократии». Выйдя из тюрьмы, я пообщался с Андреасом Гроссом, представителем ПАСЕ, который меня навещал, и подарил ему свою книгу, расписав, сколько у нас диссидентов сидело в то время в тюрьмах, у меня была составлена справка. Но с таким же успехом я мог эту справку пустить по реке Нерис, которая идет через Вильнюс. Ни ответа от него не пришло, ни привета.

— То есть о вашей проблеме в Европе знали? А почему же бездействовали?

— Для меня это тоже загадка. Кто только ко мне тогда не приезжал — и ничего, я отсидел от звонка до звонка.

— А почему, интересно, ни в России, ни в Европе не считалось возможным критиковать Прибалтику? Литва вступала в Евросоюз, имея за плечами знаменитое дело «красных профессоров» и официальных политических заключенных!

— Это самый главный вопрос. Если честно, я не знаю, как на него ответить. Самое удивительное то, что события, о — которых идет речь, происходили на территории Литовской ССР и по законам Литовской ССР. В ночь на 11 марта 1990 года «Саюдис» объявляет о независимости Литвы и принимает конституцию 1938 года, согласно которой Вильнюс и Вильнюсский край не входят в состав тогдашней Литовской Республики, а столицей является Каунас. Но нет! Людей судили за то, что они, находясь на территории Литовской ССР, будучи гражданами Литовской ССР, живя по законам Литовской ССР, совершили нечто такое, что

противоречит законам другого государства — Литовской Республики… Ну вот представьте: в Амазонии есть племена, которые кушают своих ребят на завтрак. Мы вылавливаем одного туземца, везем в Вильнюс и судим его по своим законам, спрашивая: почему он кушает на завтрак своего неудавшегося соплеменника? Цирк. Во время суда я задавал вопрос: скажите мне фамилию того конкретного человека, советского военнослужащего, который убил вашего родственника, или хотя бы номер танка. Назовите — и я покаюсь и посыплю голову пеплом. Нет, говорят, мы не знаем… И все-таки меня осудили за то, что я будто бы оскорбил память погибших.

За свою книгу «Литовская тюрьма» Валерий Иванов получил год литовской тюрьмы дополнительно. *Фото Г. Сапожниковой.*

Мне их жаль: они ничего не могут доказать, потому что нет доказательств. Как их создать? Вот Лорету Асанавичюте (по

официальной версии, погибла под гусеницами советского танка. — *Г. С.*) сделали образцово-показательной жертвой — а ее привезли в больницу живой, перед операцией она сама называла свой адрес, еще в семь утра 13 января ей делали кардиограмму, а в час дня она уже лежала на прозекционном столе… Я видел документы вскрытия — у нее ни одной косточки не было поломано. Как так можно танком раздавить человека, чтобы кости не раскрошились? Про снайперов, стрелявших с крыш, говорилось с самого первого дня после январской трагедии, а писатель Петкявичюс, с которым я сам беседовал не раз и не два, открыто говорил о 18 пограничниках-литовцах, которые якобы с этих крыш и стреляли. Не уверен, что в суде над СССР, который сейчас идет в Вильнюсе, эти факты будут озвучены.

«Требую найти убийц»

— Вам это интервью давать не опасно?

— А чего мне бояться? Сын взрослый, мама уже в лучшем мире. Если жить не по правде, так зачем жить? Я не отрицаю гибели людей в ночь на 13 января 1991 года. Я сопереживаю за их гибель и приношу соболезнования. Но я требую найти убийц этих людей. А их никто еще не назвал. Так же, как никто не доказал, что таможенников в Мядининкае убил именно тот несчастный омоновец из Риги, который сидит теперь пожизненно в литовской тюрьме. Его посадили, потому что так надо. Просто некий режиссер написал в сценарии, что в конце пьесы кому-нибудь следует сидеть…

— Правильным ли будет сказать так: в конце 80-х большое количество литовцев были вашими потенциальными союзниками и не хотели, чтобы Литва выходила из Советского Союза, однако их сознание перевернули одной исторической фальсификацией?

— Я бы не сказал, что сознание перевернули. Если бы его перевернули в пользу Литвы, то сейчас не было бы массового оттока ее жителей. Население Литвы до войны составляло 2,5 миллиона. В момент развала СССР — 3,7 миллиона. Сейчас мы уже перешли грань того, что было до войны. Но в интернете все равно продолжают писать, что бояться надо не вымирания страны, а русских. Литовцы не русофобы, я там родился, я знаю этот народ, я его люблю. Пока не было «Саюдиса» и надувания этого нацистского пузыря, все было нормально. У меня жена была литовка. Я, представьте, был женат на «Мисс Литве», и ее лицо было даже одним из символов «Саюдиса». Интернациональной организации, подобной той, что я возглавлял и за что был судим

— «Венибе-Единство-Едность», — в Литве за последнюю четверть века больше так и не появилось.

Из тюремных дневников Валерия Иванова:

«…Итак, я в камере предварительного заключения по ул. Костюшко города Вильнюса. Прощаясь с Адрианом в группе, я еще не знал, что мне не позволят его взять вечером домой, как обычно я это делал в 18 часов. Я не знал, что буду в это время находиться в камере КПЗ № 1, с голым деревянным настилом — нарами, в 6 кв. м, через квадратное окно которой ничего не видно. Стеклоблоки, которыми заложено окно камеры, пропускают лишь тусклый свет. Выработанный за годы инстинкт встречи в 18 часов с ребенком в детсаде вчера вечером очень угнетал меня. Мысли были только об Адриане. Посчитал, моему сыну сегодня 5 лет, 10 месяцев и 4 дня. Вчера, когда меня уводили из Генпрокуратуры Литовской Республики, я успел передать друзьям, чтобы позаботились о моем малыше. Сегодня спокойней, т. к. уверен, сын не оставлен в беде, обласкан и накормлен. Надежда, что с сыном будет все в порядке, успокаивает меня. За дверями шум, в соседнюю камеру, справа, привели новоселов. Вывели и их снимать отпечатки пальцев. Они тоже русские. Вообще литовской речи почти не слышно. Наказание уже вершится, хотя еще никто не доказал, что я преступник. Это ли не свидетельство о здешнем тоталитарном государстве? Вместо того, чтобы дать активным представителям неэкстремистских политических организаций возможность высказаться в средствах массовой информации, оспорить с аргументами в руках политическую оппозицию и доказать свою правоту в происходящих действиях, — власть бросает людей в застенки. Это государственный политический терроризм!

…А выпускать — не выпускают. Просил сделать это во имя малолетнего сына, который сейчас страдает без отца. Адриашка хотя и маленький, но сколько ему уже пришлось перенести: смерть матери, лишения, унижения и травлю отца со стороны прессы и властей (слышал всё это), и теперь — арест отца. О Боже! Ведь писал великий Федор Достоевский «о слезинке ребенка»… Неужели мы еще настолько некультурны и нецивилизованны?

…Отмечу, на мой взгляд, одно важное наблюдение, сделанное той ночью. Машины скорой медицинской помощи имитировали массовый вывоз раненых с места событий около телерадиоцентра (КРТВ). Это выражалось в том, что медицинские машины, каждые пять минут приезжавшие на улицу Конарского, останавливались напротив, затем, постояв немного, быстро отъезжали, включив

«мигалку» и звуковой сигнал. Причем они с улицы никого не брали, поскольку двери машин все то время, пока они стояли, оставались закрытыми. Думаю, эта дьявольски хитрая акция, по задумке ее организаторов, должна была показать сновавшим всюду с видеокамерами и фотоаппаратами иностранным корреспондентам массовость жертв «расправы военнослужащих СА с мирным гражданским населением». Журналистов, как ни странно, загодя очень много приехало к этой ночи в Вильнюс, и заняли они в отличие от нас очень точные позиции для своих репортажей с места предстоящих событий. Синий цвет «мигалок» машин «Скорой помощи» и кричащие звуковые сигналы, рев моторов военной бронетехники, редкие хлопки холостых выстрелов пушек танков — создавали соответствующий антураж, возбуждали эмоционально толпу литовских националистов, подогревая их стремление к протесту по поводу присутствия здесь военнослужащих Советской армии…

…День траура. Мы с одним из московских телевизионщиков отобрали из списка видеотеки нужные нам регистрационные карточки, 19 штук, с записями симфонической музыки, которая соответствовала обстановке. Это были произведения Баха, Шопена, «Реквием» Моцарта и т. п. Затем спустились в хранилище, однако ни одной из отобранных нами видеокассет в видеотеке не оказалось. Нам пришлось усердно поработать, пока мы сумели все же подобрать соответствующую музыку и видеоряд. Думаю, сделанное нами это важное открытие указывает на то, что кто-то в телерадиокомитете, заранее готовясь к событиям ночи 13 января, в которых предполагались людские жертвы, своевременно изъял из видеотеки искомые нами записи и вывез их из здания телевидения. Надо признаться — они с дьявольской предусмотрительностью рассчитали, что будет пролита человеческая кровь и свершится акт жертвоприношения человеческих жизней…

…В течение всего времени судебного процесса перед коллегией Верховного суда ЛР, напротив клетки, где сидели мы, предстал 41 так называемый общественный обвинитель. Из этой публики 16 человек потребовали для нас расстрела, а остальные — «судить по закону» или «возместить материальный ущерб». Только один, студент консерватории, очевидец происходившего ночью 13 января 1991 года около зданий КРТВ, сказал: «Если они и виновны, их осудит Бог. Я прощаю им…»

…Незабываемый миг встречи с Адрианом 15 июня 1994 года. Он стоит с той стороны широкого длинного стола в комнате свиданий зоны, разгороженной поперек на секции прозрачными

плексигласовыми стенками, и внимательно, удивленно, но вместе с тем с застенчивостью смотрит прямо на меня, а я на него. Какой-то миг я читал его взгляд, его мысли: «Вот папа, а он другой, не такой, как я его видел последний раз в группе детсада, тогда, давным-давно. Он одет как-то не так, седой, но глаза — его…»

А может, это я смотрел на него и думал подобным образом?

…Прервал его, сказал — «Иди ко мне», и он неловко, подталкиваемый бабушкой, перелез через стол прямо в мои объятия. Я прижал его к себе, почувствовал, как сильно бьется его еще маленькое, но столько уже пережившее сердце, приподнялся, встал и выпрямился, держа его, как грудного ребенка, на руках, — и долго, долго успокаивал. А он — меня. Мы были счастливы в этот момент. По щеке тихо текли слезы. Мы были опять вместе».

Заговор с целью захвата власти с помощью дружинников

Моя кроткая родина, край яснооκий!
Что за лихо с тобой приключилось-стряслось?
Беленой опоили свои лжепророки,
Да и недруг заморский отравы поднес.

…Нужно быть очень большим романтиком, чтобы написать эти строки, находясь в тюрьме. Или очень любить Литву.

К профессору, доктору юридических наук Ивану Кучерову в полной мере относится и первое, и второе. Но если бы он дожил до суда, то судили бы его за измену родине. Хотя не очень понятно, кто кому изменил — он родине или родина ему?

Уехав, как и многие, из Литвы в Белоруссию сразу после августовского путча, когда начались аресты и обыски, он избежал неистового безумия первой волны репрессий. Шли и проваливались суды — самый первый в новейшей истории Литвы политзаключенный, первый секретарь Мажейкского райкома КПЛ Игнас Видмантас был оправдан, отсидев в тюрьме 7 месяцев. Работники ЦК КПЛ Николай Грибанов и Сергей Резник, освобожденные в зале суда, получили по денежному штрафу. Калибр тех, кто был брошен в тюремную камеру (дружинники, рядовые коммунисты, русскоязычные активисты), был мелковат: в компании явно не хватало бриллианта, человека-знамени, убежденность которого могла бы оправдать все сделанные режимом новой Литвы ошибки.

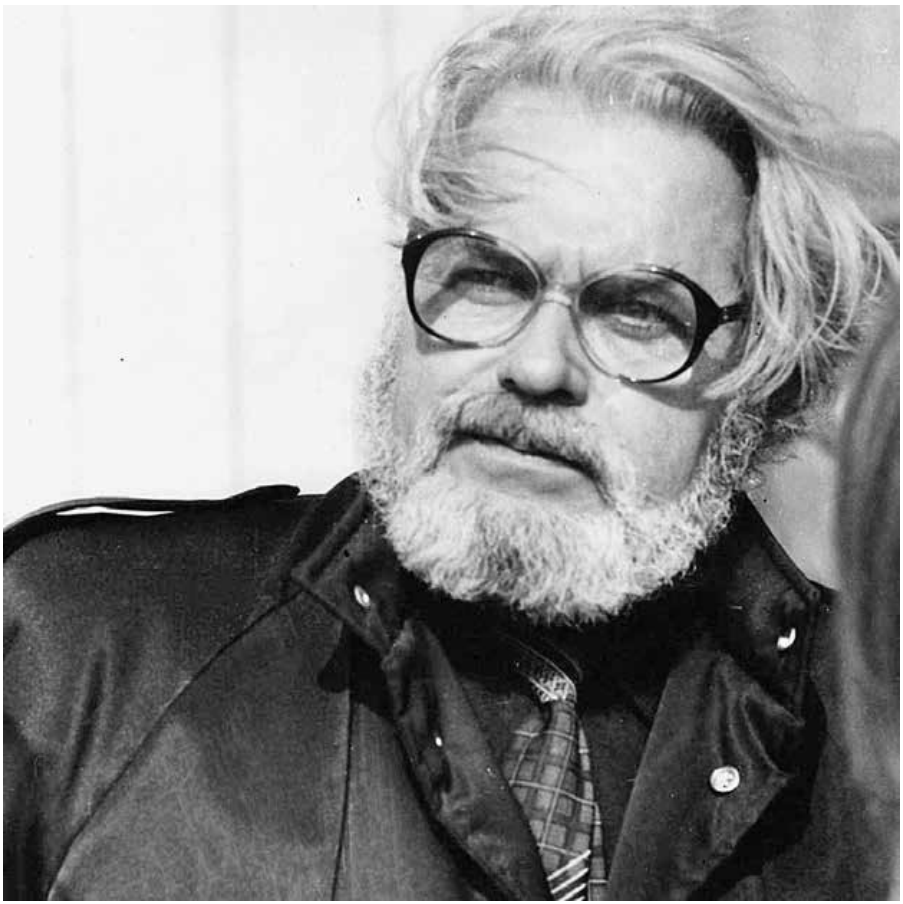
Этим человеком назначили профессора Кучерова — неожиданно и подло, — потому что он ни от кого не скрывался и регулярно приезжал в Вильнюс на допросы, откликаясь на все повестки следователей. И однажды, в июле 1993-го, клетка захлопнулась.

Семь пуль и одно тело

Через день после ареста он написал открытое письмо тогдашнему президенту, бывшему первому секретарю Компартии Литвы Альгирдасу Бразаускасу, сформулировав несколько неудобных вопросов: «Сколько специалистов западных спецслужб прибыло в Литву вместе с господином Эйва, кого они

обслуживали и чем занимались? По чьей инициативе летом 1990 года СМИ Литвы развернули пропаганду тезиса, согласно которому только пролитая литовская кровь сплотит литовцев? Кто дирижировал этой компанией? Кто послал вооруженных людей на крыши домов, расположенных вблизи телецентра, почему они стреляли по толпе? Почему фальсифицированы число погибших у телецентра и данные судебно-медицинского обследования трупов?» Разумеется, Бразаускас ему не ответил и вряд ли вообще это письмо прочитал, но главное здесь не это.

Причина ареста Кучерова — в последнем вопросе. Собственно, именно из-за него Ивана Даниловича и вышибли из игры, закрыв на 20 месяцев в тюрьме.



Если бы профессор, доктор юридических наук Иван Кучеров дожил до суда, его бы обвинили в измене родине. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Дело в том, что в теле одного из погибших — Игнаса Шимулениса — были обнаружены отверстия от семи

огнестрельных ранений. Это было странно: как мог человек одновременно получить столько ран с разных сторон?

Кучерова, как авторитета в области судебно-медицинской экспертизы, попросили прокомментировать эти фотоснимки и официальные данные. Ответ опытнейшего судмедэксперта был однозначен: «Раны причинены в искусственных условиях. Выстрелы произведены в неживое тело в упор или почти в упор». «Нелепо допускать, — задавался резонным вопросом Кучеров, — что в ночное время стрелки, находившиеся по разные стороны от жертвы и на расстоянии от нее, все выстрелили в один и тот же момент и в одну и ту же жертву».

Но это не все. В официальном заключении от 6 февраля 1991 года, подписанном заведующим республиканским бюро судебно-медицинской экспертизы Антанасом Гармусом, было еще одно открытие: «…Кроме того, у потерпевшего (Шимулениса) имеется черепно-мозговая травма. Многопрофильность переломов свода и основания черепа говорят о том, что в данном случае имело место сдавливание головы между двумя поверхностями в боковом направлении. Обычно такая травма наблюдается при перекатывании колес транспортного средства».

Что бы это значило? Только то, что труп Шимулениса, попавшего под автомобиль, впоследствии был семикратно расстрелян.

Гармус и не-Гармус

Найти Антанаса Гармуса в Вильнюсе было нетрудно даже спустя столько лет — он так и работал судмедэкспертом, правда, теперь уже в частном бюро своего имени. В телефонном разговоре Гармус демонстрировал максимум дружелюбия: «Присылайте любые вопросы!» Я так и сделала, прислала ему по интернету копию его же собственного заключения, сделанного 25 лет назад. Реакция была удивительна. «Получил, я это впервые вижу, не помню, чтобы такое подписывал. Просьба больше не беспокоить», — сухо ответил он.

Я не сдавалась: «Мне кажется, вы чем-то страшно напуганы. Очень большой контраст между той доброжелательностью, с которой вы говорили по телефону, и вашим ответом… Подпись — ваша, есть фотография этого документа, но теперь, когда Литва подлинность ваших выводов оспаривает, вас запугали. Я права? Может, еще передумаете все-таки и внесете ясность для потомков — кто все-таки в этой ситуации лжет?»

Видимо, он все-таки порядочный человек, этот Гармус, —

потому что он опять ответил. С той степенью искренности, с которой мог: «Ну хватит болтать лишнего — я впервые эту бумагу слышу и вижу. И ни с кем не довелось даже разговаривать. Все».

Подлинник текста данной справки, насчитывающей пять страниц, находится в уголовном деле Генпрокуратуры Литовской Республики 10-09-057-96, том 8, лист 126-30. Подпись, гербовая печать…

Госпереворот в головах

Но речь не о нем, а о Кучерове. Собственно, эта фраза — о том, что Шимуленис был мертв, когда в него 7 раз выстрелили из разного рода оружия, — и есть ключ к разгадке причины преследования профессора, прикрытой туманными фразами уголовного дела о том, что он-де был «главным идеологом» «спланированного госпереворота». Переворачивать там было нечего — независимая Литва существовала только в мечтах, причем далеко не всех литовцев. Переворот был только в головах тех, кто задумал причислить к «антигосударственным организациям» не только компартию Литвы, но и все другие оппозиционные организации и массовые общественные движения. «Даже Славянский университет, в создании которого я участвовал в качестве декана юридического факультета! Если бы об этом не довелось прочитать в газетах — не поверил бы, посчитал бы журналистской уткой!» — изумлялся Кучеров в своих статьях, написанных буквально на коленях в тюремной камере, пытаясь донести до людей очевидное:

«Акты Верховного Совета Литвы от 11 марта 1990 года и Указ президента СССР (о юридической их несостоятельности) повлекли по меньшей мере следующие общественно вредные последствия:

население Литвы оказалось в двух пересекающихся и одновременно действующих политико-правовых системах (общесоюзной советской и сепаратистской буржуазной), расколотым на сторонников и противников этих систем и — противопоставленных друг другу властями. От этих правовых актов берет начало стремительное обострение общественно-политического кризиса, приведшего к январским событиям 1991 года. После 11 марта Литва юридически и фактически оставалась в составе Союза ССР вплоть до 6 сентября 1991-го. Декларированную независимость не признавали ни СССР, ни мировое сообщество (за исключением, кажется, Исландии). Более того, многие правовые акты Москвы принимались властями

Литвы к исполнению. Поэтому утверждать, будто кто-то принимал участие в деятельности другого государства, — это наводить тень на плетень: в то время СССР и Литва составляли единое государство».

Какое там… «Победившие» давили «проигравших» с неистовством дьявола, продолжая утверждать, что Литва находилась в состоянии войны с СССР…

Только для сумасшедших

Но хотя бы кто-то, на каком-то этапе должен был заметить очевидную нелепость обвинения «красных профессоров» в заговоре с целью захвата власти с помощью дружинников? Кучеров был терпелив и с кротостью учителя в школе для умалишенных повторял доступным языком: «Известно, что военнослужащие выполняют директивы своего главнокомандующего и своих прямых воинских начальников, а не каких-нибудь «гражданских лиц». Вильнюсская ТВ-башня, которую они захватили и на которую пришли дружинники для обеспечения охраны, — вовсе не резиденция руководства Литвы. Это же надо додуматься: триумвират (Бурокявичюс, Ермалавичюс, Кучеров. — *Г. С.*) для захвата власти посылает вооруженных людей брать под контроль склады с бумагой и ТВ-башню вместо резиденции Верховного Совета и правительства! Не логичнее ли думать, что бряцание оружием — подлая инсценировка главнокомандующего и его окружения с целью подставить ненавистным демократам Вооруженные силы СССР под плевки вражеских критиков?»

На теле одного из погибших было обнаружено 7 огнестрельных ранений! Как человек мог одновременно получить столько пулевых ранений с разных сторон? *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Все было зря: в отличие от Кучерова у следователей не было чувства юмора… К тому же опубликовать свои аргументы в новой, независимой Литве профессор не мог. Да что там Литва — Россия с Белоруссией в то время тоже были не совсем трезвы, находясь в состоянии перманентного опьянения от «демократии». Но все-таки Кучеров писал не в пустоту — даже при том, что его заметки из тюрьмы отваживалась печатать только прокоммунистическая пресса. Для понимания того, что в действительности происходило в Литве начала 90-х, его тогдашние выводы, которые мы читаем сейчас, бесценны.

Жертвоприношение по Кучерову

«Летом 1990 года литовские средства массовой информации, как по команде, начали мусолить вопрос, как достичь «полной

независимости». Мрачный идеолог «Саюдиса» Ромуальдас Озолас, русофоб и реакционер, без обиняков утверждал в своих писаниях: только пролитая кровь сплотит литовцев, поднимет их против СССР. В многочисленных публикациях доминировала мысль: армия — враг независимости, значит, жертвы неизбежны. Да и — Ландсбергис не упускал случая призвать народ к борьбе с СССР, с его армией.

Короче говоря, население Литвы психологически зомбировали, готовили к приношению жертв на алтарь свободы. В это же время спешно формировались вооруженные группы боевиков. Но если есть отрицательная идея жертвоприношения, то есть и сценарии ее воплощения.

О том, что 13 января 1991 года осуществляется сценарий жертвоприношения, свидетельствуют такие факты:

— На площади Независимости дни и ночи людей готовят к смерти: строятся нелепые баррикады, людей подначивают, радио и ТВ вдохновляет патриотическими песнями и репортажами, священник отпускает собравшимся грехи.

— Еще не было на улицах стрельбы, а литовское радио на основных европейских языках стало передавать, повторяя многократно, сообщение, будто на улицах Вильнюса льется кровь, не хватает лекарств, перевязочных материалов, донорской крови, врачей… Стало быть, это сообщение — заготовка под сценарий жертвоприношения.

— Как только двинулась мотопехота, министр охраны края Буткявичюс знал, куда она направляется, призывая безоружных людей кинуться на защиту ТВ, уверяя их, что боевых патронов у солдат нет. Опять вопрос: почему не призвать людей переждать — ведь солдаты уйдут!

— Следствию хорошо известно, что у ТВ-башни стреляли с крыш близлежащих домов, из леса: вдруг и в самом деле у солдат окажутся холостые патроны! Кто-то очень хотел, чтобы захват ТВ-башни не обошелся без жертв.

— Поскольку обильного жертвоприношения не получилось, кому-то пришла в голову мысль объявить жертвами умерших от инфаркта, погибших в автокатастрофе, о чем также известно следствию.

Жертвоприношение на алтарь независимости Литвы планировалось заранее политической закулисой Ландсбергиса, которую потом поддержала закулиса Горбачева. Именно он подставил воинские части для поднятия престижа литовских «демократов».

Написано это было 3 сентября 1993 года.

Увы, все было зря — его не печатали: никакое

альтернативное мнение в Литве слушать не хотели.

Оставались стихи — Кучеров публиковал их под псевдонимом Ян Грач, который ни для кого секретом не был, и потому их ждала та же участь, что и статьи.

Баллада о неназванной войне
Иван Кучеров

…Шестая часть земли в огне горячих точек.
И ставят короли на карте мира прочерк.
В неназванной войне нет фронта, нет и тыла.
В неназванной войне
Одна на всех могила…

Эти и другие стихи, а также статьи, написанные профессором Кучеровым в тюрьме Лукишкес, мне вручил в январе 2015-го сын Ивана Даниловича, Игорь Иванович Кучеров, со словами: «Вам эти материалы нужнее. Можете пользоваться ими столько, сколько нужно». Мы тогда много говорили о его отце — о том, как тот выживал в вильнюсской тюрьме и как доживал в Минске, когда его выпустили досрочно, потому что он был смертельно болен и жить ему осталось считанные месяцы. А возвращать пухлую папку с вырезками и стихами было уже некому: весной 2015 года не стало и Кучерова-младшего. Это — его последнее интервью.

— Как ваша семья оказалась в Литве?

— Мы жили в Минске, потом отцу предложили должность замдиректора НИИ судебной экспертизы. Было еще предложение поехать в Волгоград, в Высшую школу милиции, но Литва была ближе, на поезде — три часа, и на семейном совете было принято решение, что он поедет туда, а когда обустроится, перевезет и нас. Но когда я был в десятом классе, мама умерла. Стоял вопрос: то ли меня забирать, то ли дать мне окончить школу? Но, поскольку квартиру отец в Вильнюсе не получил, жил в кабинете, было решено, что школу я окончу в Минске и попытаюсь поступить в институт. Так и получилось, что мы жили в разных городах. Каждые выходные либо он ко мне приезжал, либо я к нему. Показал он мне «от и до» этот Вильнюс.

— Вы, будучи ребенком, фиксировали в Литве какое-то межнациональное напряжение? Могли предположить, что впоследствии случится то, что случилось?

— У меня родственники по матери живут в Донбассе. И когда туда приезжаешь, чувствуешь себя, как дома. А здесь все равно тебя держат на дистанции. Даже в гости идешь и все равно чувствуешь, что ты чужой и что тебя терпят, и только. Все литовцы, с кем я общался, к русским именно так относились, хотя

все — занимали должности и были при партийной кормушке.

Сын Ивана Кучерова Игорь Иванович до последних дней пытался восстановить доброе имя отца. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Когда конкретно «запахло жареным», вы не делали попыток вытащить отца из Литвы? Почему у вас не сработала тревожная кнопка?

— Он все чувствовал! Но был таким ярым патриотом Советского Союза, что со всем своим энтузиазмом начал бороться с проявлениями национализма — выступать, призывать к объединению граждан, чтобы сохранить Союз. То есть сразу встал в оппозицию к новым властям, но при этом думал, что тем самым защищает законную власть. Выдернуть его оттуда было невозможно, потому что это была его жизнь. Он считал своим долгом сделать все, чтобы Союз сохранился и Литва осталась в его составе.

«Агент влияния»

— Чувствовал ли он ближе к январю 1991-го, что литовский нарыв неизбежно прорвется?..

— Он все время приезжал ко мне и делился впечатлениями. Конечно, никто и предположить не мог, что дойдет до стрельбы и кровопролития. Но он говорил, что там дела нехорошие, и во всем обвинял Горбачева. Мы с ним спорили, потому что, когда Михаил Сергеевич пришел к власти, мы аплодировали тому, что наконец-то ушли старики и пришел молодой и энергичный правитель. А отец мне сказал: «Это агент влияния, он сделает все, чтобы развалить Советский Союз». Он это говорил в открытую, во весь голос, не шепотом. Я еще подумал — как он не боится?

— Что отец рассказывал о событиях 13 января, кроме того, что трупы расстреливались на столах в морге?

— Именно это и рассказывал. Еще до появления всех газетных статей на эту тему говорил, что стреляли в спину, что на крышах сидели снайперы и палили по своим. А тех, кого не добили, добивали в морге. Рисовал мне траектории пуль.

— Его преследовали именно за это заключение?

— В целом за деятельность, венцом которой был этот самый «переворот», потому что при предъявлении обвинения ему сказали, что он — один из главных организаторов, а войска — это вторично… То есть тройка коммунистов организовала переворот и вызвала на подмогу армию. А его посчитали главным идеологом. Он был тогда профессором, доктором юридических наук и преподавал в Высшей партийной школе.

«Я другой такой страны не знаю…»

— Понимал ли он, что конец СССР предопределен?

— Он рассказывал, что, когда взяли телебашню, военные дали самолет, и они полетели в Москву, на прием к Горбачеву — с тем, чтобы тот ввел в Литве чрезвычайное положение. Они вечером прилетели, просидели всю ночь, а потом им сказали, что встречи не будет. И они улетели обратно. Горбачев уже выступил со своим знаменитым заявлением о том, что там будто бы бузили какие-то местные сепаратисты, а он ничего не знал. То есть он, по сути, выступил на стороне литовцев! Отец тогда сказал: это ж надо… И потом все время говорил, что Горбачева надо убирать, потому что он доведет дело до того, что не только отколется вся Прибалтика, а весь Союз развалится. Когда случился ГКЧП, отец его приветствовал. А потом, в конце августа 1991-го, я был на работе, и раздался совершенно неожиданный звонок: привет, я в Минске, на вокзале. Я поехал и завез его к себе. И вот тогда он ко мне окончательно переехал, потому что понял, что уже все…

— Он был в депрессии?

— Нет. В депрессии он никогда не был. Наоборот, энергия его переполняла! Все время говорил, что надо бороться. Паспорт гражданина Союза не отдавал. Говорил: ничего не знаю, я гражданин СССР! Потом, в тюрьме, ему это плохо аукнулось, потому что, когда пришел адвокат и предложил принять гражданство Белоруссии, — так можно было освободиться, — он говорил: «Не знаю такой страны. Есть Советский Союз!» Получается, что и белорусы его не могли забрать, и россияне. И он с этим своим советским паспортом просидел лишнее.

Казнили не его, а поэму

— А как он тогда попал в литовскую тюрьму, если успел вовремя уехать и жил в Минске?

— Время от времени он тайком по каким-то своим каналам наезжал в Вильнюс. Подпольно. Я ему говорил — ты не боишься? Летом я поехал на Украину к родственникам и попросил: «Я тебя умоляю — в Вильнюс без меня не езди». Он сказал: «Хорошо». И вот я приезжаю из отпуска, а его дома нет. А потом мне говорят: твоего отца арестовали… Сначала думали, что разберутся и его выпустят, потому что обвинение было абсурдным. Кроме того, следователь был его непосредственным учеником! А потом этого следователя убрали и поставили ярого антисоветчика Бетингиса. Тот его и «приговорил» по полной программе.

— В каких условиях он был в тюрьме и сколько времени?

— Два года, с 1993 по 1995-й. Первые полгода мне не позволяли с ним встречаться. А потом несколько раз было так: я приезжал к Бетингису, а он мне в свидании отказывал. Увиделись мы в итоге с отцом только в январе 1994 года. Я ездил к нему по мере возможности. Два раза снимали с поезда, не пускали в Литву. Потом стали пускать, но свидания следователь каждый раз давал, скрипя зубами. Отец рассказывал, что однажды написал поэму, но к нему подсадили уголовников. Его не били, но поэму, которая была в одном экземпляре, листик за листиком порвали. Вот это было его самое сильное потрясение от тюрьмы в отрицательном плане… Почему он писал под псевдонимом Грач? Потому что родился в Смоленской области, и у них в семье все были черненькие, в деревне про них говорили: опять Грачи налетели. Свою собственную фамилию ему было ставить неудобно. Все-таки он преподавал в партийной школе, а тут такие лирические стихи. Поэтому взял псевдоним. Он стихами жил. На первом месте у него была политика и защита Союза. А на втором месте стихи.

— Выпустили его, потому что он заболел?

— Да. Только не сразу. Сначала поставили диагноз: стадия ноль, рак без метастазов. Я тогда пошел к Бетингису и попросил выпустить его на лечение. Говорю: у нас в Белоруссии есть специализированная клиника. А тот мне и говорит: залог в 50 тысяч долларов. У нас таких денег, конечно, не было… И так они протянули до осени, когда нулевая стадия переросла в первую. Его хотели в Вильнюсе лечить, но он мне открыто говорил: «Игорь, они меня на столе зарежут. Мне не дадут проснуться, поэтому лечиться я буду только в Минске».

— Как его в итоге вывозили из Литвы?

— Сидя в тюрьме, он в конце концов все-таки получил белорусское гражданство. Для того, чтобы не испытывать больше судьбу, к нему приехали представители посольства, посадили в машину и срочно увезли в Минск. Залог заплатила Белоруссия по личному распоряжению Александра Лукашенко. Причем было поставлено условие: после лечения он вернется на суд. А потом он умер. Белоруссия ставила вопрос о возвращении залога, но я не знаю, чем это закончилось. Когда отца арестовали, я обил все пороги — и в министерство иностранных дел ходил, и к Станиславу Шушкевичу, и писал председателю правительства Вячеславу Кебичу. Всех обошел — и никто не оказал мне поддержки.

— Как отец прожил свои последние дни?

— Наслаждался свободой. Он просто ожил, крылья распустил, стихи опять начал писать. Буквально перед Новым годом ему сделали первую операцию — убрали две трети легкого. Оклемался. Выписался. Планы были грандиозные. На работу устроился, его пригласили консультантом в школе при управлении делами президента. Он читал лекции и очень этим гордился. К сожалению, в марте обнаружили метастазы во втором легком. Его тоже убрали. Тут он уже совсем по здоровью был плох. Но дух его не был сломлен — он даже после этого собирался ехать читать лекцию. Я его отговаривал: ну куда ты едешь. Он смотрел на меня с удивлением: работа для него была стимулом к жизни. Это была его последняя лекция — все слушали, затаив дыхание… Потом он снова попал в больницу, откуда уже не вышел. Я каждый день туда ездил. В тот последний раз, что я был, он сказал, что написал поэму. А говорить уже почти не мог. Я наклонился, и он минут 30 мне ее читал. Она просто за душу брала. Сосед по палате сказал потом, что, умирая, он читал стихи. Читал, читал, пока голос не угас. До последней

секунды…

* * *

Иван Кучеров (Ян Грач)
Лицом к лицу

Когда тебя скрутила жизнь
И к роковому тянет часу,
В комок энергии сожмись,
Сожмись в критическую массу.
Что тратиться по мелочам
На покаяния, на грезы?
Предстань судьбе и палачам
Лицом к лицу, но цельным, грозным!
Перед судом глаза не прячь,
Не горби перед стражей спину —
Ведь взгляд твой плазменно горяч
И мудр, и ты подобен джинну.
Кто смог держать таких в плену?
Ты — сгусток лазерного света —
Пройдешь тюремную стену,
Расплавив на руках браслеты.
…Когда тебя скрутила жизнь,
а прессинг перешел пределы,
держись! Что мочи есть держись!
Ты — Все! И свято твое дело.

Глава 5
Романтики против предателей

А теперь — самая гадкая история всей этой книги, потому что это история предательства.

Речь идет о деле «красных профессоров», осужденных за свои убеждения стопроцентных ученых-литовцах, пострадавших за нежелание уходить в навязанный сверху национализм. О судмедэксперте Иване Кучерове, который не дожил до суда, вы уже прочитали. Но на самом деле профессоров было четверо.

Одного из них — Юозаса Куолялиса — сначала на 8 лет привязали к Литве подпиской о невыезде, а потом еще добавили пятилетку реальной тюрьмы.

Двух других — Миколаса Бурокявичюса и Юозаса Ермалавичюса — литовские спецслужбы в нарушение всех мыслимых законов выкрали и вывезли из соседней Белоруссии. Судебный процесс над ними полностью перевернул историю сразу четырех стран и одного союза: Литвы, которая осудила лучших своих сыновей, признанных интеллектуалов, на 12, 8 и 6 лет. Белоруссии, нарушившей законы братства. России, которая в попытке отмыться от «красного следа» проглотила это, не подавившись. Европейского союза, «не заметившего» карательной литовской «демократии» и принявшего Литву в свои ряды, несмотря на наличие политзаключенных. И Соединенных Штатов Америки, которые ожидаемо оказались к этому причастны.

Восхищение вызывают только сами эти старики, дружно отказавшиеся писать прошение о помиловании, ради которого нужно было признать свою вину. Потому что «виноваты» они были только в том, что не меняли взглядов, что по тем временам было редкостью.

Миколас Бурокявичюс: «Я не пошел на поклон к литовским буржуазным националистам»

…Не думала, честно говоря, что решусь опубликовать это интервью. Когда мы с Миколасом Бурокявичюсом встретились несколько лет назад, он уже был не в лучшей форме и говорил фразами, будто бы списанными с учебников. Он был трогателен в своей убежденности, но слишком слаб и стар. Оставлять его в Истории таким не хотелось, потому что его вообще-то было за что уважать. Хотя бы за те 12 лет, которые он провел в тюрьме после того, как в 1994 году Белоруссия выдала его литовским спецслужбам. Профессор, доктор наук, идеалист, «ботаник» из коммунистического заповедника — когда-то он был отличным собеседником. А в момент нашей с ним встречи уже, к сожалению, нет — потому я отложила в сторону диктофонные записи, даже не думая к ним возвращаться.

Но вот не стало его 20 января 2016-го, и понеслось: «Умер один из организаторов государственного переворота 1991 года» — написали в литовских газетах…

Позвольте, это какого такого переворота? В 1991 году Литва вообще-то была в составе СССР, и официальная ее независимость наступила только 6 сентября, когда ее признал СССР. Или, если хотите, — 2 сентября, если признание США весит больше. Следовательно, январский государственный переворот в классическом его понимании — с многотысячными митингами, истерящим телевидением и занятым вооруженными добровольцами Верховным Советом — организовал совсем не Бурокявичюс, а кое-кто другой.

Судя по комментариям в интернете, заголовок о госперевороте сбил с толку не меня одну. Многие тоже подумали: умер-де другой организатор, «брюссельский музыкант», как в Литве называют Витаутаса Ландсбергиса, и, только вчитавшись, понимали, что речь идет о его антиподе.

Если не дать человеку слово, хотя бы и посмертное, имя его заврут — как заврали все другие сюжеты, у которых не осталось свидетелей.

Романтик от компартии, Миколас Бурокявичюс после того, как вышел из тюрьмы, решил никуда больше не бежать и тихо старился в своей квартире в окружении больной дочери и жены. То, что он сказал мне в интервью, было вторичным. Зафиксировать личность для Истории — вот что было важно,

когда я звонила в его дверь. Это получилось — хотя, когда мы увиделись, он уже не был блестящ — иногда забывался, плутал в детских воспоминаниях или уходил в термины. Но время от времени будто откуда-то выныривал — и тогда за шлейфом знакомых каждому со студенческих лет отрывков из лекций по научному коммунизму проскальзывало то, за чем, собственно, к нему и следовало идти.

Приказа не было

— Что, по-вашему, произошло в Литве на стыке 80-х и 90-х годов прошлого века?

— Фактически бывшая Компартия Литвы раскололась на две части — интернациональная часть коммунистов, около 40 тысяч человек, остались на позициях марксизма-ленинизма и избрали меня своим первым секретарем, а меньшая часть, которую возглавил Альгирдас Бразаускас, пошла по пути национального ограничения и перешла на социал-демократические позиции.

— После августовского путча во время обысков нашли ваше письмо к Михаилу Горбачеву от 7 января 1991 года, в котором вы будто бы просили вмешательства Москвы в литовскую ситуацию…

— Нет, было не так! Вопрос Горбачеву ставился не раз, только иначе: что при принятии решений ему следует учесть особенности Литвы. Чтобы учитывалась национальная и историческая специфика развития литовского народа и литовского государства.

— Я правильно понимаю: вас пытаются назначить главным организатором военного вмешательства в ситуацию в Литве в январе 1991-го. А вы утверждаете, что речь в том письме шла совсем о другом?

Профессор М. Бурокявичюс отсидел за свои убеждения 12 лет. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Только не о военном вмешательстве! Об этом не было ни слова. Дело в том, что Литва входила в Прибалтийский военный округ, который возглавлял генерал армии, Герой Советского Союза Валентин Варенников. Потом он стал первым заместителем министра обороны СССР, а его сменил генерал-полковник Федор Кузьмин. Это были очень умные люди. События, которые произошли в Вильнюсе, были спровоцированы литовскими буржуазными националистами по инспирации Запада, и обвинять Советский Союз и армию в этой провокации нет никакого повода. Нужно учесть то, что литовские экстремисты не раз стремились ворваться в военный городок. Отношения между военными и националистами очень обострились. Из этого потом и получился конфликт.

— Ну а люди-то в ночь на 13 января 1991-го как погибли? Есть же 14 погибших, и от этого никуда не деться!

— Нужно учесть то, что националисты сами стреляли по тем людям, которые погибли. Здесь все списать на армию нельзя. Это было бы преступлением и искажением исторической действительности. Варенников и Кузьмин оберегали людей и с одной и с другой стороны. Как там все случилось, никто сейчас не может ответить. Есть версия, что сами литовцы по литовцам стреляли, есть версия, что стреляли патрули, когда ломали заграждения. Но приказа командующего гарнизоном применять оружие не было. Это я вам подтверждаю. У меня был телефон ВЧ, по которому я мог связаться и с Москвой, и с военными, так вот — военные сами по этому телефону мне звонили и спрашивали,

что им делать? Вокруг ломают все, прыгают, стреляют… Ясно то, что это была провокация литовских буржуазных националистов.

В Литве была очень острая классовая борьба. Думающий человек всегда знает, что это может вылиться в борьбу вооруженную. Потому что литовские националисты советскую власть — ненавидели, про людей, которые работали и создавали советскую Литву, выдумывали всякие гадости и даже к самым высоким руководителям социалистического строительства — Антанасу Снечкусу, Юстасу Палецкису, Мечисловасу Гедвиласу — испытывали большую ненависть. Плели всякие интриги против этих людей, так что классовая борьба в Литве происходила не только в 1945-м, но еще и после войны.

Горбачев не отвечал

— Откуда в Вильнюсе в ту трагическую ночь взялось столько иностранной прессы? Кто ее пригласил и пустил?

— Это, видимо, вопрос не ко мне. Я только могу вот что сказать: январские события Ландсбергисом планировались не один день. Потому что классовая суть борьбы уже созрела такая, что столкновение между людьми, выступающими за прогресс, и людьми, которые отстаивали регресс и хотели возвратить буржуазный строй, было неизбежным. Капиталистические страны — Германия, Америка, Франция — испытывали большую ненависть к советскому строю в Литве и оказывали всяческую помощь литовским буржуазным националистам.

— То есть вы считаете, что иностранных журналистов в ту ночь позвал Ландсбергис, чтобы зафиксировать планируемую провокацию?

— Большая доля Ландсбергиса в этом есть. Почему я сказал «большая доля»? Потому что иностранные империалистические государства, почувствовав критическое состояние в Литве, в этом сами принимали участие. Вопрос шел о государственном строе. И националисты, которых возглавлял Ландсбергис, опирались на западные буржуазные режимы.

— Вы были в ночь на 13 января 1991 года на связи с Горбачевым?

— Как начались события, я стал звонить, но Горбачев не отвечал. Я передал свой протест по телефону. Горбачев спрятался, я бы так сказал. Избегал встречи. У меня вертушка была, прямой телефон, у единственного в Литве. Так что мне не нужно было кого-то просить, я просто напрямую поднимал трубку, и он отвечал.

«Я рос среди подпольщиков»

— После августовского путча вам пришлось уехать из Вильнюса. Вам угрожали?

— Угрозы я получал и раньше. И письменно, и не письменно, и провокации были. Было понятно, что если я являюсь первым секретарем Компартии Литвы, значит, националисты будут устраивать всякие провокации, и за то, что мы отстаиваем советский социалистический строй, прощения нам не дадут. Потому что после войны в Литве была оставлена агентура немецкого фашизма. Так что в том, что случилось в январе 1991-го, не советский строй виноват, а те буржуазные деятели, которые остались еще с режима Сметоны, и те люди, которые принимали участие в войне на стороне гитлеровской Германии. Классовая борьба в Литве проходила очень остро. Ведь погибло больше 40 тысяч мирных граждан, абсолютное большинство из которых были крестьяне, которые получили от советской власти земли.

Нужно знать природу литовского буржуазного национализма. А эта природа имеет связи с фашизмом, с которым боролись не только коммунисты, но и самые прогрессивные люди. И они потом возглавили литовское советское правительство. При таких героях, как Палецкис, Снечкус, Гедвилас, Литва стала развитым социалистическим государством в составе Советского Союза. Литва свою государственность не потеряла! Только изменилось содержание: был буржуазный строй, а потом она стала социалистической. Почему все молчали, когда немецкие фашисты, гитлеровцы оккупировали Литву и создали свои структуры? А все советское ненависть вызывает у литовских националистов. Я — литовец, у меня отец литовец и братья все. И нельзя всему литовскому народу приписывать негативную деятельность.

— Вы живете долгую жизнь, не могу сказать, что стопроцентно счастливую, поскольку на вашу долю пришлось много испытаний. Если бы вы могли что-то изменить и переписать в своей биографии, что именно переделали бы?

— Переписать ничего невозможно, потому что человек живет только один раз, и должен дать за свои действия ответ сам. На мою позицию повлияли такие исторические события, как борьба моего брата и моего отца против буржуазного литовского фашистского режима. Я рос в семье, в которой были подпольщики, члены коммунистической партии. Мой брат Йонас стал комсомольцем при фашистском режиме, который за это его преследовал. В 14 лет его арестовали за коммунистические взгляды, отправили в лагерь, но он не сломался, остался на своих

позициях и в 1941 году принимал участие в строительстве советской власти. Когда началась война, гитлеровцы и литовские буржуазные националисты его расстреляли. И его, и отца, и мать. После пули она еще живая была, так штыком закололи. Другой брат сидел в годы оккупации в тюрьме в Каунасе.

Кто будет смеяться последним?

— *Вы получили за свое «преступление» нереальный срок — 12 лет, так?*

— Да.

— *Вам предлагали писать прошение о помиловании?*

— Не один раз.

— *И что вы?*

— А что я? Я — не предатель своего народа. Я — представитель рабочего класса.

Коммунисты Литвы никогда не должны обращаться с прошением к буржуазному правительству. Потому что у меня брат был деятелем коммунистической партии, и когда его арестовали, он не подавал никаких прошений. Мой отец тоже был коммунистом и на поклон к буржуазии не шел. А почему я должен был идти? Я категорически отказывался. Они два или три раза предлагали мне, даже письменно. Я на поклон не пошел, потому что не пошли ни мой отец, ни мой брат. Тюрьма есть тюрьма. Если будешь в слезах, то быстро умрешь. Нужно найти путь, чтобы выжить. Набрать силы в себе и бороться.

* * *

Он и боролся. С болезнями, нищетой и насмешками. Вернее было бы написать, что он их не замечал.

Насмешки, впрочем, закончились гораздо раньше, чем жизнь Миколаса Бурокявичюса, — с каждым коммунальным платежом, каждым литром вылитого литовскими крестьянами за ненадобностью молока и каждым авиабилетом в один конец, по которому в Европу улетали дети и внуки его сограждан.

Которым еще только предстоит узнать, как над нашим временем посмеется тот, кому выпадет смеяться последним.

Юозас Куолялис: «Не Литва разрушила СССР, а Москва»

«Был в партии Геббельсом, а прикидываешься, будто ни при чем?» — грубо встретил Юозаса Юозовича следователь.

Это было летом 1994-го, спустя три года после того как ликвидировали Компартию Литвы на платформе КПСС, в которой он был секретарем по идеологии.

Было бы неправильно сказать, что он этого ждал, хотя и жил под подпиской о невыезде. Это не страшно: ехать ему все равно было некуда, незачем и не на что — честно заработанной пенсии его лишили сразу после августовского путча и арестовали старый автомобиль. Новая литовская власть с самого начала знала толк в унижениях.

В августе 1999-го Юозаса Куолялиса осудили. За должность, а не за деятельность: он при всем желании не мог «организовать группу военных Псковской воздушно-десантной дивизии Министерства обороны СССР» для захвата студентов и преподавателей Вильнюсского педагогического института» и, построив 42-ю дивизию Внутренних войск МВД, захватить Дом печати… Но это обвинение тем не менее потянуло на 6 лет тюрьмы, из которых он отсидел пять и вышел в 2004 году, когда Литва уже вступила в Европейский союз. Потому что это было уже совсем неприлично — быть членом ЕС и иметь политзаключенных…

В этой истории есть один плюс — то, что, сидя в тюрьме, Юозас Куолялис написал книгу «Дело на стыке двух столетий», — так что концентрированная глупость, которую он зафиксировал в литовских судебных решениях, никуда из Истории не денется.

Правда же о том, как он попытался донести всю абсурдность этого дела до ушей Европейского суда по правам человека, из всех существующих букв и знаков заслуживает только многоточия. Как символ разочарования в наивной вере постсоветского человека в «цивилизованную Европу».

«Куолялис против Литвы»

— За что вас все-таки осудили?

— «За создание антигосударственных организаций и подстрекательство событий января 1991-го». «Антигосударственной» организацией посчитали

коммунистическую партию. Подстрекательством сочли мои выступления по радио и телевидению уже ПОСЛЕ событий. Вот так.

Бывший идеолог Компартии Литовской ССР Юозас Куолялис: «Конвенция по правам человека коммунистов не защищает». *Фото Г. Сапожниковой.*

Весь декабрь до самого нового, 1991 года я находился в Лаосе, отдыхал с женой. Вернулся, когда атмосфера в республике уже накалялась. Потом еще неделю был в Москве: в Академии общественных наук проходили курсы для идеологических работников всех республик, и я там учился. Приезжаю в Вильнюс 12 января, а там забастовка. Поезда не

ходят. Я в Ново-Вильне взял такси и поехал домой. Несмотря на то, что Комитет национального спасения образовался в декабре, когда меня не было не то что в Литве — в Советском Союзе, — мне приписали его организацию. Все мои возражения из протоколов выбросили, ничего из того, что я говорил на суде, не учли и в итоге посадили на 6 лет.

— Наутро после событий вы слышали другие версии того, что произошло? Или все вокруг как один твердили, что 13 литовцев расстреляли советские солдаты?

— Вначале все думали, что люди погибли в результате этого наступления. Но потом постепенно выяснилось, что все совсем не так. Люди приходили к нам в ЦК и рассказывали, что стреляли именно солдаты Ландсбергиса, а у армии были холостые патроны.

— То есть это с самого начала не было секретом?

— Ну конечно! Кроме того, когда мне было предъявлено обвинение, я изучал материалы дела и обнаружил там официальный акт экспертизы, в котором четко было сказано о том, что в людей стреляли сверху. Но потом эта тема была запрещена.

— Вы верили в то, что в Страсбурге во всем разберутся?

— Я был уверен, что Европейский суд по правам человека нас оправдает. В Страсбурге делом «Куолялис против Литвы» занимались 8 лет, сразу приняли заявление, присвоили номер и вообще занимались вопросом серьезно. Они были склонны признать это нарушением Конвенции основных прав и свобод человека и предложить сторонам помириться или выплатить компенсацию. А потом Парламентская Ассамблея Совета Европы осудила коммунистические режимы, в коллегии суда поменялся председатель и появилось окончательное решение, что никакого нарушения конвенции нет. Видимо, были приняты организационные меры.

— По команде сверху?

— Я думаю, что команда была. Я обращался в Страсбургский суд, пока Литва не была принята в Евросоюз. А потом наша делегация во главе с Ландсбергисом провела работу… Как оказалось, коммунистов Конвенция по правам человека не защищает.

«Здесь даже правительству нечем руководить»

— Когда компартия Литвы раскололась, вы поддержали ту ее часть, которая осталась на позициях интернационализма. Где

источник ваших убеждений?

— За один день коммунистом не становятся. Мне всегда национализм был чужд, а в том оголтелом варианте, в котором он в конце 80-х проявился в Литве, он, конечно, для меня был неприемлем. Мои родители были крестьяне, бедняки.

Если бы не советская власть, из этой хаты, где мы с вами сейчас беседуем, я бы никуда не уехал. Я бы где-то батрачил и всю жизнь прожил здесь, рядом с фотографией моих родителей и вот этой иконой, — когда я родился, она уже висела, и я ее не снимаю. Мой двоюродный брат здесь, в этой деревне, прожил всю жизнь, и чувствует себя даже более счастливым, чем я, хотя я объехал почти весь мир.

Я получил возможность получить образование, видел, как выходит Литва на хороший уровень — и экономический, и культурный. Это все капелька за капелькой добавляло аргументы к моей позиции. Литва, как писала Саломея Нерис, была «звенящей — струной» в Советском Союзе. Хорошо у нас получалось все — и культура, и экономика. А прорвались все эти националистические чувства, и все… Но это болезнь не только Литвы. Я смотрю, что и Россия сейчас кричит «Россия для русских», — как у нас когда-то кричали, что Литва для литовцев. Это нехорошо.

— Я не встретила в нынешней Литве ни одного человека, который смотрел бы в будущее с оптимизмом. Какой вы видите Литву лет через 15–20?

— Не знаю, очухается она когда-нибудь или нет? Люди уезжают, никакой промышленности не создается, та, что была, развалена. Машиностроение, приборостроение, электроника, легкая промышленность — все это было создано во время советской власти. Сейчас ничего нету — все обанкрочены, разграблены, — а если и есть какое-то производство, то оно находится в руках иностранных компаний. Здесь даже правительству нечем руководить. Не создаются новые рабочие места, безработица, перспективы невеселые.

Охота на коммунистов

— Связана ли нынешняя литовская нетерпимость к инакомыслию с традициями первой Литовской Республики, которая тоже славилась репрессиями по отношению к коммунистам? Казалось бы: получили независимость — так цветите и радуйтесь! Почему новое литовское государство началось с арестов?

— Было придумано, что будто бы готовился государственный

переворот. На этом основании пересажали всех коммунистов. Компартия у нас запрещена, коммунисты вне закона.

— Когда произошел августовский путч, вам сразу же стало понятно, что начнется «охота на ведьм»?

— Москва делала то же самое. Если бы не Москва, я думаю, что в Литве никаких арестов не было бы. Считайте, что в то время это было модно — охотиться на коммунистов. Я думаю, что меня арестовали за должность, а не за деятельность, — чтобы поднять уровень арестованных. Я долгое время занимался идеологической работой компартии Литвы, почти 15 лет работал заведующим отделом пропаганды. Никакого отношения к событиям 13 января не имел, это было доказано. Но было, видимо, указание со стороны Бразаускаса и Ландсбергиса посадить меня вместе с другими.

— Почему та серия арестов не вызвала в Литве волны протестов? Люди боялись или настолько были отравлены тогдашней пропагандой, что считали это правомерным?

— Я думаю, что это происходило не только в Литве. Какой-то туман был во всем Советском Союзе. В Москве, когда арестовывали гэкачепистов, я тоже не видел, чтобы кто-то особенно протестовал. Было большое замешательство в компартии в целом, а не только в Литве. В такой атмосфере, если даже кто-то и считал, что арестовывать неправильно, проявлять себя не смел.

— Как вы думаете — можно ли было остановить распад Советского Союза? Или это было исторически предопределено и от нас не зависело?

— Как не зависело — если нас предало Политбюро во главе с генеральным секретарем, Президентом СССР?! Главная причина: предательство наверху. Не надо было допускать к рулю такого генерального секретаря.

Я считаю Горбачева предателем номер один. Не Литва ведь разрушила нашу страну, а Москва. Точнее, Кремль. Джеймс Бейкер (госсекретарь США времен Рональда Рейгана. — *Г. С.*) писал в своих мемуарах: мы истратили миллиарды долларов на разрушение Советского Союза, но главное, что мы нашли предателей.

— Когда мы встречались с вами несколько лет назад, в вас все-таки жила надежда, что здравый смысл в обществе восторжествует. Теперь ее поубавилось?

— Если говорить о перспективах, думаю, что будет чем дальше, тем хуже. Мир идет по очень скользкому пути. Сейчас вот я даже удочку забросить не могу, потому что все приватизировано. Приезжаю на озеро, а тот человек, кому это

озеро сейчас принадлежит, вызвал полицию с собакой. И меня выгнали.

…Для человека, жизнь которого прошла в СССР, последнее наказание показалось суровее 8 лет подписки о невыезде и нескольких лет тюрьмы…

Юозас Ермалавичюс: «В том, что пастух из «деревни рабов» стал профессором, и заключается уникальность советской власти»

«Я — гражданин Российской Федерации», — говорит он с гордостью с порога. И только потом называет имя.

Нашел чем удивить: здесь таких еще примерно 146 миллионов. Но его случай особый.

«Решил принять гражданство России еще в тюрьме, — объясняет Юозас Ермалавичюс. — Я был гражданином Советского Союза, и, когда Россию объявили правопреемницей, у меня появилось законное право получить гражданство. Еще судебного приговора не было, шло расследование, а российские власти получили от своих юридических органов справку о том, что в моих действиях нет состава преступления. Так что российское гражданство мне было присвоено еще до объявления приговора литовским фашиствующим судом».

Эта история о том, как и почему разводятся с одной родиной и женятся на другой.

Из пастухов в профессоры

— Юозас Юозович, я хотела бы удостовериться, что вы — самый что ни на есть настоящий литовский литовец, а не какой-нибудь Иосиф Ермолаев, засланный в тыл врага.

— Я родился в Литве в 1940 году, в деревне Вергакиемис. Название, если перевести на русский язык, переводится как «деревня рабов». Я горжусь тем, что родился в Литве, хотя ни один человек не может выбрать место рождения, как и родителей.

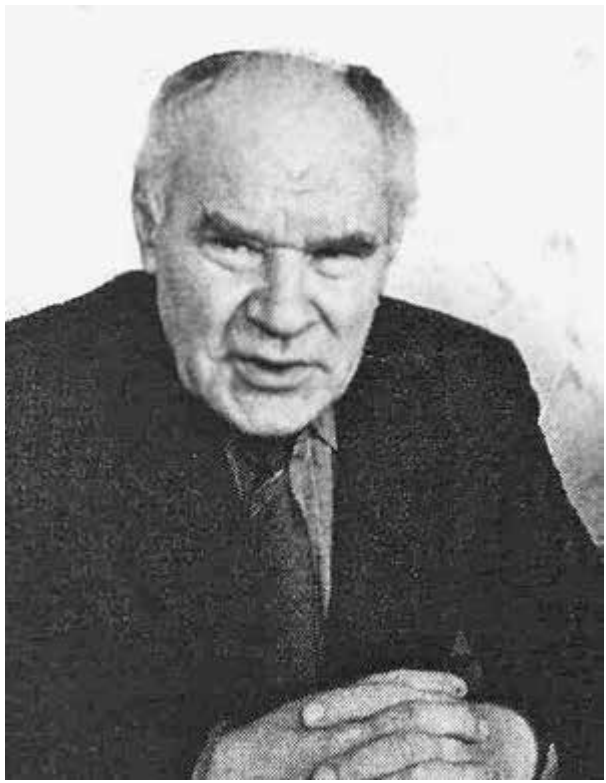
— Каким же образом выходец из «деревни рабов» стал доктором исторических наук?

— В этом и заключается уникальность советской власти: то, что пастух, ходивший босиком, может стать профессором. Мои родители — крестьяне. Я умел делать все сельские работы. Трудился в послевоенное время и учился. Окончил Вильнюсский университет, факультет истории. Второе высшее образование — политическое. Защитил кандидатскую, потом докторскую диссертацию. Стал профессором.

— Как сейчас бы сказали, были «в шоколаде», пока не подули

ветры перемен.

— Я и сейчас «в шоколаде». Необъявленная война, которую развязала мировая империалистическая реакция против советских народов, конечно, — сыграла свою роль в моей судьбе. Но я — коммунист, обладающий научным мировоззрением, понимаю, что происходит, и знаю объективную логику всемирной истории. Для меня ничего не-ожиданного и непонятного нет.



Профессора Ю. Ермалавичюса литовские спецслужбы выкрали из Белоруссии и перевезли через государственную границу без паспорта. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Иллюзия свободы

— И в 1985–1987 годах, когда Литву закрутили ветры перемен, тоже понимали?

— Конечно. Я стал понимать, какие процессы начинаются в мире и в нашей стране, еще в 70-х годах прошлого века. Работал тогда в Институте истории партии при ЦК компартии Литвы. Если ты занимаешься научной работой, просматриваешь

информационные материалы и постоянно следишь за статистическими сборниками, то начинаешь кое-что замечать. А именно: что пик подъема промышленного производства в ведущих странах мира приходится на вторую половину 60-х годов. А с начала 70-х начинается спад промышленного производства. Сначала заговорили об энергетическом кризисе и ограниченности энергоресурсов на планете. В 1971 году официально было объявлено о снятии золотого обоснования доллара США. Доллар превратился в пустую бумажку. Стало понятно, что начинается очередное обострение общего кризиса капитализма.

Году примерно в 1974-м, перелистывая американские журналы, я увидел факсимиле секретных протоколов Договора о ненападении между СССР и фашистской Германией, подписанного в Москве 23 августа 1939 года. Там была подпись Молотова латинскими буквами. Невероятно! И под германским текстом, и под русским! И с тех пор ежегодно в середине июня сенат США принимал различные документы по вопросу о так называемой советской оккупации республик Прибалтики — Литвы, Латвии, Эстонии.

К концу 70-х годов в мире уже вовсю разворачивалась пропаганда о целесообразности перераспределения сфер влияния на планете. В зону жизненных интересов США были включены социалистические страны Центральной и Восточной Европы. Первый факт необъявленной войны против мировой социалистической системы со стороны американского империализма и его сателлитов приходится на осень 1980 года в Польше. Сразу последовала попытка перенести польский кризис в Советский Союз через Литву. Но не получилось.

— К моменту прихода Горбачева Литва была самой богатой республикой СССР, очень процветающей. Так?

— Несомненно. В социалистической Европе было три вершины по стандартам жизни: Чехия, ГДР и Литва.

— Но в памяти о Литве конца 80-х остался не уровень жизни, а многотысячные митинги с триколорами.

— Я думаю, что это проявление кризиса сознания. Затмение ума. Хотя митинги, защищающие советскую власть, тоже были многотысячными.

Когда приняли акт о восстановлении независимости Литвы, мой отец расхохотался над иллюзией свободы. Сказал: ну, сейчас будет полная свобода от нефти и газа. Он был, конечно, мудрым человеком.

Ландсбергис жаждал крови

— Давайте подойдем ближе к тем событиям, «благодаря» которым вы оказались в тюремной камере и которые сейчас, спустя 25 лет, вдруг опять стали актуальны. Это правда, что уже в декабре 1990-го врачам «Скорой помощи» в Вильнюсе было дано указание готовить госпитали для большого приема раненых? Были ли знаки, которые говорили о том, что 13 января 1991-го произойдет трагедия?

— Конечно, поскольку до Вильнюса были события в Тбилиси и в Баку. Почему устраивались такие провокации с кровопролитием? Первое: чтобы дискредитировать Советскую армию. Провоцируется столкновение. Такого дурака, который бы поднял Псковскую дивизию наступательных войск против подвыпившей митингующей толпы, надо было еще поискать. Оказывается, это было сделано по указу Президента СССР Горбачева.

— Он это категорически отрицает.

— У него иррациональное мышление. Адекватного восприятия жизни нет и никогда не было. Стыдно президенту говорить, что он не знает, что происходит в его стране. Он все знал, что делал. Второе: дискредитация компартии. Чтобы вывести из-под удара компартию Литвы, распространили слух о создании Комитета национального спасения Литвы, который берет на себя всю полноту власти. Дезинформация противника — обязательный атрибут войны. По сути, никакого комитета и не было. Но вся империалистическая агентура ополчилась в результате на этот пресловутый Комитет национального спасения, а компартия Литвы осталась в тени. Советский Союз разрушался в Москве. Ландсбергис, Гамсахурдия и другие — это только пособники, исполнители на местах той роли, которую играли ведущие деятели советского руководства в разрушении СССР.

Судя по стенограммам того времени, в Верховном Совете Литвы шла дискуссия — проливать кровь или нет? Я их читал, они изданы. Так что о готовящейся провокации там знали.

Вечером, накануне 13 января, был образован Военный совет Литвы во главе с Ландсбергисом, которому передавалась вся власть в республике. За кровопролитие выступали Ландсбергис, Буткявичюс, Лауринкус (директор департамента госбезопасности. — *Г. С.*). Против — профессор Антанавичюс, доцент Стаквилявичюс и Юргялис, который тоже какое-то время был директором департамента государственной безопасности.

Шла дискуссия. Антанавичюс убеждал, что процессу разрушения Советского Союза мы не можем ни противодействовать, ни содействовать. Это разрушение было

задано более могущественными силами. «Имеем ли мы право требовать жертв? — спрашивал он. — Зачем жертвовать молодежью?» Но Ландсбергис жаждал крови.

«Нас обманули!»

— Что вы почувствовали, когда спустя 21 год появился Альгирдас Палецкис с фразой «Свои стреляли в своих», и правда полезла со всех сторон как джинн, выпущенный из бутылки?

— Это не от Палецкиса зависит. Правду не скроешь.

— То есть для вас с самого начала было ясно, что Советская армия не применяла оружия?

— Нет. Нет. Не применяла.

— И эта правда для многих очевидна в Литве?

— Нужно понимать и людей. Мелкие собственники и обыватели легко поддаются обману. Но сами под танки люди не лезли, их подталкивали. Лорета Асанавичюте погибла не под гусеницами танка. Ее доставили живой в больницу. Ее под танк подтолкнули. Показания есть. И я сам слышал в суде, как об этом говорила ее подруга. Есть показания свидетелей, что с крыш начали стрелять в толпу у телебашни еще до появления войск. Я читал это в уголовном деле по январским событиям. Медицинская экспертиза установила траектории: большинство погибло от пуль, получаемых под углом 30–60 градусов. Пули различные, есть даже от старинной винтовки Мосина. Из этой винтовки кто-то стрелял и убил человека. Это подтверждается. И для меня имеет большое значение вот что. Рано утром 14 января ко мне приехал молодой ксендз из деревни, он тоже был у телебашни. Разочарованный, шокированный, он повторял: «Нас обманули!» Стреляли с крыш, он сам видел. Я верю ему. Раз он обращается к человеку противоположного мышления (а я никогда не был верующим человеком, я родился свободным от религии, был известным атеистом в республике) — значит, его стремление рассказать мне то, что он там видел, это серьезно.

— Аудрюс Буткявичюс намекал мне в интервью, что стрелять могли боевики лидера «Единства» Валерия Иванова. Русская община в те дни тоже была настроена весьма нервно…

— Не могли! У Иванова таких людей не было. Я знаю Валерия Васильевича давным-давно. Он митингующий человек, а не стреляющий. А вот Буткявичюс мог организовать. Он очень коварный. Когда он был на свободе, то давал показания против нас. Он даже не мог различать, кто Бурокявичюс, а кто Ермалавичюс, мы у него шли через черточку. А когда его

посадили за какие-то махинации, то из тюремной камеры он дал показания прямо противоположные. То, что говорит Буткявичюс, не стоит принимать всерьез — он же сам и приглашал людей к телевизионной башне и во всеуслышание повторял: солдаты не имеют боевых патронов, идите, не бойтесь.

«Подарок» для американского президента

— После августовских событий вам, как и многим другим, пришлось перейти на нелегальное положение?

— Я два с половиной года скрывался в коммунистическом подполье в России, на Украине и в Белоруссии. Если бы меня тогда схватили, мы бы тут с вами не беседовали. Меня бы уже не было в живых.

— А как все-таки получилось, что вас с Миколасом Бурокявичюсом арестовали в Минске?

— Я обитал там не больше полутора недель. Готовилось совещание прибалтийских коммунистов. Утром 15 января 1994 года приехал на вокзал, встретил человека из Москвы, одного из руководителей коммунистического движения на территории Советского Союза, мы приехали на квартиру, где жил Бурокявичюс, и тут звонит моя хозяйка: на ту квартиру, где я жил, пришла милиция. Спрашивают меня. Что делать? Сумка с моими вещами была собрана и стояла на балконе — я всегда был готов немедленно уйти. Вышел на трамвайную остановку, чтобы встретить людей, — тут подъезжает милицейская машина, выходит милиционер и человек в штатском. Последнего я когда-то раньше видел. Милиционер говорит: «Вы задержаны». Таким же образом выманили и Бурокявичюса. Меня отвезли в отделение милиции, там уже были люди из прокуратуры Литвы, а само задержание производил человек, который был связан с ЦРУ.

— Почему вы так решили?

— Мне рассказывали, что в литовском департаменте госбезопасности было две службы. Одна боролась за национальные интересы, а другая за американские. Разница была даже в зарплате. Национальная служба нас не арестовала бы.

— А как вас везли, в какой машине? Не в багажнике хотя бы, цивилизованно?

— Нет, нет. Мы вдвоем и с двух сторон еще люди в масках. И впереди человек из литовской прокуратуры.

— То есть Белоруссия сделала все для того, чтобы помочь Литве?

— Потом мне сказали, что кому-то якобы заплатили за это

10 тысяч долларов США — по тогдашним ценам это двухкомнатная квартира в центре Минска, — чтобы на границе «не заметили», что меня вывезли без паспорта из одной суверенной — державы, — Белоруссии, в другую суверенную державу — Литву. Как раз в тот день в Минск прилетал американский президент Билл Клинтон, вот и сделали все под этот шумок. Но нашей кражей в Белоруссии был вызван кризис власти, в результате чего «полетели» два министра, Станислав Шушкевич проиграл президентские выборы и в президенты пришел Александр Григорьевич Лукашенко. Потому я даже рад тому, что все так получилось.

— *Удивительное у вас чувство юмора после тюрьмы…*

— Все смешно в этом мире. В 1991 году внутренние и внешние разрушители Советского Союза перешагнули грань допустимого в мировом историческом процессе. Все их деяния оборачиваются прямо противоположными последствиями. Они погубят сами себя. Как профессор я могу поставить им пятерку.

— *Все было бы замечательно, если бы не восемь лет жизни, которые вы провели в заключении…*

— О, это такая академия, освобождающая человека от иллюзии! Через решетку мир видится совсем иным. Мы сидели в камере, песни пели. Революционные… Для познания мира — это такая ценность! Кто не был в тюрьме, тот серьезным революционером не будет.

— *Это правда, что Евросоюз упрекал Литву за факт наличия политзаключенных и что вам предлагали написать прошение о помиловании, чтобы сократить срок? Но вы отказались.*

— Правда. Мне, правда, оставалось тогда отсидеть всего две недели. А Бурокявичюс и Куолялис отказались сознательно, конечно, — мы же не признаем своей вины. Мне предлагали признать вину хотя бы отчасти. Говорили: «Вас знают, как умеренного коммуниста. Получите два с половиной или три года тюрьмы, а потом станете депутатом сейма или министром». Но человеческая порядочность оставаться самим собой стоит гораздо дороже. Если ты продаешься, ты становишься тряпкой. Мне на политику всегда было начхать. Но быть тряпкой в жизни?! Нет, нет.

«Агонизирующий народ не понимает, что делает»

— *Чувствовали ли вы угрозу собственной безопасности, когда вышли из тюрьмы?*

— На мою жизнь покушались еще в марте 1991 года. Тогда

промахнулись — обстреляли квартиру, где я жил. А Бурокявичюс как-то вышел погулять рядом с домом после операции, и какой-то молодой человек подскочил и ткнул его кулаком в грудь. К счастью, не попал в рану. Еще был случай с нашим соратником Юозасом Станкайтисом — это был журналист и очень талантливый человек. Ему было за 80 лет, он болел раком. Кто-то кулаком толкнул его в спину, он упал на землю и в больнице скончался. Не надо становиться жертвой преступления каких-то умственно ограниченных лиц. Агонизирующий народ не понимает, что делает.

Хотя большинство людей нынче, если верить социологическим опросам, склонны уехать из Литвы, все равно есть фанатики, которые живут совсем в ином мире. Если так и дальше пойдет, то и народа этого не станет. Он погибнет. Сейчас такая ситуация в мире, что из этого глобального кризиса выйдут далеко не все. Куда идет литовский народ? В могилу истории. Иного исхода не будет. Если не образумится.

Одной страной выйти из кризиса невозможно, как в 1917-м. Выход в интегрированности мира, в обобществленности. Но быстрых побед не будет. Реакция себя еще покажет. Но это агония всей мировой капиталистической системы. Всей старой цивилизации, основанной на частной собственности. Она изжила себя. Это определено мировой научно-технической революцией во второй половине XX века, которая обеспечила глобализацию материального производства. И эта глобализация непримиримым образом столкнулась с частной собственностью на средства производства.

— Если это перевести на более доступный язык, что станет с Литвой и с Россией?

— Они станут социалистическими. Социалистические революции победят первоначально в большинстве, а в дальнейшем и во всех остальных странах мира. Человечество может развиваться только в направлении своего исторического прогресса. Попытки зигзагов и откатов в обратную сторону — это деградация. А деградация не бесконечна, она обречена на гибель.

* * *

По крайней мере, теперь понятно, почему профессора Ермалавичюса на 8 лет изолировали от литовского общества.

Потому что это общество могло ему поверить…

Владимир Егоров: «Я не думал, что получится такой резонанс»

История, которая произошла с героями этой главы, коснулась двух стран: и Литвы, и Белоруссии. Но распорядились они ею по-разному.

Первая выстроила на этом политический капитал. Работники литовской прокуратуры, выкравшие лидеров компартии в нарушение всех мыслимых и немыслимых законов, выступают по телевизору, считают себя героями и до сих пор бахвалятся своим «подвигом». Тогдашний генпрокурор Артурас Паулаус-кас и его соучастники по этой охоте сделали неплохую карьеру. Тема «красных профессоров» в Литве никогда больше не поднималась ни в литературе, ни в публицистике, не говоря уж о попытке извиниться от имени государства или посыпать голову пеплом за свойственную молодой литовской демократии горячность.

Весь «пепел» достался соседней Белоруссии, в которой информация о том, как двух литовских коммунистов, у одного из которых даже не было с собой паспорта, перевезли на заднем сиденье автомобиля через государственную границу, — вызвала страшный скандал.

На ковер в Верховном Совете вызвали виноватых — министра внутренних дел Владимира Егорова и главу республиканского КГБ Эдуарда Ширковского. Их же назначили главными виновниками этого международного позора и отправили в отставку, хотя руководил операцией генпрокурор Василий Шолодонов. Тогдашний председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич в кресле усидел, но ненадолго. Уже через три дня будущий белорусский президент Александр Лукашенко нашел другой повод для его устранения — ящик гвоздей, за который Шушкевич вроде бы забыл заплатить. В тогдашнем голодном обществе это преступление оказалось важнее потерянной чести.

Ни сторонникам тогдашней вакханалии демократии, ни ее противникам не удалось доказать, что отмашку на выдачу Ермалавичюса и Бурокявичюса дал именно Станислав Шушкевич. В протоколах скандальных заседаний Верховного Совета осталась следующая картинка: литовская прокуратура, — вдохновленная жаждой мести, требовала выдачи экс-лидеров компартии. Бригады следователей свободно колесили как по Белоруссии, так и по России, и бомбили письмами прокуратуры. Наконец белорусский генпрокурор сдался и попросил своего коллегу —

министра внутренних дел — поспособствовать в данном мероприятии. Тот согласился, не представляя, что попадет в учебники истории именно благодаря этому проколу, который перевесит все его предыдущие и будущие профессиональные подвиги.

К чести генерал-полковника, Владимир Егоров не отказался от интервью, хотя и прекрасно понимал, о чем его будут спрашивать и за что именно стыдить.

«Мы, наверное, не тот народ…»

— Это правда, что в начале 90-х вы категорически отказались разгонять в Минске оппозиционную демонстрацию?

— Ситуация была исключительно отчаянная, с последствиями, которые дали бы много крови. Мое имя было бы проклято моими соотечественниками. Действительно, на площади была стотысячная демонстрация. От меня требовали ее разогнать: за столом председателя Совета Министров собрались члены бюро ЦК и все правительство и тыкали мне в лицо — смотри, что творится: демонстранты на памятник Ленина залезли, оцепление прорвали, а ты, министр, бездействуешь. И бумагу мне швыряют — пиши рапорт. Я говорю — нет, писать не буду, я знаю, чем это закончилось в других республиках. Мы, наверное, не тот народ, который согласился бы с тем, что лучше применить силу и убить, условно, 10–15 человек, чем допустить массовые погромы, беспорядки и гораздо большее количество жертв. Затем была еще одна ситуация: на площади Якуба Коласа один протестующий поставил палатку и грозил взрывом. А назавтра там собиралась огромная демонстрация Народного фронта. Если бы мы начали эту палатку сносить и применять силу, ему стоило только чиркнуть спичкой, как он сгорел бы. Представляете, что бы в этом случае натворила толпа? Поздно ночью я послал машину за лидером оппозиции, Зеноном Поздняком, и сказал: палатку убирать не будем, но с одним условием. Если будет разбита хоть одна витрина или стекло по проспекту, где вы будете шествовать, я применю силу… И все прошло мирно.

— Но вас после этого заподозрили в особых симпатиях к оппозиции. Вы — убежденный демократ, или это ваш милицейский профессионализм говорил вам о том, что нельзя переступать черту?

— Я тогда убежденным демократом не был. Но, поработав до этого министром внутренних дел в Латвии, послужив

в Афганистане и поездив по горячим точкам, понимал, чем все это может закончиться.

«Это была моя ошибка»

— В 1994 году Белоруссия уже три года как была независимой, так? А почему у вас тогда по стране свободно рыскали спецслужбы из Литвы, а вы послушно арестовывали тех, на кого они указывали пальчиком?

— Нельзя сказать, чтобы рыскали, — но бывали. Особенно когда искали Ермалавичюса и Бурокявичюса. У нашей прокуратуры с прокуратурой Литвы был теснейший контакт. Литовцы, оказывается, раз десять или даже больше приезжали сюда и контачили на самых разных уровнях, заканчивая генпрокурором. Прокуратура Белоруссии давала нам задание — установить, действительно ли эти люди, разыскиваемые литовскими властями, находятся в Минске. У МВД с Литвой не было соглашения, а у прокуратуры было.

— Но ведь их выдали с вашего личного согласия? Или вам отдал приказ сделать это Станислав Шушкевич?

— Никто никакого приказа не давал. После того, как в Минске с визитом побывал литовский генеральный прокурор Артурас Паулаус-кас, они договорились с белорусским прокурором Василием Шолодоновым о задержании Бурокявичюса и Ермалавичюса. И вот тут была моя ошибка. Надо было потребовать письменный приказ. А у нас с Шолодоновым были хорошие отношения, служебные. И я дал приказание задержать. А это все было как раз в дни визита Билла Клинтона.

— Как это связано?

— Наверное, операция была сознательно приурочена к этому моменту. У МВД не было времени заниматься какими-то мелочами, когда с визитом прибыл президент США, надо было до деталей все продумать. Естественно, я занимался только этим. Ермалавичюса и Бурокявичюса задержали и привезли в УВД города. Начальник управления позвонил генеральному прокурору — тот подтвердил свое согласие на вывоз. Поехали на границу, простояли часа четыре, потому что у Ермалавичюса не было паспорта. Тогдашний председатель погранвойск Бочаров дал согласие на то, чтобы их пропустили без паспорта. По милицейским канонам факт выдачи — дело невеликое. Но это оказалось хорошим поводом разделаться одним махом с министром внутренних дел и с председателем КГБ, поскольку мы как раз перед этим направили Верховному Совету и Совету

Министров совместную петицию о некоторых вопросах государственного устройства Республики Беларусь и прошлись там как по власти, так и по Совмину.

— А как общественность узнала о выдаче? Кто разжег скандал?

— В тогдашнем Верховном Совете Белоруссии была сильная прокоммунистическая группа.

— А вы за выданных коммунистов не переживали? Ваша-то судьба хорошо разрешилась — вы уже через полгода сели в кресло председателя КГБ республики. А бедные литовцы отсидели по 12 и 8 лет…

— Но не мы же их судили, не наш суд! Мне комментировать, за что их судили, не пристало.

— Случай с выдачей Бурокявичюса и Ермалавичюса был единственным и главным проколом в вашей карьере? Или вы вообще не считаете это проколом?

— Нет, это был прокол. Прокурор Шолодонов был толковый мужик. Мы друг друга знали, доверяли, вместе в баню ходили, дела делали служебные и государственные. Ну как я мог ему сказать: «Василий Иванович, да пошел ты…»? Я даже не подумал о том, что надо было взять у него бумагу. И вовсе не считал это супероперацией. Сказать, что я тут сыграл решающую роль, нельзя. В конце концов прокуратура их все равно бы арестовала, и литовцы бы забрали их и увезли.

— Литовцы как-то поблагодарили вас за сделанное?

— Нет. Я не думал, что получится такой резонанс. К этой истории мне потом пришлось вернуться еще раз, когда я избирался в парламент в Ленинском районе города Бреста. Избиратели — ветераны и пограничники — сразу же поставили вопрос о литовских коммунистах. «Поговори с ними», — подсказал мне один из партийцев. Собрали человек 30–40, и, наверное, часа два они меня пытали. Я взял с собой все вырезки, ксерокопии из стенограммы заседания Верховного Совета, где Шолодонов признавал, что это именно он дал согласие на выдачу литовских коммунистов, а не я. И, вы знаете, убедил — меня избрали!

* * *

Вот такая история, которая связала сразу четыре страны — Литву, США, Россию и Белоруссию. Перед этими мужественными стариками, которые ушли в тюрьму пенсионерами, повинились только белорусы и россияне — неофициально, на уровне

общества.

Литовцы, понимая, что сделали подлость, тут же ее освятили и поэтизировали, но уже на уровне государства.

Американцы вообще не заметили, что наступили кому-то на ногу. Или просто сделали вид. Казалось бы, при чем тут Билл Клинтон?

Глава 6
Звонят, откройте дверь!

— Вот тут я и жил, — показывает Владимир Шеин крохотную конурку на первом этаже, главная ценность которой состоит в том, что у нее есть два выхода. — Звонят вам, допустим, в дверь — а вы в окно, только вас и видели.

Никакой романтики: в начале 90-х, когда Владимир, как и другие его товарищи по партийной работе, переехал из Литвы в Минск, у них были основания бояться любого шороха.

— А что вы удивляетесь? — посмеивается над моей реакцией другой Владимир, Антонов. — Мы еще несколько лет держали на балконах собранные сумки и вздрагивали от каждого звонка.

Слушать, как они и их единомышленники, все преступление которых состояло лишь в том, что они не хотели плясать на гробу своей собственной страны, — в конце XX века жили на конспиративных квартирах и готовились уходить дворами, — было удивительно. Но уж лучше было так: жить под чужим именем, с сигнальными «горшками герани» на подоконниках и ожиданием того, что за тобой придут, — чем сидеть в литовской тюрьме. Большинство из тех, кто ожидал репрессий со стороны новой литовской власти, выехали сюда, в Белоруссию, которая одной рукой их выдавала, а другой, наоборот, гладила. И предавала, и прятала — логики в том непонятном времени искать не надо. Можно сказать, что всех литовских «подпольщиков» спасли Миколас Бурокявичюс и Юозас Ермалавичюс, — извиняясь за стариков, выданных Литве в последние дни правления Станислава Шушкевича, Белоруссия резко сменила курс и стала литовским коммунистам помогать. Словно вспомнив о традициях своих предшественников, которые почти век назад здесь же, в Минске, проводили первый съезд РСДРП…

В этой главе — несколько историй литовского подполья, как бы пафосно это ни звучало в наши дни. О людях, которые вынуждены были покинуть Литву из-за преследований литовских спецслужб и никакими подпольщиками быть не собирались.

«Мы никак не могли предположить, что Литву сдадут» Владимир Шеин и Владимир Антонов

Итак: Владимир Антонов, бывший секретарь парткома вильнюсского НИИ радиоизмерительных приборов, и Владимир Шеин, экс-секретарь парткома МВД Литовской ССР. Один попал в Литву в детстве, по воле родителей, другой остался после армии. Несмотря на «неправильную национальность», оба сделали успешные карьеры — в отличие от нынешних времен в многонациональном Вильнюсе образца позднего СССР это было возможно.

— Я попросила бы вас обоих вернуться в начало 80-х. Это память нам меняет картинки прошлого, утверждая, что не было в СССР межнациональных проблем? Либо какие-то первые тревожные звоночки вы слышали уже тогда?

В. Антонов:

— Мы приехали в Литву в 1950 году, мне было всего 4 года. Помню, у брата случился перитонит и его срочно отправили в больницу. И когда мы его привезли, в коридоре на носилках лежал раненый чекист, рядом с которым стояли автоматчики. Мама спросила — а почему вы его охраняете? Потому что мы ждем самолета в Ригу, где находится окружной госпиталь, — ответили ей. Они не доверяли паневежисским врачам лечить своих людей. Об этом событии я вспомнил в январе 1991 года. Не отдай «альфовцы» своего раненного в ночь на 13 января товарища Виктора Шатских литовской «Скорой помощи», а отправь в вильнюсский военный госпиталь — это, возможно, спасло бы ему жизнь.

От нас многое скрывалось в тот период, мы почти ничего не знали, например, о существовании националистических банд, но все это в литовцах жило и передавалось из поколения в поколение. Впоследствии я узнал историю, как в 1941-м литовские бандиты в Каунасе расправлялись с евреями и военнослужащими, когда еще не пришли немцы, но уже ушли наши. Вот чего мы опасались в 1988–1989 годах — что, возможно, повторится такая же история. Единственное, что нас тогда успокаивало — это то, что здесь находились воинские части Советской армии, которые не давали в обиду ни себя, ни сторонников сохранения единства страны. И если начинались провокации у стен «Северного городка» (где была дислоцирована

107-я мотострелковая дивизия. — *Г. С.*), то командование выпускало своих ребят с ремнями, и они отгоняли окружавших военную часть провокаторов.

В. Шеин:

— А я попал в Литву во время службы в рядах Вооруженных сил. Начинал с милиционера, через год был назначен на должность участкового инспектора и дошел до начальника отдела политико-воспитательной работы МВД Литовской ССР, где встретился со многими другими участниками будущих событий. Корни мои в Белгородском уезде, а селе Шеино. Мы всегда знали о том, что мы — люди служивые и что наших предков в Новороссию отправили для охраны тыла. Когда начали развиваться события в Прибалтике, мне литовцы говорили: как же так — ты родился на территории Украинской ССР, значит, должен быть против москалей, тем более что и жена у тебя литовка…

«Прибалтику сдадут»

— И почему же, интересно, вы выбрали эту, а не другую сторону баррикад?

В. Шеин:

— Расскажу историю. В декабре 1989-го должен был состояться съезд компартии Литвы, поэтому на партконференции в МВД выбирали делегатов. И бывший служащий истребительного батальона, который в 50-х годах боролся с нацподпольем, а на тот момент был начальником политотдела МВД Литвы, нам сказал: «Ребята, я был в Москве, и нам велели не дергаться, Прибалтику сдадут». Нам было предложено положить на стол партийные билеты и принять гражданство Литвы. Один из депутатов парламента заявил, что они возвращают конституцию 1938 года. То есть Литва становится буржуазной страной, и мы должны будем служить тем, кому служил диктатор Сметона. Гитлеру! А у меня мама была во время войны старшим лейтенантом медицинской службы, они с отцом на Рейхстаге расписались 10 мая 1945 года, и я должен был хранить память родителей. Я присягу давал — ну как я мог изменить?

Владимир Антонов (на фото слева) и Владимир Шеин вынуждены были покинуть Литву из-за преследования литовских спецслужб, хотя никакими подпольщиками быть не собирались. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

11 человек во главе с министром внутренних дел Мисюконисом перешли на сторону Альгирдаса Бразаускаса и положили партийные билеты. А мы — 7 человек во главе с полковником Матузанисом и еще двумя начальниками райотделов — остались на позициях КПСС. Нас поэтому обзывали «платформистами», или «ночниками», поскольку все это происходило ночью. Но мы этим даже гордились.

— Как выглядело литовское национальное возрождение?

В. Антонов:

— Это не было возрождением. Все началось с приезда в Вильнюс одного из идеологов разрушения страны Александра Яковлева. Был создан ряд изданий, которые вели открытую националистическую, антисоветскую пропаганду. Официальные СМИ поначалу отмалчивались. Но по мере роста влияния «саюдистов» подключились и они. Националистическое подполье вышло на волю. Со временем национал-сепаратистами были захвачены фактически все СМИ Литвы. Это не могло не отразиться на самих литовцах. Меня поразило перерождение одного моего приятеля, с которым я пять лет прожил в общежитии, когда учился в городе Горьком. Дружили семьями и в Вильнюсе. И вдруг оказалось, что он всегда считал меня сыном оккупанта и чуть ли не врагом…

В. Шеин:

— Я тоже потерял многих своих хороших знакомых, с которыми мы в одной компании шли на пули. Один коллега, например, был членом олимпийской сборной СССР по легкой атлетике, причем и жена у него была русская. А в августе 1991-го, когда я пришел в транспортную милицию, он закричал: «Держите его, это враг!» А я его даже прикрывал не раз, когда он с любовницей уединялся, говорил жене: все нормально, парень на службе… Почему так получилось? Мне кажется, бабушки и дедушки передавали внукам бациллу национализма. Например, со мной в следственном отделе работала внучка революционера Иосифа Варейкиса. Я думал — комсомолка, память деда чтит и так далее. А недавно увидел ее подпись под обвинительным заключением, которое прислали из Литвы профессору Лазутке… Глазам своим не поверил!

Сценарий писали совместно

— Где каждый из вас был в январе 1991-го и какая версия событий видится вам подлинной?

В. Антонов:

— В ночь на 13 января одну часть дружинников отправили к Комитету по телевидению и радиовещанию, а другую — на телебашню. Если и нужно было придумать наиболее худший сценарий — хуже сделать было бы невозможно. Военные вели себя в соответствии с тем, что им было приказано делать. Мы вообще не знали, в какую ситуацию попали. Привезли нас на автобусе к телевышке, которая была уже занята группой «Альфа». Мрачная, конечно, сцена: десантники стреляют холостыми патронами, а вокруг в свете прожекторов ездят бэтээры… Согласно сценарию среди нас, скорее всего, должны были быть жертвы. Но что-то не срослось у того сценариста, кто этот сценарий писал.

— Кого именно вы имеете в виду?

В. Антонов:

— Я думаю, писали его совместными усилиями. Судя по тем интервью, которые потом давал начальник Департамента охраны края Аудрюс Буткявичюс, он был в хорошем контакте с начальником Генштаба ВС СССР Советской армии Михаилом Моисеевым. Буткявичюс почему-то знал, когда, куда и сколько военных будет направлено. Литовская сторона знала весь план,

который был у армии, и потому шла на шаг вперед. Это первое. Второе. Насколько я понял, для введения президентского правления в Литве «Альфу» готовили к взятию самых главных точек: это сейм и — Совет — Министров. Однако в последний момент все было изменено. За несколько дней до этого все это можно было сделать взводом солдат Внутренних войск — просто выгнав всех из сейма. А после 8 января, когда произошло повышение цен, люди были заведены по максимуму.

В. Шеин:

— За 10–15 лет до этого я был старшим участковым инспектором того самого микрорайона, где разворачивались события и где находятся дома, с крыш которых стреляли снайперы. Ночью специальное подразделение нашего МВД вело съемки, снимало всех, кто туда поднимался, — там же не один человек был, а много, в том числе и тот, кто стрелял из винтовки Мосина. Все видеозаписи потом странным образом из уголовного дела исчезли.

— Как вы жили в период между январской трагедией и августовским путчем? Вы понимали, что все катится в тартарары, либо в вас все-таки жила надежда выстоять?

В. Антонов:

— Мы никак не могли предположить, что Литву сдадут. Тем более что несколько раз общались на эту тему с Михаилом Сергеевичем Горбачевым и в Москве, и в Вильнюсе, во время его последнего приезда. Мы себя позиционировали людьми, которые выступят в защиту русскоязычного населения, живущего в Литве. Войска должны были оставаться какое-то долгое время, так нам казалось. Уже был создан банк, в котором были открыты счета для предприятий союзного подчинения, — то есть они бы вообще не зависели от экономики и финансов республики. Была создана Ассоциация свободных предпринимателей и собственная милиция для охраны объектов. Но все было перечеркнуто 19 августа 1991 года.

В. Шеин:

— Нам удалось создать не подчиняющуюся литовской полиции структуру, я должен был стать начальником отдела вневедомственной охраны по охране всех предприятий союзного значения — железной дороги, двух портов в Клайпеде, фельдсвязи, которая к тому времени тоже разделилась — была та, которая подчинялась «Саюдису», и та, что Горбачеву. Была ли у нас возможность победить? Я уверен на 99,9 процента, что была.

— Когда вы поняли, что это — черта и вам из Литвы нужно срочно уезжать?

В. Антонов:

— Когда в последний день августовского путча здание ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС окружили боевики «Саюдиса».

Единственным человеком, который взял на себя ответственность за спасение людей, оставшихся в здании, оказался начальник политотдела дивизии. Он на свой страх и риск посадил людей в бэтээры, вывез в «Северный городок», а оттуда разъезжались как могли. Я был членом бюро ЦК КПЛ и членом Центральной контрольной комиссии ЦК КПСС, потому ждать возможного ареста не стал и немедленно уехал в Минск. До этого решил, что в националистической Литве моей семье делать нечего. В Минске у меня было несколько знакомых секретарей парткомов, они помогли мне и еще нескольким людям пожить несколько дней в бывшей гостинице обкома партии. А потом каждый спасался как мог — кто снял квартирку, а кто вообще уехал в российскую глубинку. Мы, например, формально развелись с женой. Почему? Накануне второй секретарь горкома партии Сергей Нагорный попытался приватизировать свою квартиру. Ему отказали, сказав, что есть решение о том, что коммунистам, занимавшим высокие посты, сделать этого не дадут. Я передал все права на квартиру жене, после чего мы купили квартиру в Минске. Это заняло примерно год. А в течение этого времени я тут скитался, а она сидела как на иголках в Вильнюсе.

— Когда вы переходили границу, сердце плакало от мысли о том, что это навсегда?

В. Антонов:

— Меня Литва особо не держала. Я сын военного, с детства привык к перемене мест. Южный Сахалин — Харьков — Паневежис — Вильнюс — Горький — Таллин — Минск — вот география моя и моей семьи. Единственное, чего мне было очень жалко, — это работу. Было понятно, что ни одно более-менее значимое предприятие в Литве сохранено не будет. Так и оказалось: рухнули заводы, НИИ союзного подчинения. Перестал существовать НИИ радиоизмерительных приборов, в котором я проработал 19 лет, и одноименный завод, на котором выпускались приборы, которые мы разрабатывали.

В. Шеин:

— Против меня в Литве возбудили уголовное дело как против международного преступника — хотя с 1 августа 1991 года я уже не был секретарем парткома МВД. Я ушел в отпуск, уехал в Донецкую область и вернулся только в последний день путча, поскольку была проблема оттуда выехать. А когда приехал — понял, что добром это дело не кончится и что оставаться здесь больше нельзя. 24 августа со мной встретился один из руководителей МВД, который стоял на наших позициях, сказав, что у «саюдистов» вроде бы решения арестовывать меня нет. Но поскольку я сам бывший оперативник и сам умею сочинять легенды, мне эти сказки были не нужны. Я сказал своим родным, что ухожу, и 25 августа перешел границу с Белоруссией, думая, что это продлится года два-три.

Пауки в банке

— Вас здесь, в Белоруссии, собралось тогда больше 20 человек: вы общались? У вас были подпольные встречи на квартирах?

В. Антонов:

— До того, как пришел к власти Лукашенко, нам было беспокойно, особенно когда в Минске арестовали Бурокявичюса и Ермалавичюса. Без помощи белорусов литовцы ничего бы сделать не смогли. Профессор Валентин Антонович Лазутка несколько раз советовал Миколасу Бурокявичюсу приготовить нам здесь базу для отступления. Но тот его не слушал, обвинял в пораженчестве.

В. Шеин:

— Им предлагали сделать липовые паспорта — не Бурокявичюс, а Буракевич, не Ермалавичюс, а Ермалович: нормальные белорусские фамилии. Нет, сказали они, — это уголовщина. Они могли стать гражданами Российской Федерации, но в тот момент не захотели. Один наш коллега предлагал им даже податься в Китай. Наотрез отказались, говорили: «Мы будем находиться рядом с событиями, которые вот-вот нагрянут». Они думали, что все еще вернется.

Я тоже был одним из тех, кто был уверен в том, что через 2–3 года правительство в Москве поймет, что сделало большую ошибку. Потому что Вильнюсский край в 1940 году Сталин передал Литве без референдума, как и белорусские земли между

Неманом и Польшей, чтобы задобрить литовцев. Согласно международным соглашениям Восточную Пруссию и Мемельский край получил Советский Союз, а не Литва.

В. Антонов:

— Для меня, наоборот, было ясно, что все это всерьез и надолго. После январских событий, в феврале или в марте, в Москве проходил пленум ЦК КПСС. Помимо Бурокявичюса, на этом пленуме предоставили слово и мне. Я выступил и огласил заявление нашего совета секретарей парткомов Вильнюса, где было перечислено по пунктам: потребовать от генерального секретаря ЦК КПСС предпринять меры к ликвидации вооруженных формирований и ввести президентское правление в республике и так далее. Раздались жиденькие аплодисменты. В перерыве ко мне подходит заместитель премьер-министра СССР Юрий Дмитриевич Маслюков и говорит: ты — молодец, но все это пустое, пока эти два паука в банке не разберутся, — имея в виду Горбачева с Ельциным, — ничего не изменится. Все всё понимали, но, как загипнотизированные, ничего не могли сделать. Ни одного волевого человека в той верхушке не было.

Чужой среди своих
Валентин Лазутка

Посмотришь на него — стопроцентный литовец, светлоглазый и белый как лунь. Послушаешь: типичный сибиряк — некоторые характерные слова из речи не смогли вытравить даже десятилетия жизни на исторической родине. Замес судьбы, конечно, получился крутым: сначала предков Валентина Антоновича в 80-е годы XIX века перетянули в Сибирь баснями о бесплатной земле, затем родителей заманили в послевоенную Литву сказками о европейском уровне жизни. А потом оказалось, что новой Литовской Республике ни сибиряки, ни литовцы, ни умники не нужны, — в результате чего доктор философских наук, профессор Валентин Лазутка живет в Минске.

— Когда произошла ваша первая встреча с Литвой?

— 12 июня 1945 года, сразу после войны. К нам приезжали уполномоченные и агитировали за переезд. А поскольку у меня три брата служили в 16-й Литовской стрелковой дивизии, мы и записались всей семьей. И как только война кончилась, переехали на законных основаниях.

— И каковы были первые впечатления?

— Мы приехали сначала в Минск, нужно было несколько часов подождать поезда. Страшная картина: кругом развалины. А в Вильнюсе — лепота! Красивые дома, костелы. Единственная полностью разрушенная улица — Музейная, тогда она называлась Еврейской. Там было еврейское гетто, и немцы, уходя, все взорвали. Да, и еще деталь: Вильнюс был полностью польский. В больницу пойдешь — на польском языке, в магазин — на польском, в костел — на польском… Первые впечатления о стране были самые благоприятные. Никаких представлений о том, что может быть какая-то партизанская война, и в мыслях не было. Все открылось позже. Мы с братом жили в Вильнюсе, а родители в Тракае. И вот к брату приезжает родственница жены и говорит: на дом нашего батюшки напали бандиты, они с супругой стали отстреливаться, держали оборону, но его ранило. Это было первое столкновение с литовскими «партизанами». Второе произошло в Тракае, первым секретарем райкома партии там был такой Афонин, командир советского партизанского отряда. И его сына, который был старше меня всего на пару лет, застрелили на базаре на глазах у всей толпы. И никто этих бандитов не задержал, они на лошадях ускакали.

— Как долго вам удавалось оставаться «своим»? Пока вы не начинаете высказывать свое отношение к событиям, вас невозможно отличить от типичного представителя литовского народа.

— Меня, конечно, всегда считали человеком советским. Школу я окончил русскую, потом учился в Москве, и литовский язык у меня поначалу был таким, на каком говорят в деревне. Я был членом комитета комсомола Вильнюсского университета. Однажды приезжает секретарь ЦК и отчитывает нашего секретаря: почему вы ни одного русского не избрали, все — литовцы! А тот ему говорит: ну как же, есть у нас Лазутка! Так в первый раз меня открыто назвали русским… Но, если честно, я жалел, что уехал из Москвы. Русскому обществу я, конечно, больше подходил, чем литовскому.

Если бы профессор Валентинас Лазутка поехал в Вильнюс на похороны своей жены — его бы арестовали прямо на границе. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Примерно на каком году жизни в Вильнюсе вы поняли, что идеологические противоречия у литовца с литовцами могут быть неразрешимыми?

— Практически сразу, как приехал. Но опасность осознал, к

сожалению, только в 1986 году, когда начались демонстрации. Кроме того, что я был директором Института философии, социологии и права, я еще являлся первым секретарем парткома Академии наук Литовской ССР, потому вступил на позиции решительной борьбы с антикоммунизмом и антисоветизмом. В конечном итоге в парткоме Академии наук я оказался единственным, кто придерживался этих позиций.

Расскажу историю: 3 июня 1988 года мне вдруг звонит главный ученый секретарь и говорит, что во Дворце науки будет совещание.

Приезжаю, все знакомые — секретарь ЦК КПЛ по идеологии Ленгинас Шепетис, а также главный ученый секретарь Академии наук Литовской ССР академик Эдуардас Вилкас и ученый секретарь отделения общественных наук Раймондас Раяцкас. Я думал, речь пойдет о науке — а разговор пошел о том, что нужно создавать литовское движение в поддержку перестройки. Вынесли решение, что я и академик Вилкас будем отвечать за его создание, а Шепетис, который непосредственно курировал КГБ, — в этом деле нами руководить. Я решил — нет, никакой «Саюдис» создавать не буду! Тем более у меня была хорошая отговорка — в тот день у нас было назначено заседание ученого совета по присуждению докторских диссертаций, а я был председателем совета. В общем, никуда я не пошел. И меня после этого чуть не исключили из партии.

В тот год в коридорах госучреждений появилось много иностранцев — Литва вдруг стала представлять для всего мира повышенный интерес. Я спросил у нашего цековского кагэбиста — сколько их? — и он мне ответил: порядка 400 человек. Я еще подумал: ни один из них приехать сюда без согласования с КГБ не мог. Ну что они — перешли границу тайно, что ли? Значит, с разрешения КГБ и под его руководством эти пришельцы действуют здесь явно во враждебных целях. Никто им не препятствует, никто ими не занимается. Я тогда подал заявление об освобождении меня с поста директора Института философии и ушел из Академии наук в вильнюсскую партийную школу. Так я порвал окончательно с «Саюдисом».

Чертово ректорство

— Вы ушли в ту самую Высшую партийную школу, где работала нынешний президент Литвы Даля Грибаускайте?

— Она была связана с ректором партшколы Сигизмундасом Шимкусом, который носил на лацкане пиджака знак «Почетный

чекист». Чтобы его получить, нужно было проработать в органах 25 лет. Поскольку мы с этим ректором были в хороших отношениях, он мне признавался, что чуть ли не со школьных лет сотрудничал с органами и выдавал своих друзей — «лесных братьев». Да он этого в принципе и не скрывал. У него были свои кадры, тоже связанные с КГБ. Один из них — Даля Грибаускайте — молодая девушка, приехавшая из Ленинграда. В Высшей партийной школе она была ученым секретарем. В отличие от Академии наук, где ученый секретарь — это практически второй человек, своеобразный «комиссар» при директоре, в партшколе это — чисто технический кадр, который только оформляет протоколы ученого совета. Ее и не видно было почти. Работала она на кафедре экономики народного хозяйства.

— Она была убежденной коммунисткой?

— Не знаю. У меня было ощущение, что она меня страшно боится, как какого-то зверя. Я про себя подумал, что она вообще боится мужчин, и меня за компанию. Дружила она только с женщинами, от мужчин убегала. Мысль о выдаче ее замуж в голову почему-то никому не приходила. Потом, когда по решению правительства вильнюсскую Высшую партийную школу передали пединституту и, чтобы защитить союзную собственность, здание заняли солдаты дивизии Внутренних войск, Шимкус срочно лег в больницу. А Даля исчезла.

Когда бюро ЦК КПЛ решило вильнюсскую Высшую партийную школу вообще закрыть и освободить Шимкуса от ректорства, мне вдруг звонит первый секретарь компартии на платформе КПСС Миколас Бурокявичюс и говорит, что меня решено назначить… ректором! И началось мое чертово ректорство, страшная борьба внутри партийной школы. Преподавательский коллектив раскололся, бухгалтерия тоже. Часть коллектива меня признавала, часть нет. Это было в 1990 году.

— А что в этот момент делала Даля?

— Она исчезла, как и все кагэбистские кадры, все они ушли к «Саюдису». Потом всплыла в Академии наук. Я так понял, что она к своим пошла… Позже она стала активно играть роль — литовской националистки, поехала в Америку — якобы в посольство СССР. Насколько знаю, пробыла там недолго, потому что против нее началась кампания как против бывшей кагэбистки. Стала персоной нон грата. Но буквально через несколько месяцев снова появилась на курсах в одном американском университете, где готовились литовские кадры. И когда вернулась, сразу активно включилась в «Саюдис», перешла работать в министерство финансов и вскоре стала министром.

Страха за жизнь нет

— Есть ли у вас какое-то объяснение причины ее столь агрессивного отношения к России? По сути, центр европейской русофобии в данный момент находится именно в Вильнюсе.

— Вы хотите рассматривать Грибаускайте как самостоятельного политика, который проводит свои взгляды в жизнь, а это не так: у нее есть начальство, она получает команды, за ней стоит дядя, который ее всегда защитит. И она очень старается выполнить эту роль до конца. А куда ей деваться? Что у нее в душе при этом делается, трудно представить, потому что такой перелом для любого человека — травма. Я для себя решил: даже если меня будут расстреливать, я останусь на той позиции, на которой стою. Никакого другого выбора нет. И страха за жизнь нет, хотя у меня были основания, потому что на мою жизнь покушались, правда, вместо меня погиб мой шофер.

— Когда?

— Осенью 1990 года. Я был секретарем ЦК КПЛ на платформе КПСС и одновременно первым секретарем Вильнюсского горкома партии на общественных началах. Все члены бюро собрались ехать в Москву поездом. За мной выехал мой шофер. Вдруг звонок. Незнакомый голос: «А вы что, дома?» И повесили трубку. Кто звонил — непонятно. Я думаю — странно, тем более что я был не в своей квартире, а у тещи. Прошло, наверное, пять минут, и опять звонок — звонят из ГАИ: произошла авария, шофер погиб. На последнем семафоре у вокзала на него налетела пожарная машина. Все ищут Лазутку, а Лазутки в автомобиле нет… Звоню помощнику Горбачева Рымаренко, рассказываю — тот говорит: никуда не выходи, сиди дома, никакой поездки в Москву быть не может. Назавтра перезванивает: все в порядке, никто тебя больше не тронет…

— Кому могла быть выгодна ваша смерть?

— Говорили, что у Ландсбергиса на совещании было решено, что нужна жертва провокации. И в качестве жертвы была избрана фигура секретаря ЦК КПЛ на платформе КПСС. Кого конкретно? В книжке одного литовского журналиста уже позже я прочитал, что таким кандидатом был избран я.

Кто оказался крайним?

— После событий января 1991 года у вас не было желания сказать Михаилу Сергеевичу все, что вы о нем думаете? Вы ведь учились вместе с женой Горбачева Раисой Максимовной и хорошо

были знакомы, так?

— Я после 13 января твердо решил вообще никаких отношений с Горбачевыми больше не иметь. Даже если будут вызывать на какое-то совещание, не поеду. Мне наконец все стало понятным — тем более стало известно, о чем наш президент договаривался с Рональдом Рейганом в Рейкьявике. Все было ясно — Горбачев предатель, и от нас абсолютно ничего не зависит. Не дай бог, если дошло бы до того, о чем просили генералы Варенников и Ачалов, которые звонили мне в ночь январских событий и просили вывести рабочих на демонстрацию. Зачем им это было надо? Думаю, что, когда они поняли, что они оказываются крайними, им нужно было указать «виновных». И мы здесь больше всего годились. Вот и вся логика.

— То есть вы в случившемся в Вильнюсе вините военных?

— Нет, провокацию абсолютно четко устроили ландсбергисты вместе с московской верхушкой во главе с Горбачевым и Крючковым. Технически все организовал начальник охраны края Буткявичюс. Он потом хвалился в своих интервью, что ему удалось уговорить начальника Генштаба отправить в Вильнюс группу «Альфа». Я, помню, был еще удивлен, потому что «Альфа» относилась к КГБ, а не к Генштабу. То есть «Альфу» просто подставили.

Я был в Москве накануне событий, 7 января 1991 года, — Горбачев вроде бы хотел с нами поговорить, но так и не вышел. Его помощник четко сформулировал: мы должны как-то проявиться только в том случае, если будет или выступление Горбачева по телевидению, или решение Совета Федерации, в котором будет сказано, что совершен антисоветский антигосударственный — переворот и идет борьба за восстановление советской власти. «Совет Федерации выступил против, никакого президентского правления не будет», — сказал нам по телефону помощник, когда мы вернулись в Вильнюс. Мы с Бурокявичюсом говорим: «Ну, слава Богу!» — и объявляем субботу и воскресенье выходными. Наутро я уезжаю за город, возвращаюсь домой в пять часов вечера, теща говорит — звонила секретарша Бурокявичюса, сказала, что тот тебя срочно ждет. Приезжаю в ЦК, пять минут жду, десять… Никого нет. Поднялся уходить — и тут в дверях выстроились четыре незнакомых молодца. И я несколько часов просидел в кабинете как дурак, проклиная Бурокявичюса. В это же самое время в актовом зале несколько часов точно так же сидел весь городской партактив — им сказали, что я будто бы приказал всех собрать. А самого Бурокявичюса, как позже выяснилось, изолировали точно так же, как и меня.

— Где конкретно вы были во время штурма телебашни и телерадиоцентра?

— Так я же говорю: сидел в приемной у Бурокявичюса… Потом вдруг начали стрелять танки. Звоню в штаб военного городка. Отвечает полковник Масхадов, он командовал в дивизии артиллерией: «Это провокация, ничего не предпринимайте». Заметим, это была не единственная провокация той ночи. Сведения о том, что с крыш стреляли снайперы и что трупы расстреливались на столах, передо мной появились уже наутро. На прием пришли две семьи, родители с дочками. И эти девочки рассказывали, как их толкали под машины, давили и стреляли откуда-то со стороны… Я еще подумал: неужели додумались посадить солдат, которые палили в толпу? Чтоб с нашей стороны кто-то стрелял — это исключено! Значит, с другой…

Американский журналист Дэвид Прайс-Джонс написал потом в своей книге, что утром 14 января вместе со своим другом, бывшим сторонником «Саюдиса» Арвидасом Юозайтисом, посетил Ландсбергиса и спросил напрямую: кому и зачем нужны были эти жертвы? Тот ответил, что для свободы нужна была кровь и что погибшие «пожертвовали свои жизни за Родину и ее свободу». Этим циничным ответом был шокирован даже американец, написав: «Железное самообладание. Но оно также раскрывает и устрашающий внутренний мир этого человека».

«Нас предали, и это переворот»

— После того, что произошло, у вас уже было предчувствие, что Литву придется покинуть?

— Я ходил к Бурокявичюсу с этим вопросом, предлагал купить для нас всех в Белоруссии дом. Нет, — спорил он, — это панические настроения… 19 августа 1991 года я был в Сочи, зашел в море, слышу — две женщины разговаривают между собой про Москву и про Горбачева. Вышел из воды, говорю жене: собирайся, поехали домой. Прилетели в Вильнюс в час дня. В три я уже был у Бурокявичюса. Спрашиваю: что происходит? Он говорит: «То же, что и 13 января, — провокация». Какие-то указания поступали? «Ничего абсолютно. Нас предали, и это переворот». Мы собрали в тот же день бюро ЦК, обсуждали, что делать. Я поднял вопрос: будем ли переходить в подполье? Бурокявичюс отвечает: нет, никакого подполья не будет… Звонит Бразаускасу (лидер расколовшейся ЦК компартии Литвы, будущий президент Литовской Республики. — *Г. С.*), и последний сообщает ему, что состоялось заседание сейма, где решено было

запретить коммунистическую партию. Иными словами: уезжайте куда хотите, потому что здесь вас могут убить… Вот по этому совету Бразаускаса мы и стали действовать. Так получилось, что у меня были билет и виза в Германию, где жили двое моих сыновей. Когда началась вся эта катавасия, одного сына исключили из университета из-за отца, у второго тоже начались проблемы на работе, и они уехали. Ну ладно, думаю, — съезжу на неделю. Уехал в Оснабрюк. Звоню оттуда секретарше, а та рассказывает: все разъехались, никого нет, возвращаться некуда. Тогда позвонил своему брату, он был профессором университета. Тот говорит: категорически не при-езжай, убьют прямо на границе. Дело в том, что в литовской печати появилась статья, где называлась моя фамилия и рассказывалось, что у коммунистов якобы прошли обыски, в том числе и у меня, и нашли какое-то оружие. Никакого обыска у меня дома, конечно, не было, но смысл публикации был таков: по стране бродят опасные вооруженные коммунисты, потому их следует пристреливать. Пришлось мне до 2001 года оставаться в Германии. Помощи, выделяемой политическим беженцам, было вполне достаточно, чтобы прожить. Я стал учителем игры в шахматы, участвовал в турнирах, иногда выигрывал.

«Пока эти два паука в банке — Горбачев и Ельцин — между собой не разберутся, ничего не изменится». *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— Почему же мы с вами разговариваем сейчас в Минске, а не

в Берлине?

— Я решил вернуться довольно давно. Но мой советский паспорт был недействителен. С тем немецким документом, что мне дали, — кандидат на получение политического убежища — я не мог пересечь границу. Литовского гражданства мне не дали, зато я получил российское. Заявляю в Германии, что хочу выехать, — а там все вдруг заволновались, забегали. Не могу понять, почему вдруг стал для них таким ценным кадром? Оказывается, Литва уже два раза обращалась в Германию с требованиями о моей выдаче. И немцы не знали, что делать, — то ли нарушать закон, то ли портить политические отношения с Литвой? 2 января 2001 года ко мне приехали полицейские, отвезли в аэропорт и проводили. Прилетел в Минск — никто даже никаких вопросов не задавал.

— *В Белоруссии все сложилось удачно?*

— И прописку дали, и пенсию. Дело об организации переворота с целью захвата власти, в чем меня подозревают в Литве, согласно которому я будто бы «нападал на студентов, пытался захватить железную дорогу и угрожал остановить Игналинскую ГЭС», — до сих пор не закрыто. Это очевидная глупость: никакой другой законной власти, кроме советской, в 1991 году не было, я был гражданином СССР, а Литва — советской республикой, одной из пятнадцати.

* * *

Литва еще раз догнала профессора Лазутку и плюнула ему в спину. Осенью 2014-го любимая жена Валентина Антоновича, Анна Клементьевна, поехала в Вильнюс проведать сына. И больше оттуда никогда не вернулась. Инсульт… День ее похорон он провел один, глядя на церковь из окна их минской квартиры. Если бы 82-летний профессор поехал проводить супругу в последний путь, его бы арестовали прямо на литовской границе.

Станислава Юонене: «Моей родины больше не существует» Как к штыку приравняли перо

— Дураки, думали, что им дадут колготки и колбасу… Что у них будет демократия… — ворчит, накрывая на стол, бывший редактор газеты «Тарибу Летува» («Советская Литва») Станислава Юонене.

Дело происходит в Белоруссии — в нынешней Литве это было бы невозможно, потому что проблемы со свободой слова и охота за журналистами там начались не сегодня, а еще 25 лет назад, во времена самого что ни на есть расцвета гласности. Коллега и тезка Станиславы, главный редактор радиостанции с таким же названием, как газета, Станислав Мицкевич (о нем рассказывалось в четвертой главе) предстал перед литовским судом еще в конце 90-х, но наказания счастливо избежал, мудро покинув территорию Литовской Республики за день до приговора. А Станислава Юонене все эти четверть века была в глухой обороне и отказывала в интервью коллегам даже тогда, когда Литва активно требовала ее экстрадиции. Ее и генерала Владимира Усхопчика — и лучшей параллели между штыком и пером, которую столь революционно провела Литва, невозможно было даже представить…

Поэтому я набралась храбрости и просто позвонила ей в дверь, не договариваясь заранее об интервью, в котором она бы все равно отказала. Четыре разномастных кота подозрительно разглядывали диктофон, пока мы знакомились с их хозяйкой — до сих пор красивой и яркой женщиной, которая подчеркнуто не хотела вспоминать о прошлом. Кошки и плюшевые игрушки — вот та стена, за которой Станислава Юонене решила укрыться от разочаровавшего ее мира.

— Никак не могу понять, кто нас, журналистов-идеалистов, в начале 90-х убедил в том, что абсолютно вся Литва хотела лишь одного — независимости?

— Ни в коем случае! ВСЯ Литва никогда этого не хотела. Нормальные люди, даже малообразованные, понимали, что творится. Что идет продажа страны, ценностей и людей.

— Мы были неопытны в плане ведения психологической вой-ны — и поэтому не смогли противостоять тому — информационному валу? Или нас останавливало любопытство перед неизведанным доселе капиталистическим будущим?

— Многие годы в Советском Союзе велась работа по

уничтожению социализма, СССР, основ той жизни, которой мы жили. И поэтому все смотрели на Америку с раскрытыми ртами. Все думали, что будут свободными. А спроси у них сейчас — что такое свобода? — ответить не смогут.

Облако раздора

— На ваши взгляды повлияли убеждения членов вашей семьи? Вы ведь, будучи стопроцентной литовкой и живя в Литве, могли вырасти совсем другим человеком…

— Я сама выросла. Мои родители крестьяне — нормальные, умные люди. О политике никто в те времена не говорил. Я родилась в Каунасе, но, когда началась война, родители переехали жить в деревню. Окончила там школу и уехала в Вильнюс, в университет. И больше туда не возвращалась.

После распада СССР бывший преподаватель научного коммунизма Станислава Юонене разочаровалась в политике и ушла во «внутреннее подполье», скрывшись от всех в мире кошек и плюшевых игрушек. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— По вашей родне и друзьям прошло облако раздора?

— Я была в разводе с мужем. Основная причина, по которой мы развелись, — то, что мы были разными людьми. Я была вечным коммунистом, а он вечным антикоммунистом. Сейчас он

уже умер, но, слава Богу, успел понять, что происходит на самом деле. Он активно поддерживал «Саюдис». Бывал на их мероприятиях, где все держались за руки. Ратовал за свободу и независимость. Соглашался с тем, что «эти» русские — такие и сякие. А потом увидел, что в реальности получилось, и закричал: «Дурни и воры пришли в Литву!». Абсолютно четкое определение. И писал мне потом в письмах: «Как хорошо, что ты уехала, потому что ты бы не смогла здесь жить. Не смогла бы принять этого предательства литовского народа, которое получилось». И даже приезжал сюда ко мне в гости со своей новой женщиной, чтобы поговорить о том, как уничтожили Литву. То есть все нормальные люди поняли, к чему это привело.

— Когда я встречалась с Джином Шарпом в Америке, меня потряс его рассказ о том, что он учил посланцев из балтийских республик разваливать Советский Союз изнутри совершенно отрыто, читая лекции в Москве. То есть абсолютно все знали о том, что готовится, и не могли противостоять?

— А что Литва могла остановить? Это все организовал Запад. Для того, чтобы развалить Советский Союз, начали организовывать события сначала в Фергане, Баку, Тбилиси. И как бы эти азиаты ни стреляли друг в друга, европейцы и американцы сидели спокойно и смотрели. И наверняка думали: нехай эти обезьяны себя перестреляют. А потом решили поднять шум в прибалтийских республиках, особенно в Литве, потому что с ней давно работали. И понеслось…

О дураках и елочных игрушках

— Где вы были в ночь на 13 января 1991 года?

— Сидела на кухне и записывала все, что говорилось на радио. Еще никто не стрелял, а уже радио вовсю кричало, что нужна медицинская помощь и есть жертвы.

— Почему на других людей технология Джина Шарпа — плывущие над толпой гробы, траурные свечи, поэтизация смерти — подействовала, а лично на вас нет?

— Так это только дураки не поняли, что и все организовали сами, и убивали самих себя. Жаль, что в Литве дураков было так много. Даже наши соседи — муж работал на заводе, жена в ЦК литовской компартии — тоже побежали к телерадиокомитету и к башне, потому что туда всех звали. Сыну моему шипели вслед: твоя мама была среди тех, кто людей расстреливает… Потом, правда, тысячу раз извинялись. И до сих пор каждый раз, как только увидят Гинтараса, просят прощения за то, что «говорили

на твою маму».

О том, что у радиокомитета и телебашни происходило на самом деле, нам потом рассказывали простые люди из деревни, которых заранее собрали в автобусы и привезли на место событий. Они присылали нам много писем о том, на какие позиции расставляли и откуда по ним начали стрелять. Все это публиковалось в газете «Тарибу Летува».

— Если бы у вас был шанс встретиться сейчас с Михаилом Горбачевым — что бы вы ему сказали?

— Все уже сказано. Однажды была такая история: я пришла в кабинет к Миколасу Бурокявичюсу (недавно умерший первый секретарь Компартии Литвы на платформе КПСС. — *Г. С.*) и говорю: если Горбачева будут вешать на Красной площади, я пешком бы пошла до самой Москвы. Он смотрел, смотрел на меня и говорит: аферистка…

Есть у меня по этому поводу еще одно интересное воспоминание. Когда Горбачев в январе 1990 года приехал к нам в Литву и решил выступить перед партийным активом, слово давали только русским. То есть целенаправленно хотели показать, что идет национальный процесс, а не какой-нибудь другой. Наконец Владимир Антонов попросил слово и вместо речи сказал: хочу, чтобы выслушали Станиславу Юонене… Долгая пауза. Наконец мне дали слово.

И я зачитываю письма литовцев, которые протестуют против так называемой перестройки. Вот это было да! Потому что простые нормальные люди писали о том, как уничтожаются наш строй и наша жизнь… Я ему эти письма передала.

Только дураки не видели того, что происходило. Коллеги, которые ездили в Москву, рассказывали, что тема заводов союзного подчинения в Прибалтике вообще никого не интересовала. Шла конверсия, предприятиям оборонной промышленности рекомендовалось выпускать елочные игрушки. Все продавалось — и настолько это было прозрачно… Дураков было много, но еще были предатели. И первые и вторые были спущены сверху.

«Ностальгией я не страдаю»

— Когда и как вы уезжали из Литвы?

— В 1991-м. Один товарищ по работе вывозил меня на машине окольными путями. Звали меня тогда Валентина Ивановна Жуковская.

— То есть как?

— Я работала в редакции и, чтобы не раздражать белорусов своей странной фамилией, которую выговорить никто не мог, назвалась Жуковской. По фамилии той женщины, у которой жила.

— С какого времени за вами в Литве велась охота?

— Все понятно было, как только случился августовский переворот. И звонили, и угрожали. Болеслав Макутынович (экс-командир литовского ОМОНа. — *Г. С.*) меня тогда спас — он прислал ребят, которые помогли мне быстро собраться. Первые две недели я жила в редакции, а потом у своих знакомых, одна женщина нас приняла, советская, нормальная.

— Чем вы занимались в подполье?

— Мы делали брошюры, выпустили 7 или 8 штук, посвященных тому, что происходило в реальности. И выпускали газету «Тарибу Летува» на русском и на литовском языке.

— Вас долго искали в Литве, чтобы привлечь к ответственности?

— Долго. Везде спрашивали, в том числе и у детей. Невестка поначалу за меня получала пенсию, пока не отобрали. Когда литовские силовые структуры пришли к власти, давление было сильным… У них не было никаких моральных преград. Были даже подготовлены списки нежелательных лиц, которых надо уничтожать.

— Что лежало в основе этой ненависти? Вам, как литовке и бывшему преподавателю высшей школы, видны корни этого явления?

— Общая логика такова: русские оккупанты научили литовцев пить, ругаться и плохо работать — в общем, негодяи… — Белорусы — тоже ничтожество. Польша для литовцев всегда преподносилась как нехорошее государство, а поляки — воры и спекулянты. Основа ненависти — в национализме.

Нормальный человек не унижает других, ему не нужно показывать свое превосходство. А у неудачника ведь всегда все плохо — у этой муж дурной, у этого жена никудышная, у этого ноги плохо ходят… Литва сейчас занимает первое место по выпивке на человека в мире. И лидирует по самоубийствам. А все кивали на русских.

«Нас заранее продали»

— За все эти 25 лет вы ни разу не были в Литве?

— На смерть мамы приехала в 1993 году. Мы перестали туда ездить после того, как арестовали Ивана Даниловича Кучерова.

— Развод с собственной родиной — как бы вы его описали? Что это? Сны, обиды, желание отомстить или потребность сказать правду?

— Так уничтожили же родину! Моей родины нету… Я не хочу такой родины видеть, меня она не интересует. Ничего страшного — и не такие мировые империи распадались. Я под словом «родина» не Литву имею в виду, я говорю о Советском Союзе и социализме. Я же преподаватель научного коммунизма, кандидат наук. И, между прочим, не только преподавала, а даже руководила кафедрой в инженерно-строительном институте.

— Перематывая пленку назад, можете ли вы вспомнить тот момент в конце 80-х, когда можно было все остановить и изменить ход истории?

— Нет, конечно! Если уж такую великую страну, как Советский Союз, спасти не смогли, что говорить о каких-то Эстонии, Латвии и Литве? Это мировые события. Глобальные.

— Кошки — это некая занавеска, которой вы осознанно закрылись от прошлого?

— Да. Я смеюсь над теми людьми, которые занимали посты, важничая и думая, что они в этой жизни что-то значат. Я прошла много этапов в своей жизни, а сейчас я просто кошкина мама. Мемуаров писать не буду. Настолько про этот мир все понятно…

— Вы с вашими единомышленниками чувствуете себя жертвами или проигравшими?

— Ни первыми, ни вторыми. Мы не имитировали борьбу, а боролись по-настоящему. То, что у нас не получилось, — это другой вопрос. Не получилось потому, что нас подставили. Нас заранее продали, понимаете? Что было в Литве, не имеет никакого значения, самое главное был Советский Союз… Нам жалеть не о чем — мы сделали все, что могли.

Но это не мы проиграли, это проиграл мир.

Чеслав Высоцкис: «Я жил в подполье, потому что Литва не оставляла попыток меня схватить»

«Я коммунист, секретарь подпольного ЦК Компартии Литвы», — деловито пожал руку очень пожилой, но энергичный человек, приглашая в свои «хоромы» — двухкомнатную квартирку в интернате для ветеранов войны и труда. Среди картин и деревянных поделок, которыми густо увешаны стены домашнего импровизированного музея, выделялись три работы: портрет первого секретаря Компартии Литвы Миколаса Бурокявичюса, лидера коммунистов России Геннадия Зюганова и президента Белоруссии Александра Лукашенко. Если не знать биографию автора — этот набор мог показаться странным…

— У вас польское имя. Вы кто по национальности?

— Мать — литовка, отец — поляк. А я — интернационалист, в полном смысле этого слова. Родился в Литве, в Вильнюсском районе, в деревне Новый Гай. В 1934 году. Практически при Польше, в семье батраков.

Секретарю литовской компартии в подполье Чеславу Высоцкису Белоруссия официально предоставила статус политического беженца. *Фото Г. Сапожниковой.*

Мама и папа служили в рыбхозе у польского помещика Костелковского. И я горжусь тем, что я из пролетарской семьи. Получил среднее образование, отучился в педучилище. Потом благодаря советской власти еще три института окончил бесплатно, плюс Высшую партийную школу в России. После этого работал в Тракае учителем польского языка и директором школы. Затем меня перевели в Шальчининкский район, где я стал секретарем райкома партии и председателем районного совета народных депутатов.

— Давайте вспомним 1985–1986 годы — когда Советский Союз еще не летел в тартарары, а трудности казались временными. Когда и как вы почувствовали, что в обществе что-то назревает?

— Если Польша по замыслу ЦРУ была трамплином по развалу соцлагеря, то Литва — трамплином по развалу Советского Союза.

Говорилось одно, а делалось другое. Взятки стали нормой. Пышным цветом расцвело кооперативное движение, государственное имущество чуть ли не бесплатно передавалось частным лицам. Потом началась эпоха раздувания национализма. Возникла проблема национальных меньшинств.

Мы с коллегами каждую неделю докладывали Крючкову и Горбачеву о том, что Литва выходит из состава Союза, — ездили в Белоруссию и оттуда передавали информацию. Целый год. Стало понятно, что, если не принять серьезных мер на уровне руководства Союза, Литва выйдет из состава СССР. Мы ведь не знали, что решение о выходе Прибалтики из Союза уже принято…

«Красный район»

— Начали искать зацепки. В нашем Шальчининкском и соседнем Вильнюсском районе жили в основном поляки. И эти районы были более отсталыми. Мы подсчитали: врачей в 4–5 раз меньше, чем в остальной Литве, и школ, и детсадов. В промышленности та же история. И мы, зная, что Литва собирается уходить, стали искать возможности, чтобы эти районы остались в составе Советского Союза. Придумали польскую автономию, хотя я был против, я говорил — давайте назовем лучше «интернациональная автономия». Но мне возразили: раз автономия, она должна как-то называться. Литовской быть не может — там проживает только 9 % литовцев. И тогда мы решили сделать польский территориальный район в составе Литовской ССР, в котором действует только Конституция СССР.

— А почему вы не хотели независимости?

— Потому что видели явную несправедливость. Мы понимали, что наш район новые правила игры унижают. Кроме того, мы были сторонниками Советского Союза. Я выступал на XXVIII съезде КПСС в Москве и был единственным, кто сказал: мы должны избрать генерального секретаря — не Горбачева. Все затопали ногами, говорят: убирайте этого провокатора! — После меня к микро-фону прыгнула Сажи Умалатова и сказала еще резче: «Предатели!» Ельцин бросил партийный билет. И вот я тогда сказал: Советского Союза уже не будет. Горбачев продал, а этот, который бросил билет, добьет…

— Что представляла из себя ваша автономия?

— Мы решили, что государственных языков у нас будет три — польский, литовский, русский. Газета на трех языках, школы, названия. Флаг утвердили, герб. И постановили, что будем выполнять только Конституцию СССР, а Конституцию Литовской ССР — нет. Меня вызывают на Верховный Совет республики. Я говорю: вы, депутаты, приняли незаконный акт о выходе из СССР. Законно — это когда есть референдум, поэтому я выполнять ваших указаний не буду. Встал и вышел.

И началось: поставят на границе пограничные столбики — я даю указание убрать. Решают в Вильнюсе сорвать призыв в Советскую армию — мы, наоборот, собираем 400 призывников. Это был единственный район на территории Прибалтики, где соблюдался закон о всеобщей воинской обязанности. Я доехал даже до председателя Совета Министров Советского Союза Николая Рыжкова, договорился, что снабжение района будет идти через Белоруссию. Нефть, нефтепродукты и некоторые промышленные товары шли из Москвы в Лиду, а мы их оттуда забирали. Литва считала себя уже другим государством, а мы еще полтора года продолжали жить в Советском Союзе, в интернациональном «красном» районе.

«Жену на взгляды не меняю»

— После событий 13 января 1991 года, вернее, — после того, как они были поданы в СМИ, — симпатий простых людей вы наверняка лишились? Ваша жизнь после этого осложнилась?

— Ничего у нас не осложнилось! Партия росла. Все службы работали: КГБ, милиция — все было у нас советским. Очень много мы получали писем, сотни… Правда, были и против меня. Писали: «Ты литовец и продал Литву, как не стыдно?»

— Ряды ваши ширились, росли — а за счет кого? Литовцев,

русских или поляков?

— В этих местах до войны литовцев вообще не было, на 80 процентов жили поляки. Я вам скажу факт, который мало кто знает. Когда мы объявили польский территориальный национальный район, приезжали очень высокопоставленные люди из Польши и официально пришли ко мне домой как к председателю районного совета. Предложили: «Мы можем сделать большое дело. Нет, даже не большое: уникальное! Видите, что в Советском Союзе творится сейчас? Там очень слабая армия. А у нас в Польше в армии служат 400 тысяч человек. Поляки живут в Литве, в Белоруссии, на Украине, есть возможность эти национальные районы объединить и сделать польской территорией, от моря до моря, если бы вы нас поддержали». Я сказал: мы на эту провокацию не пойдем, потому что мы — интернационалисты. Тут разыгрывалась очень сильная карта.

— *Можно сказать, что половина Литвы была против выхода из Советского Союза?*

— За Советский Союз, наверное, даже было больше, чем половина. В нашем районе на референдуме за Союз проголосовало 93,9 %. А я, между прочим, был заместителем председателя Комитета по проведению референдума 17 марта 1991 года, который в Литве официально запретили.

— *Когда по телевизору начался показ «Лебединого озера», вы поняли, чем это грозит?*

— Умные люди в Москве нам почти сразу сказали: не радуйтесь и никуда не лезьте, потому что все это бутафория. Скорее всего, все уже знали, что это просто спектакль, чтоб поставить последнюю точку в развале Союза. Вечером друзья мне сообщили — срочно уезжай. Только я уехал, как через три минуты мой дом окружили прокурор республики, прокурор района и большое число «саюдистов» с автоматами. Я рубашку только взял, все оставил и поехал.

— *А семья?*

— У нас семья считалась образцовой. Жена пошла в Народный фронт, а я был коммунистом. И сказал: жену на взгляды не меняю. Я к ней по сей день никаких претензий не имею. Только у нас взгляды совсем разные. У нас из-за политики развелись семь семей руководящих работников. Вам очень трудно это понять, но вот представьте: жена носит флажок «Саюдиса», а я рядом с красным флагом иду…

«Как в коммунизме живем!»

— Где вы в Белоруссии прятались после путча? Что делали и на что жили?

— Приезжаю я в Свислочский район, там мой друг был вторым секретарем райкома, говорю, такое дело — негде жить и негде работать. Председатель колхоза говорит: а у меня спились все пастухи, пастуха нет. Я говорю: «Я буду!» И два года в деревне Корнадь Свислочского района был пастухом. В подполье был, жил в землянке, потому что Литва не оставляла попыток меня схватить. Я жил под другой фамилией — Иван Иванович Войткевич — и писал, что у меня начальное образование, хотя на самом деле у меня было три высших. Однажды был смешной случай: собирает заведующая фермой животноводов. Вот, говорит, Иван Иванович Войткевич — не пьет, хорошо работает, но смотрите: всю жизнь прожил, ни машины не имеет, ни дома — а все потому, что у него лишь начальное образование. А я вот окончила техникум и работаю заведующей фермы! Учитесь, говорит, и не делайте так, как Иван Иванович! И грустно было, и смешно…

Однажды бывший командир вильнюсского ОМОНа Болеслав Макутынович, с которым мы встретились в Москве на пленуме, дал мне конверт, в котором было 100 долларов. Я попытался в категорической форме отказаться, но он настоял на своем. Для меня это была огромная сумма. Ведь были времена, когда я жил всего на 4 доллара в месяц. Разменяв их на белорусские «зайчики», я купил одежду, обувь, а на оставшиеся деньги питался целый год и даже смог купить масло, батон и селедку. Это был первый случай после 1991 года, когда я целую неделю кушал белый хлеб с маслом, как в советское время.

— Когда и как вы вышли из подполья?

— Был пленум ЦК, и мне свислочский секретарь компартии предложил на нем выступить. Я выступил — коммунисты позвонили Зюганову и генералу авиации Копышеву и рассказали о том, что есть в Белоруссии литовский коммунист, которому негде жить. И написали письмо Лукашенко. Меня вызвали в милицию. А я боялся и КГБ, и милиции, потому что в 1994 году Белоруссия выдала Бурокявичюса и Ермалавичюса. Только Лукашенко пришел и навел порядок. Но все обошлось: сделали паспорт, дали политическое убежище. Все, я теперь уже никого и ничего не боюсь и живу под фамилией Высоцкис, а не Войткевич. Пенсию я получаю, как бомж, сейчас — самую низкую. Потому что документы мне так и не отдали, трудовая книжка осталась в Литве. Зато дали бесплатно эти две комнаты в интернате. Одевают нас здесь, обувают, лечат. Как в коммунизме живем!

Каждая минута у меня расписана. То статью надо написать,

то книгу стихов сделать, то очередную картину закончить, то в столовую кого-нибудь отвести. Был у нас такой Роман Иванович Зайцев. Получилось так, что он ослеп. Жена его бросила. Он плачет: я повешусь… Я говорю: нет, лучше я до смерти буду вас везде водить. Ну так вот, я его спас, и потом он еще лектором у нас работал! Теперь вот двух женщин вожу и еще одного мужика. Бесплатно.

«Советский Союз можно было сохранить»

— Литва вас долго преследовала?

— До сих пор! Я по сей день нахожусь в розыске. В 1997 году поехал в Москву на пленум ЦК КПРФ, и вдруг на меня надевают наручники. Трое гражданских лиц, представившись работниками милиции, потребовали немедленно следовать за ними как преступнику, совершившему преступление на территории Литвы. Сказали, что существует двусторонний договор между Россией и Литвой о выдаче преступников, в соответствии с которым меня арестуют, чтобы выдать литовским властям. Хорошо, что это было в гостинице «Измайлово», где как раз проходил пленум. В коридоре начали собираться делегаты и зарубежные гости. Зюганову сообщили. Созвонились с Лукашенко, связались с министром внутренних дел. Два дня меня держали в наручниках, а потом освободили. Даля Грибаускайте уже дважды писала Лукашенко, что меня надо выдать и судить. А Лукашенко дает ответ: нет, Высоцкис невиновен, и мы его выдавать не будем. И когда Александр Григорьевич приезжал к нам в интернат, я ему свою картину подарил и сказал: спасибо, что спасли мне жизнь… И поэтому перед ним могу встать на колени.

— О чем вы жалеете в вашей жизни?

— Много недоделал. Надо было бить во все колокола, когда увидел, что Советский Союз разваливается. Его можно было сохранить.

Единомышленники ко мне приезжают до сих пор, но настолько в Литве всего боятся, что они просят: только не говори фамилии. Я никогда не скажу. Но верю, что правда восторжествует!

— Когда?

— Я до этого не доживу, но это будет. Дочка в последнем письме написала мне: «Папа, я советская литовка!» И я счастлив. А больше мне ничего и не надо.

* * *

Что было с теми активистами Шальчининкского района, которые в отличие от Чеслава Высоцкиса после путча остались в Литве? Их судили. И за референдум, и за автономию, и за три равноправных государственных языка.

В августе 1997-го на Высоцкиса и его товарищей было заведено уголовное дело. Что им инкриминировалось? «Активное участие руководителей района в совершении переворота в августе 1991 года, участие в деятельности иностранной организации другого государства (СССР), деятельности иностранной организации (КПСС) и ее подразделений в Литве».

Четверо обвиняемых (Леонас Янкелевич, Альфредас Алюкас, Карлис Биланс, Янис Юролайть) были приговорены Верховным судом Литвы к различным тюремным срокам, один (Иван Куцевич) был оправдан в связи с отсутствием состава преступления.

«Закончено следствие по делу шальчининкских вредителей» — отчитались газеты знакомой из учебников истории лексикой. Только это уже были не сталинские, а литовские времена.

«Вы действительно лучший немец»

Спустя три года после развала СССР Чеслав Высоцкис написал открытое письмо Михаилу Горбачеву:

«До 22 августа 1991 года я работал в Литве председателем Шальчининкского районного совета депутатов и секретарем райкома партии. Этот район едва ли не единственный в Прибалтике еще полтора года оставался советским после выхода Литвы из состава СССР.

В нем продолжала действовать Конституция СССР. В августе 1991 года литовские власти объявили меня врагом литовского народа за измену родине, моя «вина» состояла в том, что я отстаивал советскую власть, КПСС, СССР. Сейчас я в подполье, без работы и крыши над головой. На меня объявлен розыск. Но я не падаю духом и не жалуюсь на свою судьбу. Я сейчас являюсь секретарем компартии Литвы, которая продолжает действовать в условиях подполья.

Я твердо верил вам, честно и добросовестно выполнял решения съезда народных депутатов СССР. На совместной встрече членов бюро ЦК компартии Литвы вы заверили нас, что Литва останется в составе СССР, а усилия, направленные на сохранение советской власти, будут поддержаны. Я в это тогда не поверил и сказал вам об этом откровенно.

…Вы целиком выполнили заказ Запада. Вы продали своих

товарищей, вы развязали человеческую бойню и залили кровью нашу землю, разорили богатую и могучую нашу страну. Вы превратили честных людей в изгоев. Вы сознательно допустили к власти мафию, проходимцев и негодяев, вы выполняли заказ ЦРУ и за это вас наградили Нобелевской премией мира. Только это не премия мира, вам присудили премию за предательство.

Вы оказались своим среди чужих и чужим среди своих.

Вы действительно лучший немец.

Предатели народа — не нужны. В военное время такого человека, который давал присягу своей армии, а потом продался врагам, расстреливали. Сейчас не военное время.

Но судить вас надо. За измену родине. Вношу предложение:

предать М. Горбачева суду общественного трибунала, лишить российского гражданства и предложить выехать из России в любое государство, которое пожелает его принять.

Вы предатель, преступник, убийца. Будьте прокляты!

Я верю в ваш бесславный иудин конец.

С глубочайшим презрением к вам

Чеслав Высоцкис, заслуженный работник культуры Литовской ССР».

Глава 7
Родина или смерть?

Есть такое волшебное слово, которым в Прибалтике образца начала 90-х можно было парализовать любого. Это слово «ОМОН». Слово-пуля, слово-ожог, слово-выстрел…

Правда, жизнь как вильнюсского ОМОНа, так и рижского была столь скоротечна, что мало кто успел разобраться, за что боролись и что представляли из себя эти парни в камуфляже, которые громко отстаивали немодные в ту пору принципы, упрямо повторяя: «Мы защищаем свое право думать иначе и поступать так, как велит наш долг и присяга».

Снятые тележурналистом Александром Невзоровым десятиминутки «Наши» в программе «600 секунд» казались пощечиной, а сами омоновцы смотрелись опасными ретроградами, в руки которых попало оружие. Так думали, конечно, не все — другая часть нищего, морально раздавленного и абсолютно ничего не понимающего в происходящем советского общества видела в них своих защитников. В мути тех дней надо же было хоть в кого-то верить…

Пересматривать невзоровские фильмы сегодня и стыдно, и страшно. «Мы боремся с прибалтийским фашизмом!» — очень серьезно рассказывает перед телекамерой один герой. Тогда казалось: передергивает. Увы, спустя четверть века это превратилось в реальность: мы действительно боремся с прибалтийским фашизмом…

На экране — узнаваемые с начала 90-х огненные буквы и зимний Вильнюс. Баррикады. Хаотичная стрельба. Советский Союз разваливается на глазах, как рыхлая земляная глыба, оторвавшаяся от края оврага.

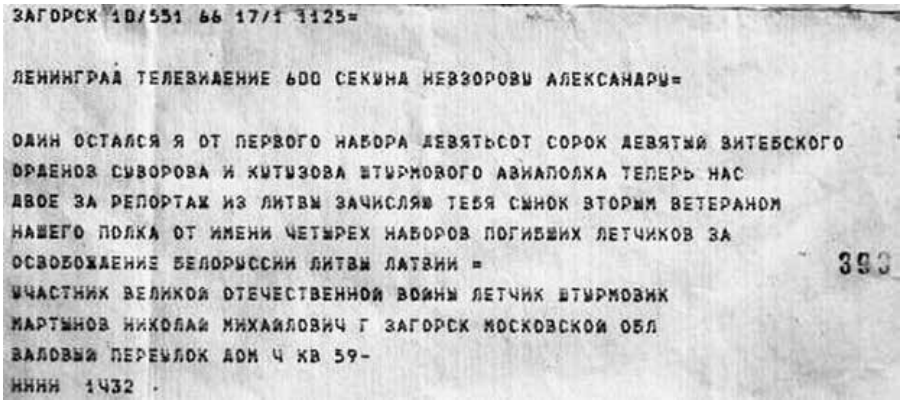
— А что посоветует нам в этой ситуации делать товарищ Невзоров? — спрашивает автора фильма командир вильнюсского ОМОНа Болеслав Макутынович.

— Стоять! — сверкнув глазом, отвечает журналист.

И омоновцы стояли — еще не зная, что страну им не удержать. Что в Литве их верность присяге приравняют к преступлениям против человечности. И что по обеим сторонам литовско-российской границы с этим в конце концов все смирятся.

Тележурналист Александр Невзоров снял про омоновцев фильм, который в 1991 году казался пощечиной общественному мнению. А спустя 25 лет оказался правдой. *Фото Михаила Макаренко, РИА Новости.*

«Составить списки лиц противоборствующей стороны, их адреса и пометить квартиры», — почти рыча в микрофон, описывает планы националистов Александр Невзоров. Как это диссонирует с прекрасными трехцветными ленточками и свечками, которые до определенного времени ассоциировались у всех со словами «Литва и литовцы»! Пройдет всего 8 месяцев, и это окажется правдой — на улицах появятся листовки с условно вырезанными на лбу командира отряда звездами и выколотыми глазами, а в газетах напечатают список лиц, подозреваемых в — измене — родине… Самый одиозный советский и российский репортер эпохи ранних 90-х оказался самым прозорливым.


ЗАГОРСК 10/551 66 17/1 1125=

ЛЕНИНГРАД ТЕЛЕВИДЕНИЕ 600 СЕКУНД НЕВЗОРОВУ АЛЕКСАНДРУ=

ОДИН ОСТАЛСЯ Я ОТ ПЕРВОГО НАБОРА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ДЕВЯТЫЙ ВИТЕБСКОГО
ОРДЕНОВ СУВОРОВА И КУТУЗОВА ШТУРМОВОГО АВИАПОЛКА ТЕПЕРЬ НАС
ДВОЕ ЗА РЕПОРТАЖ ИЗ ЛИТВЫ ЗАЧИСЛЯЮ ТЕБЯ СЫНОК ВТОРЫМ ВЕТЕРАНОМ
НАШЕГО ПОЛКА ОТ ИМЕНИ ЧЕТЫРЕХ НАБОРОВ ПОГИБШИХ ЛЕТЧИКОВ ЗА
ОСВОБОЖДЕНИЕ БЕЛОРУССИИ ЛИТВЫ ЛАТВИИ =
УЧАСТНИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЛЕТЧИК ШТУРМОВИК
МАРТЫНОВ НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ Г ЗАГОРСК МОСКОВСКОЙ ОБЛ
ЗАЛОВЫЙ ПЕРЕУЛОК ДОМ 4 КВ 59-
ИННН 1432 .

Такие телеграммы приходили в адрес программы «600 секунд» после фильмов Александра Невзорова. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

По его собственному признанию, вышло это по какой-то ошибке судьбы.

«Я случайно оказался на стороне правды», — сознавался Александр Глебович в интервью зимой 2012-го, незадолго до того, как снова стал ярым оппозиционером. Родина или смерть, Советский Союз или гибель, «наши» или враги: человек, который ставил перед собой такой выбор, 25 лет назад был груб и оригинален и абсолютно не вписывался в тогдашний политический ландшафт. На фоне нынешнего его антивластного эпатажа этот эпизод из журналистского прошлого ему, наверное, хотелось бы перемонтировать. Увы: это возможно только в кино. Но не в жизни.

Александр Невзоров: «Поход на СССР был отрепетирован и поставлен»

— И как вам, интересно, удалось «обогнать на повороте» коллег-журналистов и снайперски попасть в десятку?

— Я ехал в Вильнюс, будучи накачанным пропагандой, которая существовала на тот момент в Советском Союзе. Ехал, наэлектризованный рассказами СМИ о том, как наши танки давят свободолюбивых литовцев. Но на первом же трупе, который мне показали в морге, были видны совершенно отчетливые следы протектора «Жигулей» и никаких следов танков. Я хорошо знал, как выглядит труп человека, попавшего под танк, потому что до этого прошел Карабах и первый этап азербайджанской войны. А еще я увидел раны от явно не армейского оружия, потому что понять, что такое 12-й (охотничий. — *Г. С.*) калибр, несложно. Глубочайшее заблуждение, кстати, что снайпер — это тот, кто стреляет из укрытия. Не надо никого демонизировать и думать, что там были какие-то загадочные ниндзя, которые ползали по крышам. Это были люди из толпы, стрелявшие из гладкоствола и обрезов. Вот стоял где-нибудь сзади парень из «Саюдиса» и шмалял…

Для нашего Министерства обороны все произошедшее было колоссальной неожиданностью. Министром обороны был тогда чудесный человек, Дмитрий Тимофеевич Язов. Он, будучи фронтовиком и настреляв тьму-тьмущую немцев, ужасно боялся того, что его заклеймят как убийцу своих. И на таких цыпочках ходила у него вся эта армия, что было категорически запрещено не то что стрелять, но даже думать об этом! А литовцы были именно своими. Вильнюсский ОМОН, единственная боеспособная советская единица в Литве, на тот момент уже был парализован. У солдат-срочников на всякий случай отобрали патроны. Посмотрите на хроники, у них даже автоматы без рожков!

— Кстати, как так получилось, что в нужном месте и в нужный час оказалась масса иностранных журналистов, а нашей прессы не было?

— Прессу приглашают продюсеры, режиссеры-постановщики и исполнители главных ролей. А нам там была отведена роль зрителей. Причем зрителей опущенных.

— В какой момент вы поняли, что это была постановка?

— Когда увидел рожи этих ребят. Я случайно оказался на стороне правды. Это произошло только потому, что мне надо было выбрать в своих симпатиях: либо те — орущие, визжащие,

истерикующие, либо эти — преданные своей стране, мужественные, потрясающие, — как, например, командир вильнюсского ОМОНа Болеслав Макутынович и псковские десантники. Я выбрал ЭТИХ.

Звезды и свастики

— Это правда, что после выхода фильма «Наши» на вашем питерском офисе рисовали свастики?

— Рисовали. Травили всеми известными способами, какие только можно было представить. Начиная от создания коллективных писем — поскольку это основной жанр, в котором работала советская и русская интеллигенция. Письма подписывали все, причем истерически: что все это омерзительная инсценировка, ложь и инсинуация. Требовали изгнания, закрытия эфира, сочиняли разоблачительные статьи. Такое массовое было оплевывание, которое, наверное, человек менее циничный не выдержал бы. Не забывайте, что я был вынут из территориальности абсолютной славы, подписанты любили меня, как родного сына. И тут я еду в Вильнюс и вместо долгожданного рассказа о «советской агрессии» вдруг выдаю ТАКОЕ… Разговоров о том, что меня подкупили, не было. Надо знать Дмитрия Тимофеевича Язова и тогдашнюю советскую систему: у них просто органа такого не было, которым подкупают. Я не могу сказать, что был мучеником за правду. Во-первых, это не моя роль. А во-вторых, существовал противовес — совершенно удивительные письма и телеграммы со всей страны от тех людей, которые не относились к творческой интеллигенции. Летчики присылали свои летные шлемы с надписью «Наши», ветеран войны, оставшийся в живых командир Берлинского авиационного полка, прислал приказ, в котором меня зачисляли в полк. Я не могу сказать, что без этой поддержки я бы не выстоял. Но это было чертовски приятно. Как вы знаете, я не просто снял «Наших» — я тупо встал на эту позицию и стоял на ней 20 лет: мы никого не убивали, все было срежиссировано, это подлость, попытка развалить страну. Я стоял на своем: что это все ложь. Единственный во всей советской прессе.

Вильнюсский ОМОН: верность присяге, которую они давали во времена СССР, спустя 25 лет приравняли к преступлениям против человечности. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— Тогда объясните: что было со всеми остальными? Все вдруг ослепли?

— Заподозрить 99,9 процента публики в подкупе западными силами было невозможно, потому что это было еще не принято, а банковских карточек не было. Страна была полностью во власти новой идеологии, новой демагогии, блистательной, в великолепном исполнении Анатолия Собчака и не обрюзгшего еще Сергея Станкевича. Это все было недурно сделано, черт возьми! Ведь поход на Советский Союз был отрепетирован и поставлен, как я теперь понимаю, очень здорово. А что касается готовности верить… Что такое вера? Отсутствие знаний. Вот вы верили в святость Литвы и порочность Язова и Крючкова. Другое знание отсутствовало, и я его не мог вам дать. Я дал его только тем, кто знал, что наши не пойдут стрелять пусть и в озверевшую, одуревшую толпу. Что ни Язов, ни Крючков не способны были стрелять по своим.

— Почему же вы, сказав «а», не сказали «б»? И не отслеживали дальнейшие судьбы рижских и вильнюсских омоновцев, за которыми Литва с Латвией охотятся по всему миру?

— Не забывайте, что я к тому времени уже стал прокаженным. Не только в Литве, но и во всей советской прессе мое имя было неуважаемо. Именно благодаря фильму «Наши».

Судьбы обратно не склеишь, страну не вернешь. Какими бы мы сейчас все ни оказались спустя 25 лет прозревшими, это

ничего не изменит ни в судьбе командира вильнюсского ОМОНа Болеслава Макутыновича (умер в ноябре 2015 года. — *Г. С.*), ни тем более в судьбе погибшего офицера «Альфы» Виктора Шатских. Литовцы останутся при своем мифе, они будут этот миф исповедовать дальше, они на нем построили государственную идеологию, поскольку ничего, кроме январских событий, у них в активе нет.

…Эта глава о том, как омоновцы сражались с ветряными мельницами и как выживали, когда выяснилось, что никому они не нужны.

Атланты, которым не удалось удержать небо

Собрать их вместе было непросто, хотя и живут они в одном подъезде многоэтажного подмосковного дома. После многих лет мытарств экс-руководителю вильнюсского ОМОНа Болеславу Макутыновичу удалось-таки выбить несколько квартир для своих бойцов и поселить их вместе.

Встретиться решились не все, и на то есть уважительные причины, — но несколько человек согласились, они по одному спускаются в квартиру Виктора Рощина в домашних тапочках и посмеиваются: «К нам, когда мы здесь прописались, сразу участковый прибежал. Вас, спрашивает, наверное, за алименты разыскивают? Ага, говорим, причем сразу всех…»

Предполагалось, что наша встреча будет выглядеть совершенно иначе. Что командир снова построит их в линейку, как в известном невзоровском фильме, и скомандует своим узнаваемым низким голосом: «Отряд! Слушай боевой приказ!» А потом эти атланты сядут рядком и расскажут о том, как пытались удержать небо СССР на каменных руках…

Увы: Болеслав Макутынович ушел из жизни, так и не сказав последнего слова. От интервью на протяжении нескольких лет категорически отказывался, не желая ни отмываться, ни оправдываться. Поэтому говорить за него и рассказывать историю отряда будут другие: начальник дежурной части Виктор Рощин, офицер аналитического отдела Александр Степаненко, эксперт-криминалист Александр Станкевич и сержант Юрий Рахман. 25 лет, прошедших со времени самых главных и самых славных событий их жизни, конечно, оставили свой след. Дело не в седине — просто все они наконец избавились от иллюзий. Для одних Литва — родина, которая им до сих пор снится. Для других — заноза, которую хотелось бы выдернуть и не вспоминать. Объединяет их одно — все они этой самой родиной прокляты, — лучше черта помянуть, чем вильнюсского омоновца.

«В нашем доме живут даже настоящие, чистые омоновцы-литовцы. Я не буду озвучивать их фамилии, потому что у них в Литве живут близкие родственники. Это я спокойно могу говорить, потому что у меня мама в прошлом году умерла. Мне уже там ничего не сделают», — доверительно рассказывает Виктор Рощин. Остальные напряженно слушают. Каждый из них готов отвечать за свои слова, но, чтобы не терять логику и не отвлекаться на детали, лучше сделать их ответ коллективным.

— Кому принадлежала идея организовать ОМОН?

— Это был приказ Москвы. ОМОНы тогда создавались во всех республиках, областных городах и городах-миллионниках, в связи с резким ростом уличной преступности. Понадобились подразделения, которые могли бы противостоять массовым беспорядкам и групповому хулиганству. Костяк вильнюсского ОМОНа составили сотрудники вильнюсского батальона патрульно-постовой службы, который считался одним из лучших подразделений ППС Союза. В ОМОН набирались спортивно подготовленные люди, служившие в милиции. По оперативным каналам мы получали информацию о том, как националисты из Департамента охраны края пытаются вооружиться. Оружие собирали со всей Литвы — с охотничьих хозяйств, спортивных секций, из школьных кабинетов начальной военной подготовки. Когда началась вся эта националистическая вакханалия, на оружие милиции многие положили глаз. Но батальон ППС считался «красным», считалось, что туда лучше не лезть. И когда вышел приказ о сдаче оружия, Виктор Рощин с ребятами согласно распоряжению МВД СССР забрал 40 автоматов и передал их в ОМОН, куда они и предназначались. Именно за это литовская прокуратура его все эти 25 лет и разыскивает, а вовсе не за 13 января 1991-го. Никто из нас четверых на тот момент в ОМОНе еще не служил.

Никому из бывших вильнюсских омоновцев не удалось

больше устроиться на работу в милицию. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Что, по-вашему, стояло за этими событиями на самом деле?

— 8 января правительство Литвы резко, в несколько раз, подняло цены на продукты питания. Плюс общий фон: настолько витало в воздухе это напряжение, что в открытую призывалось захватывать русскоязычные школы и детские сады. Возле Верховного Совета был большой митинг, и представители трудовых коллективов попытались пройти вовнутрь. Еще не расколовшийся вильнюсский ОМОН охранял Верховный Совет, бойцы видели, что происходило в самом здании. Там было очень много боевиков. Даже старые националисты — и те вылезли, в мундирах и фашистских крестах. У многих в руках были немецкие винтовки времен Великой Отечественной войны.

— Как вы относитесь к версии о некоей третьей силе, которая спровоцировала трагедию?

— Этой силой были Департамент охраны края и «Саюдис». По нашим данным, в людей, скорее всего, стреляли в том числе и сотрудники уголовного розыска министерства внутренних дел Литвы, из укороченных автоматов калибра 5,45. К телебашне и телецентру привозили автобусами детей из детских домов. Ресторанам и кафе были даны указания заготовить питание, которое привозили специально к Верховному Совету, к телецентру и телебашне. В общем, все то же самое, что было на киевском майдане, только жертв меньше. Сейчас люди уже ко всему привыкли, и 10, 20, 30 убитых никого не впечатляют. А тогда это было дико — убитый человек… Один из нас служил в экспертно-криминалистическом отделе МВД и по роду службы ездил в морг. Так вот: тамошние работники рассказывали, что наутро, когда начали считать убитых, в морге находились тела, которые не подходили под категорию жертв ни по каким критериям. Как будто их набрали со всех случаев, которые произошли в ближайших к Вильнюсу районах за сутки, и свезли в одно место. Все эти материалы были переданы литовской прокуратуре.

«Аврора» на Нерисе

— Все вы пришли в ОМОН совсем не в дни его расцвета — в мае 1991-го, когда уже было понятно, что ситуация в стране не из лучших. И тем не менее перешли.

— Надеялись, что все встанет на свои места. Страна большая,

думали, что ТАКИМ ее конец быть не должен. Мы даже в первый день путча еще были уверены, что все закончится хорошо. А на второй день начали пить водку…

— Каково вам было жить в шкуре изгоев все эти несколько месяцев до путча? Вас в Литве боялись?

— Уважать — уважали. Знали, что в обиду своих не дадим. Одни люди давали нам хлеб и яблоки, а другие плевали в спину. Для одних мы были героями, а для других изгоями. Все мы были молодые, горячие — казалось, что нам море по колено и мы ничего не боимся. И фотографии наши развешивали на заборах, и угрожать пытались, но такое было чувство братства, что ничего казалось не страшно! Руководство Литвы нас, конечно, очень боялось. Стоило нам проехать один раз на БТР в полутора километрах от Верховного Совета, как они поднимали по тревоге все свои вооруженные силы. Мы всего-навсего обкатывали мотор, до телебашни прокатились и вернулись обратно — чтобы бэтээры не застаивались, их же надо прогревать. А те сразу в крик: идут на штурм, идут на штурм… Можно рассказать анекдотичный случай? Нам надо было отвезти обзорную справку в военный отдел ЦК Компартии Литвы, а там стояли гаишники. Мы друг друга знали в лицо, здоровались, участвовали когда-то в одних операциях. Выходим из машины, говорим: «Тут рельсы положим, там положим… Пацаны, среди вас машинисты есть?» Нету, а что? Да вот, бронепоезд сейчас пригоним, рельсы будем класть, а машинистов не хватает… Вы не поверите, на телевидении на следующий день передали, что бронепоезд будет штурмовать Верховный Совет… Мы тогда пустили следующую «утку» — что якобы гоним «Аврору» с Питера и она по Нерису подойдет к Верховному Совету. Они и на эту шутку купились тоже.

— После 13 января, по логике, в обществе должен был возникнуть страх по отношению к человеку с ружьем…

— Нет, все это больше походило на игру. Все было в новинку. Кто-то играл в независимость, кто-то защищал свою страну.

«Зачем вы нас бросаете?»

— Итак, в первый день августовского путча вы смотрите телевизор, во второй пьете водку…

— Нет, в первый день мы восстанавливаем советскую власть! Когда в Москве начался путч, к нам в подразделение забежал человек из первого взвода с новостью: военные, говорит, штурмуют парламент. Все обрадовались: сейчас наши придут, все поставим на свои места! А потом выяснилось, что, оказывается,

дело происходит не в Вильнюсе, а в Москве. И какая-то такая наступила растерянность… Мы ждали, что сейчас наступит порядок, а получился еще больший непорядок.

Была дана команда нас разоружить. А мы разоружаться не хотели, потому что знали, что нас в этом случае просто-напросто перестреляют. Доходило до смешного: псковским десантникам говорили, что ОМОН штурмуют Внутренние войска, и если те попробуют омоновцев защитить, то танки перестреляют и их. В «Северном городке», где располагалась дивизия, — что нас штурмуют десантники. То есть всех нас между собой стравливали. Но ничего у них не получилось. Офицеры из «Северного городка» позвонили нам и сказали: ребята, приезжайте, немножко боеприпасов вам дадим. Мы спрашиваем: «Вы нас штурмовать не будете?» Они говорят — да вы что? Да мы порвем за вас всех! Нас, когда мы приехали, разве что на руках не носили. На тот момент дивизия Внутренних войск, которой мы были формально подчинены, отказала нам и в пище, и в связи. Они от нас отвернулись, хотя мы были у них в подчинении. А совсем другая воинская часть дала и хлеб, и пайки.

На третий день путча в отряд приехали прокурор Литвы Артурас Паулаус-кас и министр внутренних дел Марионас Мисюконис. И доказывали нам, что присягу вполне можно принять несколько раз. Предлагали сдать командира. И вот тогда зародилась мысль, что конец уже совсем близок…

Примечательно, как мы перебазировались на территорию вой-сковой части. Погрузили все свое имущество на бэтээры, поставили на башню головного знамя МВД Литовской ССР — которое, кстати, до сих пор у нас хранится — и поехали в «Северный городок». Люди стояли на обочинах и смотрели нам вслед. Никаких проклятий — только цветы и яблоки… Вы не поверите, но к нам не то что русскоязычное население — подходили коренные жители Литвы, которым была близка советская власть, и говорили: «Зачем вы нас бросаете? Мы «лесных братьев» истребляли, а вы нас бросаете под их ножи?» У ребят от этих слов слезы текли… А в Верховном Совете была объявлена боевая тревога. Сказали, что ОМОН в очередной раз пошел на штурм.

Никто не хотел уходить, все стояли на том, что отряд можно вывести целиком. Но нас обманули, и неоднократно, даже после того как вывели в расположение войсковой части: сначала запретили ходить с оружием, а когда мы пошли в столовую, оружие и вовсе забрали. А без оружия мы уже были никто…

Часть из нас уволилась и осталась в Литве, часть перешла на службу в Вооруженные силы, а остальные полетели в Москву.

Бориса Пуго уже не было в живых, но для нас все равно пригнали самолет министра внутренних дел. На аэродром Вильнюса нас доставили на машинах войсковой части. С нами должна была лететь комиссия МВД СССР, но ее глава господин Демидов испугался наших шуток насчет того, что мы захватим самолет и улетим за границу, и с нами не полетел. Офицеры 107-й дивизии выстроились на взлетной полосе и отдали нам честь. Будущий чеченский президент Алан Масхадов стоял навытяжку! На тот момент это был решительно советский офицер, председатель офицерского собрания всего гарнизона. Так что мы его знаем немножко с другой стороны, чем все.

— *О чем вы думали, когда самолет взлетел?*

— Лишь бы он в Вильнюсе опять не приземлился… Когда летели — мрачно шутили насчет того, подогнали ли на летное поле автозаки? Потому что нам сказали, что нас везут в дивизию Дзержинского под домашний арест. Вышли из самолета, идет какой-то полковник — откуда, говорит, пацаны? Из Вильнюса. Эх, где ж вы были несколько дней назад? Так бы советскую власть сохранили…

Всех нас объявили ярыми путчистами. «Разведка» доложила, что было негласное указание на штатную работу никого из нас не брать, увольнять при первой возможности и категорически запрещалось принимать на работу в Москве, Ленинграде и области. И даже через несколько лет, когда, помотавшись по стране и переждав сложные времена, многие из нас решили восстановиться в милиции, нам отвечали «до свидания», если слышали, что мы из вильнюсского ОМОНа. Ездили мы на прием в Министерство обороны. Говорили: мы офицеры, мы служить хотим, как раз Чечня началась. Но каждый раз, куда бы мы ни устраивались, дело заканчивалось тем, что поступал ответ: в ваших услугах не нуждаемся.

С чистого листа

— *Кем в итоге работали?*

— Кто охранником, кто водителем. Многим из нас пришлось похерить в себе и мечты, и способности. Потому что пришлось делать в жизни то, что мы делать не собирались. В органы никого из нас больше не взяли. Были единичные случаи, ребята устраивались, но не как бывшие сотрудники, а как вновь принимаемые. С чистого листа. Как только пишешь в анкетах, что ты вильнюсский омоновец, — так сразу отбой…

15 человек поехало в Минскую школу милиции. И там нам

тоже объявили, что мы никому не нужны. И тут какой-то человек в коридоре спрашивает: «Вы откуда, ребята?» А на нас форма, камуфляж. «Из Вильнюса. Распределили служить в Белоруссию, но никуда не берут». «А пойдемте служить ко мне, в город Борисов, я — начальник местного РОВД», — предлагает тот. Это был полковник Шибалко. Через месяц он нас еще раз спас — предупредил, что в Борисов приехала специальная бригада, чтобы нас арестовать. Если жив, дай Бог ему долгих лет жизни и здоровья! А если нет — вечная ему память…

Мы растерялись: что ж нам делать-то? Приезжают трое наших парней, которые вместе с рижскими омоновцами улетели в Тюмень, и предлагают: поехали служить в рижский отряд! Прилетели. И тут нас ошарашивают, что буквально только что арестовали заместителя командира рижского ОМОНа Сергея — Парфенова, — его вызвал начальник УВД, он зашел — и латыши ему тут же руки заломили и увезли в Ригу.

Руководство тюменской городской милиции вроде к нам хорошо относилось, но на работу не брало. Предлагало временно устроить дружинниками. У нас оставалось по 100–150 рублей, а килограмм макарон уже стоил под 100. И тогда один из нас продал вахтовикам зимний камуфляжный комплект, мы взяли билеты и улетели в Москву

— За вами за всеми шла охота?

— Официально по Интерполу в розыск были объявлены три человека: Рощин, Разводов и Макутынович. Но реально охотились за всеми. Списки разыскиваемых довольно относительны, и литовские прокуроры их постоянно тасуют. Вот скажите — когда в этом списке появился танкист Юрий Мель? Уже ПОСЛЕ того, как его задержали, так? Именно…

* * *

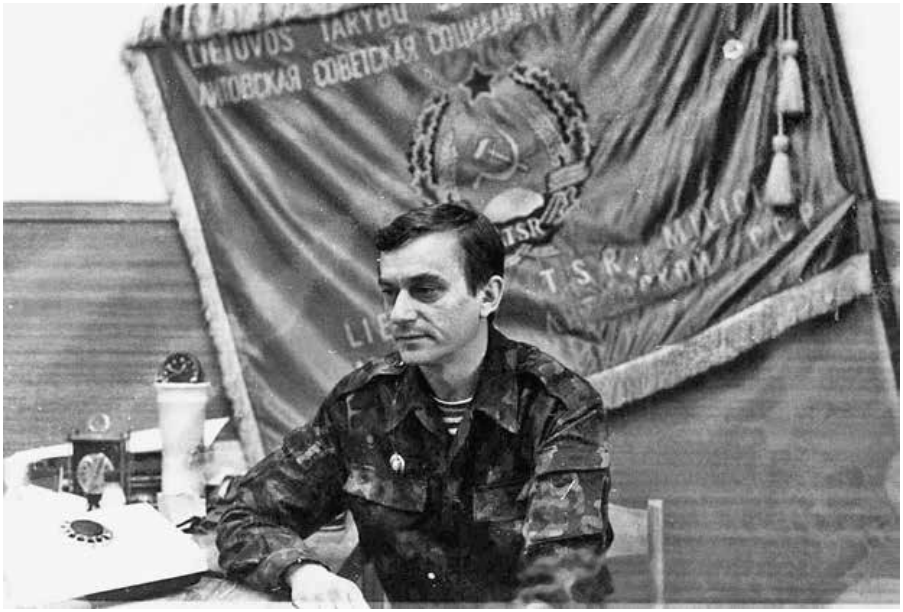
Достаю фотоаппарат, чтобы их сфотографировать. Перемигиваются между собой: ну что — береты наденем? Надевают и сразу же становятся узнаваемыми — теми же самыми омоновцами из начала 90-х, которыми народ пугали перед сном по телевизору. «Рощин, у тебя вроде бы скоро ремонт, да? — говорят они хозяину квартиры, хитро поглядывая на белые обои: А давай напишем на стене углем: «Мы вернемся!» и отправим фотографию в Вильнюс? А?»

…Во избежание недоразумений решили стену все-таки не портить. Чтобы не получилось так же, как с броневиком и крейсером «Аврора»…

На правильной стороне истории
Владимир Разводов

В июне 2015-го в Литве неожиданно прорезался голос разума — когда судья Аудрюс Цининас вынес оправдательный приговор бывшему командиру вильнюсского ОМОНа Болеславу Макутыновичу и начальнику штаба Владимиру Разводову, которых судили заочно. «С обвинительной точки зрения в 1991 году не было ни военного положения, ни вооруженного конфликта, ни оккупации, тем самым не было условий для вступления в силу положений Женевской конвенции», — прокомментировал свое решение судья, признав очевидное: пытаться переводить подследственных в категорию военных преступников — юридический нонсенс.

Чем закончится этот процесс, один из подсудимых (Макутынович) уже никогда не узнает. На его «подельнике» Владимире Разводове попытаются отыграться по полной программе — надо же литовской прокуратуре как-то отчитаться за 25 лет безрезультатной работы. Кроме бесконечных белых пятен вокруг трагедии 13 января, есть в литовской истории еще один неразгаданный ребус — убийство таможенников в местечке Мядининкай ранним утром 31 июля 1991 года, аккурат в день визита в Москву Джорджа — Буша-старшего. Литовских стариков коммунистов Бурокявичюса и Ермалавичюса, напомню, выкрали из Минска в день прилета Билла Клинтона. Видимо, такой в те времена была политическая мода. Официальный «козел отпущения» за расстрел таможенного поста уже найден и приговорен к пожизненному заключению. Им, несмотря на отсутствие доказательств, стал бывший боец рижского ОМОНа Константин Никулин (Михайлов). Но одного человека для совершения «преступления века» явно маловато. Поэтому в литовской прокуратуре ему активно подыскивают приятную компанию. Экс-начальник штаба вильнюсского ОМОНа Владимир Разводов в качестве компаньона всех устраивает.



Командир вильнюсского ОМОНа Болеслав Макутынович. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Как ни старайся перечертить линию его судьбы по-новой — встречи с ОМОНом ему явно было не избежать. Десантник, кандидат в мастера спорта по самбо, который служил во Внутренних войсках и командовал ротой специального назначения, — на какой стороне он еще мог оказаться в 1991 году, если не на этой? Когда начались смутные времена, вариантов было два: либо идти в бандиты, либо к тем, кто с ними борется. Поначалу ОМОН все так и воспринимали — как борцов с бандитизмом. Теоретически симпатии населения должны были быть на их стороне, потому что от вакханалии преступности в то время страдали все вне зависимости от национальности. Но получилось иначе.

«Наши и не наши»

— Каким образом вы из друзей народных масс превратились во врагов?

— Началось деление всего населения на «наших и не наших». В 1990 году, когда к власти пришел Витаутас Ландсбергис, шли митинги, которые постепенно перерастали в массовые беспорядки. А специальность, которую я получил в спецшколе, так и называлась: «Борьба с групповыми неповиновениями и массовыми беспорядками». ОМОН Литовской ССР обеспечивал

безопасность всех государственных учреждений — Верховного Совета, Совета Министров, министерства внутренних дел. 8 ноября 1990 года многотысячная толпа русских и поляков рванула в Верховный Совет разбираться с властями. Нас, 30 омоновцев, поставили живым щитом между Верховным Советом и народом. Как только они нас не обзывали, чем только в нас не кидали… Мы провели двоих человек вовнутрь, чтобы объяснить, почему их не пускаем: внутри сидели боевики, которые были вооружены не только ножами и арматурой, но и реальным оружием, и только и ждали того, чтобы сделать из них мясо… После чего митингующие сами начали помогать сдерживать толпу. Но «внутренние боевички», сидевшие внутри здания, стали провоцировать людей через наши головы. Кто-то схватил брандспойт с горячей водой и начал поливать толпу. Та взревела… По правде говоря, тогда мы народ от столкновения удержали с трудом.

— *Вы доподлинно знали про оружие?*

— Конечно. Я своими глазами видел в их руках пистолеты, наганы, винтовки Мосина и ТОЗовки (спортивные малокалиберные винтовки. — *Г. С.*)…

— *…из которых, вероятно, пару месяцев спустя неизвестные снайперы и выстрелят с крыш в ночь январской трагедии? Как же вы, профессионалы, пропустили то, что готовится провокация?*

— И материалы посылались начальству, и отчеты. Но пока в руководстве вильнюсского ОМОНа стоял националист Эрикас Калячюс, все было бесполезно.

— *Так отряд раскололся по национальным причинам?*

Начальник штаба вильнюсского ОМОНа Владимир Разводов был судим заочно за военные преступления и… оправдан! Потому что никакой войны между Литвой и СССР в 1991 году не было. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Не совсем. Вильнюсский ОМОН был многонационален, служили у нас и литовцы, и поляки, и русские, и армяне. Большинство было не согласно с тем, что происходило в республике, но были и сторонники «Саюдиса». В новогоднюю ночь, когда нас подняли по тревоге, потому что начались погромы ресторанов и магазинов, среди нас самих едва не дошло до рукопашной: литовцы били русских и поляков, а поляки и русские — литовцев. В ночь на 12 января 1991 года в вильнюсском ОМОНе произошел окончательный раскол, но скорее по политическим соображениям — кто-то остался верен Советскому Союзу, а кто-то Литве. Всю технику и оружие мы забрали с собой и переместились в школу милиции, которая находилась недалеко от базы. Поначалу ребят с нами ушло достаточно, но потом люди начали разбегаться — у одних семьи, у других литовские родственники. В итоге нас осталось всего-навсего 12 человек. Откровенно говоря, у меня было состояние оцепенения… Националисты начали нас окружать. Мы подняли всех людей в ружье, выставили посты, и Болеслав Макутынович начал звонить военному коменданту города полковнику Белогородову: выручай, нужна охрана. А тот говорит: меня самого окружили со всех сторон, сейчас попробую дозвониться до десантников. И тогда десантники из Алитуса (город в 100 км от

Вильнюса, в котором в то время базировался 97-й гвардейский парашютно-десантный полк. — *Г. С.*) пришли нам на помощь — они подняли спецбатальон, вошли в Вильнюс и передали нам взвод с двумя бээмдэшками. За четыре часа, как на крыльях, прилетели! Мы благодарны были им безумно. Потом все немножко стабилизировалось, народ начал постепенно возвращаться, и к концу месяца в отряде было уже 80 человек. Так что в событиях 13 января 1991 года мы не могли участвовать при всем желании — мы были блокированы у себя на базе толпой агрессивно настроенных людей, которые кричали нам, что мы — враги… Я тогда указывал Невзорову на двусмысленность его репортажа, из которого могло показаться, что мы героически отстреливались на вильнюсской телебашне, а он отмахивался — это-де всего лишь телевизионный сюжет, люди сами разберутся… Люди не разобрались: прошло уже 25 лет, как нам все время приходится доказывать, что нас там не было.

Возраст агрессии

— Литовское общество после тех событий изменилось? Как правило, на фоне опустошения и шока люди становятся человечнее…

— Наоборот, стало агрессивнее. Особенно это проявлялось среди представителей моего поколения и моложе. Люди среднего и пожилого возраста реагировали иначе, потому что знали, что такое Советский Союз и нормальная человеческая жизнь. Когда все более-менее устаканилось, мы начали отпускать бойцов навестить семьи. Поехал и я. Выхожу из квартиры, навстречу мне поднимается сосед, Альгис, он служил в Департаменте охраны края и жил прямо напротив нас. Они с женой были к нам настроены настолько враждебно, что, когда мы случайно встречались с ним на лестнице, аж дрожал. Потом к моей жене постучался отец этого Альгиса, извинился и сказал: передайте своему мужу, чтобы он так открыто больше не приезжал, потому что мой сын отдал приказ устроить здесь засаду. Замечательный был старик! Я его даже попросил потом в случае чего присмотреть за семьей — потому что и двери поджигали, и стекла выбивали… Но не все: другие литовцы, наоборот, нас поддерживали. Незнакомые люди собирали деньги и продукты, потому что только в марте приказом Бориса Громова, который был тогда первым заместителем министра внутренних дел, нас прикомандировали к 42-й дивизии Внутренних войск. И тогда у нас появилась и форма, и обеспечение, и питание нормальное. И

народу прибавилось. Были по-настоящему ценные приобретения — к нам в ОМОН перешел, например, майор уголовного розыска Алексей Антоненко, который возглавил оперативное отделение отряда. Позже благодаря ему многих удалось спасти.

Игра в войнушку

— В 1991 году на информационные ленты больше попадал рижский ОМОН, а не вильнюсский.

— Исключительно благодаря командиру рижского ОМОНа Чеславу Млыннику. Я — человек военный, и милицейские штучки для меня неприемлемы. Я всегда говорил: боевое подразделение должно действовать четко и по уставу. А Макутынович и Млынник — милиционеры, один замполит, другой участковый, — для них это была бравада, игра в войнушку, потому они и сдружились с Александром Невзоровым, и вместе с ним фильмов накрутили будь здоров. Мы с Алексеем Антоненко вздыхали: циркачи, им же все это боком выйдет! Болеславу напрямую говорили — не надо светиться, потом плакать будешь. Нет, — отвечал он, — мы должны быть на первой полосе…

— Вы и были — особенно когда с энтузиазмом начали громить таможенные посты. Это был приказ или вы таким образом понимали свой долг?

— На самом деле обитатели этих разрисованных вагончиков со шлагбаумом на несуществующей границе, на которых по-литовски было написано «таможенный контроль», только грабили народ. Люди гурьбой ходили к нам жаловаться. Мы доложили в Москву. Оттуда пришел четкий и конкретный приказ: чтобы никаких таможенных постов не было, потому что это территория Советского Союза. Не вопрос: мы небольшими группами проехались по всем постам и навели порядок. Позже нас пытались обвинить в том, что мы избивали людей, но у нас было все зафиксировано, мы же не дураки… Каждый свой шаг снимали на пленку, потому что знали, чем это может аукнуться. Выглядело это так: отбирали у «таможенников» оружие, срывали знаки отличия и говорили — двигайте отсюда, пока вам не дали по шее. Ну а тот, кто сопротивлялся, получал пожестче. Вагончики сжигались, территория освобождалась. Жаловались нам и на Мядининкайский пост, говорили, что у водителей отбирают все ценное. Мы разработали операцию, послали туда своих людей с видеокамерами. Но это все! Кассеты, которые мы потом передали в прокуратуру, из уголовного дела исчезли.

— Вы помните ночь убийства «таможенников»?

— Прихожу на работу, дежурный докладывает: в Мядининкае расстреляли пост, но наши все были на месте, никто никуда не уезжал. У меня было такое оцепенение… Я к командиру — тот тоже в шоке. Первое, что подумал, — что все теперь посыплется на нас. Так и есть: в первом же выступлении во всем обвинили омоновцев. Сказали, что будто бы есть свидетель, который выжил. Что у него полная потеря памяти, но он якобы узнал по — разговору Разводова, Макутыновича, Никулина-Михайлова и еще ряд рижских омоновцев… Что за бред? — говорю. Он сам себя-то помнит, этот парень? Ни я его, ни он меня в глаза никогда не видел, как он по разговору мог узнать, что это был я? Я в эту ночь был дома. Хотите проверить? Пожалуйста. У меня есть сторож — сосед, начальник отдела Департамента охраны края, — у него спросите, где я был. Тот потом подтвердил: я проверил, Разводов был дома. Шумиха была страшная! Никто ничего не понимал. Омоновцы до этого таможенные посты громили? Громили. И тут — бац, убийство… Поди докажи, что ты не верблюд. Я так понимаю, что Ландсбергису и компании нужно было подогреть общественность, поэтому обвинения против нас лились рекой.

— В какой момент и почему в этом деле замаячила тень рижского ОМОНа?

— Мы поддерживали контакты, ездили друг к другу — надо же было как-то обмениваться опытом, тем более что я сам родом из Латвии. Может быть, просто подкараулили момент и доложили куда следует, что рижские омоновцы ночевали у нас на базе? У нас в отряде так называемых разведчиков было до фига, только мы выявили четверых, — а скольких еще не выявили?

Я знаю, что это сделали не омоновцы. У нас была информация про контрабандистов — якобы белорусские бандиты хотели перетащить через границу большую партию меха, а литовская группировка — партию наркотиков, и что-то не поделили. Судя по фотографиям и видео, сделанным сразу после убийства на таможне, можно сказать определенно: мы так не действуем. Мы бы вошли, вытащили таможенников во двор, положили на землю и уехали. Да, и я хорошо знаю своих ребят — они все бы разнесли к чертовой матери. А там, судя по фотографиям, на столе осталась даже бутылка водки с нетронутой закуской, а сами «таможенники» лежали аккуратненько штабелями с дырками в затылках.

«Милиция ловила нас, как преступников»

— До роспуска вильнюсского ОМОНа оставались считанные

недели. Как выглядели последние дни отряда в Литве?

— В конце августа, после неудавшегося путча, к нам начали наведываться начальники. Вместо генерала Усхопчика руководить мотострелковой дивизией в «Северном городке» прислали полковника Фролова. Тот несколько раз приезжал в отряд и ультимативно требовал, чтобы мы сложили оружие и покинули территорию базы. Я терпел, терпел, а потом сказал: полковник, иди отсюда и больше сюда не приходи! Мы тогда с ним здорово поругались. Из Москвы приехал замминистра внутренних дел генерал-майор Демидов. Вопрос стоял либо о выводе отряда, либо о его расформировании. Фролов говорил: надо отряд расформировать, омоновцы — преступники… А в «Северном городке» был Союз офицеров, председателем которого был полковник Масхадов. Знаете такого? Я потом в Чечне воевал против него, а тогда пил с ним водку. Отличный мужик, замечательный офицер. И все они были за Советский Союз, все стояли хором. И он сказал: если нужна помощь — территория «Северного городка» в вашем распоряжении. Мы собрались, погрузились на машины и всю технику с имуществом перевезли туда. Отряд в конце концов расформировали. Основную массу людей — порядка 89 человек — вывезли на самолете в Москву. Технику и оружие отдали Литве.

— *Как вас встретила родина?*

— Это отдельная тема. Вернулись мы совсем не героями. Большинство из нас были родом из Прибалтики и в России до этого не жили ни дня. Меня определили в Академию внутренних дел. Через некоторое время курсовой вызывает меня к ректору и говорит на ухо: аккуратней, там твои соотечественники приехали. Какие еще соотечественники? Литовцы из прокуратуры. Захожу в кабинет, сидят двое: «Лаба дена, лаба дена» (добрый день — лит.) … Дознаватель и следователь, один из них знал меня лично, специально приехал, чтобы опознать. И ректор мне говорит: товарищ майор, вам следует поехать в Литву, дать показания, чтобы снять с себя подозрения. «Вы понимаете, что я оттуда уже не вернусь?» — спрашиваю. «Как это — не вернетесь?» — он, человек науки, просто не понимал, как это может быть… Я вышел в коридор, подошел к стеклу и вижу: у входа стоят три черные «Волги» и шесть мальчиков в гражданском, а на первом этаже караулят еще трое. Выпрыгнул из окна туалета на втором этаже, через заднее КПП перебрался в общежитие, быстро переоделся и ушел. Потом Алексей Антоненко мне сказал, что из Литвы в Москву было направлено 70 человек, чтобы нас всех выловить. Мало того что литовцы — московская милиция тоже ловила нас, как преступников.

В начале 1992 года Ельцин отдал распоряжение о том, чтобы восстанавливать в армии офицеров, желающих продолжать службу на благо России. Меня позвали в новосибирский ОМОН. Потом появился эмиссар с предложением помочь Абхазии. Был сформирован отряд из вильнюсских и рижских сотрудников, и мы поехали. Там нас снова предали и вывели на минное поле. Покосило нас тогда очень многих. Я получил серьезную контузию.

Перевелся в Санкт-Петербург, поступил на службу во ФСИН (Федеральная служба исполнения наказаний. — *Г. С.*) и стал заместителем командира отряда «Тайфун» (Отряд специального назначения Внутренних войск). Две командировки в Чечню, СОБР и наконец отставка — контузия давала о себе знать. Все было хорошо до того момента, пока не позвонили из Интерпола и не сказали: ты под колпаком. Если выедешь за границу, тебя возьмут. Так я узнал про заочный суд.

Своих не бросаем?

— Назвать это международным цирком было бы нетактично. Политический фарс! То, что нас пытаются выставить военными преступниками или уголовниками, — это просто нонсенс. Почти 25 лет мне присылают документы на мою экстрадицию. Несколько раз приезжали ребята из милиции: вы, как гражданин Литвы, должны уехать. Я говорю: я подполковник милиции в отставке, служил в России — почему же я гражданин Литвы? Они в изумлении смотрят паспорт, извиняются и уходят. Лично сам был у начальника управления экстрадицией Генпрокуратуры, он мне сказал: можете не переживать, своих мы не выдаем. Несколько лет была тишина. Потом, видимо, пошла опять какая-то политическая волна, и опять… Недавно в шесть утра стук в дверь — открывай! Стоят три человека, мальчишки, года по 22–23, судебные приставы. Говорят: есть предписание председателя суда о том, что меня нужно доставить в суд Кировского района, и пытаются меня скрутить. Я говорю: ребята, не делайте глупостей, не смотрите, что я старый, я сейчас повыкидываю вас отсюда вместе с дверями, и будет прецедент. Давайте миром! Короче, пришлось их выкинуть… Договорились, что в суд я приеду сам. Но моя жена, перепугавшись, позвонила моим бывшим сослуживцам. Пока я приехал, там уже стоял целый отряд бывших наших. Заместитель председателя суда очень долго потом извинялся.

Я ничего противозаконного не совершал. Я был верен

присяге, выполнял конкретные приказы, поставленные руководством. Если руководство от этого отказывается, то пусть это будет на его совести. Я своих ребят до сих пор воспринимаю как пацанов, за которых буду стоять горой. Самому старшему из всех было тогда 27 лет. А сейчас они седые все…

Робин Гуд советского разлива
Алексей Антоненко

До литовской границы от этого дома — всего 12 километров: казалось бы, можно руками ее потрогать, Литву, — а не получается. Опасно.

Хутор на краю старой белорусской деревни бывший заместитель командира по оперативной работе вильнюсского ОМОНа Алексей Антоненко спешно доделывал летом 1991-го, будто предчувствуя, что из Литвы все равно придется уезжать. Думал, в случае чего здесь можно будет спрятаться и ему, и ребятам из отряда. Место надежное, укрытое от чужих глаз: если бы не местный ксендз — мы б никогда его не нашли среди запутанных в узоры лесных дорог.

Идет дождь, из микроавтобуса первыми выпрыгивают мужчины, стекла автомобиля затемнены — слишком опасный набор составляющих для того, кто много лет живет под прицелом. Напряженный взгляд хозяина дома обжигает, как молния.

— Я родился в Вильнюсе, мать — полячка, отец — украинец. Когда мне исполнилось 16 и я выбирал национальность, сказал, что хочу быть русским. А мне говорят — нельзя, надо выбирать от родителей. Пришлось записаться поляком. Как мой отец попал в Прибалтику? Когда в 1944 году Литва была освобождена, Антанас Снечкус, первый секретарь Компартии Литвы, попросил у России помощи, нужны были специалисты, потому что все инженеры, что были, драпанули на Запад. Поэтому сначала на разведку поехал мой брат, он в то время как раз окончил техникум по холодильным установкам, и написал отцу, что тут можно устроиться.

Я проработал два десятка лет в органах внутренних дел Вильнюса. Уголовный розыск был по большей части русскоязычной организацией, литовцы в основном работали в ОБХСС и в министерстве — там, где места потеплее. А русаков бросали на черновую работу. С самого начала мы знали, что мы — люди второго сорта. Но не обижались. Где-то начиная с 1987 года, когда все уже перестали восторгаться Горбачевым, литовцы начали шептаться за спиной. Раньше с ними были прекрасные отношения, а теперь они общения избегали. Лозунги «Саюдиса» о демократии и свободе привлекали многих людей, только ярые коммунисты видели в этом крамолу, а остальным было интересно, что из этого получится. Но была вера в то, что, даже если Литва вдруг и отделится от Советского Союза, то все

равно можно будет жить и работать. В конце концов, уголовный розыск — это борьба с преступностью, а преступность бывает при любой власти. Окончательно стало ясно, куда мы идем, когда осенью 1989 года «Саюдис» провел свой первый съезд, во Дворец спорта со всей Литвы съехались делегаты, и все, что там происходило, транслировалось по всем литовским телеканалам. И вот когда я услышал, каким образом собираются решить нашу судьбу, все стало ясно.

Ползучий геноцид

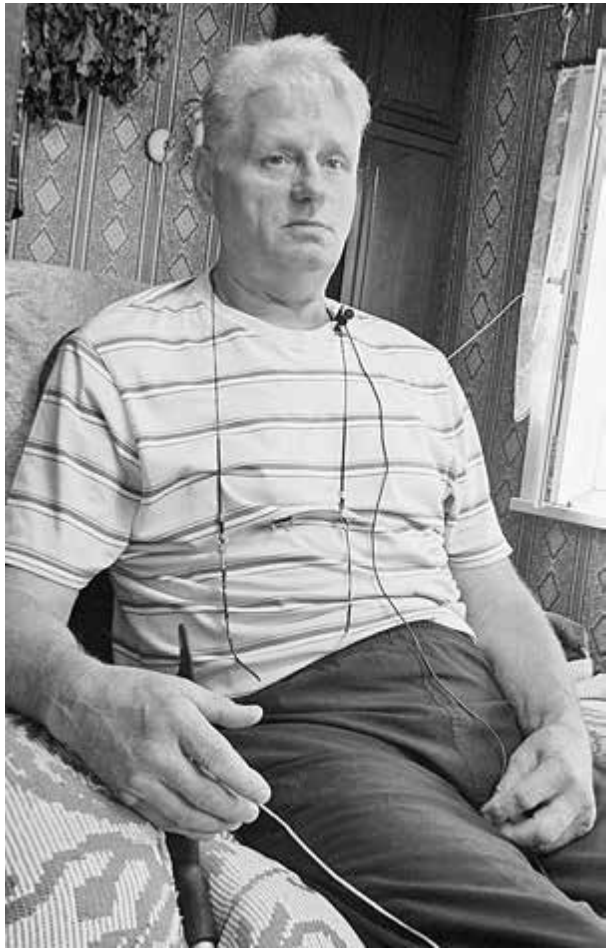
— Вы поняли, что отсидеться в окопе не удастся и все равно придется воевать?

— Примерно с 1987 года я начал присматриваться и прислушиваться ко всему, что происходит и думать о том, есть ли альтернатива? Потому что было ясно, что если Горбачев не предатель, то — дурак. Мы привыкли верить своим руководителям, а тут такое… Все катится нарастающими темпами, вот уже с тобой не разговаривают литовцы. Если раньше бывшие соратники тебя просто дичились, то тут вдруг задают сочувственный вопрос — ты собираешься из Литвы уезжать или нет? Я говорю — а куда мне уезжать? Я тут родился, это мой родной город. Когда они заявили, что в Литве будет только литовский язык и напринимали разных законов, на следующий же день на всех троллейбусных остановках объявления на литовском оставили, а на русском все соскребли ножом. Это выглядело так похабно… И вот ты идешь по городу, подходишь к остановке, видишь это — и тебе как плевок в лицо. Утерся молча и пошел дальше, прошел еще 200 метров, следующая остановка — а тебе еще плевок… Помню, 9 мая мы с друзьями захотели пойти на шествие в честь Дня Победы по проспекту Гедиминаса, который раньше назывался проспектом Ленина. Присоединяемся к колонне военных, которые идут строевым шагом, и какая-то женщина шипит нам вслед: «Паразиты». И так мне от всего этого стало удивительно… Идем дальше — налетает толпа студентов, кричат: «Геда, геда, геда!» (позор — *лит.*). И чуть ли в нас не плюет.

— Этот зверек национализма, который в конце 80-х был разбужен в литовцах, пробудился сам или кто-то ему помог?

— Людей накачивали средства массовой информации. Причем делалось это не напрямую. Я бы назвал это «ползучий геноцид». Даже преступников стали делить на своих и чужих. По телевидению обязательно подчеркивали, кто совершил

преступление — русский, поляк или литовец.



Бывший заместитель командира вильнюсского ОМОНа Алексей Антоненко уехал из Литвы после того, как с ним пытались расправиться, избив до полусмерти. Но он выжил. *Фото Г. Сапожниковой.*

В поисках альтернативы я стал ходить на митинги. Мне очень понравилась идея Валерия Иванова насчет того, как решить национальный вопрос. Так же, как решали в Советском Союзе: если в Вильнюсе процент литовцев и нелитовцев составляет 50 на 50, значит, все чиновники, депутаты и министры тоже должны занимать места в той же пропорции. А литовцы возражали, когда я с ними говорил на эту тему. Они говорили — а где вы найдете столько умных русскоязычных?

Видишь, что это все уже комом катится, катится… Наконец наступил январь 1991-го. Я уже был в то время ярым

противником «Саюдиса», стоял вместе с толпой во дворе Верховного Совета, когда Ландсбергис в страхе высовывался из окна со второго этажа. Может, если бы тогда люди ворвались вовнутрь и прикончили эту власть в зародыше, все было бы по-другому. Но не получилось. Безоружные не пошли против вооруженных.

Кто грабил «таможни»?

— Вы перешли в ОМОН, когда уже все случилось: и события 13 января, и раскол отряда. Почему ждали почти до мая?

— Я и раньше хотел туда перейти в качестве рядового бойца, но мне отказали. Сказали: у тебя есть великолепная возможность нам помочь, потому что ты находишься в гуще событий. Я давал в отряд много ценной информации.

О том, например, как в мае 1991-го на белорусско-литовской границе был убит участковый инспектор белорусской милиции капитан Александр Фиясь, о чем в Литве вспоминать не хотят.

Он ехал в Вильнюс на своей автомашине с женой и детьми. Там стоял «таможенный» вагончик, он этим самозванцам не подчинился и попер прямо через шлагбаум. А в кустах сидел секретный пост, вооруженный двустволкой, и кто-то выстрелил ему в спину. Парня, который стрелял, задержали и посадили в ИВС (изолятор временного содержания. — *Г. С.*), а я в то время как раз занимался внутрикамерными разработками задержанных. Я устроил ему очень «хорошее» соседство, подсадил в камеру своего человечка, который рассказал потом, как прокуроры учили его сокамерника, что нужно говорить. Картина была ясна, но в печати везде вышло, что это будто бы Фиясь сам первым выхватил оружие… Парень, который выстрелил, был потом оправдан, как правильно исполнивший инструкцию.

— Случившееся двумя месяцами позже убийство «таможенников» в Мядининкае можно было предугадать?

— Как раз накануне мы задумали провести там свою операцию. Дело в том, что мы получили данные о том, что на этой «таможне» безбожно грабят людей. Этот пост считался у них номером один, там проходило больше всего транспорта — и фуры, и легковые, — и «таможенники» брали со всех мзду. После смены они ехали на чью-то дачу, складывали награбленное и делили. Таким же грабежом, по нашим данным, занимались в аэропортовской таможне. Сотрудник пообещал устроить туда нашего человечка с видеокамерой, чтобы снимать все, что там происходит. И мы решили, что, коли есть такая возможность,

надо заодно заснять и Мядининкай, чтобы показать потом по «каспервидению» — так называли телевидение Бурокявичюса. И поэтому 29 июля 1991 года мы поехали на место с моим коллегой, тоже майором милиции, который перед тем, как пришел к нам, работал в ОБХСС. Задумка была такая: напротив «таможенного» поста, чуть-чуть в низинке, были кусты ольхи и осины — мы хотели посадить туда двоих человек из нашего отделения, которые раньше работали наружниками. А на белорусской территории подыскали место, где можно было бы поставить командно-штабную машину с мощной антенной, и там должны были сидеть наш инженер и основная группа с видеокамерой. Наружники засекают, кого ограбили, передают нам условную фразу, мы эту машину останавливаем и берем интервью.

— Кто-то сработал на опережение? Или слил задумку?

— Не думаю, что слил. Не знаю… Мы доложили Макутыновичу. У него в кабинете была школьная доска, я нарисовал схему, что и как. И уехал домой отдыхать. А когда приехал на следующий день, новость про Мядининкай была как гром с ясного неба…

— Вы сразу же поняли, что это была ловушка?

— Нет, я это так не воспринимал. Мы уже привыкли к тому, что на нас все валят. Ежедневно какие-то люди ходили около базы, воспитательницы приводили детишек, и, точно так, как сейчас на Украине кричат «Коммуняку на гилляку», так сиротки из детского дома кричали: «ОМОН — вон! ОМОН — это СПИД на теле Литвы!» И если до того, как я пришел в отряд, ребята часто ездили на прекращение деятельности незаконных таможенных пунктов, то потом Москва это запретила. Категорически! И не просто запретила, а еще прислала своего эмиссара — подполковника из управления по охране общественного порядка МВД СССР, который жил у нас на базе и целый день сидел в кабинете у Макутыновича. Мы на эти «таможни» ездить перестали, но их все равно продолжали громить. Все оружие ОМОНа было отстреляно еще тогда — вопросов к нам не было.

«Я люблю СССР»

— У вас, как у бывшего оперативника, есть своя версия?

— Теоретически можно допустить все что угодно. Мы вообще-то думали, что это сделал Департамент охраны края, для того, чтобы дискредитировать ОМОН. Максимум, что могли сделать мы, — заставить «таможенников» десять раз отжаться от пола и

сказать «я люблю СССР» — и отправить в Вильнюс пешком. А тут были такие демонстративно-показательные вещи…

В ходе проверки, которую проводили и мы, и МВД, и КГБ, и прокуратура Литвы, были отработаны различные версии. Вариант, что это могли устроить сами представители литовских официальных структур, прокуратура тоже рассматривала. Мы со следствием никакой связи не поддерживали, но было известно, что людей убили не в том домике, где нашли тела, потому что пулевых отверстий в полу или в стенах не нашли, только кровь. Среди убитых «таможенников» четверо были вооружены — двое с автоматами из отряда АРАС (подразделение литовской полиции по антитеррористическим операциям. — *Г. С.*) и двое полицейских из ГАИ, которые тоже не лыком шиты, — если что, быстро выхватывают оружие. Но почему-то никто не сопротивлялся. О чем это говорит? О том, что операция была тщательно подготовлена.

Примерно через неделю после событий в Мядининкае была предпринята попытка еще одной провокации, о которой мало кто знает. В республике было объявлено несколько дней траура. Ландсбергис закатывал истерики по радио и телевидению насчет того, что с ОМОНом надо покончить, потому что это убийцы, и призвал всех прийти на трехдневный пикет к нашей базе. Мы получили данные о том, что подготовлена операция «Буря». Суть — собрать на пикет как можно больше людей, спровоцировать беспорядки и застрелить несколько человек с тем, чтобы опять все свалить на нас. Толпа должна была окружить здание и попытаться зайти вовнутрь — и тогда ОМОН сам будет вынужден освободить базу. Такая версия преподносилась для народа.

Мы понимали, что в любом случае будем в проигрыше и обратились к населению через телевидение, рассказав о том, что — готовится провокация. Обзвонили московские и ленинградские редакции. Журналистов к нам, правда, прислали немного. Но когда начался митинг, несколько человек — корреспонденты и омоновцы с видеокамерами — сидели на крыше.

Самым драматичным был второй день пикета. В 17.00 нам сообщили, что из здания Департамента охраны края выехали два экипажа, загрузив ящик с оружием. В 17.30 — что из проезжающих мимо автомобилей неизвестными обстрелян штаб дивизии Внутренних войск. В 17.55 у нас неожиданно заглушили радиосвязь. Было понятно, что они готовятся… И точно: ровно в 18.00 базу со всех сторон стали окружать молодые люди, но не митингующие, — митинговали в основном агрессивные старушки. Потом раздалась очередь над головами тех, кто находился на крыше, но никто не пострадал. То ли не хотели попадать, то ли —

промахнулись. — Командир отряда дал команду всем постам срочно скрыться в здании базы.

Я выбежал к митингующим: «Уходите, ради Бога! Нас только что обстреляли из леса, сейчас начнут стрелять по вам, чтобы повторить события 13 января!»

«Это вы сами себя обстреляли!» — завопили старушки.

В Вильнюсе меняют государственный герб. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Низвергают памятники советским героям. *Фото из архива Г.*

Сапожниковой.

Рядом стоял замначальника ГАИ, уже в новой форме литовской полиции. «Пожалуйста, объясните вы им — может, они вас послушают!» — попросил я его. И действительно — после его слов половина митингующих разошлась, а остальные притихли. Стрелять из леса больше никто не решился. На третий день все сошло на нет.

…А что касается Мядининкая, то тут версий много было, у меня целый архивчик накопился за все эти годы. В литовской прокуратуре навербовали полно народу из тех, кто остался жить в Литве, в том числе и среди бывших омоновцев, — их прижать было совсем не трудно, особенно среди тех, кто имел вид на жительство: его же надо каждый год продлевать, а кто тебе его продлит, если ты откажешься сотрудничать? Наверняка многим из них в той или иной степени пришлось идти на компромисс, чтобы от них отстали… Поэтому нет ничего удивительного в том, что спустя столько лет стали появляться новые свидетели той истории. Их вытаскивают на свет божий ровно в те периоды, когда прокуратуре нужно перед обществом оправдываться. Бывшего рижского омоновца Константина Никулина-Михайлова посадили в тюрьму без каких-либо доказательств. В Литве сейчас идет целая кампания в его защиту. Нам в свое время тоже присылали пожертвования, думали, что мы не получаем зарплату. Бабульки собирали по трояку, баночки передавали. Люди в Литве были уверены, что ОМОН — это эдакие робин гуды. Меня поразило, что из одной абсолютно пролитовской деревни в Каунасском районе прислали 400 с лишним рублей, что по тем временам было немало, к письму был подколот даже список фамилий. А Никулину помогает сейчас бывшая диссидентка Нийоле Садунайте, которая в советские годы руководила изданием хроники католической жизни в Литве. КГБ с ног сбился ее искать, чтобы прихлопнуть это издание. И теперь вдруг оказывается, что Садунайте принадлежит к какому-то монашескому ордену, получает очень скромную пенсию и с этих денег покупает и отправляет посылки в тюрьму…

«Мы были готовы умереть за страну»

— Каким вам запомнился августовский путч?

— За несколько дней до событий приезжает к нам Чеслав Высоцкис, он был председателем райисполкома Шальчининкского района, и советуется. Дело в том, что они провели первый этап

съезда депутатов всех уровней и договорились, что через месяц будут проводить второй этап, — о том, чтобы отделиться от Литовской Республики на манер Приднестровья. Он просил нас быть основой будущей армии. Для начала мы должны были осуществить защиту и охрану этого съезда, на котором они хотели принять конституцию. Мы приняли это дело если не с энтузиазмом, то с интересом. Он был у нас 15 августа и сказал, что съезд будет проводить через неделю. А 19-го произошел путч.

Первая реакция: ура, слава Богу! После обеда появляются люди из Алитусского пехотно-десантного полка: поставлена задача занять Верховный Совет. Они попытались провести рекогносцировку и столкнулись со сложностями — улицы перегорожены мощными блокпостами из бетонных блоков. Более того, заминирована набережная реки Вилии, все газоны и подступы к зданию Верховного Совета. И они попросили нас как местных жителей, хорошо знающих эти места, разведать лазейки. Мы поехали туда, нашли вариант, как пробиться через главную баррикаду. Вместо этого поступает команда от министра внутренних дел занять республиканский узел связи, а потом передать под охрану армии. Здание мы заняли, во второй половине дня туда прибыл разведбатальон из «Северного городка». А потом оказалось, что ни узел связи, ни сами разведчики никому не нужны, и им пришлось оттуда уехать. Все, кончился путч.

— Когда вы поняли, что с Литвой вам придется проститься?

— Когда стали выводить армию. 19 сентября пришел приказ о присвоении мне воинского звания майор. У меня как у начальника оперативного отделения отряда было много доверенных лиц, агентуры с того момента, когда я еще работал в ОМОНе, и все эти люди тоже остались бесхозными, но все равно со мной поддерживали связь и давали мне ценную информацию. В этот момент прежде всего интересовала возможность обезопасить бойцов вильнюсского ОМОНа. Таким образом, мне удалось два раза предупредить Володю Разводова о том, что в Москву отправили 70 литовских оперативников с его фотографиями. Несмотря на то, что телефон прослушивался, кое-что делать все-таки удавалось. Все это привело к тому, что в мае 1992 года со мной попросту решили расправиться. Сначала вызвали на допрос в полицию с вопросом — есть ли у меня табельное оружие и ношу ли я его с собой? Поскольку поняли, что я вооружен, решили со мной не связываться и пойти другим путем. Мой брат Андрей выдавал замуж свою приемную дочку, и ее жених где-то проболтался, что на свадьбе у него будет такой «свадебный генерал», как я. И «там, где надо», быстро приняли

решение.

Полиция в то время была продажной и, видимо, попросту договорилась с бандитами. Во время свадьбы вдруг пронесся слух, что куда-то пропал жених. Выходим на улицу — там стоит человек 8 бугаев, и все уставились на меня… Били, топтали, я только слышал, как хрустела грудная клетка. Последняя мысль была: за что бьют так жестоко, ведь убьют же?! Я еще не понял, что был «объектом», я думал, это просто хулиганы.

— И после этого сделали правильный вывод, что лучше в Литве не оставаться?

— Нет, какие там «правильные выводы», что вы! Уже через два месяца я был на ногах и вышел на работу, уже в разгаре была кампания по выводу дивизии из Литвы. Потом очутился в Ленинграде, потом в Абхазии. Перед этим еще и в Приднестровье побывал. Не зря нас взяли на учет в КГБ пожизненно, в смысле оперативного наблюдения. Если трезво взглянуть, мы были мятежники, правда, легальные. Во всех нас было чувство нереализованности. Мы все готовы были умереть за страну! А тут получилось так, что никому не нужны. Поэтому людей, которые в 2014-м ехали воевать в Донбасс, я понимаю прекрасно…

Что рассказала жена Алексея Антоненко, Любовь Ивановна, когда не слышал муж:

— Вы не представляете, как нам тяжело было уезжать. Алексей сказал, что быстро оклемался и уже через два месяца был на ногах. Он просто ничего не мог помнить в больнице — как я ходила к командованию, как подняла всех на ноги, требуя, чтобы гражданину России оказали медицинскую помощь. Он не помнит того, что в полиции один человек сказал: «Я был стажером вашего мужа. Если вы хотите, чтобы он был жив, забирайте его из госпиталя и срочно увозите». И мы с друзьями и родственниками привезли его в этот дом, в голое поле, где не было ничего — ни окон, ни печки, — и глиной замазывали дыры в стене, чтобы пережить зиму.

Привезли его белого как мел, без кровинки в лице. И после открытой травмы головы размером в 14 сантиметров его понесло еще по всем этим Абхазиям, Ленинградам и Приднестровьям, потому что он не мог оставить своих ребят.

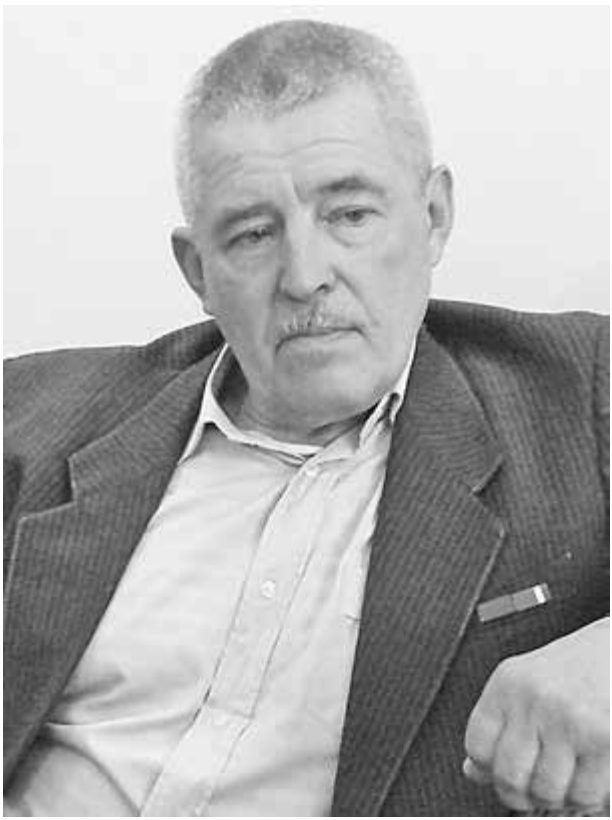
У нас своя жизненная драма — семья разорвана на две части. Старший сын остался в Вильнюсе, женат на литовке, внук ни слова не говорит по-русски. Младший живет в Белоруссии — со своими убеждениями и понятиями, и его дети не говорят по-литовски. Общаться они почти не могут…

* * *

…Видимо, очень сильно было что-то в том времени не так, если виноватыми оказывались те, кем страна должна была бы гордиться. Кто преступлением считал измену родине и стране. Кто не согнулся — как его ни гнули.

Но если им до сих пор приходится за это оправдываться перед своими же внуками, в портфелях у которых конфликтуют даже учебники, — явно что-то не так и во времени нынешнем…

Глава 8
Слушай, товарищ!



За то, что Александр Бобылев был одним из организаторов референдума о сохранении СССР, ему отомстили тремя годами тюрьмы. *Фото Г. Сапожниковой.*

Жизнь в отсутствие официального врага для идеологов Литвы была невыносима: пугать обездвиженным после августовского путча советским монстром больше никого не получалось, армию должны были вот-вот вывести, ОМОН улетел, не попрощавшись, а местные коммунисты скрылись в подполье на просторах соседних стран… Как существовать стране, в которой количество желающих репрессировать явно превышает число потенциальных репрессируемых?

Если враги закончились, надо выдумать новых.

И той же самой осенью 1991-го Литва начала усиленно ковать миф о вооруженном подполье, которого на самом деле не было. В

том смысле, что, придумав приговор, стала усердно впихивать в него всех, кто попадался под руку.

По первоначальной задумке это должны были быть злостные изменники родины, в планах которых был подрыв эшелонов и мостов. Но таковых в стране не оказалось. Тогда решили привлечь других — тех, кто публично выражал недовольство повышением цен на митинге 8 января 1991 года. Опять облом: к моменту объявления приговора подсудимые оказались гражданами России, поэтому на статью «измена родине» потянуть никак не могли. Ко всему прочему, некоторые из них — как, например, инженер вильнюсского НИИ радиоизмерительных приборов Александр Бобылев — встречались в здании Верховного Совета с членами правительства по их же приглашению. Не будешь же сажать человека в тюрьму за то, что он публично отказался пожать руку вице-премьеру…

Но! Петицию-то они несли не сами по себе, а по просьбе руководства Компартии Литвы на платформе КПСС! Поэтому — делает вывод судья В. Вишинскис — «принимали участие в деятельности данной партии, целью которой было подорвать государственный и общественный строй». То есть занимались антигосударственными делами!

Еще не самый плохой на свете, кстати, судья, несмотря на фамилию (его нередко сравнивали с печально знаменитым тезкой, прокурором СССР Андреем Вышинским. — *Г. С.*), — потому что он не позволил Литве стать общемировым анекдотом и самые абсурдные домыслы следствия отмел. Большинство обвинений громкого уголовного дела над литовскими общественниками, приговор по которому был объявлен 29 апреля 1994 года, оказались несостоятельными: ну не организовывали эти разномастные подсудимые, среди которых был солдат срочной службы, парочка инженеров, лектор общества «Знание», работник горкома партии и еще один телефонист, — многотысячных митингов, не уничтожали имущества Верховного Совета и не «организовали умышленно преступную группу, целью которой было силой свергнуть государственную власть Литовской Республики».

Да здравствует Октябрьская революция!

…Не знаю, что больше потрясает в этой истории, — наглость, с которой ковался приговор, или наивность, граничащая с глупостью, со стороны тех, кто проходил по этому уголовному делу, что в итоге вылилось для последних в годы тюрьмы — от 3

до 8 лет.

Эпизоды между собой не были связаны вообще. Какое отношение, казалось бы, имеет петиция по поводу повышения цен, которую участники митинга несли к Верховному Совету в январе 1991-го, к вооруженной стычке у пограничного поста вблизи города Шумска, которая случилась десятью месяцами позже? Литовской Фемиде такие литературные тонкости были не нужны: эти две совершенно не связанные между собой истории в приговоре идут через запятую, как паровозики. В результате этой арифметики наскреблась группа, состоящая из 8 персон. А это уже почти целая террористическая организация!

Вы только вчитайтесь в фабулу: осенью 1991 года несколько человек, оставшихся в душе советскими людьми, решают смонтировать радиопередачу, чтобы в 74-ю годовщину Октябрьской революции поздравить литовский народ с праздником с территории Белоруссии… Сейчас это звучит неправдоподобно и смешно, но в те дни, в условиях тотального запрета на все коммунистическое, включая советские праздники, ничего другого сочинить было невозможно.

Операция по устранению последних остатков сочувствующих советскому строю удалась на славу, будущие подсудимые и наживку заглотили, и удочку — Советский Союз действительно был инкубатором для наивных.

Спустя 25 лет этот «подвиг» кажется дешевой романтикой, навеянной школьным курсом советской литературы и сочинениями на тему «Молодой гвардии». Но для тех, кто в 1991 году пытался осуществить этот проект и трясся по сельским дорогам для того, чтобы настроить радиопередатчик, все было по-настоящему.

Те, кто придумал для «новоявленных партизан» роль в этом разыгранном спектакле, тоже, конечно, не блистали интеллектом, но сделали главное — кроме сомнительной идеи, смогли подкинуть в руки исполнителям компромат в виде оружия с гарантированно «нехорошей» историей и запаслись попкорном, чтобы ждать в кустах вполне театрального финала. Удивляться этому не следует — во время вывода советских войск этого добра в Прибалтике было навалом, чуть ли не по объявлениям в газетах продавалось все, чего пожелает душа, — от ракет до гранатометов.

Итак, представьте: 6 ноября 1991 года дружинники Александр Смоткин и Владимир Шорохов, бывший военнослужащий Хетаг Дзагоев и гражданский активист Виктор Орлов отправляются в соседний с Литвой белорусский район вблизи города Шумска, чтобы наладить радиосигнал.

«Истинная цель, которую мы преследовали, — напишет потом один из них из тюрьмы, — была следующая: поздравить всех, кому дороги идеалы социалистического Отечества с праздником Великой Октябрьской социалистической революции. Иного способа здесь, в демократической и свободной Литве, мы не видели. Поэтому мы в ноябре 1991 года выехали на трех машинах в Белоруссию, которая в тот период входила в состав СССР, и, пользуясь моральным правом как граждане СССР, оказавшиеся по злой воле политиков изгоями на собственной Родине, провели пробную трансляцию, пробуя работоспособность радиопередатчика. На обратном пути из Белоруссии в Литву мы и были задержаны служащими Департамента охраны края».

Вот они — политзаключенные новой Европы, с помощью которых Литва пыталась доказать теорию вооруженного подполья. В. Иванов, А. Бобылев и другие. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Все вроде бы идет по плану, но «заряженное ружье», которое согласно известному высказыванию Антона Чехова должно было выстрелить в последнем акте, срабатывает в самый неподходящий момент: у Александра Смоткина сдают нервы, и он, убегая в лес, бросает гранату… Все, слава Богу, живы, но это обстоятельство спутало организаторам все их планы по задержанию «красных активистов». Следующие несколько лет ушли на то, чтобы выжать из этого сюжета максимум.

Шумный процесс над «террористами» должен был укрепить новую власть, и без того пребывающую в эйфории. Не «дело

врачей-вредителей», конечно, но все равно солидно.

Шипы для раны
Александр Бобылев

«…Я уже совсем не тот, что был 16 месяцев назад, я так зарядился ненавистью, желанием рвануть в драку, что суда жду с азартом. Не у всех нас, но у большинства мнение таково: на суде не защищаться, выползая из-под удара, НО ДАТЬ БОЙ. Не судилище над нами должно состояться, но суд, разоблачающий всю гнусность и подоплеку провокации, происшедшей с народом, страной и лично с нами. Я стараюсь собирать все крохи информации о том, как с ведома некоего Горбачева М. С. было задумано и запущено то, чтобы «процесс пошел». Пора начать открывать людям глаза, иначе опять опоздаем, и эти ублюдки уйдут от ответственности. Они сами захотели политического процесса, так карты им в руки — пусть он будет. Так действовал Георгий Димит-ров, бить их же оружием, тыкать мордой в собственное дерьмо.

Это счастье — быть на передовой. Без вести пропадать — вот где трудно, вот где страшно. Просто мы слишком привыкли мирно и хорошо жить. Читал раньше про войну и думал, как же можно было сидеть в землянках, петь и пить. Казалось, каждую минуту надо было стрелять, глотку грызть немцам…

…Как же это могло случиться, что народ с такой историей подвергнут такому испытанию?! Прочитал А. Толстого «Русский характер». Поразительно, как стоек наш народ против врага внешнего, но как по-детски наивен и слаб перед лукавостью врага внутреннего. Доверчивы мы, это тоже наша национальная черта. Но не выжечь из нас чувства Родины, чувства любви к советской НАШЕЙ власти, мы слишком ее успели прочувствовать, как, впрочем, и гнусь того, что нам суют взамен. Какие нам письма, открытки хорошие присылали на Новый год и на 23 февраля наши, СОВЕТСКИЕ люди! Вот этой кристальной чистотой любви к Родине и несгибаемой неистребимой гордостью мы и возьмем верх, это за зелененькие не продается и не покупается. Просто оторопели мы от нахрапистости, неожиданности и геббельсовской наглости возникшего перед нами зверя. Ничего, уже оправляемся. С коммунистическим приветом…»

Если бы Александру Бобылеву несколько лет назад кто-нибудь сказал, что он окажется в тюрьме и будет слать оттуда такие «коммунистические приветы», — он бы ни за что не поверил. К политике до определенного момента относился индифферентно, а в партию пошел как раз тогда, когда все из нее

побежали. «Я подумал: раз всякое дерьмо оттуда поплыло, то надо идти на замену и как-то ее укреплять», — объяснил он логику своего желания вступить в Компартию Литвы аккурат после ее раскола. «Когда еще говорились красивые речи о самостоятельности, о суверенитете и национальном возрождении, я прекрасно понимал, что речь идет о развале Союза. И что это только средство к тому, чтобы поменять социальный строй. И с этим совершенно не мог согласиться». Результат не заставил себя ждать: Бобылев оказался в тюрьме, потому что такого рода мысли в стандарты независимой Литвы не вписывались ни тогда, ни сейчас. У нынешнего ее истерического отношения к любому свободомыслию должны же были быть корни — так вот: они здесь, в 1991 году, когда на Литву еще внимания никто не обращал. Все хвалили ее за нулевой вариант гражданства, а оказалось, он был нужен ей совсем для другого — чтобы всех «несогласных» записать в свои граждане и судить потом за измену.

Им хотелось реванша

— Что за банду из вас пытались изобразить?

— Это была, по сути дела, первая в Литве группа, осужденная по политической статье. До нас по ней (70-я, антигосударственная деятельность. — *Г. С.*) осудили только одного человека — Сергея Резника, за то, что он принял хозяйственное руководство Издательством Компартии Литвы, которое перевели под контроль КПСС. Его осудили первого, это было летом 1993 года, а второй пошла наша группа. Каким образом ее собирали?

Валерия Иванова пасли как руководителя «Венибе-Единство-Едность» — это было очень мощной, решительной заявкой на интердвижение, противодействующей национализму в Литве. С остальными участниками судебного процесса он был никак не связан — разве что участвовал в походе с петицией к правительству. Меня к нему прицепили исключительно из-за фамилии будущей жены, она тоже была Иванова, — решили, что они родственники. Когда выяснили, что это не так, сделали меня активным членом его организации, хотя я таковым никогда не был. Виктор Орлов и Хетаг Дзагоев ни к политике, ни к — дружинникам вообще никакого отношения не имели, это была отдельная группка гражданских активистов со своей собственной позицией. Всех нас сшили в одно дело. Сбили группу и прицепили — приговор.

Сначала предъявили 62-ю статью по литовскому советскому Уголовному кодексу: «измена родине». Но мы — граждане России, какая измена? Им очень хотелось осудить нас, как их предков когда-то судили по 58-й, политической статье, им хотелось реванша! Зудело, понимаете, пятьдесят лет это в них зудело! И сейчас зудит… И чем дальше, тем сильнее этот зуд. В итоге было две статьи: «антигосударственная деятельность» и «нелегальное хранение оружия», поскольку во время ареста у меня был при себе мой табельный пистолет, который я получил, отслужив несколько недель в ОМОНе, и не смог сдать из-за неразберихи с эвакуацией отряда. В общей сложности получил три года.

Боевой отряд партии

— Вы могли предположить, что литовская «поющая» революция закончится такой гримасой? Или была все-таки надежда на более или менее мирное ее разрешение?

— В последние дни перед 13 января надежды уже почти не было. Понятно было, что мирным образом ситуация не разрешится, но все надеялись, что все-таки обойдется без жертв. Шли митинг за митингом, провокация за провокацией. Было несколько попыток осквернения памятника Ленину, который стоял в центре Вильнюса, — и краской его обливали, и горючей смесью. Мы раза два точно выходили на его охрану. Получив один раз как следует по зубам в уличной стычке с националистами, я пошел записываться в рабочую дружину.

Этот нарыв рано или поздно должно было прорвать: зимой 1991-го Вильнюс был измотан многотысячными митингами. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— Кто такие дружинники и откуда они взялись?

— Это вопрос принципиальный. Дружина никогда не была боевой организацией, у нас не было никакого оружия и нацеленности на вооруженное решение вопросов. Народные дружины в Советском Союзе были во всех городах и весях. Это было самое обычное дежурство по городу с милицией в целях охраны общественного порядка. Потом, когда начались митинги — то наш, то литовский — и пошли многочисленные провокации, городской комитет партии обратился к руководителям первичных отрядов дружинников на предприятиях, чтобы подключились и мы. Никаких спецсредств у нас не было, кроме красных повязок. Но, поскольку на митингах постоянно возникали драки, мы стали заниматься физической подготовкой, чтобы освоить хотя бы элементарные действия по самообороне. А на суде это пытались преподать так, что будто бы это была тайная военизированная организация. Наверное, ребята из литовских спецслужб таким образом просто подчеркивали свою значимость — вот, дескать, каких мы страшных ловим шпионов! Нас упорно пытались записать в боевой ударный отряд партии, чтобы подчеркнуть, что мы являемся организацией, у которой имеются структура, руководство, общий план и замысел.

«Я вам руки не подам»

— Что было тем переломным моментом, после которого ситуация в Вильнюсе стремительно покатилась вниз?

— 8 января цены были подняты в три-четыре раза. Женщины побежали в магазин, вернулись ошарашенные, слезы в глазах — вы видели, говорят, эти цены? И тут по институтскому радио известили, что завод топливной аппаратуры уже идет на митинг к Верховному Совету протестовать. И мы тоже пошли. Сначала митинг был довольно мирным, но в какой-то момент группа молодых ребят в возрасте 25–35 лет начала раскачивать толпу. Вперед-назад, вперед-назад — и на штурм. Мы бочком подошли к дверям, и тут я познакомился с Владимиром Разводовым, потому что еще не расколовшийся ОМОН выставили тогда в оцепление. Стоит здоровый такой «шкаф», я к нему подошел вплотную и говорю: «Слушай, капитан, что это у тебя за мундир такой? Вроде советский милиционер, но пуговицы новые, литовские, с витязями?» Он как психанул — все пуговицы сорвал, бросил: на, говорит, мне они тоже поперек горла! Мы с ним еще чуток поговорили и поняли, что вроде не враги… Тут начался штурм,

толпу раскачали, меня повалили на землю. Кто-то принес весть: депутаты Верховного Совета просят сформировать официальную группу для того, чтобы мы выразили свои требования организованно. И мы пошли вовнутрь, нас было человек 12. Вице-премьер Ромуальдас Озолас, тот еще нацист, который объявил о том, что Литва будто бы находится в состоянии войны с СССР, идет вдоль ряда, здоровается. Подходит ко мне, протягивает руку, а я говорю — извините, вам я руки не подам…

— Думали ли вы, что всего через 4 дня вместе с другими дружинниками пойдете туда снова?

— 12 января нас собрали в горкоме партии, сказали, что ситуация очень напряженная, вполне возможно, что будет необходимость провести в городе патрулирование. Рабочие коллективы нескольких вильнюсских предприятий выработали петицию к правительству Литвы о том, что оно ведет вредную для народа политику. Эту петицию необходимо было доставить в Совмин и в Верховный Совет. Нас разделили на две части — одна группа пошла в Верховный Совет, а другая в Совет Министров. У меня такое впечатление, что с обеих сторон кто-то достаточно глубоко знал весь этот сценарий, — во всяком случае литовская сторона точно была поставлена в известность. Произошли стычки, никакой петиции нам вручить не удалось. Вернулись в горком. Когда возвращались, видели, как в сторону телебашни пошла бронетехника. Только стали заходить в зал — как волна покатилась назад: надо срочно ехать к телерадиокомитету. Самого штурма мы не видели. Еще чуть-чуть постреливали, то там бабахало, то тут — стекла с девятиэтажки сыпались водопадом, как игрушки с новогодней елки. Мы встали цепочкой за спинами солдат и простояли до утра. Когда нас наконец завели на телевидение, там уже все было разбито и разнесено в пух и прах, стекла все повыбиты, в помещениях стояла страшная холодина. Нас попросили навести порядок, дали гвозди, молотки, и мы забивали окна цокольного этажа. Я оттуда вышел только 18 января. Пришел к отцу, говорю: наконец-то у нас будет возможность давать правдивую информацию, мы вышибли у этих нацистов пропагандистский рупор! А он говорит — можешь собирать чемоданы, скоро вас самих из Литвы вышибут, как пробку из-под шампанского. Он понимал, чем это закончится, уже тогда. А мы — нет.

«Дырявые» дела

— Можно попросить вас нарисовать картинку того, что

увидели, — как будто вы снимаете документальное кино?

— Тела убитых к тому времени уже увезли. От Альвидаса Канапинскаса, в руках которого взорвался взрывпакет, на крыльце была лишь лужа крови. Нас попросили замыть следы, мы ведрами носили воду и швабрами замывали. Поговорили с солдатами, они рассказали, что взрывные устройства были у многих — в материалах московского уголовного дела были свидетельства наших солдат, которые видели, как гражданские выбегали навстречу колонне и пытались забросить взрывпакеты в кузова с личным составом. И по крайней мере в двух-трех случаях они взрывались у них в руках. Когда я уже в тюрьме познакомился с материалами уголовного дела, я видел серию фотографий этого самого Канапинскаса. Стандартная процедура обследования трупа: вот он лежит на кафельном полу, вот его начинают раздевать, все фиксируется на фотоаппарат. Первый снимок — человек лежит в куртке, края у нее взрывом вывернуты наружу. Следующий снимок — он в свитере, потом в тельнике — лохмотья ткани забиты внутрь раны. При повторном ознакомлении с делом этих материалов уже не было. Год назад я проходил мимо крыльца телерадиокомитета, смотрю, висит табличка — здесь погиб герой Канапинскас… Может, он, конечно, был и герой: мы туда пришли свое государство защищать, а он свое. Откуда он знал, какое взрывное устройство подсунул ему Аудрюс Буткявичюс? Этому человеку, как известно, свойственно тщеславие — в одной литовской газете как-то была заметка, где он рассказывал, что еще за год до этого организовал под Каунасом мастерскую, где изготавливали самодельные взрывные устройства. Канапинскас либо привел взрывное устройство в действие за пазухой, либо его просто прижали в толпе.

На следующий день утром нам разрешили пройти в новое здание телерадиокомитета. На первом этаже в вестибюле был вход в столовую. У входа стоял стол, закрытый плюшевой шторой темно-желтого цвета. Вся занавесь была пропитана кровью, и под столом была лужа. Сказали, что здесь положили «альфовца» Виктора Шатских. Я лично убирал эту скатерть и замывал стол. Все мои руки были в его крови…

Когда у нас шло первое ознакомление с материалами, туда было пристегнуто и дело Шатских. Целый том: экспертиза, сделанная в Минске, многочисленные документы и фотографии. Было описано, что пуля вошла через заднюю пластину бронежилета под углом в 45 градусов снизу вверх, пробила ему легкое, отразилась от грудины, на возврате повредила селезенку и печень. И вот с этой раной он еще бежал в цепочке и говорил командиру, что сильно жжет в спине… А потом все это из дела

исчезло, при повторном чтении этих материалов не было, как и фотографий Канапинскаса. В любом приличном государстве за это уже давно были бы возбуждены уголовные дела и на судей, и на — следователей.

Ни по одному громкому уголовному делу, которое касается событий 1991 года, в Литве нет нормальной доказательной базы. Масса нестыковок и пропавших документов вплоть до автомата убитого «таможенника» в уголовном деле о расстреле в Мядининкае. Ну ладно, пропали видеокассета или какие-то протоколы из материалов дела, но оружие как могло потеряться? В советском кодексе была ответственность и судей, и следователей за незаконное преследование или за незаконное осуждение. В Литве этих статей нет, вот они и творят беспредел.

Либо мы врем, либо они

— В одном из интервью вы сказали, что тюрьмой вам «отомстили за референдум». Что имели в виду?

— Я был председателем вильнюсской окружной комиссии по проведению референдума 17 марта 1991 года. Получили мы тогда на его проведение 25 тысяч рублей — по тем временам это были немаленькие деньги. Ну, а я со своим крестьянским характером сумел уложить все в шесть тысяч, а сэкономленные 19 тысяч рублей вручил Болеславу Макутыновичу, потому что омоновцы тогда сидели в окружении и жили на подножном корме, никакого довольствия у них не было. Референдум мы провели честно. И главный его результат заключался в том, что в Вильнюсском округе шло явное расхождение между результатами нашего референдума и данными опроса, который до этого провели «саюдисты» и который подавали потом как плебисцит. Получалось, либо мы врем, либо они. Но за наши результаты я готов дать голову не отсечение. Это еще одна ложь «саюдистов», которая может когда-то выплыть.

— До какого-то времени мы в Советском Союзе жили, не вспоминая о национальных проблемах или не замечая по наивности, что живущие рядом люди держат «фиги» в карманах. Скорость изменения отношения прибалтов к соседям по лестничной площадке и друзьям по двору — это предмет отдельного исследования. Как в условиях тюремного заключения работала система опознавания «свой — чужой»?

— Когда меня привезли в тюрьму, там все сотрудники все еще щеголяли в советской форме. Сидит перед тобой оперативный работник, и ты не понимаешь, как же к нему

относиться-то: как к другу или врагу? Потом они переоделись в форму литовскую и стало немного проще. Но тоже интересно: вызывает тебя воспитатель не со звездочками на погонах, а с квадратиками, как у немцев, а ты при этом чувствуешь, что он тебе искренне сочувствует… Или наоборот.

Нацизм — вещь такая, он и здорового заразит. Я много лет ездил на рыбалку в одну прекрасную литовскую семью. Сдружились с ними здорово, душа в душу жили с этими крестьянами. А потом мне один из сыновей передал, чтобы даже ноги моей там больше не было. Я, когда вышел на свободу, все-таки к ним поехал. Ворота открыла дочка. «Алдона, — говорю, — вы извините, что я приехал, Альгис сказал, чтобы я здесь даже не появлялся». А она чуть не плачет: «Саша, перестань, мы все давно поняли и тебе рады»…

Две язвы сегодня отравляют отношения России и Литвы: январские события и мядининкайское убийство. Чуть что — сразу выбрасывается козырь: «А вы помните, какие они, эти русские? Они и 13 января устроили, а потом еще «таможенников» убили». И эта тема все время крутится, все время в рану вгоняют эти шипы, чтобы она кровоточила. И пока мы истинные обстоятельства заказчиков, сценаристов и исполнителей тех историй до конца не выясним, эта кровь все время будет сочиться.

Поздравить с праздником…
Виктор Орлов

Каким образом было передано из тюрьмы это письмо — пусть останется тайной. Главное, что оно сохранилось на листках дешевой желтой бумаги, хотя местами и выцвело. Грех его было сокращать — и стиль, и язык, а главное — гражданская позиция автора, 26-летнего в тот момент политзаключенного Виктора Орлова, были столь хороши, что имеет смысл опубликовать это послание почти без купюр:

«Я был задержан 6 ноября 1991 года на КПП Шумск работниками Департамента охраны края (ДОК) Литовской Республики. При осмотре было обнаружено оружие, находящееся в машине на случай возможного бандитского нападения на нас (машина из Финляндии с иностранными номерами, дорогостоящая радиостанция, небезопасная езда по дорогам Литвы в связи с участившимися в последнее время случаями разбойничьих нападений на иностранные машины). Темное время суток, шоссе, проходящее среди леса…

Пережить в 25 лет имитационный расстрел — как это выпало Виктору Орлову — в жизни выпадает не каждому. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Прибывшая группа из числа служащих Департамента охраны края (ДОК) набросилась на меня и моего товарища Хетага Дзагоева и стала избивать прикладами автоматов. Затем нас поставили лицом к дорожному указателю с поднятыми вверх руками. Послышалось передергивание затворов. Из криков на русском и литовском языке я понял, что нас собрались расстрелять. Прозвучала очередь, пули прошли над нашими головами. Я обернулся и увидел, что один из бойцов ДОКа удерживает рукой ствол автомата своего коллеги поднятым вверх. Очевидно, это спасло наши жизни.

Ничего у меня не обнаружив, кроме личных документов, нам приказали залезть в крытую военную машину. При каждой моей попытке влезть в кузов меня начинали избивать прикладами автоматов, я видел, что и Хетага тоже избивают. После того, когда все-таки удалось забраться в машину, меня бросили на пол, заставили заложить руки за голову и лежать лицом вниз. Один из

конвоиров поставил свои ноги мне на спину и приставил ствол автомата к затылку, сказав при этом: «Шевельнешься, сволочь, — застрелю».

Я слышал рядом прерывистое дыхание Хетага. Машину подбрасывало и кидало из стороны в сторону на неровностях дороги, и только, наверное, одному Богу известно, какое из моих непроизвольных движений конвоир мог расценить как попытку к бегству.

Нас привезли к Верховному Совету Литовской Республики, там вместе с Хетагом сковали наручниками и, подталкивая оружием, ввели в здание.

В одном из служебных кабинетов, где в это время находились далеко не последние лица правительства, в том числе министр охраны края Аудрюс Буткявичюс и исполняющий в то время обязанности министра внутренних дел Альгирдас Матонис, нас передали службам МВД. Первое, что бросилось в глаза, — это несколько человек в форме офицеров Советской армии, но с оторванными петлицами. «Предатели!» — эта мысль пронзила меня, как электрический разряд. Они стояли и улыбались, рассматривая нас, грязных и избитых, скованных наручниками.

Нас с Хетагом рассоединили, меня ввели в кабинет, где три работника министерства начали допросы, которые продолжались почти круглосуточно в течение двух с половиной суток. Лишь однажды, на исходе вторых суток, меня положили на пол, пристегнув наручниками руку к ножке стола и дали «отдохнуть» несколько часов.

Меня переводили из кабинета в кабинет, при этом я постоянно находился в импульсных наручниках, даже в туалете с меня не сняли эти «браслеты». Все эти люди открыто выражали ненависть и неприязнь ко всему советскому, к тому, что я неотрывно связываю со своей жизнью. Да и как могло быть иначе, ведь я жил не на Марсе или на Луне. Все прожитое мной — моя жизнь! Это в какой-то степени и их бывшая жизнь. Я родился и вырос в государстве, которое носило название СССР. И гордился, что являюсь его гражданином. Учился, работал на благо своей Родины. В армии я присягнул на верность своему государству, своему народу и не мог изменить.

С момента моего ареста и начала следствия я был поражен осведомленностью и проводимыми мероприятиями по слежке и задержанию инакомыслящих — простых советских людей, по воле правителей оказавшихся вдруг иностранцами в республике, которая еще вчера была неразрывной частью Советского Союза, гражданами которого мы все являлись. Более ста обысков в течение одной ночи на 12 ноября 1991 года были проведены в

квартирах граждан, замеченных в активной поддержке советской власти. С самого начала следствия я хорошо понимал, что следственные органы преследуют четко поставленную цель уличить меня в связях с объявленной уже тогда вне закона Компартией Литвы и других организаций социалистической ориентации.

…Меня бросили в общую камеру с уголовниками, снабдив их информацией о том, что я могу быть омоновцем. Я думаю, понятно, как встретили меня зеки, которые видели во мне милиционера, — хотя я никогда не работал в органах МВД. Камера была переполнена, мне пришлось долгое время спать на бетонном полу. В течение всего последующего времени, проведенного в СИЗО, мне пришлось сидеть и с убийцами, и с насильниками, и с рецидивистами. Приходилось постоянно подвергаться моральному и физическому террору. Про меня как будто забыли, в течение четырех месяцев после того, как мне предъявили обвинение, следователь меня ни разу не вызывал. Расчет, по-видимому, был прост — погрузить меня в такую среду, где бы я сломался. Тем самым стремились сделать из меня материал, из которого можно лепить все что хочешь в угоду следствию.

Пока Генеральная прокуратура Литовской Республики пыталась поддерживать ею самой созданный миф о том, что в республике нет политзаключенных, преследуемых за свои убеждения, я находился в камере, рассчитанной на двух человек, вместе с 8 — 10 другими заключенными. Антисанитария, мыши, крысы, отсутствие бани, вши, чесотка… Все это делало нахождение в СИЗО нечеловеческим испытанием.

Тем временем Литва готовилась к выборам нового сейма. Еще летом 1992 года мне предъявили постановление о соединении дела Валерия Иванова (лидера организации «Венибе-Единство-Едность»), части дела о событиях 13 января 1991 года в Вильнюсе, а также дела бывшего омоновца А. Бобылева за хранение оружия и нашего, получившего название «Шумского дела», в одно. Чем руководствовалось следствие, принимая решение об объединении этих дел, остается лишь догадываться. Скорее всего, выполнялся политический заказ, чтобы в сложившейся на тот момент предвыборной обстановке использовать процесс над нами в своих далеко идущих планах. Мы стали заложниками политического расчета. Расчет стал очевидным, когда в начале октября 1992 года нам всем предъявили обвинение в организации государственного переворота. Неужели в Шумске начался государственный переворот? Обвинение хотя и абсурдное, но очень серьезное — и это за то, что я со своими товарищами хотел поздравить людей с

праздником…

На мое обращение о нарушении моих гражданских прав (я неоднократно подвергался оскорблениям нецензурной бранью со стороны дежурных контролеров и других должностных лиц СИЗО) мне было заявлено дословно: «Радуйся, что в таких условиях сидишь и с таким контингентом, а то посадим в такую камеру, что на стенки прыгать будешь и решетки грызть!»

…Цель, преследуемая ими, одна — унизить, опустить человека до скотского состояния, чтобы он сам дошел до того, какой он «маленький и никчемный», а они есть вершители его судьбы — начальники! Они боятся людей, сильных духом, такие люди для них — живой укор, укор всей той системе подавления и унижения.

Я и мои товарищи сейчас знакомимся с материалами дела, а их — сорок шесть томов! Сами работники Генеральной прокуратуры нам говорят, что наверняка эти статьи на суде будут отменены. Зачем же их тогда предъявлять? Зачем обвинять меня в том, что я создал преступную группу с целью свержения государственной власти Литовской Республики? Зачем объединять дела, которые между собой не связаны? Неужели властям нужен процесс, на котором они хотят разом расправиться с политической оппозицией?

Заключенный СИЗО Лукишкской тюрьмы города Вильнюса Виктор Орлов, 26 лет, камера № 271, декабрь 1992 года».

Кружка водки на столе

Самое сложное во всей книге интервью — это. Потому, что его приходится брать по скайпу, старательно обходя «минные поля» в виде обязательной в нынешней Литовской Республике прослушки и остерегаясь острых вопросов. Виктор Орлов остался жить в Вильнюсе, и этим все сказано… А куда ему было бежать, если Литва — его родина не только по месту рождения, но и по крови: здесь жил еще его прадед-литовец, первый комиссар Прибалтийской железной дороги генерал-майор Вацлав — Кадзюлис.

Но удивительно даже не это: в 1991 году Орлов, будучи человеком молодым и не отягощенным коммунистическим прошлым, мог оказаться совсем по другую сторону баррикад. А оказался почему-то на этой…

— Я ощущал себя другим человеком. В плане того, что чувствовал ответственность за нашу страну. И все положил на плаху, — несколько высокопарно объяснил он. Честно сказать,

ответ был непонятен: практически у каждого героя «литовской охоты» существовала «последняя капля», некая точка, которая определяла дальнейший жизненный маршрут. А у этого персонажа — не было…

— Ни хамство соседей, ни предательство, ни какие-либо другие потрясения — просто пришло понимание того, что мы должны стоять на защите нашего Отечества. В 1991 году я был гражданином СССР. И со своим бывшим, покойным уже тестем мы написали телеграмму Горбачеву о том, что хотим остановить развал Союза. Из Литвы такой текст отправить уже было невозможно, поэтому мы поехали в Белоруссию, в город Лиду, и послали по госпочте: «Кремль, Москва, Горбачеву».

— Это правда — про имитационный расстрел, о котором вы написали в письме из тюрьмы? Я ни в коем случае не идеализирую методы советской милиции, но то, что прочитала о вашем деле, меня потрясло…

— Только благодаря тому, что литовские офицеры дружили с головой, нас тогда не расстреляли на месте у дорожного знака, где мы стояли с Хетагом Дзагоевым с поднятыми руками. В наш тяжелый век, когда насилие на экране происходит каждый день, наши тогдашние мучения кажутся смешными. Но в 1991 году люди были настроены гораздо более демократически и не принимали насилия.

— Что собой представлял Хетаг Дзагоев — как человек, как личность (он умер несколько лет назад. — Г. С.)?

— Обыкновенный сержант срочной службы, которому дали дембельский аккорд: вот поможешь ребятам провести передачу и быстро поедешь домой. Он вообще никаких литовских тайн не знал, хотя бы потому, что был из Северной Осетии. У него уже был куплен билет на самолет во Владикавказ. В отношении нас были нарушены все мыслимые и немыслимые нормы. К чему только нас не пытались привязать! Вот представьте: года через два вызывают вдруг меня на допрос к начальнику тюрьмы, где сидит корреспондент радио «Свобода», и говорят: вы обвиняетесь в убийстве мядининкайской «таможни». И показывают на схемах, что это будто бы я всех там расстрелял… Потом все отыграли назад, сказали: нет, конечно, Орлов никакого отношения к этому не имеет.

Хотя были и забавные вещи: на 23 февраля, например, в камере открывалась кормушка и охраной тюрьмы выставлялась кружка водки. И я ее выпивал.

А однажды мы с сокамерниками купили за 500 талончиков приемник и слушали все, что в октябре 1993-го происходило в Москве. И думали — наконец-то! А не получилось. И мы опять

остались один на один…

Нас сдали с потрохами, чтобы развить теорию вооруженного подполья, которое готовит свержение новой литовской власти. Поэтому туда был подключен и Бобылев, и мы с Хетагом Дзагоевым, и даже дела секретарей ЦК Компартии на платформе КПСС. Потому что, если бы все это рассматривалось по отдельным эпизодам, не было бы никакого общего дела. И Бурокявичюсу вроде как не за что было бы сидеть. А тут вот вам, пожалуйста, главарь, а вот исполнители с автоматами. И даже бомбист Смоткин, который бросил гранату.

Департамент охраны мирного атома

После того, как нас выпустили из тюрьмы, я вернулся домой. Меня почти сразу же вызвали в миграционную службу якобы для сверки документов, а когда я туда пришел, изъяли вид на — жительство и официально заявили, что я нахожусь на территории Литвы нелегально. Но прежде чем прийти в миграционную службу, я зашел в нотариальную контору и сделал копию своего вида на жительство. И после этого вся наша команда, которая оставалась после освобождения в Литве, собрала пресс-конференцию и рассказала журналистам о готовящейся депортации, потому что мы получили предписание за подписью директора департамента миграции и министерства внутренних дел в течение 48 часов покинуть территорию Литвы, несмотря на то, что у нас были там семьи, родители и дети. Тогда механизм начал раскручиваться в обратную сторону, директора департамента уволили, назначили нового. Тот вызвал меня к себе, вручил новый вид на жительство, но взял подписку о том, что ближе 50 километров к атомной Игналинской станции я приближаться не могу. В случае нарушения режима это будет предлогом для того, чтобы депортировать меня из страны.

— О чем вы больше всего сожалеете?

— Никакого сожаления нет. Просто я, вероятно, был не до конца правильно воспитан. Это не упрек моим родителям, это мой внутренний протест, когда мы в 70 — 80-х годах прошлого века формировались как люди. Если бы я изначально занимал такую жизненную позицию, которую принял после 1989–1991 годов, наверное, всего бы того, что случилось с СССР, мы бы не допустили.

Мы виноваты в том, что произошло с нашей страной. Мы.

Человек с ружьем
Александр Смоткин

«Верите — лет десять после этого у меня был один и тот же сон: я бегу, а меня ловят. И все эти воспоминания возвращаются обратно. Мне тяжело, я отсидел больше всех. Ну, только еще Бурокявичюс и Ермалавичюс дольше».

Человек, который щедро делится сейчас со мной своим газетным архивом, резок в оценках и очень категоричен. Не до сантиментов, знаете ли, Литва для него — это кинжал и символ предательства. Не из-за 8 проведенных в тюрьме лет. Физическую боль можно забыть, а шрамы от душевных травм не проходят. Ты их носишь всю жизнь на себе, как татуировку, которая синим цветом проглядывает через любую одежду.

Александр Смоткин и не предполагал, что благодаря своему взрывному характеру сорвал операцию, в результате которой должен был быть убит. *Фото Г. Сапожниковой.*

— Родился я в Вильнюсе в 1949 году, зовут меня Смоткин

Александр Романович, мой отец — ветеран Великой Отечественной вой-ны, во время штурма Берлина исполнял обязанности командира 293-го гаубично-артиллерийского полка. Отец родом из деревни Юховичи Россонского района Белорусской ССР, вся родня в феврале 1942 года была зверски убита немцами, латышскими полицаями и белорусскими предателями. Причем перебита полностью… В 1963 году было мне всего 14 лет, и отец первый раз взял меня с собой в Белоруссию, до этого я даже не знал, что он оттуда родом, он это скрывал. Друзья-партизаны написали ему письмо, что в деревню приехал бывший полицай, который убивал моего дедушку, и он поехал посмотреть ему в глаза. И я видел эту страшную картину, когда отец схватил его за шиворот. Собралась вся улица, начала кричать: «Какое ты — имеешь право, он отсидел 25 лет, ему власть все простила». А отец сказал: «А я не простил». Еле-еле оторвали… Так я впервые узнал о трагедии своей семьи.

И когда встал вопрос о том, что Белоруссия собирается выдать меня Литве, отец, который в тот момент был болен раком, принял такое решение — взял ружье и сказал местным властям в городе Глубокое: «Передайте всем — я занял оборону на железнодорожной станции, и, если литовцы посмеют сюда приехать, открою огонь, я вам не позволю взять моего сына». Но меня все равно арестовали.

Над всей Литвой безоблачное небо

— Начиналось все неожиданно. Я тогда работал на телефонной станции. Разговаривали мы на языковой мешанине, потому что Вильнюс — город абсолютно нелитовский. Вдруг ко мне прибегают наши литовцы и кричат: иди, учи литовский язык, кто не разговаривает по-литовски, у нас в коллективе работать не будет. Я спрашиваю: а с каких это пор вы нам навязываете литовский — вы что, не знаете, как вы получили Вильнюс? Ну так я напомню: 10 октября 1939 года Сталин и ваш президент Сметона заключили договор Молотова — Шкирпы. Именно по этому договору буржуазная Литва получила Вильнюсский край. Как только литовцы получили этот город, они тут же отправили ректора польского университета Гурского в концлагерь, собрали поляков и евреев на советско-литовской границе и сдали их нашим пограничникам, сказав, что те будто бы сбежали из Белоруссии, и руками НКВД отослали их в Сибирь. Таким образом, город литуанизировали. В результате в июне 1940 года Вильнюс встречал Красную Армию с цветами. И поляки, и евреи

кричали: «Лучше вы, чем литовцы!»

— Вы хотите сказать, что у вас с первой секунды не было никаких иллюзий по поводу того, чем грозит национальное литовское возрождение?

— Да. Я узнал, что директор завода радиоэлектронных приборов (Герой Соцтруда Октябрь Осипович Бурденко. — *Г. С.*) созвал партком и пригласил выступить коммунистов со всех предприятий. Там была создана организация «Единство-Венибе-Едность». Первое, что мы сделали, — это 12 февраля 1989 года организовали грандиозной митинг против выхода Литвы из состава СССР и против преследования русского языка. Было принято решение, что, если литовские националисты не прекратят навязывать свои понятия гражданам других национальностей, мы объявляем политическую забастовку. Больше всех пострадал я, потому что во время своего выступления я сказал: «Давайте вспомним Испанию 1936 года, когда по радио была сказана кодовая фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо» — и фашисты пошли на Мадрид. Над всем Вильнюсом сейчас тоже безоблачное небо. Вначале нас вышвырнут отсюда с криками: «Чемодан, вокзал, Россия», а потом мы потеряем и Советский Союз». После этого на мою маму, которая ехала в троллейбусе, напал литовец и пробил ей позвоночник завернутым в газету металлическим штырем. Прибегает мой брат, который политикой абсолютно не интересовался, вызывает меня за ворота завода и бьет в морду. «Ты что творишь, политикан, мама теперь в больнице»…

«Мы думали, здесь все враги»

— Вы помните, как для вас начинался 1991 год?

— Мы начали политическую забастовку, встал весь Вильнюс. И тогда председатель президиума Верховного Совета Литовской ССР Витаутас Астраускас пригласил делегацию нашего движения к себе, пообещав навести в республике порядок. Мы поддались на этот обман, забастовку прекратили, в результате наше движение на корню задавили. В январе 1991-го, когда уже совсем было невмоготу, по приказу из Москвы в Вильнюс ввели танки. А мы о том, что готовится, даже и не знали! Мы бастовали. Три дня бастовали — ни от кого ни ответа, ни привета… Поезда в Вильнюс не ходили. Приходили жаловаться иностранцы: что вы творите, в вагонах даже туалеты закрыты! А мы им — говорим: «Вы поддерживаете националистов, вот и идите к ним в квартиры, пусть дадут вам сходить в туалет. Мы не хотим отделяться от

Советского Союза, а вы вместе с ними отделяйтесь!» На четвертый день забастовки, это было как раз в ночь на 13 января, приходим в горком партии, и нам говорят: «Садитесь по 50 человек в два автобуса, часть поедет к телерадиокомитету, а другая часть к телебашне. Эти объекты заняты толпами националистов с металлическими палками, которых привезли со всей Литвы. Уже избиты несколько солдат. Табельным оружием вооружены только офицеры. — Предупреждаем — вас могут убить. Но мы, члены горкома партии, пойдем впереди…»

Секретарь Советского райкома партии Изя Бутримович — еще одна неизвестная жертва события 13 января 1991 года. Был избит до смерти литовскими националистами. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Мы благодарили Бога за то, что наш автобус отправили к телерадиокомитету, а не к телевышке, где стреляли по людям. Когда дружинники подошли к толпе националистов, оттуда закричали: «Смерть русским убийцам!» Впереди всех пошел секретарь Советского райкома партии Изя Бутримович. Его били страшно… Рабочие пытались его спасти и прорвались вперед, но ему так поломали все ребра, что через три дня мы его хоронили

на еврейском кладбище, — вся наша несчастная компартия. И раввин сказал: сколько лет существует Вильнюс, я ни разу не видел, чтобы такое огромное количество неевреев хоронили одного еврея…

У радиокомитета было проще. Наш автобус только обстреляли, причем свои же. Колонну вел работник ЦК КПЛ Ромас Юхневичюс. Какой-то солдат ударил его прикладом. Тот закричал: «Я коммунист, не видишь, что я с красной повязкой!» И офицер сказал: «В первый раз за эту ночь я увидел среди жителей Вильнюса тех, кто нас поддерживает. Мы думали, что здесь нам все враги». Мы спросили его про потери. Он сказал, что капитану Гаврилову взрывным устройством оторвало пятку, а еще пострадала «Альфа»» — националисты выстрелили бойцу в спину на близком расстоянии и пробили бронежилет, его отправили в больницу. Тогда один из наших дружинников, бывший врач «Скорой помощи», закричал: «Вы отправили его на смерть! Литовские врачи заявили, что не будут применять к русским клятву Гиппократа!» Так и получилось…

На телебашне же творилось что-то ужасное. По рассказам рабочего станкостроительного завода, один их знаменосец был убит прицельно, его специально убили, чтобы сказать, что стреляют русские. Там, на насыпном валу, была решетка, которая окружала телевышку по периметру. Офицер кричал из БМП: «Граждане, центр взят под контроль войсками СССР, просим во избежание жертв отойти вниз». На глазах наших дружинников литовцы схватили Лорету Асанавичюте и швырнули на эту решетку, и БМП ее по инерции прижал. Она была жива и умерла только во время операции. А литовцы кричали, что ее раздавили намеренно.

В одном строю

— После освобождения телевышки и телецентра специалистов, которые могли бы работать вместо сбежавших оттуда националистов, пригласили работать на телевидение. Я в этом здании обслуживал связь, а другие ребята передатчики. В августе -1991-го, когда случился переворот, нам приказали немедленно уйти, потому что здание окружили «саюдисты». Мы побежали в ЦК за трудовыми книжками. Приходим и видим: людей оттуда выволакивают и прикладами загоняют в машины. Советской милиции нет и в помине, орудуют бойцы из Департамента охраны края. Где наши документы? Их отвезли в Вильнюсское радиотехническое училище. Пошли туда. Офицер

вынес их и сказал: «Ребята, я не могу вас взять под защиту, нам дан приказ из Москвы не вмешиваться». Мы стоим, несколько человек, и не знаем: что делать? Кто-то говорит: «Макутынович и Разводов закрылись на базе ОМОНа, сказали, что эту поганую власть не признают и свою страну будут защищать». Поехали туда.

Нам оружие в отряде вначале не давали, а потом все-таки выдали, потому что неподалеку находились вооруженные отряды националистов. На построении один из офицеров говорит — раз вы взяли оружие, вставайте в строй вместе с нами. Приезжает подполковник МВД СССР, белый как сметана: «Почему здесь гражданские с оружием? Объясните, товарищ Макутынович». Тот говорит — пришли люди, которые давали присягу Советской армии. Они узнали, что вы предали советскую Родину, а ваш замминистра внутренних дел Демидов приказал командиру дивизии уничтожить нас огнем, потому что мы сейчас — сепаратисты, — незаконное вооруженное формирование, которое мешает наведению порядка в демократической Литовской Республике».

Все стоят и молчат. И вдруг один из омоновцев закричал: «Подполковник, ты уже нассал на красный флаг, а мы за него умрем!» Тот сел в машину и быстро уехал. И через некоторое время Макутынович объявляет: звонил генерал Усхопчик, сказал, что артиллерийским огнем расстреляет всех, кто посмеет убивать советских граждан. И кто-то из омоновцев сказал: в Москве испугались прецедента — что в Советском Союзе одна воинская часть плюнула на всю эту демократию и решила умереть за советскую Родину…

«Сейчас умрем оба!»

— После этого я уехал в Полоцк. Меня взяли на работу в Полоцкий узел связи. Начальник велел ехать в Вильнюс выписываться. И тут приходит письмо до востребования от Павла Василенко — был такой начальник штаба народной дружины при горкоме партии: приезжай, надо сделать некую радиопередачу. Приезжаю — и «случайно» встречаю на улице остальных «подельников». Думаю, они меня специально ждали. Погрузили в машину автомат, который им дал Василенко, и поехали в Белоруссию.

Те, кто нас ждал в засаде, конечно же, знали, что этот автомат был меченым. Хотели подставить ОМОН, но, когда увидели, что бегает такой холерик, как Смоткин, решили, что

использовать нас будет даже выгоднее.

Сделал это кто-то из своих, это ясно, — потому что ни один простой человек не мог принести в ОМОН «нехорошие» автоматы и сказать: «Прими оружие убитых». Значит, кто-то пришел, показал корочку и сказал: «Пусть это временно побудет у вас». У меня были с собой две гранаты. Никто о них не знал.

— А откуда они взялись у вас, гражданского человека?

— В тот же мой приезд в Вильнюс я встретил на троллейбусной остановке одного омоновца в штатской одежде. Этот парень мне сказал, что за омоновцами по всей Литве стали охотиться. Чтобы избежать ареста, оставшиеся члены отряда взяли гранаты из ящика и поехали группами или по одному в Москву. Если их будут арестовывать, они будут подрываться. Я тогда тоже попросил у него гранату, убедив его в том, что, чтобы подорваться, ему хватит и одной. Вторую мне дал Хетаг Дзагоев — у военных этого добра хватало. Можно сказать, что эти гранаты спасли меня от смерти.

Я бросил первую, от которой никто не погиб, так как я ее бросил в кювет. А когда пограничник вскинул автомат и хотел меня застрелить, я крикнул ему: «Сейчас умрем оба!» — и бросил вторую. Он успел отскочить. Это помешало им взять меня на прицел, и я убежал в лес.

Дошел до станции Шумск, это была еще литовская территория, сел на поезд и уехал в Минск. И там меня сдал один предатель, мы с ним встречались раньше на каком-то партийном съезде в Ленинграде.

Он сказал — езжай в Полоцк, тебя там никто не тронет. Там меня и взяли: приехал заместитель начальника ГОВД Полоцка подполковник О. Д. Драгун и сказал: мы знаем, что ты натворил, не беспокойся, отправим тебя в Витебск. Вместо этого приезжают четверо вооруженных литовцев, один из которых — старший наряда литовской полиции из отдела борьбы с бандитизмом Адиклис, позднее он был осужден своим же литовским судом за убийство на допросе. Драгун надевает парадную форму, стоит перед ними, как полицай перед гестаповцами, и отдает меня на расправу. Меня даже не то возмутило в его поведении, что он меня выдал, а то, что он стоял перед ними навытяжку…

Когда меня оттуда уводили, я поклонился им всем в пояс и сказал одному из милиционеров: спасибо тебе, капитан, что ты сдал меня на расправу литовским фашистам. Встретил его через много лет в полоцком автобусе, он извинялся и чуть не рыдал…

«Повернись спиной»

Били меня в машине всю дорогу до Вильнюса. Следователь по фамилии Адиклис упер ствол пистолета мне в живот и — навязывал мне мысль, что я сам взял оружие в ОМОНе. Я ему плюнул в рожу и ногами ударил по переднему стеклу, чтобы сделать аварию. Возле здания МВД Литвы я решил спровоцировать свой расстрел и ударил в пах автоматчика Василяускаса. Но он не получил приказа меня расстрелять, потому просто сломал мне три ребра прикладом автомата. Потом меня кинули в камеру смертников, до 1993 года в Литве преступников еще расстреливали. В камерах было холодно — до 12 градусов, без отопления. Днем спать — запрещалось. Побывал в сумасшедшем тюремном доме в городе Утене. Там меня уговаривали подписать, что бросить гранату мне приказали коммунисты. Меня спасла начальник этого заведения, еврейка. Она не позволила заколоть меня седуксеном и отправила в городскую больницу на освидетельствование того, что мне сломали ребра. За это комиссар полиции этого учреждения, литовец, был уволен за симпатию к коммунистам.

Посадили меня отдельно от всех, чтобы я не портил политическими разговорами зеков, в блок усиленного режима и на один час выводили во внутренний дворик, где я видел только небо в клеточку.

Спас меня Костас, литовский цыган и бывший чемпион Литовской ССР по боксу, он был в зоне смотрящим. Он дал по всей зоне ЦУ — политиков не трогать. Поэтому мы и выжили.

— За что именно вам дали такой большой срок?

— За «покушение на убийство должностных лиц Литовской Республики при выполнении ими должностных обязанностей». Восемь лет я отсидел в тюрьме, потом меня под охраной автоматчиков привезли на границу и передали в Белоруссию. Вез меня один из сотрудников посольства России, очень хороший человек. А другому хорошему человеку, Сергею Загрядскому, я обязан жизнью, потому что в 1992 году он взял бланк паспорта гражданина России, пошел в СИЗО, рискуя своей карьерой, нашел русскоязычного офицера, сказал ему: «Повернись спиной» — и дал подписать мне паспорт. Мне и всем остальным политзаключенным, которые там были. А дальше получилось следующее: наши адвокаты говорят прокурору Гаудутису: «Как вы можете судить за измену Литве иностранного гражданина?» Тогда Гаудутис заявил, что консул РФ Загрядский обманным путем проник в следственный изолятор и вручил преступникам паспорта для подписи. Российской Федерации объявили протест, консула отослали в Москву. Такой самоотверженный был человек…

— Вспыхнувший интерес к истории 25-летней давности вас удивляет?

— Я своих убеждений не менял. Все эти годы Россия практически не замечала того, что с нами случилось, и ничего не предпринимала. Россия сейчас идет по пути Советского Союза, ее также ненавидят, как ненавидели в свое время СССР. Какая бы она ни была — царская, советская или буржуазная, — ее вообще быть не должно, так считают на Западе. И пытаются сейчас сделать с ней то же самое, что сделали с Советским Союзом. Поэтому все теперь и заинтересовались вопросом — а как же СССР продавали оптом и в розницу? И кто те предатели, которые собираются сделать с ней то же самое?

Последнее слово

Спустя двадцать с лишним лет Александр Смоткин узнал две важные вещи.

Что операция, которую он случайно сорвал благодаря своему темпераменту, называлась «Мешок». Согласно плану, всех «радистов Кэт», которые пытались поздравить литовский народ с годовщиной Октябрьской революции, должны были расстрелять на месте, еще в лесу. Это было бы решением вопроса: преступление в Мядининкае было не раскрыто, а тут вдруг успех: группа «красных» активистов с оружием убитых «таможенников»… Но Смоткин, сбежав, порушил организаторам все планы. Потому что предъявлять в качестве профессиональных убийц этих романтично настроенных «лопухов» с горячими сердцами было просто смешно.

И тогда в Литве начали раскручивать версию, что убийство «таможенников» совершили рижские омоновцы. Ну или вильнюсские. Этой мутной версии в Вильнюсе придерживаются до сих пор. Это первое.

Второе же откровение стало для Александра Романовича Смоткина горьким открытием, и не без моей помощи. В архиве у меня нашлась вырезка из газеты «Правда» — «Я умираю. Разрешите проститься с сыном», — о которой Александр Смоткин не знал. В ней его смертельно больной отец, Роман Наумович, лежа в онкологическом отделении районной белорусской больницы, просил литовского президента и бывшего лидера коммунистов Альгирдаса Бразаускаса отпустить сына попрощаться с пока еще живым отцом:

«Я — отец политического подследственного Александра Смоткина, томящегося более 13 месяцев в тюрьме Лукишкес.

Прошу вас, отпустите без залога, так как ни у него, ни у меня средств нет. Клянусь, что мой сын не запятнает чести данного мною — предсмертного слова и явится в суд, если такой состоится. Он, как и все его товарищи, жертва политических интриг и провокаций антинародного правления».

Я умираю. Разрешите проститься с сыном

В «Правде» 29 декабря была опубликована заметка «Новогодняя ночь в тюремных застенках». В ней упоминается политзаключенный Литвы Александр Смоткин. Так вот — это мой сын.

Я убедительно прошу редакцию как можно быстрее опубликовать мое обращение к исполняющему обязанности Президента Литвы Альгирдасу Бразаускасу.

Я — отец политического подследственного Александра Смоткина, томящегося более 13 месяцев в тюрьме «Лукишкес». Сейчас я нахожусь в районной больнице в городе Глубокое, что в Белоруссии, в онкологическом отделении.

Уважаемый господин Бразаускас! Убедительно прошу вас отпустить сына — попрощаться с пока еще живым отцом. Прошу вас, отпустите без залога, так как ни у него, ни у меня средств нет. Клянусь, что мой сын не запятнает чести данного мною предсмертного слова и явится в суд, если такой состоится. Он, как и все его товарищи, жертва политических интриг и провокаций антинародного правления.

Подавляющее большинство населения Литвы, и особенно нацменьшинство, верит в мудрость нового руководства, которое первые шаги направило в родственному соседу — Белой Руси, а не за океан, моря и в Берлин за «консультациями». Люди не только двух наших государств понимают, что это может делать только тот, кто имеет твердую программу и знает сам, что необходимо для народа, кто проводит традиционную политику дружбы и равноправия народов.

С искренним уважением и надеждой
Роман Наумович СМОТКИН,
Инвалид Великой Отечественной войны.

Отец Александра Смоткина, больной раком, просил литовские власти разрешить им проститься, но ему не позволили. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Ответа, разумеется, не последовало.

«Ни о каком письме отца этому предателю я не знаю!» — взорвался Смоткин-младший, когда я рассказала об этом, — с такой же яростью, как когда-то в лесу швырнул гранату. Оно и понятно: он сидел в литовской тюрьме, газету «Правда» туда не выписывали…

Попрощаться им не дали — Смоткин-старший умер в декабре 1994 года, когда его сыну оставалось сидеть еще пять лет.

«Сам создавай боевые отряды, сам защищай свой завод»

Доказать причастность этих людей ни к организации антигосударственного переворота, ни к убийству таможенников литовским прокурорам не удалось, как они ни старались.

Максимум, который смог выдавить из себя суд, звучал совсем

не страшно: «Из совокупности вышеизложенных доказательств следует, что подсудимые принимали активное участие в деятельности КПЛ (КПСС) — организации, целью которой было нарушить основанный на Конституции государственный и общественный строй, ограничить права суверенного литовского государства».

Оставалась еще радиопередача, хотя конвертировать в статью Уголовного кодекса тот факт, что в ней должно было прозвучать поздравление от экс-первого секретаря Компартии Миколаса Бурокявичюса, явно не получилось бы даже у литовского суда.

«Большая часть текста, подготовленная для радиотрансляции, явно враждебна Литовской Республике, однако уголовная ответственность за пропаганду такого характера действующим законодательством не предусматривается», — признал суд, сухо добавив, что песню Бориса Гунько «Слушай, товарищ!», которую там планировали включить и которая призывает к вооруженной борьбе («Сам создавай боевые отряды, сам защищай свой завод»), считать публичным призывом к нарушению суверенитета Литвы все-таки нельзя.

Во избежание кривотолков приведу текст этой песни полностью:

> Слушай, товарищ, буржуй наступает, душат народ палачи,
> Родину-мать как хотят унижают, что ж ты сидишь на печи?
> Кооператор и приватизатор хитрые сети плетут,
> Коль не проснешься сегодня, то завтра будет на шее хомут!
> Право на труд, на леченье, на отдых будешь еще вспоминать,
> Кровью добытое даром ты отдал, предал ты Родину-мать!
> Черная стая бандитов отпетых правят твоею судьбой.
> Гордость и совесть рабочая, где ты, что же случилось с тобой?
> Ведь ни Чубайс, ни пахан его Ельцин выжить тебе не дадут,
> Оба они к униженью и смерти нас на арканах ведут!
> Нету в правительстве доброго дяди, все подалися в воры.
> Время настало, детей своих ради в руку винтовку бери!
> Сам создавай боевые отряды, сам защищай свой завод.
> Есть голова, есть товарищи рядом — целый советский народ!
> В черную ночку конец одиночке, много ли сможешь

один?
Только в сплоченности сила рабочих, вместе всегда победим!
Брось же к собачьим чертям телевизор, треп бесполезный, вино, огород.
В эти часы избивают Отчизну, битва за правду идет.
Слушай, товарищ, великая сила в нас, если мы не скоты,
Кто же еще выйдет в бой за Россию, если не я и не ты!

…Очень неплохой, кстати говоря, был поэт. Многие его стихи в начале 90-х казались атавизмом. А теперь кажутся пророчеством.

Глава 9
Без родины

Ненависть, вспыхнувшая по отношению к чужим, была предсказуемой и понятной. Разжечь ее было просто — стоило лишь чиркнуть зажигалкой национализма, и она уверенно горела ровным огнем, который легко перескакивал с Иванова на Кучерова, с Шорохова на Орлова или с Дзагоева на Смоткина.

По большому счету «освобожденным от имперских оков» победителям было все равно, кого ненавидеть, потому что речь шла о представителях русского мира.

Совсем другое дело — ненависть к своим, тем литовцам, которые оказались лучше и успешнее в системе координат, называемой Советским Союзом.

Люди, о которых рассказывается в этой главе, в любой другой ситуации могли стать гордостью и славой маленькой балтийской страны, и без того небогатой на имена и судьбы.

Но не стали.

Мера наказания для них была назначена высшая — лишение Родины.

Говорит и показывает «Каспервидение» Эдмундас Касперавичюс

Если кто и принял на себя основной удар — так это он, полковник Советской армии Эдмундас Касперавичюс, не побоявшийся стать ведущим «красного» литовского телевидения, которое начало вещать из освобожденных помещений телерадиоцентра через несколько дней после событий 13 января 1991 года и оставалось в эфире несколько месяцев вплоть до августовского путча. Сложно даже предположить, в скольких тысячах домов в адрес этого человека каждый вечер посылались проклятия. Но он все равно с чисто литовским упрямством садился каждый вечер за дикторский стол.

Воздалось по заслугам — созданное при его помощи телевидение стали звать «каспервидением».

Геометрия судьбы

— Я всем говорю, что был «запланирован» в честь освобождения Литвы от немцев. Тогда отец женился на маме, которая работала служанкой у гораздо более богатой бабушки, матери моего отца, и жила в соседней деревне. Ходила в лес, где прятался отец, приносила ему еду, и когда стало ясно, что война закончилась, они поженились. В марте 1945-го родился я.

За год до моего рождения дедушка по линии папы был расстрелян немцами. Отец в первую же ночь войны попал в плен — литовцев, как надежных людей, начали привлекать для прочесывания лесов и охраны мостов. По сути дела, отец служил немцам. Но когда, будучи в плену, он узнал, что расстреляли его отца, добился, чтобы его отпустили домой попрощаться. А узнав, что расстреляли ни за что, по наговору, в плен больше не вернулся. Прятался в лесу до тех пор, пока в 1944-м Литву не начала очищать Красная Армия.

Эдмундас Касперавичюс был лицом и голосом «красного» телевидения, отвоеванного у «саюдистов». *Фото Г. Сапожниковой.*

— Так кто все-таки был героями в вашей семейной истории — «лесные братья» или советские солдаты?

— По-моему, отец и сам не знал, кто прав, кто не прав. Очень тяжелое было время! Я сам не разобрался в этом вопросе, потому что был маленьким.

— Как же вы тогда оказались в Советской армии, к которой ваша семья не испытывала особых симпатий?

— Если отвечать с долей юмора, то на это есть две причины. Во-первых, потому что сердце моего папы оказалось мягче, чем сердце соседа. И во-вторых — потому что 10 апреля 1961 года, во вторник, я не знал геометрию. На самом деле было так: в нашей деревне продавался маленький аккордеончик, и мы с другом побежали уговаривать родителей его купить. Я уговорил своего отца быстрее, чем друг. И мы купили за пять рублей аккордеон, я научился играть и даже начал сам сочинять музыку. Это услышал композитор Бальсис и заставил родителей отдать меня в музыкальную школу в Таураге. Так я попал в город. Если бы не попал, не узнал бы про военкомат. Однажды, в 11-м классе, зная, что меня точно вызовут к доске, я искал способ, как смыться с геометрии. И вдруг мой дружок по парте, Альмутас Думчюс, говорит, что идет в военкомат — туда приглашают всех, кто хочет

поступать в военное училище. Ура, говорю, — это выход! Побежал к классному руководителю. Она говорит: ты что, дурак? Но я все равно убежал, рассчитывая пересидеть урок под кустиком, — и тут вдруг идет директор школы. Чего здесь делаешь? Ах, в военкомат идешь? Ну так иди! Пришлось идти — и офицер записал мою фамилию. Я начал сдавать экзамены, как следует не зная русского языка. А еще говорят, что была русификация… Нет, мы все предметы учили на литовском, и мне, литовцу, разрешили сдавать экзамен по математике на родном языке.

Кто врет, а кто не врет?

— Я все время стремился в Прибалтику. Уже на первом курсе поставил перед собой задачу окончить училище с отличием, чтобы иметь право выбрать место службы в Литве. Так все и вышло, но направили меня не в Литву, а в Советск, от которого до Таураге всего 37 километров. По сути дела, домой. Но через некоторое время начались события на границе с Китаем — и меня «отгрузили» туда. Потом вернули в Ригу. Затем срочно понадобился человек в Афганистане. После войны опять просился только в Прибалтику. Приехал — а тут «Саюдис»…

— Вас направили сюда с некоей миссией или это было целиком ваше желание?

— После Афгана я решил, что больше воевать не буду. Мне было 43 года, 30 лет выслуги. Достаточно набежало, чтобы уйти на пенсию. В Афганистане некогда было думать о том, что происходит в Советском Союзе. Я только помню, что после очередного партийного съезда я по привычке сел конспектировать речь генерального секретаря и… не нашел вдруг, что именно конспектировать. Словесный поток… В связи с тем, что по моей специальности в Литве никакой должности не было, меня отправили служить замполитом в штаб гражданской обороны. Я хотел покайфовать в последние годы службы, а тут начались митинги… И только тогда я начал вникать, что происходит. Приехав в Литву, я не знал обстановку совершенно. И, по сути дела, тогда мне во второй раз в жизни пришлось очень серьезно выбирать, с кем быть? Большинству литовцев было ясно — надо быть с «Саюдисом». А я очень долго мучился — весь 1988 и 1989 годы.

— Что было главным критерием при выборе?

— Ответ на вопрос: кто врет, а кто не врет? Сейчас тех, кто возглавлял «Саюдис», делают героями, а коммунистов — черными личностями и врагами. А я увидел, что это очень честные люди.

Если они говорили, что Россия и Литва — это братья, то они в этом и правда были убеждены. Я пытался понять, что такое пакт Молотова — Риббентропа, — наверное, с полгода мучился. И наконец примкнул к тем, которые, по моему мнению, говорили правду, не желая иметь ничего общего с теми, кто хитрил и лукавил.

«Мы уже здесь»

— Когда вы приехали в Вильнюс?

— В августе 1989 года. Принял должность. И в это время начались митинги, компартия раскололась, а потом, в марте -1990-го, Верховный Совет Литвы продекларировал независимость. Я еще работал в штабе гражданской обороны. И как-то один знакомый журналист позвонил мне и говорит: «Ты ведь был в Афганистане? Американский капитан «зеленых беретов» Андрюс Эйва воевал против вас в это же самое время. Не хочешь с ним познакомиться?» Я сказал — конечно, хочу! И подумал, что это дело надо запечатлеть. Позвонил знакомому корреспонденту литовского телевидения, предложил тему: «Два литовца в Афганистане — один со стороны американцев, другой со стороны Советского Союза». Он говорит: интересно! Я пригласил Эйву к себе домой, приехал журналист с оператором и сделал передачу, которая вышла в эфир. Это было дней за 10 до провозглашения — независимости. А потом мы с Эйвой пошли в ресторан, хорошо выпили, и мой двоюродный брат задал ему вопрос: «Американцы все время после вой-ны обещали, что придут на помощь Литве, но так и не пришли. А вдруг сейчас будет точно такая же ситуация? И американцы опять не придут?» Он этот вопрос все время повторял, пока Эйва спокойно и уверенно не отрезал: «Мы уже здесь»…

— По вашей оценке, каково было на тот момент среди литовцев процентное соотношение тех, кто хотел независимости и кто был против?

— В моем окружении в основном были те, кто хотел улучшить жизнь в составе Советского Союза, но не убегать из него. «Продвинутых», которые выступали за независимость, было немного.

— Поэтому понадобилось событие, которое убедило бы литовцев в том, что из СССР надо бежать как можно скорее?

— В принципе телевидение можно было отобрать без единого выстрела. По сути дела, это была великолепнейшая провокация со стороны Ландсбергиса, чтобы своим нагнетанием истерии через

СМИ вынудить Москву предпринять какие-то меры и прекратить эту совершенно дикую, антирусскую, антисоветскую, антикоммунистическую пропаганду. А военные и КГБ на эту провокацию поддались. То, что Литва, Латвия и Эстония будут независимыми, осведомленные люди уже знали. В этом смысле Ландсбергису никакие жертвы не были нужны, он мог бы спокойно дожидаться своего часа. Эти жертвы понадобились для того, чтобы из состава СССР вышла Россия, для полного развала Союза. И, мне кажется, не Ландсбергис был планировщиком этих событий, а те, кто сидел в Москве и собирался приватизировать заводы, уже зная, что надо делать после того, как не станет советской власти.

Я считаю, что Литва не была готова к независимости. Ее туда втащили.

«Что за видение?»

— Каким образом вы стали телеведущим?

— В Москве было принято решение отправить в ЦК всех республик, в том числе и Литвы, национальные кадры, которые работали в различных центральных союзных ведомствах. Чаще всего в силовых: в КГБ, в Министерстве обороны — то есть людей проверенных. В Литву был откомандирован начальник политотдела Байконура генерал Науджюнас, он начал набирать людей, чтобы помочь местным коммунистам национальными кадрами. Порекомендовали ему и меня. Мои тогдашние колебания на тему — идти по течению или против — уже почти закончились. Я определился, что с Ландсбергисом мне не по пути. Меня назначили сначала консультантом, а потом и заведующим организационным отделом в ЦК Компартии Литвы. И когда у Ландсбергиса отобрали телевидение, встал вопрос — кто первый выйдет в эфир?

Литовец по происхождению, американский капитан «зеленых беретов» Андрюс Эйва приложил немало усилий для того, чтобы организовать в Литве события 1991 года и направить ее по нужному США пути. *Фото из архива Э. Касперавичюса.*

Никаких замашек «телезвезды» у меня не было. Сообщил мне об этом заведующий идеологическим отделом ЦК Юозас Ермалавичюс. Зашел и сказал: «Считаем, что ты должен стать ведущим программы».

Январские дни 1991 года мне вспоминаются, как какое-то сумасшествие. И люди все были нереальными. Я даже задумывался о том, не было ли применено психотропное оружие, — но потом отбросил эту мысль. Идешь как будто пьяный, хоть ничего и не пил. Около полуночи стал слышен гул машин, я вышел на улицу и встретил знакомого сотрудника штаба гражданской обороны. Он мне и сообщил, что уже есть жертвы. Я, полковник Советской армии, не поверил, что люди погибли от пуль солдат, потому что знал, как воспитывали советских людей. Я знал, что этого просто не могло быть! И мне почему-то кажется, что об этом прекрасно знал и Буткявичюс, поэтому и говорил толпе: не волнуйтесь, в вас стрелять не будут… И не только я — никто вокруг меня не верил, что танкисты могли давить мирных людей, как об этом рассказывали. А сейчас я не только не верю — я в этом убежден.

Когда уже после взятия телецентра под контроль военных мы зашли на телестудию, то увидели, что работать невозможно, все выдрано с корнем. Это все свалили на «Альфу» и на десантников,

хотя на самом деле раскурочили там все уходящие литовские телевизионщики — есть у меня их признание о том, как они выдрали оборудование с потрохами, чтобы не отдавать «врагу». Четыре дня понадобилось на то, чтобы все восстановить.

— Как к вашему телеопыту отнеслась семья?

— Как раз в день моего первого эфира хоронили погибших. Я отвел в сторонку брата — он был мой оппонент и, как и вся родня, считал, что я просто чокнутый, — и сказал, что сегодня выйду в эфир. Он меня чуть не побил… Я волновался, очень сильно волновался. Но никакого колебания насчет того, прочесть текст или не прочесть, у меня не было. Потому что я был убежден на сто процентов, что это справедливо.

— Вас узнавали на улицах?

— Да, каждая собака. Отношение было очень разным. Кричать в спину «Юдас» (по-литовски — Иуда. — *Г. С.*) стали чуть ли не на второй день. И назвали это телевидение «каспервидением». Это игра слов, которую могут понять только литовцы. Моя фамилия Касперавичюс, а по-литовски «кас» означает «что», а «пер» — «за». И получилось издевательски: «Что за видение?» Но те люди, которые были против выхода Литвы из СССР, меня воспринимали героем. Большинство, впрочем, ко всему относилось нейтрально. Я много ездил по Литве, встречался с родственниками, никто никаких вопросов не задавал.

Последнее письмо

— Вы покинули Литву, потому что предполагали, что вас будут преследовать?

— Я уехал в ночь, когда в Москве совершился путч, не зная еще, что происходит. Дело в том, что меня отправили на 10 месяцев на учебу в Пекин. Так что уезжал я сам, ни от кого не скрываясь.

— Вы чувствовали, что никогда больше домой не вернетесь?

— Я потом не раз вспоминал, как в последний раз отвозил в деревню маму. Время было к вечеру, в дом заходить не стал, обнял ее, сел в машину и махнул в Вильнюс. А рано утром поехал в Москву. А на сердце скребло — как будто я ее больше не увижу. Так и вышло: дом сгорел, мама умерла — все без меня.

Попрощаться с родной матерью Эдмундасу Касперавичюсу так и не дали — будучи литовцем, он ни разу больше не смог приехать на родину. *Фото из архива Э. Касперавичюса.*

Я постоянно был на связи, знал, что у нее рак, она мучилась, все понимали, что она умрет, но не знали, в какой конкретно день. Я спрашивал совета своих друзей: может, мне все-таки под другой фамилией съездить в Литву похоронить маму? Мне сказали — можешь, конечно, попробовать, но если тебя там возьмут, мы тебя оттуда не вытащим. В одной из своих книг я опубликовал свое последнее ей письмо: «*Здравствуй, мама! Это Твой сын Эдмундас. Снова пишу Тебе письмо. 16 апреля я слышал Тебя в последний раз. Ты меня не слышала, но сказала мне: «Прощаюсь*».

Не хотел и не хочу верить, что это были Твои последние обращенные ко мне слова. Сегодня я узнал, что Тебе стало хуже, поэтому спешу сказать: Я горжусь, что у меня такая мама. Знаю, что Ты радовалась, когда люди меня хвалили. Знаю, что Ты переживала, когда люди меня хаяли. Но всегда верила, что выращенный Тобою сын не может нести зла другим».

— Как вы узнали о том, что вас разыскивает литовская прокуратура?

— Литовцы по линии правовых органов послали в Китай запрос. Это был 1992 год. А в июне 1991-го, за пару месяцев до путча, в Вильнюс приезжали два китайца из ЦК компартии Китая — посмотреть, отделится Литва от Союза или нет? И меня, как заведующего орготделом, да еще знающего китайский язык, к ним прикрепили. Я их двое суток возил по республике, и они в знак благодарности дали мне свои визитки. И когда я попал в Китай, я им позвонил. Тут же примчались оба, хотя были большие начальники, и установили надо мной шефство. Они мне и рассказали, что на меня пришел запрос. Но китайская сторона ответила, что у них в стране такого человека нет.

Я прожил там всего пять месяцев, как вдруг не стало Советского Союза. Всем, кроме россиян, — грузину, казаху, киргизу, литовцу — объявили, что Москва за их учебу больше платить не будет. Я должен был уехать из Китая 1 января 1992 года, но куда? В Литву возвращаться было нельзя. И в Москве тоже делать было нечего. И тогда китайская сторона пошла навстречу нацменьшинствам и стала выдавать нам на питание по 350 юаней. На это можно было прожить. Все остались продолжить учебу. Потом все разъехались по домам, а я, полковник Советской армии, остался за рубежом в самоволке. Возвращаться мне было некуда. Так я застрял в Китае на целых 25 лет. Прежняя семья распалась, родилась новая. Растет теперь в Пекине полулитовочка-полукитаянка — дочка Юлите, — как продолжение моей истории.

— Какой момент своей жизни вы бы хотели прожить еще раз?

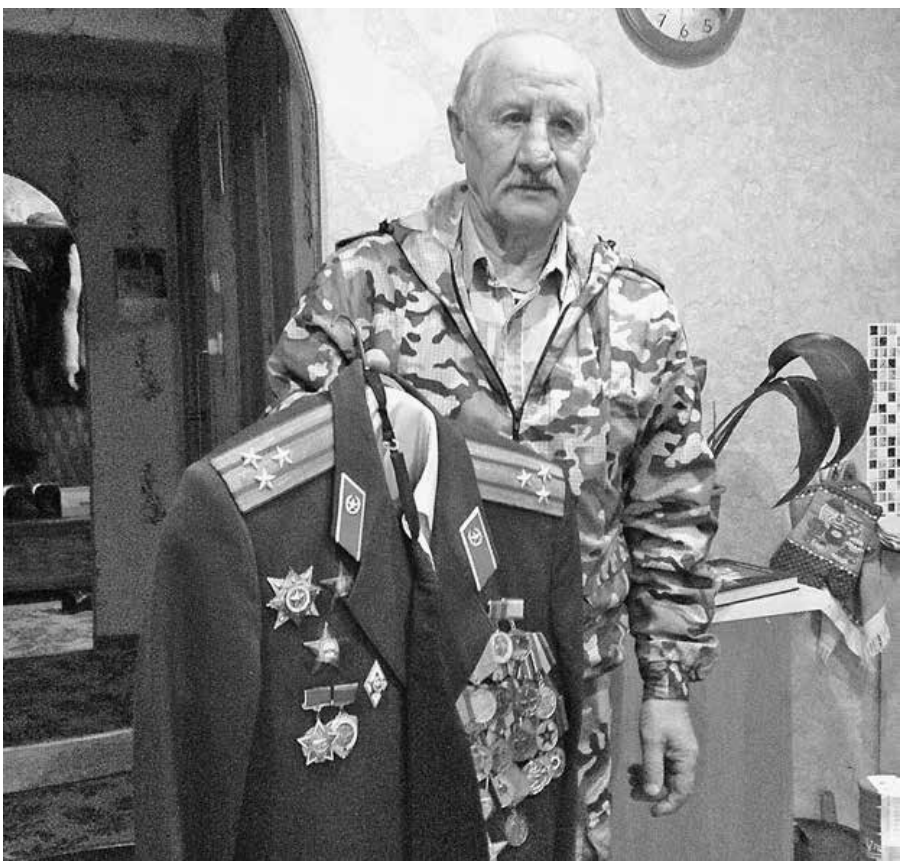
— Только не те годы, когда Россию превращали во врага Литвы… Абсолютная глупость!

Украденная победа
Ромас Юхневичюс

— Юхневичюс Ромас Константинович, — представляется седой человек с пушистыми усами. Сложное для белорусского уха имя в маленьком поселке в Витебской области знает каждый.

На хозяине квартиры камуфляж, которым сейчас никого не удивишь. За домом озеро, у подъезда — коптильня. По виду этот человек — рыбак рыбаком.

Но тут он выносит свой китель и начинает перечислять: 4 ордена и 18 медалей. За один Афганистан три награды получил — орден «Красной Звезды», афганский орден «За храбрость», орден «Звезды» третьей степени. Есть еще медаль «За боевые заслуги» и орден «За службу Родине в Вооруженных силах СССР». Ну и так далее…



В списке тех, кого Литва сейчас пытается заочно судить, полковник в отставке Ромас Юхневичюс идет одним из первых.

Фото Г. Сапожниковой.

Полковник Советской армии в отставке, стопроцентный литовец Ромас Юхневичюс в списке тех, кого Литва сейчас пытается судить заочно, идет одним из первых.

— И почему, интересно, вы стали военным? Это, наверное, было малопопулярно среди литовцев — идти в Советскую армию?

— Мы происходим из бедной крестьянской семьи. Нас было шестеро детей, пятеро сестер и я. Мой отец, который окончил всего три класса церковно-приходской школы и все время батрачил у помещиков, мне сказал так: «Сынок, если у меня было бы пятеро сыновей и одна дочь, я бы всем приказал защищать советскую власть. А ты у меня один, потому просто обязан идти в армию. Иди!» Вот такой патриот был! Я скажу вам другое: из трех тысяч офицеров-литовцев, которые служили в Советской армии, на сторону «саюдистов» перешли единицы. А остальная масса не изменила присяге.

После школы-интерната я поступил в Калининградское высшее военное инженерное училище, которое окончил в 1969 году с отличием. И был направлен в Забайкальский военный округ на должность заместителя командира понтонной роты 21-го инженерного саперного батальона 122-й гвардейской мотострелковой дивизии, где командиром был будущий министр обороны СССР Дмитрий Язов. Для меня он являлся примером высокой офицерской чести и достоинства. Прошло много лет, я уже был подполковником и приехал в Белоруссию на сборы руководящего состава Вооруженных сил СССР — это, наверное, был год 1985-й или 1986-й. Я находился в офицерской столовой. Вдруг заходит генерал армии Язов — он тогда был командующим Дальневосточным военным округом — со своими начальником штаба и начальником политуправления. Я встал, конечно, а он вдруг поворачивается ко мне и говорит: «Я вас где-то видел!» А я лейтенантом был у него в 1969 году. Я говорю: так точно, вы — первый мой командир дивизии. А Язов продолжает: «Я сейчас даже вашу фамилию вспомню, литовская какая-то фамилия». Память у него была феноменальная. Он знал всех офицеров дивизии до командиров роты и выше включительно. Всех!

«Оккупанты, вон!»

— Знаю, что помотало вас по свету основательно — Забайкалье, Германия, Латвия, Афганистан. Достаточный послужной список для того, чтобы ближе к пенсии оказаться в

родных пенатах. Итак: вы вернулись в Вильнюс незадолго до того, как начались перестройка и новые времена…

— Я о Литве все время мечтал, все 25 лет службы. И вот меня наконец назначают заместителем начальника военной кафедры вильнюсской Высшей партийной школы. Я устроился в Вильнюсе шикарно! Генерал-майор Владимир Усхопчик, как начальник гарнизона города, дал мне четырехкомнатную квартиру. Жена пошла работать в магазин. Младшая дочь — в детский сад, старшая — в школу. Дачу построил. Ну, думаю, жизнь! — после забайкальских полигонов и съемных комнат с железной кроватью. Друзей было много — директора заводов и фабрик, секретари парткомов. Прекрасная работа: три офицера на военной кафедре и шесть женщин. Еще никому не известная Даля Грибаускайте там же преподавала, по-моему, экономику социализма. А через полгода, когда в Литве начались все эти события, на Высшую партийную школу начали капитально давить. Ландсбергис потребовал у Горбачева: отдайте здание, нам не хватает помещений для обучения студентов! Дошло до того, что на пороге садился преподаватель из какого-нибудь института, ставил три скамейки и вместе со студентами демонстративно имитировал, что будто бы идут занятия… Я один раз не сдержался и говорю — убирайтесь отсюда вон, чтобы духа вашего здесь не было! И тут же меня за это пропечатали в газете. У нас в ВПШ тоже произошел раскол — кто за Бразаускаса, кто за Компартию Литвы на платформе КПСС. Русскоязычные преподаватели в основном поддержали Бурокявичюса, а ректор подался к Бразаускасу. А потом Горбачев предал нас капитально — через полгода упразднил Высшую партийную школу вообще. Куда идти? В это время в ЦК Компартии на платформе КПСС образовался правовой отдел, где начали собирать офицеров-литовцев. Тогда вызвали генерала Науджюнаса, еще одного адмирала с Балтфлота, полковников Касперавичюса и Шурупова, ну и мне предложили к ним пойти — так мы образовали административно-правовой отдел. Наши функции были в том, что мы поддерживали связь с армией и Внутренними войсками.

— Это правда, что советские офицеры и солдаты постоянно подвергались нападениям?

— Помню, один раз Ландсбергис организовал пикет возле «Северного городка». Это было летом 1990 года. Мне позвонил Владимир Усхопчик и говорит: «Ромас, приезжай, посмотришь комедию, которую мы сейчас устроим этой демонстрации, что идет по Вильнюсу с плакатами «Оккупанты, вон!» Приезжаю и вижу две пожарные машины со шлангами. Митингующие подходят, кричат, шумят — тут пожарные из шлангов ка-а-ак

начали их поливать. Потом ворота открылись, и человек 15 солдат дали холостыми патронами очередь вверх. Демонстранты начали разбегаться. А люди, которые жили рядом, нам аплодировали — молодцы, кричали, дайте им еще! И на следующий день такую же акцию, которая была запланирована в Каунасе, Ландсбергис отменил. Испугался.

За всю мою службу через мои руки прошла не одна сотня солдат-литовцев. И все они служили честно. Я уверен, что те, кто служил в Советской армии, это время вспоминают с большой теплотой.

«Нас сдерживал Горбачев»

— Какие-то знаки говорили вам, как человеку военному, о том, что в Вильнюсе затевается нечто грандиозное?

— Конечно, говорили. Военкоматы блокировались, чтобы молодежь не призывали в Советскую армию, а литовские матери прибегали туда тайком вечерами и, наоборот, просили, чтобы их сыновей взяли служить. Обстановка нагнеталась постоянными митингами. В общественном транспорте я неоднократно слышал возмущенные разговоры о том, что в некоторых местах власти скупали оптом колбасу и закапывали в песчаном карьере, чтобы создать нервозную обстановку и вызвать недовольство среди населения. В России делалось то же самое. Это все был американский сценарий. Там ЦРУ работало капитально. Мы, как воины-«афганцы», получали в специальном магазине паек и этого не ощущали, но в целом в Литве создавался ажиотаж…

— Военные к чему-то готовились? По каким признакам чувствовалось, что ситуация будет разрешаться силовым путем?

— Никаких мер вообще не принимали, хотя в Литве войск хватало. Нас сдерживал Горбачев. Что бы ни говорилось — «Русские оккупанты, вон из Литвы!» — войска держали нейтралитет. Потом, видимо, до Горбачева что-то дошло, и он отдал приказ взять телецентр и телебашню. Но сначала мы с дружинниками понесли петицию, чтобы правительство сложило полномочия. Я повел колонну в Совет Министров Литвы. А лидер организации «Венибе-Единство-Едность» Валерий Иванов с такой же петицией пошел в Верховный Совет.

Но там был один предатель, дивизионный пропагандист, который Ландсбергису сообщал всю информацию о том, что творится в военных городках. Поэтому нас уже поджидали. Как набежали боевики со всех углов, как начали рвать и колотить! У меня был с собой пистолет, я человек пять мог уложить запросто,

но не стал стрелять — пацаны все-таки… Мужики отбивались как могли, два человека прорвались все-таки сквозь толпу и вручили петицию — их спасли милиционеры, которые охраняли Совет Министров, иначе бы толпа их разорвала. Я говорю: отступаем, ребята, потому что со всех сторон была драка. Из пятидесяти человек в горисполком вернулось от силы двадцать — остальных развезли по больницам «Скорые».

Через час новое распоряжение: всем ехать к телерадиоцентру. Ко мне примкнуло человек 80. Подъезжаем на двух автобусах, народу — море. Все зааплодировали, думали, что это боевики приехали на помощь. Телецентр занят, вокруг стоят спецназовцы с автоматами. Танки бьют холостыми, народ кричит, суматоха. Подбегаю к солдату, говорю — офицера ко мне! Но я был в гражданской одежде — и солдат как дал очередь над крышей автобуса! Он же видел, как нам аплодировали, думал, что это боевики… Я — назад, сел и думаю: что делать? «Саюдисты» начали раскачивать автобус — они к тому времени сообразили уже, что никакие мы им не союзники. Надо выходить, иначе перевернут. Снова прошу солдата: позови офицера! Никто ничего не понимает, хаос, автобус раскачивается. Наконец солдат подозвал майора. «Пропусти! — говорю. — Мы же на помощь к вам пришли!» Потом мне передают: вас зовет командир полка спецназа Внутренних — войск Сергей Федоров. Тот показывает: «Смотри, сколько боевиков на крышах!» Я дружинников в подвал завел, говорю: мужики, ежели что, пойдете врукопашную…

— *Что вы увидели внутри здания?*

— Наши офицеры из спецназа говорят: «Товарищ полковник, там спиртного столько — и виски, и коньяк, и шампанское! Жратвы импортной полно: икра, ветчина. Чего только нет — море всего!» Значит, надо офицерам дать команду собрать спиртное, чтобы солдаты не выпили и не открыли стрельбу. И офицеры пошли по кабинетам. Собрали два ящика алкоголя — мы с Федоровым эти бутылки лично расколачивали, а еду оставили солдатам — пускай едят, их трофей. Видимо, щедро платили продажным журналистам за их клевету на Советский Союз и Советскую армию…

Одну бутылку коньяка Федоров оставил: «Давай с тобой выпьем, Константиныч, за нашу победу!»

— *То есть у вас было ощущение победы?*

— Ну конечно!

— *Победы, которую уже на следующее утро обратили против вас… Когда вы поняли, что ее у вас из рук вырвали?*

— Через 8 месяцев — когда Ельцин после августовского путча приказал отдать телевидение «саюдистам». Я не понимаю, почему

ему в Екатеринбурге музей открыли? Он же предал нас всех! Он же развалил Советский Союз вместе с Горбачевым!

На следующее утро, когда в городе ввели комендантский час, сразу притихли все. Начали опять доставать партийные билеты и вступать в партию по-новой… Нам только нужен был приказ, и мы навели бы там шикарный порядок, а Ландсбергис бежал бы в США. Когда во время путча танки пошли по Москве, так воспрянул народ, если б вы видели: наконец-то будет порядок! Всем же надоела эта трескотня. Именно с Литвы начался развал Советского Союза. Но разве революцию делают дрожащими руками, как ГКЧП? Надо было Ельцина арестовать и судить, как государственного преступника, и все было бы нормально. И СССР до сих пор был бы! Не было бы сегодня олигархов и растранжиривания российских богатств. На колени Россия встала, на колени перед американцами…

«Проезжайте, пожалуйста!»

— Как разворачивались события в период между 13 января 1991 года и августовским путчем?

— Телевидение транслировало нормальные передачи, мы разоблачали, кто такой Ландсбергис и кто «Саюдис». Люди стали осознавать потихоньку, что им дала советская власть, понимать, на какие деньги строились дома, заводы, дороги. Одурманенные были, но начали прозревать, примыкать к нашей компартии. Мы собирали митинги по 80 — 100 тысяч человек. Вся власть была в наших руках. А Ельцин у нас ее отнял.

— Как скоро в Литве включился механизм репрессий?

— Сразу, мгновенно. Еще за день до этого звоню в Москву своему другу Вячеславу Наместникову, он возглавлял ДОСААФ, и радостно сообщаю, как Вильнюс воспринимает события ГКЧП. Говорю: «Молодцы ребята, Язов — молодец, что ввел танки!» А притихший генерал на том конце трубки и говорит: «Подожди, Ельцин еще не арестован». Вместо него арестовали ГКЧП. Все провалилось… Язов, боевой офицер, фронтовик — сколько раз он в атаку на фронте поднимал мужиков, до командира пехотного батальона дослужился в годы войны, — я не верю, что он струсил. Это явная недоработка органов безопасности. Да надо было просто Ельцина за хобот взять, зачинщиков из американских фондов арестовать — и все, Советский Союз бы оставался на месте!

После ареста ГКЧП американский ставленник Ландсбергис позвонил Ельцину и попросил вернуть телевидение и все

остальные объекты, которые были в наших руках. Ельцин тут же отдал приказ вернуть телевидение, Дом печати, здание ДОСААФ и прочее, а также упразднил вильнюсский ОМОН. Это развязало руки боевикам Ландсбергиса. Они сразу окружили здание ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС, началось преследование сотрудников и их аресты. Не избежала этого и моя семья. Спустя несколько дней рано утром на мою квартиру с обыском пришла полиция. В то время там находились наши малолетние дочери и теща. Перерыли всю квартиру, перетрясли даже ящики с детскими игрушками. Искали улики моей причастности к организации государственного переворота. Но ничего не нашли, только сильно перепугали дочерей и довели до инфаркта мою тещу, участницу Великой Отечественной войны.

— *Как вы покидали Вильнюс?*

— Когда боевики окружили ЦК Компартии Литвы, Бурокявичюса, Ермалавичюса и бюро ЦК вывезли в «Северный городок». А я сразу уехал к своей племяннице. Приезжаю и говорю: плохи дела, мы проиграли, нас предали… У Науджюнаса в гараже ЦК стояла «Волга», здание захватили, и он ее потерял. А у меня на заднем дворе остался новенький «жигуленок». Прихожу туда на — следующий день, выскакивает сержант и говорит: «Товарищ полковник, через час будут боевики, быстрее уезжайте!» Я сел в машину, позвонил жене, сказал взять китель и документы, и мы поехали в Калининград к ее отцу. Переждали там первое время. Через некоторое время еду на машине в Ригу. Торможу на заправке, становлюсь в очередь, ко мне подходит какой-то «саюдист» и кричит: «Что ты здесь делаешь, оккупант, приехал за нашим бензином…» Я ему и говорю: «Он не твой, это российский бензин, вот когда будешь свободным, тогда и покупай бензин у России».

Надо было начинать жизнь с чистого листа. Когда я еще служил в армии и переезжал с места на место, солдаты и офицеры давали мне свои адреса и говорили: заходи в гости, будем рады. Думаю: дай-ка посмотрю в блокноте, кто у меня есть в Витебской области? Ага, живет в Бешенковичах один такой старший лейтенант, был командиром саперного взвода в Афганистане. Встречаемся, обнимаемся, он говорит — мой друг, председатель колхоза, только что построил три новых дома. Приезжаем, рассказываем ситуацию, тот говорит — все, полковник, беру тебя в колхоз, занимай квартиру.

Из Литвы моей жене пришлось прорываться чуть ли не с боем. Полковник Валерий Фролов, который стал командиром вильнюсской мотострелковой дивизии после генерала Усхопчика, помог жене загрузить вещи, выделил два автомобиля и офицеров.

А в Литве вышел такой закон: за литовскую мебель надо было платить пошлины в трехкратном размере. Но он сделал хитро: опечатал машины и выдал справку, что это военный груз. И выделил БТР с автоматчиками, чтобы сопровождать до Белоруссии. Подъезжают к границе, литовские пограничники требуют: распечатывайте. Тогда офицер дает команду БТР, люк открывается и наводчики дают холостыми снарядами выстрел вверх… Те сразу стали очень вежливыми: проезжайте, пожалуйста!

«На моих руках крови нет»

— Сейчас вы рассказываете о той ситуации со смехом, а тогда вряд ли смеялись. Горько было?

— Обидно, а как же? Я люблю свой народ. Но на моих руках крови нет. Я ни в чем перед Литвой не виновен. Это Горбачев приказал нам брать телецентр. Невозможно описать, каково мне было, как офицеру, слышать рассказы о том, как из Литвы уходила Советская армия. Меня там уже не было, эти истории знаю по рассказам сослуживцев. Первая: через полгода после путча власти похитили командира 3-й гвардейской мотострелковой дивизии в Клайпеде Ивана Черных и его адъютанта — за то, что те симпатизировали ГКЧП… Дивизия была поднята по тревоге и двинулась на Вильнюс, по дороге к ней присоединились два мотострелковых полка в Тяльшае. Представляете, какая могла быть заваруха? Слава Богу, литовские боевики вовремя одумались, командира отпустили.

Вторую историю мне рассказал прапорщик, с которым мы служили в Афганистане. Когда начался вывод войск в Россию, оружие дивизии погрузили на корабли ВМФ. Только они отошли от берега, как приходит команда от министра обороны Грачева: вернуться назад и 15 тысяч единиц стрелкового оружия — гранатометы, пулеметы, автоматы — передать литовской армии. Таким образом, Россия вооружила страну — будущего члена НАТО…

— Как вы узнали о том, что находитесь в розыске?

— Когда арестовали Бурокявичюса и Ермалавичюса, в Белоруссии разгорелся большой скандал. Ко мне приехали два кагэбэшника из Полоцка — полковник и майор — и говорят: если какие-то подозрительные люди будут вас окружать, срочно сообщите нам по телефону, мы приедем и разберемся. Я говорю: сам разберусь — пристрелю, и дело с концом. Я же боевой офицер!

— То есть вы все эти годы никого не боялись?

— Я и сейчас не боюсь. Пусть только попробуют приехать какие-то чиновники литовских спецслужб — в Белоруссии есть кому меня защитить. Во-первых, я являюсь ее гражданином и нахожусь под защитой нашего президента, Александра Лукашенко, который, еще будучи депутатом Верховного Совета Белоруссии, до последнего боролся за сохранение Советского Союза. Попытка моего похищения вызовет негативный международный резонанс. Во-вторых, я являюсь членом Белорусского Союза офицеров и членом Союза ветеранов войны в Афганистане, который насчитывает около 30 тысяч членов. Меня многие знают и в беде не оставят, потому что у воинов-«афганцев» существует настоящее боевое братство.

Не меня судить надо, а Ландсбергиса. Этот суд, который сейчас идет в Вильнюсе над участниками событий 13 января, — стопроцентная показуха. Литовские власти обвиняют нас в том, чего мы не совершали, — в убийствах людей. Я твердо заявляю, что наши солдаты в мирное население не стреляли.

Весь процесс был организован так же, как сейчас на Украине. В Вильнюсе нужно было пролить кровь, поэтому стреляли по своим, и в Киеве — чтобы поднять дух в массах. Там запретили коммунистическую партию, и тут запретили.

— А вы следите за судьбой родины? Или вам все равно?

— Слежу. В Литве было 3,5 миллиона жителей. На миллион уже уменьшилось. Куда они разъехались? Подметают дворы в Евросоюзе, забесплатно работают. Три года назад в нашей деревне я встретил группу молодых парней из Литвы, которые приехали из города Алитуса строить в нашем колхозе коровник на тысячу голов. Когда я спросил, почему они здесь, они ответили, что в республике тотальная безработица. Все они в голос осуждали власти, которые довели страну до обнищания. Какие колхозы в Литве были! Миллионеры! Сейчас их нет.

— Как думаете — эта ситуация надолго?

— Если народ сам не поднимается, то кто его поднимет? Компартия? Запрещена. Левые силы? Под прицелом. Так и останутся себе потихоньку жить в долгах. Америка же литовцев не просто так финансирует… Зато шума-то от Литвы сколько! Понимают, что экономический и военный потенциал России возрастает, — вот и гавкают. А укусить не могут.

Альгимантас Науджюнас: «Можете заказывать гроб — Советский Союз развалился»

Михаила Горбачева, как известно, в литовском «расстрельном» списке нет. Его пощадили. Зато есть маршал Язов, но он все-таки для литовцев фигура слишком абстрактная. Поэтому среди военных СССР самой главной мишенью для народной «любви», переходящей в ненависть, стал следующий после маршала по рангу генерал-майор Науджюнас. Самый ненавидимый, потому что свой.

«Вот почему в СССР не было космонавта-эстонца (латыша, грузина, туркмена — сюда можно подставить любую национальность. — *Г. С.*)?» — с подозрительным прищуром спрашивали меня в самых разных концах страны перед самым ее развалом. Это был аргумент, как бы указывающий на то, что представителям малых народов в СССР было очень плохо.

Так вот: где-где, а вот в Литве этот вопрос не задавали, потому что «космонавтов» здесь было два. Ну или «почти космонавтов»: летчик-испытатель Римантас Станкявичюс и генерал Космических войск Альгимантас Науджюнас. Правда, ни первый, ни второй непосредственно в космосе не были — один испытывал многоразовый орбитальный космический корабль «Буран», другой руководил работами по эксплуатации и испытаниям ракетно-космических систем на Байконуре. Один погиб в тренировочном полете, другой его хоронил…

Сделать из генерала Науджюнаса монстра, каким его пытаются нарисовать в литовских школьных учебниках, не получается — он улыбчивый, сентиментальный и искренний, способный признаться в собственных ошибках и слабостях. Таких, как он, в Литве, пожалуй, больше и нет.

— Я родился в 1942 году в той же самой деревне Новая Слобода Кайшядорского района, откуда вышел бывший президент нашей республики Альгирдас Бразаускас. Уже год как шла война. Но, как мне рассказывал дедушка, они сами не поняли, кто с кем воюет. Вначале ваши прошли, — в этот момент дед кивал на меня, — а потом немцы. Никаких военных действий в нашем районе не было, но лучше все-таки было, когда пришли ваши. Они, по крайней мере, никого не били… По маминой линии моя семья происходит из бедных крестьян, а по линии отца были люди зажиточные, но очень жадные. Мама рассказывала, что они даже жалели для меня молока. Дед имел много гектаров земли —

богатый был по тем временам человек. Почему-то мама мне никогда ничего не рассказывала об отце, только о моих дядях. Все они, и мой отец тоже, ушли в «лесные братья». Старшего дядю убили, отец пропал без вести, а младшего осудили и дали 25 лет, он вернулся в Литву только в 1974 году и жил в городе Укмерге. В том самом городе, где стоял ракетный полк и куда после окончания академии я был назначен заместителем командира полка по политической части… До сих пор не знаю — совпадением это было или проверкой? Мать снова вышла замуж, отдала меня бабушке с дедушкой, а те сдали в интернат, потому что не на что было жить. Зато я там ел каждый день по три раза! Нас там было около 300 человек, и все мы выжили благодаря советской власти.

Генерал Космических войск Альгимантас Науджюнас в нынешней Литве — главная, после маршала Язова, мишень для народной «любви, переходящей в ненависть». *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Летом работал на стройке, зарабатывал деньги на одежду и на портфель. А первое время книжки и тетрадки носил в ящике из фанеры, который сколотил сам. После школы встал вопрос о том, куда себя девать. И судьба преподнесла подарок — в школу к нам пришел сотрудник военкомата, старший лейтенант по фамилии Дайнис, и рассказал об армии. Я прикинул, что в институт все

равно не попаду, и решил пойти в летное училище. Но я же учился в деревенской школе, там не было русского языка, по-русски мог сказать только «здравствуйте». Дали нам переводчика и отвезли в Казанское авиационно-техническое училище. Из Литвы было четыре палатки по 25 человек. По-русски ничего не понимаем, ходим как бараны, играем круглые сутки в баскетбол. Первый экзамен — неуд, второй — неуд. А вот по математике мне поставили пятерку. Четыре неуда, одна пятерка и… меня зачисляют в училище одним из первых! Из 100 человек поступило всего три литовца, я в том числе. Училище окончил с одной четверкой. Очень грамотно все-таки в советское время нас готовили. Вот я ничего не умел при поступлении, а после окончания был специалистом широкого профиля: мог работать на токарном станке, делать любые сантехнические работы, водил все виды транспортных средств — мотоцикл, танк, БТР, знал, как высаживать цветы, мыть технику и убирать казарму. Нас даже учили бальным танцам! Я так благодарен Вооруженным силам, что из меня, бездельника молодого, сделали человека!

Когда я уже был старшим лейтенантом и приехал в отпуск домой, туда же вернулся староста деревни, фамилия его Рамошка, — тот, что был при немцах. Он был знаком с моими дядьями. Отсидел в тюрьме, пришел с Воркуты и решил повидать меня. На вид он был очень суровым и угрюмым. Я думал, что он будет со мной драться. А он вдруг говорит: «Знал твоего отца — хулиганье! Но ты молодец! Ты выбрал правильный путь. Я уважаю советскую власть, потому что она меня не расстреляла. Да, я отсидел, но так я же и натворил!» Бабушка все это слышала и, когда он ушел, сказала — не здоровайся с ним, это гад был. Потом он быстро умер. В деревне никто его не хоронил…

Какой «бардак» краше?

— Так как я окончил училище по первому разряду, я имел право свободного выбора места службы. Выбрал Винницу, там было много летных частей. А меня назначили на совершенно новую технику. Так я вместо летчика стал ракетчиком.

…В начале 80-х годов западные ракетные дивизии начали переходить на новый вид вооружения, так называемые СС-20. Меня направили на перевооружение частей и подразделений Ракетных войск стратегического назначения в Лиду, потом на испытания новых ракетных комплексов на космодром Плесецк, через год на Байконур начальником политотдела. Мы занимались испытанием и запуском многоразового космического корабля

«Энергия — Буран». На Байконуре все было непросто, там велись огромные работы, но в социальном плане было очень много проблем. Не хватало квартир, школ и детских садов, были перебои и с — продуктами питания. Офицеры высказывали недовольство, писали рапорта об увольнении. Однажды в командировку приехали двое ученых из Москвы, я им все это рассказал, а они говорят: «Альгис, ты не переживай, мы Мишке скажем, и он вам поможет». Какому еще Мишке? «Ну Михаил Сергеевичу — это ж наш друг, мы с ним со Ставрополя». Во мне что-то екнуло: мужики, наверное, с этим генеральным секретарем мы попались… Впрочем, они слово свое сдержали — написали Михаилу Сергеевичу докладную записку. И понеслось: комиссия за комиссией. Приехал Горбачев и с ним девять членов Политбюро. Мигом развернули строительную дивизию, построили новый микрорайон. Подготовили проект постановления — каждая республика должна была построить на Байконуре по магазину и прислать свой товар. Зажили, одним словом, как короли. Но Горбачев меня во время беседы спросил: «А ты что тут делаешь?» Я растерялся. «Там в Литве у тебя бардак, а ты здесь!» Я не придал этому значения, но буквально через какой-то короткий промежуток времени раздался звонок из Москвы, из политуправления: «Вы не хотели бы продолжить службу в Литве?» Я говорю — конечно, хотел бы! Вызвали в ЦК, начали со мной беседовать — а что, если вас, товарищ генерал, изберут секретарем литовского ЦК? Да не вопрос — это же была моя любимая Родина! В конце августа 1990 года пришел приказ. И 13 сентября 1990 года я прилетел в Вильнюс.

«Приезжай, когда темно…»

— Передо мной была поставлена задача срочно разобраться с морально-политической обстановкой вокруг воинских частей, восстановить партийные организации городов и районов. Еду по республике — горкомы, райкомы закрыты, никого нет. Некоторые здания уже заняты, документация выброшена. В одном районе мне подсказали: «Мы знаем, что ты Науджюнас, мы гордимся тобой, но приезжай, пожалуйста, когда темно. К власти пришли фашисты, люди перепуганы, на контакт никто не пойдет. Встречаться будем вечером и только в военкомате». Никакой партийной работы не велось, все было развалено и уничтожено. Мы вели сбор информации о том, что происходит в Верховном Совете, какая обстановка царит на предприятиях, и быстро поняли, что в республике ведут активную работу иностранные

специалисты. Вскоре получили списки тех, кто инструктировал Ландсбергиса и его окружение. Проинформировали Москву. Никакой реакции не было. Шло время, я начал задавать не очень удобные вопросы Крючкову, Рыжкову, Лукьянову, Шенину: почему на моем столе стоит ВЧ-связь и эта же связь стоит у Ландсбергиса? Почему он, как и я, имеет право звонить напрямую во все московские министерства? Почему все зарубежные инструктора едут через Москву и никто их не останавливает? Почему Советский Союз дает Литве деньги, хотя та заявила, что вышла из состава СССР?

Приехала группа из ЦК КПСС и говорят: «Науджюнас, нужно помириться с Ландсбергисом». Мне! Я говорю: «Вы пришли меня просить помириться с вашим врагом? Я отстаиваю Советский Союз, а вы мне предлагаете уговаривать этих бандитов в нем остаться? Да вы знаете, кто это такие? Это звери, которые сомнут и нас, и вас! Почему члены Верховного Совета от Литовской Республики, принявшие решение о выходе из состава Советского Союза, до сих пор не сняты с должностей и не лишены мандата депутатов? Почему ЦК КПСС не исключил из партии Бразаускаса? Нет, — сказал, — ни с кем мириться не буду!»

Кто развалил Советский Союз?

— У остальных граждан СССР было стойкое ощущение, что ваши земляки все как один хотят независимости. Многие говорили потом, что это была грубейшая ошибка, на самом деле в Литве было огромное количество людей, которые уважали советскую власть и не хотели выхода из состава СССР. Как вы относитесь к утверждению, что Литву насильно втянули в независимость?

— Литва сама вошла в состав СССР, пусть читают документы. На самом деле при советской власти она расцвела, как никто другой из республик Союза. Какие там были дороги, ухоженные поселки, города и хутора… Простой народ не хотел развала СССР, этого хотела верхушка: спящие предатели, которые затаились после войны, националисты, которые сотрудничали с иностранными агентами и высокопоставленные чиновники министерств и ведомств, которые активно сотрудничали с московскими предателями и выполняли их указания.

По результатам референдумов, которые проводились в Латвии, Литве и Эстонии, — а я был председателем комиссии по подготовке и проведению референдума — 68 % жителей Прибалтики проголосовали за сохранение Советского Союза. Они подчеркивали только, что им нужна большая свобода, чтобы

ездить за границу, говорили, что не хотят «согласовывать с Москвой рецепты своих тортов» и кормить весь Советский Союз. А на бытовом уровне все жили великолепно. Жизненный уровень в Литве в те годы был на втором месте после Грузии. Литовцы были хорошими врачами, инженерами и высококлассными специалистами, у каждой моей одноклассницы были дом, машина и дача. После 1991-го работы не стало, инженеры оказались ненужными, дома и дачи пришлось продать, потому что надо было платить, платить и платить.

Советский Союз развалила не Америка, а реальные люди из ЦК КПСС, Комитета госбезопасности, министерства иностранных дел, Верховного Совета и многих других ведомств. Лишь военные заняли более или менее внятную позицию, но понимали ситуацию по-своему.

Чрезвычайное положение

— Работая в ЦК КП Литвы, я много ездил по республике, встречался с партийным активом, сослуживцами, одноклассниками и рассказывал о том, что произойдет с Литвой, если она вый-дет из состава СССР. Я, без всякой политики и вранья, говорил, что нам, простым людям, будет очень плохо. На Западе нас никто не ждет, мы останемся без нефти и газа, будут ликвидированы колхозы и уничтожены заводы и фабрики, народ обнищает. Молодежь, конечно, не верила, а вот старшее поколение задумалось, все больше людей стало приходить в ЦК на прием жаловаться на беззаконие властей. Люди были исключительно напуганы и озабочены, задавали тревожные вопросы, рассказывали, что делают «саюдисты» в глубинке республики… И вот на одной из встреч мне вдруг задают вопрос: а почему 5 января 1991 года всех посылают к телебашне?

Потом, уже задним числом, я узнал, что операция по освобождению телецентра и телебашни первоначально именно на 5 января и планировалась. Ничего не скажешь: разведка у Ландсбергиса работала отменно…

Почему эту операцию вообще начали? Дело в том, что «саюдисты» после 11 марта 1990 года присвоили себе все средства массовой информации в республике и все партийные здания. Провели чистку в СМИ, в организациях, на предприятиях, поставили везде во главе ярых националистов. Нас эта власть не пускала никуда. Мало того что не пускала — так еще и беспрерывно лила грязь по всем каналам насчет того, что мы «оккупанты» и «насильники». На коммунистов нападали,

исподтишка бросали записки с угрозами, что скоро будут нас вешать. Была развернута оголтелая информация против Советской армии — националистически настроенная молодежь устраивала нападки на военнослужащих, провоцировала их, угрожала расправами. В одной из дивизий националисты заварили въездные ворота, забросали суточный наряд бутылками и скрылись. Военные обратились к правоохранительным органам, те их послушали и только посмеялись… Мы неоднократно обращались к властям республики с тем, чтобы прекратили нападки на военных и перестали клеветать через СМИ. Никто на это даже не реагировал. До чего доходило: партийную газету «Советская Литва» печатали в Белоруссии и доставляли в Литву на грузовиках. Начались провокации и нападения на грузовики, один тираж — где говорилось об американских эмиссарах — сожгли полностью! Мы ежедневно докладывали о положении дел в Москву, приводили примеры и факты, настаивали, чтобы незаконно захваченные «саюдистами» здания были возвращены законным хозяевам.

Иными словами: мы открыто просили у Горбачева ввести чрезвычайное положение. Но он выжидал — может, как-нибудь все само вырулится? Но ничего не вырулилось. И вот он наконец решился…

…Утром 13 января мне звонят из горбольницы Вильнюса — приезжайте, посмотрите, что нам привезли. Я приехал. Лежат обыкновенные человеческие тела — кто из-под трактора, кто из-под машины, — а врач говорит: нам привезли все трупы этого дня со всей Литвы…

На следующий день ко мне в кабинет пришли три женщины, которые рассказали, что видели, как на крышу их пятиэтажки заходили несколько милиционеров с автоматами и стреляли по толпе. Эти факты, как и множество другой информации, мы передали в литовскую прокуратуру. Все должно было быть в материалах уголовного дела.

«Здесь у нас случилось предательство»

— Каким вы запомнили утро первого дня августовского путча?

— Я встал в шесть утра вместе с охраной, включил телевизор и пошел заниматься физзарядкой. Слышу — пиликают скрипки. Говорят, переворот… Приезжаю в ЦК — там уже собираются люди с красными знаменами, поют советские песни. Звонит председатель правительства Чесловас Юршенас и спрашивает: вы нас будете расстреливать или нет?

Потом позвонил помощник Ландсбергиса, затем помощник Казимиры Прунскене — все спрашивали: а что будет с нами? Многие раскаивались: этот Ландсбергис-де нас не туда завел… Журналистов в кабинете были сотни, пройти было невозможно, интервью за интервью. 20 августа корреспондент Би-би-си задает мне вопрос: «Это правда, что одна ваша дивизия перешла на сторону Ельцина?» Я выбежал в другой кабинет, звоню по ВЧ зампредседателя Совета обороны Олегу Бакланову. Какая еще дивизия? Тот перезванивает: «Здесь у нас случилось предательство»… К концу дня ни одного корреспондента в кабинете уже не стало. Никто нам не звонил, и мы никому… Ну, а 22 августа здание уже окружали толпы «патриотов» с вилами, обрезами и дубинками.

До вечера мы в ЦК Компартии Литвы жгли бумаги. Ни в одном ящике не осталось ни одного документа. В ЦК оставалось 73 человека.

Глубокой ночью нам прислали три бэтээра. Я собрал всех и сказал следующее: «Спасибо вам за то, что не бросили Центральный комитет в трудную минуту и что верите в советскую власть. Прошу вас домой пока не ходить, потому что вас сейчас будут разыскивать», и отправил людей в «Северный городок». С каждым попрощался индивидуально. А сам пошел на одну из конспиративных квартир и жил там еще полторы недели. Из тех, кто меня послушал, никого не арестовали.

Мама

— Как вы сами выезжали из Литвы?

— Через полторы-две недели, когда все успокоилось, я попросил друзей дать мне два «Жигуля», причем за рулем должны были быть женщины, потому что в психологии любого милиционера есть правило — не трогать «слабый пол». Сел на заднее сиденье и набросил на себя тряпки. Сижу, дремлю. На пограничном пунк-те офицеров стояло человек 15. Мои девочки сразу к ним с вопросом: «Как проехать в Минск?». «Да проезжайте!» — заулыбались те. Так я и проехал. Легко. Хотя страх был, сильно волновался, скрывать не буду…

Привезли меня в Минск, я был даже без галстука, генеральскую форму, костюмы, одежду — все оставил в своем кабинете в ЦК. Зашел на вокзал и говорю — помогите доехать до Москвы. «Вы из Литвы?» — «Да, я секретарь ЦК, вот мои документы». — «О, ваших тут уже много уехало». И выдают билет за счет прокуратуры. Приехал в Москву, в свое Главное

космическое управление, и там наконец поел в первый раз за четыре дня. И заплакал…

Три месяца лежал в госпитале. Потом пошел к командующему Военно-космическими силами генералу Владимиру Иванову, говорю: «Вы меня подальше куда-нибудь, в лес отправьте служить, чтобы не достали литовцы». И рассказываю: «Меня решили арестовать». Дело в том, что, когда я приехал в Москву из Минска, около моего дома дежурил милиционер и два разведчика из Литвы. «Да ладно, чего ты переживаешь? Мы тебя оставим в армии», — заверил генерал. Спускаюсь на второй этаж штаба, а начальник управления кадров вручает мне приказ со словами: «Вы уволены из Вооруженных сил»… Командующий, видимо, решил, что дешевле будет от меня избавиться. А то, что я, прослужив в Ракетных войсках стратегического назначения и в Космических войсках 36 лет, потом месяцами голодал, не имея ни денег, ни работы, — его не волновало…

Что было делать? Уехал в Сибирь, друзья и сослуживцы помогли с работой и проживанием. Через год вернулся в Москву. Потом, когда все более или менее успокоилось, пошел работать в ракетную корпорацию. Но, когда я еще был в Сибири, в январе 1992 года мне позвонил товарищ и сказал: «Крепись: твоя мать найдена в Вильнюсе мертвой. Не вздумай ехать, там только этого и ждут». Дверь в квартиру была заперта, но окно открыто. Мама лежала в крови возле радиатора. Сказали, что около виска у нее была дырка и что якобы она сама упала на радиатор. Ей было всего 69 лет. До сих пор помню ее слова: «Зачем ты приехал в Литву, здесь люди так ненавидят друг друга»…

— Получается, вас лишили не только родины, но и мамы?

— Всего меня лишили! Всего! Меня раздавили морально. Я так любил Родину, я так любил Литву, я так любил литовских людей… Первые недели после госпиталя — верите? — ездил на Белорусский вокзал к вильнюсскому поезду, чтобы слышать литовский язык. И так каждый день…

Мне грустно и больно.

А народ Литвы продолжает жить и верить, что счастливые и радостные годы «советской оккупации» когда-нибудь вернутся…

Глава 10
Последствия одного следствия

Двое на качелях

…Еще один российский литовец пришел на встречу, выложив на стол папку с документами и… черный наградной пистолет.

Генерал-майор юстиции Антанас Пятраускас получил его из рук заместителя Генерального прокурора — главного военного прокурора России за отличную службу.

Для них, оболганных, проклятых родиной, выкинутых из родных пенатов, это важно: сообщить миру о том, что их профессиональная жизнь сложилась и без Литвы. В России они оценены по достоинству, а отринувшая их Литва только проиграла — хотя бы тем, что лишилась таких светлых голов.

Пятраускас стал последним в истории Литовской ССР прокурором. Точнее будет сказать, одним из двух — в тогдашней прокуратуре, как и в компартии, тоже было двоевластие.

Все эти 25 лет именно Антанас Пятраускас являлся для литовской прокуратуры самой лакомой целью — кто, как не он, знает правду о том, что в действительности произошло в Литве в январе 1991 года.

Красные и белые

Итак, кто он — литовец, ставший российским генералом? Родился в Литве, детство провел в Друскининкае. Семья была бедная, трудовая. Мама фактически являлась гражданкой Америки — в начале прошлого века литовцы почти так же массово, как и сейчас, эмигрировали в лучшую жизнь. Так вот: предки Антанаса Пятраускаса по материнской линии были как раз из той, самой первой волны эмиграции, но после обретения — Литвой независимости вернулись домой. Отец — участник Великой Отечественной войны, за сотрудничество с советскими партизанами получил медаль «За победу над Германией». Поэтому тот факт, что сын окончил военно-авиационное училище в латвийском Даугавпилсе и был направлен для прохождения военной службы на научно-исследовательский полигон ракетных войск в Казахстан, из логики семейной истории не выбивался.

Генерал юстиции, последний Главный прокурор Литовской ССР Антанас Пятраускас сумел вывезти 37 томов уголовного дела о событиях 13 января в Москву, но не смог противостоять тому, чтобы их предательски вернули обратно. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— Когда вы вернулись в Литву? И зачем?

— Пока я служил в авиационной дивизии на знаменитом Сары-Шаганском полигоне, я окончил юридический факультет и перешел в военную прокуратуру. Стал старшим следователем по особо важным делам следственного отдела, служил заместителем военного прокурора 50-й ракетной армии и прокурором 11-й общевойсковой армии в Калининграде. В те годы, когда в Прибалтике началась заваруха, я был военным прокурором Рижского гарнизона. И с этой должности 28 марта 1990 года был вызван в Москву и назначен на должность прокурора Литовской ССР.

— В каждый свой отпуск вы приезжали на родину. У вас, как у литовца, не вызывали ответных чувств все эти свечки, ленточки и песни про мечту о свободе?

— Все это красиво, конечно, но… Литва наряду с Латвией

и Эстонией была процветающей республикой. Развивалась промышленность, асфальтировались дороги. Тогда в стране был дефицит «Жигулей», но, несмотря на это, почти в каждом литовском дворе стояло по автомобилю. Литовцы — это народ, который смотрит в будущее, поэтому отношение к советской власти было абсолютно нормальным. Я часто приезжал домой в военной форме — меня никто и никогда не упрекал тем, что я служу в «оккупационной» армии. Об «оккупации» вообще никто не говорил, не было такого понятия.

— Но каким тогда образом общественное сознание удалось так быстро перевернуть?

— Это все отголоски сталинской политики. Когда Литва в 1940 году вошла в состав Советского Союза, то значительная часть офицерства, духовенства и интеллигенции была депортирована в Сибирь. В 1944 году республику освободили, фронт пошел дальше, и началась вторая волна депортации. Очень большую роль сыграла пропаганда, которая шла из США. «Голос Америки» периодически напоминал, что Литва «оккупирована» — в США даже имелось правительство в изгнании. Знаменитый фильм «Никто не хотел умирать» с Донатасом Банионисом очень наглядно показывает тогдашнюю расстановку сил, особенно в сельской местности, когда днем царила одна власть, а ночью другая. Подходит, допустим, у человека призывной возраст — 18 лет. Тем же вечером к нему приходят и говорят — если пойдешь в Советскую армию, значит, ты настроен прокоммунистически. Бывало, что семьи призывников расстреливали. Куда было деваться? И бежал этот парень в лес. Тогда приходили с другой стороны и отправляли его семью в Сибирь. С одной стороны белые били, с другой — красные. К 70-м годам двадцатого века обида на советскую власть вроде бы поутихла, но в конце 80-х эту тему снова начали будоражить, возбуждая в людях чувства, что депортировали их незаслуженно и незаконно. Экономика была плановой, но если в России за обыкновенной вареной колбасой из Тулы ездили в Москву, то в Литве в магазинах лежали десятки сортов колбасы, сыры, молочные продукты, — и на этом тоже стали спекулировать. «Литву-де превратили в свинарник, все продукты уходят в Москву…». Но никто при этом не считал, сколько в республику приходило топлива и комбикормов.

Раскол прокуратуры

— Когда вас вызвали в Москву и зачитали приказ о переводе в Вильнюс, у вас была возможность отказаться?

— Речь шла о том, что Литва вышла из подчинения. Если министр внутренних дел назначался на месте, то прокурор республики — исключительно Генеральным прокурором Союза. Он на месте никому не подчинялся, и это правильно, потому что иначе не смог бы осуществлять надзор. Бывший первый заместитель прокурора Литовской ССР Артурас Паулаус-кас дал согласие, чтобы его назначили прокурором Литовской Республики, объявившей о независимости, хотя сам был сыном сотрудника КГБ и инструктором административного отдела ЦК Компартии Литвы. В Москве, видимо, полагали, что если сменить прокурора и его заместителей, то все вернется на круги своя. Но, к сожалению, к тому времени Москве перестали подчиняться и все остальные структуры, в том числе министерство внутренних дел и Верховный суд. Парадокс состоял в том, что все они, заявив о независимости, финансировались из Москвы.

— Вы, соглашаясь на эту роль, понимали, что вступаете в открытую конфронтацию?

— Ту волну национализма, которая поднялась в Литве, я не воспринимал, я был воспитан по-другому. Мои родители были интернационалисты, а лучшими друзьями стали ребята-поляки, поскольку граница с Польшей проходила всего в 7 километрах от дома. Я видел, как в Литве идет развитие промышленности и сравнивал с тем, что наблюдал, когда ездил к своим родственникам в деревню, которые в XX веке ходили в деревянных башмаках-клумпах. Крыши домов в основном были крыты соломой, а полы были глиняными. И буквально за годы советской власти все изменилось! Поэтому когда мне сказали о моем переводе в Вильнюс, я дал согласие не задумываясь, предполагая, что будет принята совокупность мер по изменению общей ситуации в стране.

— Как вас встретила Литва?

— У всех был вопрос — откуда же взялся этот Пятраускас? Кто такой? Когда меня официально представляли, в Вильнюс на совещание были приглашены все прокуроры районов. Утром 30 марта 1990 года я и первый заместитель Генерального прокурора СССР Алексей Дмитриевич Васильев зашли к прокурору Литвы Артурасу Паулаус-касу. Васильев зачитал приказ об освобождении его от должности первого заместителя прокурора Литовской ССР, лишении классного чина старшего советника юстиции и показал приказ о том, что исполняющим обязанности прокурора Литовской ССР назначен я. Это же Васильев объявил и членам коллегии. Паулаус-кас на это сказал: «Ну и что — мы теперь — независимые!»

В прокуратуре произошел раскол. Я понимал, что делить

власть бессмысленно, потому что это пойдет только на руку криминалу. Люди, которые остались на стороне Паулаус-каса, подходили ко мне, когда никто не видел, и говорили: мы вас поддерживаем, но у нас семьи и дети. Они уже тогда боялись гонений. И гонения действительно начались: я с первых дней стал получать различные подметные письма и звонки угрожающего характера. Звонили по телефону моей матери, спрашивали: как же вы вырастили такого предателя? Мать хваталась за сердце…

Мне и моему заместителю Николаю Кремповскому предлагали самые высокие должности за то, чтобы мы помогли ликвидировать прокуратуру Литовской ССР. С прокурором Литвы Артурасом Паулаус-касом мы общались: он производил нормальное впечатление, и я не испытывал к нему никакой враждебности. Когда мы выходили — я из подъезда нашей прокуратуры, а он из соседнего — всегда здоровались. Через год после моего назначения студенты устроили около прокуратуры митинг на тему: «Паулаус-кас — наш, а Пятраускас — русский». На нем выступил Паулаус-кас и сказал: «День возмездия Пятраускасу еще настанет. Россия тоже пробуждается, и там он места не найдет. Судить будем здесь, в Литве». Я звоню ему по внутренней связи и говорю: «Вы что, в отношении меня дело возбудили?» Тот начал смущенно оправдываться: «Нет, нет, что вы…» Это был март. А в августе вдруг выяснилось, что дело в отношении меня было возбуждено еще бог весть когда…

Все тайное становится явным

— Вы чувствовали, что этот нарыв в обществе прорвет, причем самым трагическим образом?

— То, что обстановка в республике нагнеталась, это однозначно. Повышение цен, естественно, вызвало недовольство народа. Настроенных просоветски людей подтянули к Верховному Совету, Ландсбергис тоже призвал прийти тех, кто поддерживал его. То, что спланировано мероприятие по штурму телевышки и телерадиокомитета, держалось в секрете, но я уверен, что Ландсбергис об этом знал. Почему? Предателей было предостаточно: например, командир полка милиции Станчикас — как только было объявлено о независимости, он пошел к Ландсбергису и сказал, что будет отныне работать на него. И передавал всю информацию о том, где и что планировалось. Были составлены списки — кто, где и когда дежурит, организовано питание. Людей привозили в Вильнюс из всех районов республики, пребывание на дежурстве засчитывалось им как

рабочее время.

— Это правда, что после событий 13 января шло два параллельных расследования — литовское и советское?

— Так и было. Дело с советской стороны по признакам массовых беспорядков возбуждал лично я. Буквально через неделю генеральный прокурор СССР Николай Трубин собрал большую группу следователей по особо важным делам со всего Союза и отправил в Вильнюс. Я был в курсе того, как идет следствие. С тем, что написано в знаменитой справке от 28 мая 1991 года, подписанной генпрокурором Трубиным, абсолютно согласен. Она была составлена на основании материалов, которые я сам держал в руках.

— То есть вы знаете разгадку многих тайн этого дела, которые муссируются на протяжении четверти века? От чьих рук погиб лейтенант Шатских? Почему подорвался защитник телецентра Альвидас Канапинскас? И была ли у телебашни третья сила, разговоры о которой в сегодняшней Литве считают гнусной инсинуацией?

— Мне все давно и предельно ясно: в лейтенанта Шатских выстрелили из толпы, но погиб он случайно. Он шел последним в цепи, и когда залезал в окно, бронежилет, состоящий из пластин, согнулся. В этот момент и произошел выстрел. Сам бронежилет непробиваем, но пуля прошла между пластинами. Кто именно стрелял, выяснено не было.

То, что труп лейтенанта потом пытались спрятать, тоже правда. Когда его отвезли в морг, руководитель «Альфы» Михаил Головатов сказал: «Я отсюда не улечу, пока не заберем тело своего боевого товарища». Мы стали искать, где оно? Поступила информация, что его увезли в одну больницу. Поехали туда — тела нет, уже перевезли в другую. Наконец нашли… И только после этого группа «Альфа» во главе с Головатовым улетела.

Теперь что касается Канапинскаса. Если б взрывпакет в него бросили военные, характер телесных повреждений был бы совершенно другим. Я предполагаю, что он держал взрывпакет у себя за пазухой. И, когда начался штурм, просто проявил неосторожность.

— Информация о том, что в событиях участвовала некая третья сила, к вам в прокуратуру поступила сразу же?

— По этому вопросу многие допрашивались. Группа следователей из Москвы внимательно исследовала злополучный выстрел, произведенный из винтовки Мосина, — патрон-то отличается от тех, что имеются на вооружении у армии. Ну что, группа «Альфа», что ли, шла на штурм с винтовкой Мосина? Ясно, что эта винтовка осталась со времен войны и была извлечена в

нужный момент. Поэтому третья сила там, безусловно, была. Я, как военный, уверен, что о том, что планируется, Горбачев знал. Потому что ответственность за решение провести такую операцию с вылетом спецназа КГБ, с передислокацией войск, с применением техники никакой министр обороны или председатель КГБ на себя не взял бы.

Как спасали материалы дела?

— Полагаю, что вы должны были возглавить список тех, за кем Литва после августовского путча начала охоту?

— Меня хотели арестовать сразу же, когда в Москве задержали Язова и Крючкова. В Вильнюсе в это время работала большая группа прокуратуры Союза по событиям 13 января, которую возглавлял следователь по особо важным делам Юлий Дмитриевич Любимов. Я прихожу к коллегам и говорю: события развиваются таким образом, что ситуация в Литве может измениться. А они мне в ответ: не надо нас запугивать, мы в Фергане были, и в Оше, и в Тбилиси — мы прекрасно знаем, что и как! На следующий день прибегают сами: уголовное дело надо срочно вывозить! В те дни существовал запрет на подъем авиации — ни один самолет не имел права взлететь, даже военный. На танке же папки в Москву не повезешь… Мы организовали машину спецсвязи, она подъехала к прокуратуре, загрузили дела и вывезли в Москву все 37 томов. Это было утром. К обеду прокуратура была уже оцеплена.

Потом была проведена спецоперация, в ходе которой меня вывезли за пределы республики. Я не хотел бы о ней сегодня говорить, поскольку люди, которые мне помогали, до сих пор живут в Литве, я им благодарен своей свободой и надеюсь, что в жизни еще появится возможность их отблагодарить.

— Картотека КГБ покидала Литву таким же образом? И не за это ли потом пострадал последний исполняющий обязанности председателя КГБ Литовской ССР Станислав Цаплин?

— У меня о нем осталась самая хорошая память — как о человеке смелом и решительном. Он очень много сделал для страны. Не секрет, что в Литве была агентура — люди, которые много лет сотрудничали с Комитетом. Соответственно, на них имелась картотека, и, когда стало «горячо», Цаплин принял все меры для того, чтобы вывезти ее из Литвы. Можете представить, что стало бы с людьми, если бы она досталась литовской стороне? И когда эти материалы транспортным самолетом отправляли через один из военных аэродромов, были попытки

этому помешать — со слов самого Цаплина я знаю, что в какой-то момент он даже достал оружие и сказал, что перестреляет всех, кто помешает ему выполнить поставленную задачу. И самолет улетел. Потом, уже в Москве, Цаплина убили. История эта темная — кто убил и за что?..

И почему дела вернулись обратно в Литву?

— Вас ведь нет в списке тех, кого сейчас судят заочно?

— На меня было заведено другое уголовное дело. Привязать меня непосредственно к организации штурма они никак не могли, поскольку прокурор не входит в систему исполнительной власти.

Но в сентябре 1991 года, когда я лежал в госпитале (военнослужащие офицерского состава обязательно проходят медкомиссию для того, чтобы определить степень годности к прохождению дальнейшей службы в армии. — *Г. С.*), приехали мои коллеги и сказали о том, что представители литовской полиции прибыли в Москву, чтобы меня арестовать. Я срочно выписался из госпиталя. Ребята из военной прокуратуры хотели спрятать меня на чьей-то даче, но я отказался, поскольку в тот период проживал в особо режимном военном городке, там была такая охрана, что никакая литовская полиция туда бы не проникла.

Было чего опасаться. Помните ситуацию, когда в Россию приехали представители полиции Латвии, забрали бывшего заместителя командира рижского ОМОНа Сергея Парфенова и увезли в Ригу на суд? Поднялся колоссальный шум: почему гражданина России, который выполнял служебный долг, отдали судить чужому государству? Как оказалось, все случилось с ведома высших должностных лиц.

— А как эти 37 томов уголовного дела, которые вы, рискуя собой, вывезли в Россию, думая, что совершаете подвиг, снова оказались в Литве?

— После того, как меня отпустили из госпиталя, я приехал к следователю Юлию Дмитриевичу Любимову и увидел у него в кабинете Юозаса Гаудутиса из прокуратуры Литвы. Он руководил следствием по делу о событиях 13 января с литовской стороны. Дела, которые возбуждал лично я, были уже почти отксерены. «Передаем дело в прокуратуру Литвы», — коротко объяснил Любимов. Кто принял решение? «Не знаю, но нам дал указание непосредственно генеральный прокурор Трубин». Очень нехорошо получилось: люди, которые выступали за советскую власть,

думали, что дают показания прокуратуре СССР, а потом все эти материалы оказались в литовской прокуратуре. Их стали таскать на допросы, начались гонения.

Кто давал указание Трубину, я не знаю. Предполагаю, что решение он принимал не сам. Поскольку Николай Семенович вряд ли бы отдал это дело просто так…

Вендетта по-прокурорски

— Этот майор, который нас допрашивал, редкая была сволочь… — говорит Богдан Сущик, бывший замкомандира самоходно-артиллерийского дивизиона по политической части Псковской десантной дивизии, которого судят теперь заочно за участие в событиях 1991 года.

Точнее будет сказать — за то, что 25 лет назад он, как и другие его сослуживцы, дал настолько честные показания, насколько мог. Никто же не предполагал, что новая, «демократическая» российская власть наивно-благодушно и в знак вечной дружбы дарует дела Литве, а последняя выстроит обвинение на их же собственных признаниях. И вот теперь читает Богдан в обвинительном заключении точно то, что 25 лет назад говорил на допросе, но в совершенно иезуитской интерпретации: «Группа военнослужащих под командованием Б. Сущика, не найдя внутреннего перехода и выполняя полученное в ходе военной атаки указание…стреляла внутри и снаружи здания в гражданских лиц… Указанные военнослужащие применяли как звуковые, так и боевые боеприпасы, а также приемы ближнего боя — толкали, наносили кулаками, ногами неустановленное количество ударов гражданским лицам в разные части тела оружием и иными приспособленными для причинения телесных повреждений средствами». Во как!

Обстоятельства той ночи Богдан помнит хорошо. И хотел бы забыть — да не дают:

— Нас несколько раз поднимали, мы садились в машины, но тут же давали команду отбой, потому что там, наверху, никак не могли принять решение — начинать или нет? Наконец выехали. С целью обмана противника долго ездили по Вильнюсу, чтобы никто не понял, куда мы хотим поехать. Темно уже было, январь, но многие люди стояли по обочинам дороги и сжимали кулаки в жесте «Рот Фронт», могу распятием поклясться…

Ребята из «Альфы» ехали за нами, они не знали нашего маршрута, только конечную цель. Но светофор их от нас отрезал — они, видите ли, соблюдали правила дорожного движения, в результате вместо того, чтобы прийти вместе с нами, пришли раньше. Может, потому и парня своего потеряли, что стали, не дожидаясь нас, выполнять свою задачу, хотя мы должны были все делать вместе. Работники телерадиокомитета выходили из здания, держа руки за голову. «Альфовцы» им говорили: «Опустите руки, вы не арестованы, вам просто нужно идти домой». А они демонстративно шли, как будто мы их взяли в

плен.

— Допрашивали вас в Вильнюсе?

— Нет, уже в Пскове, примерно через месяц после событий. Я спросил у своего любимого командира полка Ивана Геннадиевича Комара: что говорить? Он сказал: правду. Я правду и говорил. Фамилия у того майора, что меня допрашивал, была прибалтийская, но разговаривал он без малейшего акцента.

— Как вы выяснили, что находитесь в черном литовском списке?

— Мне прислали бумаги на домашний адрес. В первом письме было сообщение, что в отношении меня возбуждено уголовное дело, а во втором повестка: приезжайте, дескать, к нам в Литву, на время судебного процесса будет прекращен общеевропейский ордер на арест. Но я, конечно, не поехал… Пример полковника в отставке Юрия Меля, который уже два года сидит в литовской тюрьме, очень показателен.

За ту операцию мы получили госнаграды. И когда по офицерской традиции их обмывали, мой командир сказал: наступит время, когда нам будет стыдно сказать, за что именно мы их получили. Как сказал — так и вышло.

Конец света

На первый взгляд списки обвиняемых, которых сейчас судят в Вильнюсе, составлены совершенно хаотично, будто литовские следователи спешно переписывали фамилии с каких-то бумажных огрызков: экс-министр обороны маршал СССР Дмитрий Язов соседствует там с рядовыми лейтенантами, вина которых заключалась в том, что их командиры в безумном 1991 году подчинились приказу какого-то «демократа» и послушно сдали списки всех, кто был послан в ту несчастную командировку. Списки потенциальных подсудимых тасуются, как колоды карт, то укорачиваясь, то удлиняясь, — литовские прокуроры, как фокусники, вытаскивают их в нужный момент из рукавов, в зависимости от того, куда дует ветер.

Удивительно не это — то, что даже после официального признания независимости они чувствовали себя в России как дома, что вполне укладывалось в национальную психологию: считать себя отделившимися, но не брезговать энергоресурсами из Москвы. Считать себя иностранцами, но требовать, чтобы перед ними открывали все двери, как перед своими.

Вот, например, интервью, которое в ноябре 1991-го дал газете «Известия» литовский прокурор Юозас Гаудутис, который

возглавлял группу литовских следователей, работавших в Москве.

«Главная цель группы, работавшей более трех недель в Москве, — выявить так называемый московский след, выяснить степень участия основных организаторов январского путча в Вильнюсе.

С российской и союзной прокуратурами, что в общем-то свойственно для профессионалов, были налажены очень хорошие контакты, и нам оказывали всяческую помощь. А вот что касается других «заинтересованных» организаций и ведомств, то тут были проблемы. Как ни странно, из трех могущественных ведомств — КГБ, МВД и Министерства обороны СССР — наиболее открытым и демократичным оказался КГБ СССР. И то благодаря содействию Бакатина и его первого заместителя Олейникова.

Труднее всего проходили контакты с представителями Министерства обороны СССР, где находится немало людей, в той или иной степени причастных к попытке государственного переворота в Литве. Мы обратились к начальнику генерального штаба Лобову с просьбой предоставить возможность допросить многих участников вильнюсских событий, однако конкретных ответов, к сожалению, не получили».

Не удалось допросить ни генерала Ачалова, ни бойцов «Альфы», сокрушается Гаудутис. Зато, хвастается он, получилось допросить бывшего заместителя КГБ СССР Филиппа Бобкова… Наверняка не без помощи Вадима Бакатина, который занял кресло председателя КГБ после ареста Крючкова. Чувствуется, что степень доверия между Бакатиным и литовской прокуратурой была столь высока, что Гаудутис простодушно поделился планами: вновь назначенный председатель КГБ пообещал литовцам помочь в задержании секретаря ЦК Компартии Миколаса Бурокявичюса…

Но «вишенка на торте» лично для меня не в этом, а в документе об изъятии вещественных доказательств у Дмитрия Язова — отчет об этом тоже был приобщен к делу: «Осмотр был произведен в служебном кабинете здания № 8/4, ул. Куйбышева, г. Москва. Подпись: следователь С. Валайтис».

Вы только вдумайтесь: следователь страны! Которая уже полтора года как считала себя независимой! С разрешения и ведома тогдашних российских властей! Проводил обыск в служебном кабинете маршала и министра обороны чужого для него государства! Это действительно конец света…

Игра в одни ворота

Где я только не пыталась искать копии этих несчастных 37 исчезнувших томов… Генпрокуратура Российской Федерации, Следственный комитет, Госархив — все одинаково разводили руками: следов уголовного дела о вильнюсских событиях 13 января 1991 года на территории России не обнаружено. Следователь по особо важным делам Любимов, который возглавлял группу и снимал копии, давно умер. Ясность мог бы внести последний в истории СССР генпрокурор Николай Семенович Трубин, но он, по его же собственным словам, 24 года назад ушел из публичного пространства и интервью не дает. Мне удалось поговорить с ним по телефону ровно минуту, за которую он успел сказать две очень важные фразы. Первая: «Справку от 28 мая 1991 года, подписанную мной, можно цитировать. Там все правда». Нелишне напомнить ее суть: «Каких-либо доказательств, подтверждающих гибель и ранения потерпевших именно от действий военнослужащих, работники прокуратуры не представили, и действительные обстоятельства произошедшего скрывают… Многочисленные показания свидетельствуют о том, что большинство потерпевших у здания телецентра в действительности погибло не от выстрелов военнослужащих и наезда танков, а от выстрелов самих боевиков, наезда легковых автомашин и других причин, не связанных с данным происшествием».

Вторая фраза, произнесенная Трубиным, звучала так: «Как уголовные дела оказались в Литве, не знаю. Не отдавал».

Тем удивительней было читать потом «Соглашение о взаимопомощи между Прокуратурой СССР и Генеральной — прокуратурой Литовской Республики», подписанное им же 26 сентября 1991 года, в котором четко сказано: «Прокуратура СССР полностью передает Генеральной прокуратуре Литовской Республики уголовное дело № 18/5918-91. Дело состоит из 37 томов, материалы подшиты, пронумерованы и составлена опись. Вместе с делом согласно описи передаются вещественные доказательства, видео— и аудиокассеты. Генеральная прокуратура Литовской Республики берет на себя обязательства соединить все передаваемые ей материалы дела № 18/5918-91 с имеющимся в ее производстве по тем же фактам уголовным делом, продолжить всестороннее объективное и полное его расследование и о результатах сообщить в Прокуратуру СССР. Генеральная прокуратура Литовской Республики берет на себя обязательство обеспечить защиту от преследования за содержание показаний граждан, допрошенных Прокуратурой СССР по передаваемому делу в качестве свидетелей и не являющихся участниками указанных событий. А Прокуратура

СССР — оказывать Генеральной прокуратуре Литовской Республики в ходе дальнейшего расследования дела необходимую правовую помощь».

С литовской стороны документ подписал Артурас Паулаускас, тот самый прокурор, который 25 лет назад обращался ко всем участникам событий с призывом ни в коем случае не давать показаний прокуратуре Литовской ССР. А весной 2016-го, будучи председателем Комитета по государственной безопасности и обороне литовского сейма, заявил, что главной угрозой для Литвы является не исламский терроризм, а «государства, которые являются недружественными и находятся вокруг нас», имея в виду Белоруссию с Россией.

Обещание не преследовать граждан за дачу показаний литовская прокуратура не выполнила, догнав свидетелей того, как неизвестные снайперы стреляли с крыш, даже через 20 лет. Подлость ситуации состоит еще и в том, что участники тех событий давали показания **советским** прокурорам, с той степенью искренности и доверия, которую могли позволить по отношению к своим. А воспользовались этим чужие.

Зато еще один пункт этого соглашения: «Прокуратура СССР и ее преемница, прокуратура России, обещает всячески помогать в расследовании прокуратуре Литовской Республики», был перевыполнен на все 200 процентов. Инфантильное сверхблагородство и гиперпорядочность Российской Федерации по-настоящему впечатляют: в те годы, когда литовская президентша Даля Грибаускайте обзывала Россию «террористическим государством», российские судьи по заказу Литвы послушно продолжали вызывать бывших омоновцев и десантников на допросы. За особо упрямыми судебных приставов высылали аж в марте 2015-го! Есть еще один удивительный факт: под фамилиями тех, кого Литва сейчас будет заочно судить, указаны их точные домашние адреса. Заполучить их без российской помощи было невозможно. Получается, мы сами оказывали юридическую помощь Литве в организации процесса против нас самих…

Легче всего сейчас, конечно, было бы все свалить на Трубина. Но знающие его люди говорят, что он, человек старой закалки, вряд ли мог дать приказ военным отдать дела и предоставить списки участников операции. Если только на него не надавили. Кто? Горбачев? Ельцин? Теперь уже не важно.

Главное — другое: как этими материалами распорядилась Литва.

В 1991 году дело насчитывало 37 томов. За последующие 25 лет интенсивной писательско-следовательской работы оно

увеличилось в 19 раз и превратилось в 700 томов.

Дела идут, контора пишет…

Литовская прокуратура не только в России наследила, но и в Белоруссии, причем последнюю топтала куда нахальнее, совершенно не считаясь с границами. После выдачи литовских стариков-коммунистов государственный секретарь по борьбе с преступностью и национальной безопасности Республики Беларусь Г. И. Данилов даже вынужден был обратиться к председателю Совета Министров Республики Беларусь В. Ф. Кебичу с докладной запиской:

«…Сложилась незаконная практика, когда представители сопредельных государств без соответствующего разрешения компетентных органов и оформления необходимых документов прибывали на нашу территорию и в нарушение действующего законодательства проводили оперативно-разыскные и — следственные действия. Во многих случаях сотрудники органов внутренних дел республики оказывали им в этом всяческую помощь и содействие. Так, 8 ноября 1991 года сотрудники отдела внутренних дел Полоцкого горисполкома задержали в г. Полоцке Смоткина А. Р., который по устному указанию министра внутренних дел Егорова В. Д. был выдан прибывшим сотрудникам литовской криминальной полиции и вывезен в Литовскую Республику.

В 1993 году работники литовской полиции неоднократно производили досмотр проходящего автотранспорта на территории Ошмянского района… Вооруженная табельным оружием группа работников литовской полиции в количестве 8 человек неоднократно проводила оперативно-разыскные действия на территории Ивьевского и Ошмянского районов. Ими произведены обыски в домах гражданки Идиатовой В. И. и гражданина Макарского В. М. Последнего избили, надели наручники, угрожали применением оружия. В том же 1993 году гражданина Белоруссии Ермолаева П. Е. литовская полиция вывезла на территорию Литвы, где он в течение трех суток содержался в полицейском участке.

Судя по действиям литовской стороны, она была осведомлена о прибытии Бурокявичюса и Ермалавичюса в Минск, знала их место нахождения в городе. Это указывает на то, что специальные службы ЛР следили за ними».

…Теперь, по крайне мере, ясно, откуда у литовцев взялся такой брутальный имидж: в Европу, куда Литва в последние

десять лет эмигрировала одной третью своего состава, литовские бандиты привезли свои традиции лихих 90-х. Литовцы угоняют машины, грабят, избивают, крышуют — чем они только не отметились в Ирландии и Британии! В самой Литве преступность в те годы просто зашкаливала. Очевидцы рассказывают, что тюрьмы были забиты «таможенниками»-взяточниками, солдатами-наркоманами и убийцами, а в камерах, рассчитанных на 4 человека, сидело по 16. А кому, скажите на милость, было бороться с преступностью, если прокурор Паулаус-кас был целиком занят собственной вендеттой? Лично наезжал в Россию и Белоруссию в надежде поймать какого-нибудь заблудшего литовского коммуниста и не переставая строчил письма с требованием выдать своего бывшего коллегу — руководителя «антигосударственной организации «Прокуратура ЛССР» Антанаса Пятраускаса, с которым когда-то любезно здоровался, сидя в одном здании.

Придумать статью для профессионального юриста — дело довольно сложное. Знаете, в чем в Литве, задыхаясь от отсутствия креатива, в конце концов придумали обвинить Пятраускаса? В совершении тяжкого преступления — захвате здания прокуратуры… Куда Паулаус-кас об этом только не писал — и в Россию, и в Польшу, — все зря: «Бывший прокурор Литовской ССР Пят-раускас А. В. является российским гражданином, и согласно законодательству Российской Федерации не может быть выдан иностранному государству», — отвечали ему из прокуратуры России. А в Польше эти запросы просто проигнорировали.

Великое противостояние

Так как экс-прокурор Антанас Пятраускас был недосягаем, оторваться решили на его заместителе, Николае Кремповском.

И хотелось бы посмеяться над делом, которое на него завели («Давал указание солдатам МВД СССР не впускать работников в здание Генеральной прокуратуры Литовской Республики, которое было захвачено и находилось под охраной военнослужащих другого государства — СССР, чем были созданы помехи нормальной работе при необходимости выполнять свои служебные обязанности в здании прокуратуры в нерабочие дни и после 18.00»), — да не получается.

Это не шутки, потому что мы имеем дело с полицейским государством в самом беспощадном, большевистском его варианте: Кремповский был арестован и сидел в СИЗО в одной

камере с руководителем «Единства» Валерием Ивановым. В каком-то из тюремных переходов повстречался с политзаключенным Александром Смоткиным — тот видел его сильно избитым. Жаловался на сердце. Получил в итоге пять лет за то, что не давал коллегам-трудоголикам работать по выходным. Находясь под подпиской о невыезде, поехал в Белоруссию искать работу, поскольку границы как следует не охранялись. Но что ему мог предложить тамошний генпрокурор Василий Шолодонов, который примерно в то же время выдал литовской Фемиде стариков-коммунистов? Ничего, кроме того, что донести до Литвы тот факт, что Кремповский нарушил режим…

России в этой истории тоже похвастаться нечем: к чести генпрокурора Николая Трубина, он пытался помочь своему бывшему подчиненному и сразу после путча предоставил Кремповскому работу в прокуратуре. Тот жил в гостинице, семья оставалась в Вильнюсе, перспектив получить жилье не было. Но не это было главным. Вот что рассказал мне его лучший друг, который сидел с ним в одном кабинете, подполковник милиции и зампредседателя Центральной контрольной комиссии ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС Вольдемар Носов: «За ним пришли из литовского посольства, с оружием. Маленькая полулегальная страна, независимость которой была провозглашена в нарушение действующего тогда законодательства, ПОСМЕЛА появиться в Генеральной ПРОКУРАТУРЕ другого государства с оружием, чтобы задержать действующего сотрудника государственного органа этой страны. И ни один, ни один человек не предупредил его об этом! Коля случайно ушел через другой выход… Он был высококлассный юрист и решил вернуться в Литву, говорил: «Мы же ничего не совершили, это они нарушили закон, а не мы!» Я его отговаривал. Вскоре после возвращения из Москвы он был арестован.

Отсидел три месяца, вышел под подписку о невыезде, поехал в Белоруссию искать работу. Что было дальше, вы знаете: по возвращении Николаю Кремповскому опять грозила тюремная камера. Он ждал, что за ним придут. Переживал. Нервничал. И, не дожидаясь очередного ареста, умер за обедом у родственников. Было ему всего 50 лет».

Так завершилась история противостояния двух литовских прокуратур.

«За все в ответе» Станислав Цаплин

Есть в Вильнюсе музей того, чего в истории не было, — музей геноцида литовского народа. В смысле — музей доказательств того, как плохо литовцам жилось при СССР.

В столицах соседних Латвии с Эстонией поступили чуть-чуть мудрее, назвав свои музеи музеями «оккупаций», которых тоже не было. Но в применении этого термина («занятие вооруженными силами государства не принадлежащей ему территории») все-таки было меньше ошибок, чем в употреблении по отношению к литовцам слова «геноцид» («действия, совершаемые с намерением уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или культурно-этническую группу»).

Музей геноцида расположен в самом центре Вильнюса, в здании бывшей тюрьмы КГБ. Среди множества человеческих портретов, которыми увешаны стены, выделяется стенд с фотографиями тех, кто, по задумке организаторов, в этом «геноциде» виноват. А именно — руководители НКВД и КГБ за все 50 с лишним лет, которые Литва находилась в составе Советского Союза. Последний по счету в этом ряду — генерал-майор Станислав Цаплин, который исполнял обязанности председателя КГБ Литовской ССР до конца августа 1991-го.

Не было, пожалуй, в Литве другого такого человека, о котором даже спустя четверть века рассказывали бы столько легенд.

Формально он был заместителем председателя литовского КГБ. Фактически — первым лицом и главным, поскольку первые лица, его непосредственные начальники, в самый острый момент дружно выходили из игры. Почему же Цаплин остался? В интервью газете «Известия», которое он дал в октябре 1991-го, он ответил так: «Потому что это было бы похоже на дезертирство».

В газетах его пытались представить эдаким литовским Пиночетом. Вот уж что было абсолютной неправдой!

«Я не был литовским Пиночетом хотя бы потому, что происходившим руководили люди такого уровня, что мне, скажем, они и руки бы не подали. Если в этой истории кому-то и отводились особые роли, то на литовский КГБ, где я был, кстати, не первым человеком, были возложены второстепенные функции.

Генерал КГБ, заместитель председателя КГБ Литовской ССР Станислав Цаплин был убит в Москве через три года после возвращения из Литвы. Преступление до сих пор не раскрыто. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

— А вы не пытались узнать, кто стрелял там, у телебашни, почему были жертвы? — старался вывести его на откровенный разговор журналист «Известий».

— Нам в республике запрещено было предпринимать какие-либо следственные действия — вести допросы и так далее. Только сбор оперативных данных. Мы помогали потом союзной прокуратуре, когда они приехали в Литву: им же пуль не показали, не дали осмотреть трупы, а это — главное. Ну, мы подобрали свидетельскую базу, нашли записи переговоров экипажей боевой техники, кое-какие видеоматериалы. Все отдали. Окончательные выводы — уже дело следствия».

Зато отвечать Цаплина за то, в чем он не участвовал, заставили по полной программе, не считаясь, какой он комитетчик — рядовой или ведущий.

«Из Вильнюса Станислав Цаплин приехал в Москву ждать решения своей судьбы. Новое руководство КГБ пока с ним не определилось: оно проводит внутреннее расследование, пытаясь разобраться в причастности сотрудников комитета к январским событиям в Вильнюсе. Кроме этого, Станислав Цаплин будет допрошен следователями литовской прокуратуры, находящимися сейчас в Москве», — «обрадует» читателей напоследок журналист.

…Непонятное это было время. То в огонь страну кидало, то в прорубь: то человек чувствовал себя королем, потому что вывез секретные документы и сберег людей, то раздавленной пешкой — когда представал перед фактом, что на собственной родине его будет допрашивать идейный враг. А разрешение на допрос даст не кто иной, как новый начальник, председатель КГБ СССР Вадим Бакатин…

Засада

Что ждало Цаплина по возвращении в Москву? Жизнь в двухкомнатной квартире вместе с семьей младшей дочери. Попросить отдельную жилплощадь он долгое время стеснялся. Приходили друзья, говорили: боже мой, неужели здесь проживает генерал? Да у нас лейтенанты не живут в таких квартирах…

С утра до вечера Цаплин обзванивал всех своих знакомых и просил принять на работу выходцев из Литвы. Счета за междугородние переговоры приходили баснословные. Однажды сообщил семье, что ему надо срочно скрыться, и друзья его устроили на конспиративную квартиру, где он и прятался. Чувствовал, что за ним идет охота? «Литовские друзья ему сказали, что его хотят вывезти в Литву и там судить. Мама рассказывала, что в нашем подъезде на папу была организована засада. И он несколько недель не приходил домой и не звонил», — вспоминают дочери.

Ни квартиры, ни славы, ни пенсии — только бег по расшатанным досочкам старого моста, который связывал прошлую жизнь с нынешней. А потом вдруг этот бег на середине пути оборвался…

3 января 1995 года генерал-майор Цаплин был найден мертвым. Он лежал на льду Москвы-реки, на самой ее середине, у полыньи. По официальной версии — скончался от сердечной недостаточности. По неофициальной — был убит.

Все вздрогнули, но по-разному. В Вильнюсе кое-кто вздохнул с облегчением. Не исключено, что с облегчением перекрестились и в Москве, — знал Станислав Александрович много. Реально много — для того, чтобы прочертить биссектрисы от контрабанды оружия до наркотиков, от Москвы до Вильнюса, от Литвы до Чечни.

«Его смерть для меня была шоком. Я уже сидел в тюрьме, когда мне литовцы подкинули газету, и охранник с издевкой сказал — смотри, вашего Цаплина долбанули сами же ваши русские», — годы спустя рассказывал политзаключенный

Александр Смоткин.

В Москве, наоборот, подозревали литовский след. Были ли для этого основания?

«Я был бы рад, если бы это были литовские спецслужбы. Было бы чем гордиться. Но я не знаю, кто в Литве был бы — способен на такие блестящие подвиги…» — цинично прокомментировал смерть Цаплина серый литовский кардинал Аудрюс Буткявичюс.

Зачем Цаплин вообще согласился поехать в Литву перед самым началом «поющей» революции? Семье объяснил так: «Я согласился на самую трудную республику, передо мной два или три человека отказались туда ехать, а я согласился». Старшая дочь, Рита, приехала на день рождения матери в декабре, когда до январских событий оставались считанные недели, он с грустью ей рассказывал: «Сожгли чучело советского солдата в форме. Идет ужасная антисоветская пропаганда по телевидению. Атмосфера сгущается. Что-то будет»…

— В начале лета 1991-го он зашел ко мне в гости, — вспоминает бывший редактор газеты «Советская Литва» Станислава Юонене. — Я такого отчаяния на его лице никогда не видела. Он только что вернулся с совещания в КГБ, в Москве, где делал доклад о процессах, которые идут в Литве. И никто, никто на это — даже Крючков — не обратил внимания! Такого безразличия ко всему тому, что он рассказывал, Станислав Александрович не ожидал. Он был в такой растерянности…

Кроме Буткявичюса, не нашлось среди моих собеседников ни одного человека, который сказал бы о Цаплине хоть что-то плохое. Всем запомнилось одно — как он страдал от того, что не может остановить колесо, которое уже вовсю катилось с горы, сметая на своем пути целую страну.

Из воспоминаний старшей дочери Станислава Цаплина Маргариты

— Я начну с конца. 30 декабря 1994 года мы с папой встретились в последний раз. Они с мамой приехали ко мне в Петрозаводск, и мы собирались вместе встретить Новый год, но папа внезапно засобирался в Москву. Мы привыкли не задавать лишних вопросов: раз папа говорит, что надо, значит, это действительно надо. Я стояла на перроне и грустно махала вслед уходящему поезду. Только с папой бывает настоящий праздник — теплый, веселый, искрящийся. Только рядом с папой испытываешь какое-то необъяснимое счастье, даже если он занят, молчит или сердится.

Вдруг поезд остановился. Тронулся и опять остановился. И долго стоял. Мы часто провожали друг друга, но такого никогда не было, особенно с нашим фирменным поездом «Карелия». Вот он снова тронулся… и опять встал! Мы стали смеяться и знаками показывать друг другу: вот, поезд не хочет везти папу в Москву! Если бы я только знала…

Дочери генерала Цаплина Маргарита и Виктория вспоминают, что больше всего их отца убило предательство не в Вильнюсе, а в высших эшелонах московской власти. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Если бы я знала, что через четыре дня снова буду стоять на этом же перроне. Я поеду хоронить моего папу.

Что в папе притягивало? Наверное, его невероятное обаяние, но главное — порядочность, тоже невероятная. Я не знаю ни одного некрасивого папиного поступка. Он никогда никого не подвел, не остался равнодушным. Никого не предал. Рядом с ним было спокойно и надежно. И он притягивал к себе таких же надежных и честных людей. Его порядочность еще заключалась в том, что он никогда ничего не старался получить для себя: привилегии, звания, более комфортные места для службы. Ему претило само понятие — лучше устроиться, удобнее пожить.

Когда в Литве настали трудные времена, папа постарался сделать все, что было в его силах, для своих сотрудников. Я знаю немного, но две вещи я знаю наверняка: папе удалось вывезти из оцепленного здания КГБ архивы, в которых были судьбы живых людей. И второе: он устроил всех до одного своих сослуживцев, кто покинул Литву после событий 1991 года. Сидя дома на —

диване, с утра до вечера звонил в города бывшего Советского Союза, договаривался о жилье и работе для них, будучи сам без работы и с клеймом литовского Пиночета.

Тучи над папиной головой сгущались, друзья предлагали ему спрятаться и отсидеться, нашли несколько вполне надежных мест, но папа отказался. Он никогда не был трусом и не чувствовал, что в чем-то виноват, он просто выполнил приказ. Он, наверное, просто не ожидал, что его и многих других предадут, и предадут на таком высоком уровне. Мне кажется, он чувствовал, чем все закончится, но прятаться не стал. Может показаться, что ему все надоело, он устал и, чувствуя безысходность, сам пошел навстречу своей судьбе.

Младшая дочь Цаплина Виктория

— Мама считала, что вызвал его на встречу один папин сотрудник из Литвы, с литовской фамилией, и даже называла конкретного человека, который звонил ему весь день 2 января и — пытался вытащить его из дома. И наконец-то вызвал! Но папины друзья сказали: нет, нет, что вы, это не он…

Папа уехал на встречу и не вернулся. Я знаю, что он зашел проведать коллегу в госпиталь, и тут след теряется. Такое впечатление, что за ним следили: остановилась машина, его туда посадили и увезли. Его нашли где-то за парком, на льду Москвы-реки, около проруби. Место очень безлюдное, вряд ли ночью там просто так кто-то гуляет.

Нам сказали, что причина смерти — сердечная недостаточность. Дали медицинскую справку, что он упал с берега и ударился об лед. Как он мог скатиться и выкатиться на середину реки через заросли кустов и деревьев? У него был черный синяк во весь лоб. И он был мокрый весь. Рядом лежал раскрытый дипломат. Но все документы были на месте и деньги. Ему было 58 лет.

Маму несколько раз вызывали на допросы, но у нее было ощущение, что дело спускают на тормозах и его смерть хотят представить, как естественный уход. На поминках было огромное количество народа, я подумала: неужели столько народу его знало? Были литовцы, по крайней мере несколько человек. Для меня он просто открылся на поминках. Я подумала: боже мой, какой, оказывается, у меня был папа…

Игорь, близкий друг семьи:

— Жена Станислава Александровича, Зоя Ивановна, позвонила и сказала, что нужно ехать на опознание. Я поехал.

Оказалось, это действительно был он. Причем на теле явно были следы волочения. То есть он пошел на встречу с кем-то, отказался от сопровождающего его сотрудника, сказал, что встречается с близким человеком, и после этого пропал… Кто-то его привез к реке, столкнул и выволок на лед. Чтобы попасть на то место, где он лежал, надо спуститься с обрыва и пройти метров 15 от берега. Не то чтобы это походило на почерк спецслужб, но… Замаскировано было под то, что он будто бы случайно упал. Наверное, расчет был на то, что к утру тело уйдет под лед.

Может быть, он кого-то подозревал в предательстве или в двойной игре уже тогда. Потому что не раз говорил, что доверять приходится только самому себе и самым близким.

После смерти прошло то ли 9 дней, то ли 40, и его дочь Вика нашла на ручке квартиры записку, склеенную из газетных букв, из которых были выложены слова: «За все в ответе».

Был ли у него после возвращения из Литвы синдром проигравшего?

Скорее ощущение проигрыша от того, что развалилась вся страна. Он очень переживал, что они, офицеры КГБ, не смогли ничего сделать, чтобы как-то ее удержать. Удивлялся, как можно было, будучи руководителем великой державы, все сдать? Часто задавал себе вопрос: «Почему, когда эти ребята собрались в Беловежской Пуще, Горбачев, как руководитель СССР, не сказал, что это заговор? Все же просто: выдвигается группа, эти ребята арестовываются и спрашивается: а чего это вы тут понаписали, как это так вы между собой разделили Союз?»

Но ни он и никто другой этого не сделал.

У Станислава Александровича была своя война: он помогал своим бывшим подчиненным удержаться на плаву и вытаскивал их с самых низов — и прапорщиков, и оперработников, и сотрудников оперативно-технических служб. Он постоянно сидел на телефоне и всех обзванивал. Почему я и говорю, что это был настоящий генерал, — потому что он никого не бросил.

Но тем, кто остался в Литве, он помочь был не в силах…

Александр Осипов: «В нынешней Литве мы — антигерои»

С этим человеком мы встретились несколько лет назад в Вильнюсе.

Он ни о чем не просил — просто хотел, чтобы его выслушали. Я согласилась, потому что к этому времени, слава тебе, Господи, давно избавилась от милой прибалтийской привычки с ужасом убегать от «бывших».

От писем, которые он просил передать в Москву, хотелось плакать. Читать их было горько, а не читать — стыдно. Речь шла о том, что случилось с экс-сотрудниками КГБ Литовской ССР после того, как Советский Союз на их территории закончился. А случилось вот что:

«Ликвидация КГБ Литовской ССР завершилась увольнением нескольких сотен военнослужащих без пенсионного обеспечения.

После принятия местными властями Закона «О ликвидации или приостановлении деятельности прикрытия спецслужб зарубежных государств» ситуация резко ухудшилась. Бывшим военнослужащим КГБ запрещалось в течение 10 лет работать в госучреждениях, банках, административных органах, на стратегических объектах, в учебных и воспитательных заведениях, в транспортных предприятиях, в охранных фирмах, поскольку все предприятия, на которых работают бывшие сотрудники КГБ, рассматриваются как организации прикрытия спецслужб зарубежных государств…

Трудоустройство в частные структуры также связано с постановкой в известность руководителей о своей предыдущей работе в КГБ. Эта фирма или предприятие в течение 10 лет рассматривается как возможное прикрытие иностранной (читай — российской) спецслужбы. Были случаи, когда бывший сотрудник КГБ открывал свое дело, — и его компания тут же бралась в разработку с перманентными проверками, ревизиями, набором агентурных и оперативно-технических мероприятий сроком на 10 лет.

Принятие в 2001 году Закона «О люстрации», а также вступление Литвы в НАТО, с сопутствующей этому событию истерией в отношении бывших сотрудников КГБ, сделало наше положение вовсе невыносимым. Многие из нас живут за чертой бедности и влачат жалкое существование, перебиваясь случайными заработками и помощью родственников.

Большинство из наших бывших коллег остались верными

некогда данной присяге, несмотря на сильнейшее давление, шантаж и угрозы. Среди нас есть и те, кто проработал более 10 лет, и те, кто выполнял интернациональный долг в Афганистане, но не дослужил до пенсии, — все мы оказались в одинаково критическом положении на всю оставшуюся жизнь. По литовскому законодательству наша воинская служба не засчитывается в стаж, и поэтому у нас нет оснований на получение даже минимальной пенсии по старости».

Краснея за ответы, которые приходили авторам этих писем из Москвы («Правовых оснований для удовлетворения просьбы не имеется»), я решила порасспрашивать моего собеседника о жизни — командировка подходила к концу, основные интервью были взяты, хотелось сверить карты с настоящим профессионалом, тем более что по языку чувствовалось, что человек передо мной — умнейший, глупых в советские времена в контрразведку не брали. Звали человека Александр ОСИПОВ.

«Есть решение, что Прибалтику отдадут»

— Итак: бывшим сотрудникам КГБ даже не было предложено участвовать в строительстве нового литовского государства — с учетом вашего опыта, мозгов и всех прочих достоинств?

— Нет, конечно. Мы, как и сама наша организация, демонизированы и являемся исчадием ада, в нынешней Литве мы — антигерои. В Литве действует полтора десятка законов и подзаконных актов, которые лишают нас возможности нормально жить. Ситуация не меняется ни на йоту на протяжении всех этих 20 последних лет. Более того, преследование бывших сотрудников КГБ становится все более изощренным. Под действие всех этих иезуитских законов, которые личность просто размазывают, попадает даже человек, который окончил высшую школу КГБ и прослужил несколько месяцев.

— Что находится в той синей папке, которую вы принесли с собой?

— Копии документов, которые в 1991 году подписывало новое литовское руководство с руководством КГБ СССР о том, что оно гарантирует социальную защиту бывшим сотрудникам, их — переквалификацию, трудоустройство им и членам их семей. Ничего из того, что там написано, выполнено не было. В — Европейском союзе в рамках закона о люстрации определенные меры принимаются в 11 государствах, но таких законов, как в Литве, направленных непосредственно на кадровых сотрудников спецслужб, ни в одном государстве нет. Существует,

например, закон, по которому годы, отработанные в системе КГБ, не включаются в трудовой стаж, и люди по достижении пенсионного возраста не получают пенсии. В чем их вина? В чем вина людей, которые не совершали предательства, которые до конца оставались верными? Почему они страдают?

— Вы не пробовали обращаться в суд?

— Ну а как же: Европейский суд по правам человека принимал решение в пользу бывших сотрудников комитета, но Литва не торопится их выполнять. Из трех выигранных дел в европейских судах ни одно не реализовано.

— Вернемся в 1991 год. Какие признаки говорили вам о том, что в Вильнюсе готовится нечто грандиозное?

— Ситуация была настолько остра, что полыхнуть могло в любом месте. Самый большой психоз и нагнетание обстановки создавали многотысячные митинги, на которые собирались по 100–200 тысяч человек. Вторым инструментом было телевидение, которое ежедневно методично добивало ситуацию. Новым властям независимой Литвы оставалось совсем немножко, чтобы переломить чашу весов на свою сторону. Для того, чтобы окончательно сплотить литовской народ, нужна была маленькая кровь. И эту кровь нужно было каким-то образом пролить. Что и было достаточно успешно сделано.

— О том, что сюда приезжали разного рода зарубежные специалисты и политтехнологи типа Джина Шарпа, вы знали, отслеживали их деятельность?

— Разумеется. Всю информацию ежедневно, по многу раз отправляли в Москву. Никакого решения Москва не принимала. Даже когда мы разоблачали откровенных предателей и изменников и докладывали в Москву о том, что необходимо принимать к ним меры, рекомендация была такой: уволить. Всего-навсего.

— Вы понимали, что иностранные эмиссары приезжали в Литву не просто так?

— Мы получали достаточно много информации и догадывались, что без влияния извне здесь не обходится. Но окончательно все встало на свои места летом 1989 года. Во время одной из командировок в Москву, после того как я сделал доклад о ситуации, один из руководителей КГБ в частной беседе обратился ко мне и сказал: «Вы хорошие ребята, но будьте, пожалуйста, осторожны, работайте таким образом, чтобы ваша работа не могла вам повредить». Я удивился и спросил: «А в чем дело?» Тогда он и сказал: «Есть решение, что Прибалтику отдадут». Весь ход событий был предрешен, поэтому вся дальнейшая наша работа строилась исключительно на

наблюдении за ситуацией. И когда говорят о том, что КГБ Литовской ССР принимал непосредственное участие в январских событиях, — это, конечно, неправда.

Наблюдатель

— Каким образом 13 января 1991 года в нужном месте в нужный час оказалось такое количество иностранных журналистов?

— Представители западных СМИ созывались новыми литовскими властями. Они находились здесь уже на протяжении 3–4 дней. Мы отмечали массовый заезд огромного количества представителей прессы и предполагали, что что-то должно произойти в любой момент, — вывести на улицу 100 тысяч человек и спровоцировать столкновения со сторонниками «Единства» для профессионала было бы минутным делом. И они сделали более серьезную провокацию. С кровью.

— У вас в голове сложилось четкое понимание того, что все-таки произошло в январе 1991-го?

— Из многочисленных показаний тех людей, которые находились в те дни возле телебашни и телецентра, картина складывается достаточно ясная. О том, что стреляли сверху, с крыш, имеются десятки свидетельств, потому что это событие имело место. Вы спрашиваете — знали ли мы о том, что со стороны военных предполагаются какие-то действия? О том, что приехала «Альфа», я узнал за сутки до начала событий. Чувствовалось, что что-то намечается. Особенно насторожил один разговор. Перед уходом домой я зашел к заместителю председателя комитета Станиславу Цаплину, и он сказал: военные что-то замышляют, постарайся сегодня никуда не выходить, а еще было бы лучше, чтобы у тебя были свидетели. Я поехал домой и вплоть до позднего вечера делал с домашнего телефона звонки, а рано утром проснулся под шум, потому что город уже гудел. Это было около шести утра, я собрался и поехал на работу. В аналогичной позиции находился весь наш оперативный состав.

Экс-сотрудника КГБ Литовской ССР Александра Осипова и его коллег Литва продолжала преследовать и спустя десятилетия после выхода из СССР. *Фото Г. Сапожниковой.*

Литве нужны герои

— Такому профессионалу, как Цаплин, предугадать, что военные что-то замышляют, допустим, было несложно. Но, скажите, каким образом в эту ситуацию умудрились так ювелирно вписаться те боевики, которые стреляли с крыш?

— Ответить на этот вопрос, наверное, вам сможет только сам Аудрюс Буткявичюс. Всю правду знает он. Но можно предположить, что у него были свои источники информации. И они не скрывали, что о предстоящих событиях были хорошо информированы. Об этом даже писалось в прессе: один из бывших сотрудников КГБ, который перешел в новую структуру, достаточно откровенно говорил, что у него были источники информации из числа военных, которые докладывали ему о предстоящих событиях. О том, что планируется, тут же становилось известно противной стороне, и они включались в игру.

— Буткявичюс пытался меня убедить, что стрелять с крыш вполне могли и русские националисты.

— Я лично хорошо знаком с Буткявичюсом, поэтому могу сказать, что в разговоре с вами он лукавил. Он мне сам рассказывал, что стрелки — это бывшие пограничники из Алитуса, 18 человек. Была даже такая ситуация: когда награждали героев январских событий, защитников

независимости Литвы, людей, которые являлись основными исполнителями и провокаторами событий, не включили в списки награжденных. И они заявили о своей претензии, возмутившись, почему их не награждают? (О них в своей книге «Корабль дураков» упоминает и писатель В. Петкявичюс — в бытность его председателем комитета сейма по безопасности эта делегация приходила жаловаться и ему. — *Г. С.*). Тогда их главного представителя привезли в сейм, поставили на ковер и сказали: если ты, уважаемый, хоть один раз где-нибудь вякнешь, что вы в этом участвовали, то на этом твоя карьера может закончиться. А может быть, и жизнь. Понятно теперь, почему они сегодня бегают от журналистов?

— Но если всем сразу же все было понятно, почему общество молча проглотило ложь про погибших у телебашни? Почему нельзя было еще тогда защитить и «Альфу», и армию?

— Никто не молчал. Существовали экспертизы, акты, в итоговом документе, подписанном генпрокурором Трубиным, расписано было все конкретно — кто и как погиб. Никто ничего не скрывал. Другое дело, что из этой ситуации в Литве сделали культ. Литве нужны были герои, а ничего геройского в том событии не было. Но миф был создан, и его нужно подкреплять. И на этом зиждется идеология сегодняшнего литовского руководства. Нельзя развенчивать этот миф, потому что это основа, без которой все рухнет. Поэтому и не проводятся расследования — потому что это невыгодно официальным литовским властям.

— Но это ж не может длиться вечно?

— Нет, конечно. Но для истории 20 лет — это не срок. Пройдет еще 20 лет, но все равно это дело когда-то расследуют, потому что ситуация шита белыми нитками. Все очевидно, но литовские власти очевидное отрицают.

Квартирный вопрос испортил не только москвичей

— А в чем был интерес Буткявичюса рассказывать вам о том, что он поставил на крыши домов своих стрелков?

— Это отдельная история. В свое время он обратился ко мне с просьбой дать показания против Ландсбергиса о том, что тот в свое время являлся агентом органов безопасности.

— А он являлся?

— Да, и это ни для кого не секрет. В те времена, когда у Буткявичюса возник конфликт с Ландсбергисом, он обратился ко мне с просьбой — не могу ли я помочь ему в расследовании

этой ситуации? Я сказал, что могу, потому что знаю непосредственно того оперативного работника, у которого на связи был Ландсбергис, и могу лично подтвердить, что видел учетную карточку из вспомогательной картотеки. О чем я и поведал комиссии, которая это дело расследовала. Мои показания зарегистрировали, но… Счет был 0:0 — мы не смогли доказать без подписки о сотрудничестве то, что Ландсбергис был агентом, а суд не признал, что мы его оклеветали. Все разошлись при своих интересах.

— Это правда, что вильнюсскую квартиру Цаплина после его отъезда занял Буткявичюс?

— Правда. Сразу после того, как из квартиры была вывезена мебель, Буткявичюс туда и вселился. Цаплин уехал на второй день после событий. Это не было бегством — со стороны литовских властей пришло предупреждение о том, что в отношении него будут приниматься репрессивные меры, поэтому, пока этого не случилось, ему рекомендуют покинуть Литву. Что он и сделал. Что касается его смерти, которая до сих пор не расследована, то это трагедия не только для его семьи, но и для меня, потому что лично для меня он был другом.

— Вам его смерть тоже показалась «своевременной» и странной?

— Участие литовских спецслужб в гибели Цаплина не доказано. Хотя, если поставить вопрос, кому это выгодно, то именно литовской стороне, потому что, оставаясь за штатом КГБ, он делал очень много для того, чтобы помочь бывшим сотрудникам комитета. Он занимался их трудоустройством в территориальные органы России, принимал живое участие в судьбах этих людей. У него была великолепная информационная подборка, архив по Литве, в котором многие документы ждали своего времени, чтобы быть обнародованными. В этом смысле смерть Цаплина определенным кругам в Литве была выгодна. Но доказательств я не имею. Отсутствие результатов работы следствия говорит о том, что здесь все-таки было не простое бытовое убийство. Слишком много в деле есть нестыковок. Трудно поверить, что он пошел на встречу в лесопарковую зону один, а затем оступился, упал и ударился. Он был умный и осторожный человек. Литовские спецслужбы на самом деле ездили «охотиться» и по России, и по Белоруссии, но не нужно их демонизировать. Там и по сегодняшний день практически нет профессионалов.

Миф продолжает работать

— По прошествии стольких лет вы смогли найти ответ на вопрос — что все-таки с нашей страной произошло в 1991 году?

— Мы об этом много говорили и с Цаплиным, когда уже не находились на службе, и приходили всегда примерно к одним и тем же выводам — что имело место предательство со стороны Горбачева, и в той ситуации мы ничего не могли изменить. Очень часто, вплоть до сего дня, нас упрекают в том, что мы плохие профессионалы, не уберегли Советский Союз. Но если мы в чем-то и виноваты, так только в том, что у Крючкова не хватило мужества арестовать Горбачева и привлечь к суду.

Рано или поздно переоценка ценностей произойдет. Но пока существуют люди, которые живут на этом мифе, причем которые имеют бонусы в виде премий и ежемесячных пособий как участники и герои тех событий, ничего другого ждать не приходится. Сегодня в Литве существует целый класс людей, которые считаются героями отечества, хотя на самом деле ничего не сделали. Список героев с каждым годом растет, миф продолжает работать. И отказаться от него сегодня — это значит лишить несколько тысяч человек преимуществ, которые они на сегодняшний день имеют. Персональные пенсии и земельные участки, которые давались героям январских событий и защитникам независимости Литвы, придется возвращать государству, как незаслуженно полученное вознаграждение. Поэтому миф и не развенчивается.

— Какова степень запуганности народа в сегодняшней Литве? Государство продолжает преследовать тех, кто придерживается позиции, которая противоречит официальной версии?

— Даже те люди, которые давали показания в суде о том, что во время январских событий видели, как стреляли сверху, в той или иной степени высказывали опасения за свою дальнейшую судьбу. Остальные несколько десятков людей, в том числе и мне лично знакомых, отказались официально дать на суде показания, боясь преследования. Литва по всем показателям — одно из самых неудачных государств Евросоюза, хотя со стороны создается впечатление, что все здесь благополучно, на самом деле ситуация катастрофическая. Власти сегодня откровенно врут о том, что народ живет замечательно, что ситуация с каждым днем улучшается. Это не соответствует действительности. Но народ не выходит на улицы бороться за свои права, потому что боится потерять даже те крохи, которые имеет.

* * *

По иронии судьбы после разговора с Осиповым я как раз собиралась на встречу с Аудрюсом Буткявичюсом. И вдруг меня осенило.

— *Как думаете: какой вопрос ему задать, чтобы вывести его из себя?* — попросила я совета у своего собеседника.

Он ответил не задумываясь:

— Спросите его — что он будет делать, если эти 18 пограничников вдруг заговорят?

Я так и сделала.

Реакция была фантастической: умный и хитрый Аудрюс Буткявичюс, с которым мы до этого вели бесконечно интересные разговоры, вдруг вышел из себя. Говорил, что я занимаюсь ерундой. Что играю в игры старых коммунистов. Занимаюсь политическими играми и оскорбляю погибших. И даже пытался выгнать меня из профессии.

Терять приятельские отношения с безусловно умным, хотя и коварным собеседником, было жалко. Но для полноты мозаики этого эмоционального «бриллианта» явно не хватало, поэтому приходилось терпеть и слушать.

…Похохотать над этим эпизодом вместе с Александром Осиповым у нас не получилось. Больше мы с ним не увиделись. Очень скоро после этого нашего спонтанного интервью он скоропостижно скончался от непонятной болезни.

Владислав Швед: «Мы мечтали совсем о другой Литве»

Почему спустя четверть века я решила вернуться к этой теме?

Не только потому, что в Вильнюсе в данный момент идет судебный процесс над участниками январских событий 1991 года. И не потому, что исполняется 25 лет развалу СССР, который начался именно в Литве. Не покидает стойкое ощущение дежавю: технологии, которые много лет назад использовались в Вильнюсе, были извлечены из шкафов и применены недавно на Украине практически без корректировок. И запах смерти, и телевизионная брань, и многочисленные западные консультанты — теория Джина Шарпа снова оказалась востребованной.

Мы говорим об этом еще с одним фигурантом заочного списка подсудимых, бывшим вторым секретарем ЦК Компартии Литвы, автором книг «Литва против России и «Альфы» и «Неонацисты Литвы против России» Владиславом Шведом.

— Листаю ваши книги и ловлю себя на мысли о том, что речь в них идет не о событиях 25-летней давности, а о делах нынешних. Украинских.

— Вы совершенно правы! Мне тоже кажется, что на Украине повторяется тот же сценарий, который в начале 90-х разыгрывался в Литве, только на более квалифицированном уровне.

— Вы имеете в виду выстрелы неизвестных снайперов на майдане? По аналогии того, как стреляли с крыш домов около вильнюсской телебашни в январе 1991-го?

— Абсолютно точно. Причем, заметьте, что это повторялось и в ряде других регионов: и в Египте неизвестные стреляли с крыш, и в Ираке. Почерк тот же.

— То есть речь идет об определенной технологии?

— Именно, причем эта технология не меняется. Уму непостижимо, дошли до того, что уверяли: люди в Одессе сами себя стали обливать горючей жидкостью и поджигать… Ну, а в Литве в 1991-м говорили: никто не мог стрелять, кроме советских военнослужащих, которые были вооружены винтовками Мосина, охотничьими ружьями и малокалиберными винтовками… Это же чушь! Но в ней никто не хочет разбираться, потому что мир сегодня пляшет под дудку американцев. На Украине удалось сделать то, что в свое время не получилось в Литве: ради того, чтобы доказать варварскую сущность советских военнослужащих, в Вильнюсе был запланирован поджог

телебашни, Дома печати и Верховного Совета.

В пламени, которое должно было охватить здание Верховного Совета, погибло бы более 3000 человек. Об этом в одном из интервью с гордостью заявил бывший глава Департамента охраны края Аудрюс Буткявичюс. Он был одним из идеологов сопротивления «советской», как они называли, агрессии. Накануне в Верховном Совете собралось 3200 добровольцев, плюс депутаты, журналисты и обслуживающий персонал.

Бывший секретарь ЦК Компартии Литвы, писатель Владислав Швед считает, что обкатанный в Литве сценарий в точности воспроизвели и повторили в 2014 году на Украине. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

В ожидании штурма выходы в здании заблокировали мешками с песком, а туалеты и подсобные помещения были заранее забиты емкостями с бензином и другими горючими материалами. Если бы начался пожар, то жертв было бы тысячи. Вывести людей, как обещалось, не удалось бы. Буткявичюс не постеснялся сказать, что все это было бы снято на видеопленку и

разослано правительствам ведущих мировых держав, как свидетельство преступлений советских военных.

Литовский опыт в плане сокрытия реальных обстоятельств гибели январских жертв успешно использовали киевские власти. И на майдане в Киеве скрывали трупы, и в Одессе.

— Но если проколы в той давней истории с вильнюсской телебашней очевидны — почему на них никто не обращает внимания?

— Российские власти недооценивают ситуацию с январскими событиями 1991 года в Вильнюсе. А литовским это невыгодно. Потому что их «героический выход» из «ужасного» Советского Союза, за время пребывания в котором население Литвы увеличилось на миллион человек, а уровень ее экономического развития, по мнению экспертов ЦРУ, соответствовал Дании, — это основа и фундамент, на котором они держатся.

Царскую Россию травили так же, как Россию нынешнюю

— Я с интересом прочитала в вашей книге свидетельства об атмосфере, которая царила в Литве конца 80-х — начала 90-х. Как же это напоминает нынешнюю Украину! Это правда, что главный идеолог «Саюдиса» Ромуальдас Озолас писал, что «русская культура и искусство — это ужас и жуть», а «национальные черты русских — тупоумие, лень, близорукость и равнодушие»? А почему на это не было никакой реакции?

— Добавлю, что сам Озолас тогда был членом бюро ЦК Компартии и в свое время составлял сборники, пропагандирующие достижения Советской Литвы. Почему никто не реагировал на клевету Озоласа? Некому было. В Компартии Литвы уже вовсю заправляли «саюдисты», а в Москве Горбачев добросовестно выполнял свое обещание отпустить Прибалтику, которое он дал Рейгану в Рейкьявике, и делал для этого все. Он считал, что после этого СССР примут в европейский дом… Он был дилетантом и не знал истории России. Царскую Россию травили так же, как Россию сегодняшнюю!

— Тот факт, что Литва спустя 25 лет реанимировала эту старую историю, составив список «военных преступников», в который вошли несколько десятков россиян, в эту травлю вписывается? Командира «Альфы» Михаила Головатова задерживали в Австрии, десантника Василия Котлярова — в Риме. Полковник запаса Юрий Мель сидит в литовской тюрьме уже два года. Почему все это вдруг стало актуально именно сейчас?

— Как вы помните, в 2009 году ПАСЕ по инициативе

литовских политиков приняла резолюцию о тождестве сталинизма и нацизма. Так вот, выполняя указания «вашингтонского обкома», — а в Литве привыкли работать по указаниям, — литовские парламентарии решили, что надо добивать Россию до конца, а та на литовские демарши не реагирует. Поэтому можно без проб-лем доказать, что она является правопреемницей преступного — государства. И когда эти заочные процессы пройдут, на которых эти бывшие советские, а теперь российские граждане будут осуждены и признаны военными преступниками, Литва получит полное право заявлять, что Россия как правопреемник преступного государства должна нести за это моральную и материальную ответственность.

— А сами-то вы каким образом оказались в этом преступном списке?

— Очень просто. Я был вторым секретарем Компартии Литвы на платформе КПСС.

— То есть вас записали в военные преступники и обвинили в антигосударственной деятельности по чисто идеологическим причинам, по принципу коллективной ответственности, который господствовал в СССР в сталинский период?

— Я всегда выступал за то, что Литва имеет право выйти из Союза, но по закону, проведя референдум. Верховный Совет Литовской ССР, который в марте 1990-го спешно объявил независимость, набрал менее 40 % голосов избирателей.

Сепаратисты пытались ускорить ход событий, так как знали — двух третей на референдуме, как это положено, они не получат. Поэтому они и устроили трагедию у телебашни. Литовцев надо было уверить в том, что советская власть является преступной. События января 1991-го были устроены таким образом, чтобы можно было запятнать ее еще и кровью. Аналогичным образом литовские фальсификаторы устроили кровавую расправу в июле 1991 года на таможенном посту в Мядининкае, причем в период пребывания президента США Дж. Буша-старшего в Москве. Там также стояла задача навесить на СССР еще одно кровавое преступление.

Горбачеву спокойно спится?

— Я полагаю, что вы знакомы с письмом Константина Никулина (Михайлова), приговоренного Вильнюсским окружным судом к пожизненному заключению именно за Мядининкай? За убийство, которого он не совершал… «Политический режим Литвы на базе моего дела и дела 13 января у телебашни города

Вильнюса предъявляет юридические, политические и уголовные претензии нашему бывшему государству — СССР и, в частности, политике ЦК КПСС, который являлся главным верховным управляющим органом нашей страны. При этом очень важно следующее: ЦК КПСС признан в Литве преступной организацией. До развала СССР этой организацией руководил Михаил Горбачев. К Михаилу Горбачеву у Литвы почему-то претензий нет. Его даже не осуждают. Зато простому военному, который служил родине и выполнял свой долг, можно предъявить обвинение по всем пунктам, отловив его по европейскому ордеру на арест, и осудить на реальный срок заключения. У меня вопрос — он, конечно, риторический: Михаилу Горбачеву спокойно спится? Он не хочет каким-то образом помочь солдатам, которые служили под его началом и в общем-то за его решение оказались в беде?

Вот уже девятый год я нахожусь под незаконным арестом в Литовской Республике, осужденный по статье 100 УК Литвы — «военные преступления против человечности» с вышеуказанными обвинениями. Я не один такой — нас здесь много. Нас, кто честно выполнял свой долг и служил Родине, — теперь судят за то, что мы были частью системы, и все грехи этой системы пытаются повесить на нас. Доказательств моей вины и моего подразделения — нет. Меня судят по статье «военные преступления против человечности», которой в кодексе 1991 года не было даже близко, а я служил в гражданской структуре — МВД СССР…» *Что думаете по этому поводу?*

— Ситуация с Никулиным являет собой ярчайший образец «правосудности» литовского правосудия, которое выполняет роль марионетки тамошних властей. Это марионеточное образование призвано придавать бредовым идеям литовских политиков правовую обоснованность. Посудите сами. За 18 лет следствия по делу «Мядининкай» не было установлено ни подлинное место совершения преступления, ни хотя бы один факт, подтверждавший присутствие там Никулина. Но судей Вильнюсского окружного суда это не смутило, и они вынесли приговор — пожизненное заключение невиновному человеку, который литовские власти будут использовать, как доказательство преступной политики СССР.

При этом прокуроры не обременяют себя логикой доказательности. Так, в июле 2015 г. на заседании Апелляционного суда прокурор в своей обвинительной речи признал, что Константин — Никулин не мог быть в момент преступления в Мядининкае. И через несколько минут тот же прокурор заявил, что именно Никулин начал расстрел сотрудников таможенного поста… Коллегия Апелляционного

суда на это не отреагировала. Сегодня известно, что президент Даля Грибаускайте дала негласное указание суду признать Никулина виновным в совершении военного преступления в любом случае. Комментарии излишни. Можно лишь добавить, что литовские прокуроры и судьи сумели переплюнуть известные процессы, проходившие в СССР в 1937 году.

Что же касается Горбачева, то его еще в советский период бывший редактор журнала «Коммунист», доктор философии Ричард Иванович Косолапов назвал «эпохальным ничтожеством». Имея полное право отдать под суд преступную тройку Ельцина, Кравчука и Шушкевича, подписавших Беловежские соглашения, он предпочел сложить полномочия Президента СССР и отдать Союз на растерзание. Напомню, что уже 11 декабря 1991 года Комитет конституционного надзора СССР своим заявлением признал эти соглашения незаконными. То есть правовые основания у Президента СССР для взятия под арест беловежских заговорщиков были. В ситуации с проведением силовой акции по восстановлению действия Конституции СССР на территории Литовской ССР в январе 1991 года Горбачев повел себя, как трусливый подстрекатель, заявив, что не отдавал приказа на проведение этой акции. Напомню, что в декабре 1990 года IV Съезд народных депутатов СССР наделил Президента СССР практически диктаторскими полномочиями. Но это не прибавило ему мужества. В мировой истории мало подобных примеров малодушия, трусости и предательства со стороны главы государства.

Как раз на днях я поздравлял с 90-летием знаменитого дипломата Валентина Фалина — в начале 90-х он был членом ЦК КПСС. И знаете, что он мне рассказал?

Оказывается, днем 12 января 1991 года он был в приемной Горбачева и случайно услышал через приоткрытую дверь в его кабинет, как Михаил Сергеевич разговаривал по телефону с маршалом СССР Дмитрием Язовым. «Не применять боевых патронов! — четко приказывал Президент СССР министру обороны. — Только в том случае, если будет опасность для жизни солдат».

Что это, как не очередное доказательство того, что события в Вильнюсе состоялись именно с подачи Горбачева? Все он, конечно, про ту операцию прекрасно знал…

Подарки следует вернуть

— 37 томов по уголовному делу о январских событиях

в Вильнюсе Генпрокуратура СССР в сентябре 1991-го подарила литовской стороне во имя дружелюбного будущего. Именно так тогда понимали дружбу и демократию… Теплых отношений у России и Литвы больше нет — подарок, по логике, следовало бы вернуть. И не один: все, надеюсь, помнят, что город Вильнюс был передан литовцам в знак вечной дружбы Литвы и Советского Союза?

— Если бы речь шла только о Вильнюсе! Когда Советскому Союзу была передана Восточная Пруссия, Литве была отдана Клайпеда и часть Куршской косы. Никаких документов на владение Клайпедой и косой у Литвы нет. Город Вильнюс СССР четырежды начиная с 1918 года передавал Литве. В целом Литва благодаря подаркам СССР на треть увеличила свою территорию. Это факт! И никакой благодарности!

— А с чего, как вы думаете, Литва стала именно сейчас проявлять такую активность?

— Потому что сегодня вся правящая литовская верхушка — это бывшие советские коллаборанты, причем активнейшие. Например, нынешний президент Литвы Даля Грибаускайте училась в Ленинградском университете и числилась рабочей фабрики «Рот Фронт», считавшейся режимным предприятием, контролируемым КГБ. Была там членом комитета комсомола, отвечала за агитацию. Там вступила в КПСС и отличалась истинно коммунистической принципиальностью. Вернувшись в Литву, вчерашняя студентка неожиданно попала в преподаватели вильнюсской Высшей партийной школы. В постсоветский период Грибаускайте сумела войти в ближний круг тогдашнего председателя Верховного Совета Литвы русофоба Витаутаса Ландсбергиса, при этом заслуженного работника искусств Литовской ССР и бывшего информатора НКВД-КГБ Литовской ССР. И вот уже второй срок президентствует в Литве!

У Грибаускайте, я бы сказал, слишком большие советские «хвосты», как, впрочем, и у большинства представителей — сегодняшней литовской элиты, которые она сегодня упорно скрывает. Не случайно в начале 2016 года она письменно отказала литовскому политику Зигмасу Вайшвиле в разрешении на доступ к ее персональным данным, хранящимся в российских, а точнее, бывших советских архивах. По российскому закону персональные данные нельзя раскрывать третьим лицам без согласия субъекта этих персональных данных. Грибаускайте понимает, что после обнародования этих данных места ей в Литве не найдется. Бывшие советские коллаборанты, находящиеся сегодня у власти, пытаются полностью нивелировать прошлое, представляя его в черном цвете, дабы показать на этом фоне свою

героическую роль в избавлении от «советского рабства»…

— Чувствуется, что эта история в вас не отболела. А почему вы вообще решили написать эти книги? Может, вами двигала личная месть?

— Да избави бог! У меня к Литве прекрасное отношение, даже несмотря на то, что я 25 лет вынужден жить в изгнании. У нас в семье до сих пор вторым языком является литовский. Вопрос не в этом. Просто мы все мечтали совсем о другой Литве…

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ

Почему Горбачев побоялся вручить орден маме Виктора Шатских?

…Есть еще кое-что, что все эти 25 лет лично мне не дает покоя.

Снова утро 13 января 1991-го: журналисты, прибежавшие за информацией в таллинский пресс-центр, жмутся друг к другу, как воробушки. Страна пока одна — СССР, а все уже сидят по разным веткам — русские на одной, прибалтийские на другой, западные витают над всеми нами. В любом случае держаться лучше вместе: в ближайшие дни советские танки ждут и в Таллине, потому на Вышгород привозят огромные камни, а залы замка Тоомпеа, где собирается Верховый Совет Эстонии, опутывают рукавами брандспойтов. Холодно, голодно и тревожно. Информации из Вильнюса почти нет, а телевыпускам новостей из Москвы больше никто не верит. И тут в звонкой тишине актового зала кто-то громко крикнул: «В Вильнюсе убит лейтенант Советской армии!» И журналисты захлопали в ладоши… Кто-то даже радостно выкрикнул что-то типа: «На одну советскую сволочь стало меньше!» Вечером на экране показали фотографию того лейтенанта из спецназа КГБ: Виктор Шатских. Господи, всего 21 год…

Лейтенант спецназа КГБ Виктор Шатских был убит ночью 13 января выстрелом в спину. Преступление до сих пор не раскрыто. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

Его фамилию я запомнила навсегда — из-за несоответствия сочетания фактов смерти и злорадства. А еще факта тогдашнего

моего молчания. Теперь я, конечно, понимаю: надо было вскочить и закричать перед всем залом, что все вокруг идиоты, какая разница — днем раньше или позже — на меня все равно бы поставили несмываемую «коммунистическую» печать? Но я почему-то не вскочила… И этот вопрос меня мучил целых 20 лет, пока я наконец не нашла в Москве могилу этого лейтенанта, не положила цветы и не познакомилась с его мамой, Валентиной Ивановной Шатских. Это интервью было взято зимой 2012 года. А в феврале 2015-го Валентины Ивановны не стало и самой…

Сын летел в пропасть, не задержавшись…

— Как вы узнали о том, что произошло в Вильнюсе?

— Я поняла это еще до того, как мне сообщили. Потому что с самого рождения сына мне все время снился один и тот же сон — перед тем как получить травму или заболеть. Грудной ребенок у меня на руках, я иду по полю, подхожу к обрыву, меня как будто кто-то толкает под локоть, и сын падает вниз, в пропасть, и задерживается на дереве. А в ту ночь приснился сон, что он летит в пропасть, не задержавшись. И когда домой приехали муж и тогдашний командир «Альфы» Виктор Карпухин, я им сказала, что уже все знаю… Я не знала только, что именно случилось, но понимала, что сына уже нет. Обидно было, что руководство страны сделало вид, что ничего не произошло, потому что встречали груз 200 у самолета только Карпухин и мой муж. Нас поддерживали потом ребята из «Альфы», и председатель КГБ Владимир Крючков тоже относился хорошо. А Горбачев сказал, что никакого отношения к этому не имеет… Это была такая наглость и такая несправедливость, что, если бы он мне в тот момент попался под руку, я бы, наверное, убила его своими руками.

— Сколько вам было лет, когда погиб сын?

— 42. А сыну 20.

— Расскажите про него, пожалуйста. И про вас с мужем. Как вы познакомились?

— В пограничном училище, я там вела для курсантов студию бального танца. Поженились и уехали в Закавказье. Там, в Нахичевани, и родился сын. Первые шаги его были на заставе, первое общение — с солдатами и офицерами. Он рос в любви к военному делу. Первое время мне даже приходилось кормить его на заставе, потому что он отказывался есть дома. Он был мальчик очень подвижный, способный, талантливый, трудолюбивый с малолетства. Через год и четыре месяца родилась у него

сестренка, он очень любил ее, хотя маленький был еще, коляску качал и вообще очень ласково к ней относился.

— Выбор сыном военной карьеры был обусловлен семейной традицией?

— Да. У нас в семье много было военных. Четверо дядек, маминых братьев, и двое папиных братьев воевали на Великой Оте-чественной войне, и отец сам прошел всю войну. Был контужен под Ленинградом и умер от контузии в 1946 году, прямо после моего рождения.

Кто, если не он?

— Ваш сын пошел в военное училище как раз в те годы, когда была жуткая кампания по дискредитации Советской армии.

— Он был в этом смысле максималист и был влюблен в военную службу. Он просто не мог вырасти ребенком, который бы не любил военное дело: отец еще в школе брал его с собой на учебные сборы, когда выезжал с курсантами, и стрелять учил, и обучал рукопашному бою. Я была, честно говоря, первое время против, чтобы он поступал в военное училище. Но он все-таки поступил, хотя не совсем туда, куда хотел, — он мечтал в Бабушкинское (Суворовское), чтобы вместе с папой пройти на одном параде. А вынужден был поступать в Голицынское военно-пограничное, потому что именно в этот год, к несчастью, вышел приказ о запрете совместной службы родственников в одной воинской части. Немножко позже уточнили, что это касается только службы, а не учебы, и предложили сыну перейти в Бабушкинское военное училище, но он уже привык к своим ребятам и сказал, что останется в Голицыне.

А то, что он любил военное дело, видно даже по его стихам. Он начал их писать с четвертого класса. На памятнике выбиты его слова:

Не знаю, какой охранял я покой,
Но судьбы для себя не искал я другой.

Вот еще одно стихотворение:
Я не хочу смотреть на все,
Как все, практичными глазами.
Чужой кумир не нужен мне.
Я не за них, но и не с вами.
Мне говорят — иди за мной
И будешь счастлив вместе с нами.

Но ведь они ведут домой,
К сестре, к отцу и к моей маме,
А я хочу в пургу, в цунами.

Такой непоседа был ужасный… У него сочинение называлось «Мне до всего есть дело». И действительно вся жизнь его шла по принципу: «Кто, если не я?»

Я непоседа? Ну что ж, пускай смеются надо мною.
Я не боюсь смешливых рож с пустой, бездумной головою.
Я преклоняться не хочу пред подлостью и всякой гнилью
И наблюдать спокойно не могу, как преклоняются другие.

И в таком духе были все его стихи.

В нем сочеталось несочетаемое: с одной стороны, мужество, сила, напор, трудолюбие, а с другой — романтика. Очень был волевым. После первого марш-броска в погранучилище все прибежали потные, усталые, с понурыми головами, а он стоял в строю и улыбался. Командир ему говорит: «Шатских, ты чего улыбаешься?» А он: «Что ж мне, плакать, что ли?» Всегда улыбался. Себе всегда настроение поднимал и окружающим.

«Постарайся на кладбище не плакать»

— А слово «Альфа» когда и почему стало звучать в вашем доме?

— Во-первых, сын познакомился с командиром «Альфы» Виктором Федоровичем Карпухиным. Во-вторых, думал о спецназе или о разведке, еще когда учился в училище. Потом приехали офицеры из «Альфы» набирать себе сотрудников, и в числе избранных оказался он. Из всего их училища отобрали троих. Долгое время никто ничего не говорил, и он написал рапорт насчет службы в Средней Азии. Были уже билеты взяты на начало августа, и буквально за 3–4 дня до вылета пришло письмо — вызывают к руководству. Приехал оттуда и сказал: мама, меня взяли в «Альфу».

Мама Виктора Шатских Валентина Ивановна всю жизнь мечтала съездить в Вильнюс на место гибели сына, но так и не съездила… *Фото Г. Сапожниковой.*

— *Счастлив был?*

— Не то слово! Я счастливее его за всю жизнь не видела до того момента!

— *Какой это был год?*

— 1990-й. Он прослужил в «Альфе» всего полгода. Влюблен был в Карпухина и в своего непосредственного командира Евгения Николаевича Чудеснова. Каждый раз, когда приходил с работы, говорил: мама, это такие ребята, ты не представляешь, какие они люди!

— *Куда и зачем он улетал, маме, конечно, не сообщал?*

— Нет. Несколько раз, улетая в командировку, просто говорил, что улетает, и все. А вот последний раз, перед Новым годом, почему-то сказал: «Мама, ты у меня сильная женщина, знаешь, где я служу, если вдруг что — постарайся, пожалуйста, на кладбище не плакать». Вот я на кладбище и держалась.

— *Почему у него было такое предчувствие?*

— Не знаю. Просто он, наверное, был человеком тонкой натуры. С днем рождения, с праздником поздравлял, всегда открытки писал в стихах. Очень хорошо играл на гитаре. Талантливый мальчик был. В школе его очень любили и в училище. Я сейчас очень ругаю себя за то, что мало уделяла ему внимания. Как моя мама говорила: «Чужие хоромы кроешь —

свои раскрытые стоят». Я работала в дошкольном учреждении и, как сумасшедшая, почти все время посвящала чужим детям.

— У Виктора не было девушки?

— Была. Не успели пожениться. Собирались перед Новым годом, но ее отец попал с инфарктом в больницу, и они отложили свадьбу до января. Позже она вышла замуж — тоже за офицера. У нее две дочки. На могиле они до сих пор бывают вместе с мужем. Потому что каждый раз, когда мы приезжаем в день рождения Виктора или в день его гибели, всегда там до нас успевает появиться букет.

Тот случай, когда бронежилет помешал…

— Ваш муж, наверное, страшно корил себя за то, что помог сыну попасть в «Альфу»?

— Он не помогал. Сын блестяще сдал экзамены в училище, причем вступительное сочинение написал в стихах, на трех листах, оно сейчас лежит в музее Голицынского училища. Отец тоже был фанатиком военного дела. Он, конечно, и рад, и горд был за сына.

— После того, что случилось в Вильнюсе, пошел информационный вал. В литовской прессе писали, что «Альфа» якобы сама выстрелила в спину своему бойцу…

— В газетах было вообще много жуткой фальши, отчего было еще больнее. То танкистом его называли, то десантником, то лейтенантом Советской армии, то сотрудником КГБ. А потом Крючков официально сообщил, что погиб боец «Альфы»…

— Правда ли, что его похороны тоже старались замолчать?

— Да, они прошли тайком почти, были только ребята из «Альфы» и наши родственники.

— Почему могила вашего сына находится в стороне от общей аллеи, где похоронены все «альфовцы»? Кто-то из его коллег предположил, что это якобы было сделано для того, чтобы могила не была осквернена литовцами.

— Да нет, конечно, это чушь! Потому что, когда сын погиб, мне приходили посылки и письма из Литвы. Много было теплых слов. Выражали сочувствие как матери. Присылали угощение, российские и литовские флаги, перевязанные ленточкой. Письма писали с сочувствием, просили не верить, если кто-то будет говорить, что сын замешан в каких-то темных делах… Что и он, и все его сослуживцы — порядочные люди. Мать одного погибшего литовца тоже прислала письмо. Сказала: я ваших ребят не виню. Еще коллективное письмо было с какого-то завода, люди писали,

что все это — провокация, желание поссорить Литву с Россией. Что в конечном итоге и удалось.

— Обстоятельства смерти Виктора так доподлинно и не известны?

— Я читала документы, в него стреляли с крыши. Он получил пулю тогда, когда прыгал в окно, нагнулся, чешуйки бронежилета разошлись — и пуля вошла сверху. Это тот случай, когда бронежилет сыграл отрицательную роль. Потому что если бы пуля прошла навылет, то он остался бы жив. А бронежилет помешал.

— Я имею в виду: непонятно, кто стрелял…

— Ну как непонятно? Наши никак стрелять не могли! И по виду оружия, и по тому, какая пуля была из него извлечена, и по тому, как был произведен выстрел, было ясно, что стреляли откуда-то сверху.

— Вам важно знать, кто сделал этот выстрел? Или уже все равно — поскольку это уже ничего не изменит?

— Хотелось бы, конечно, чтобы этот человек был наказан, но чувства мести я не ощущаю. Я считаю, что тех, кто делает плохие дела, надо жалеть, а не осуждать. Завидовать надо только добрым людям.

Чего Горбачев испугался?

— Когда и как вам вручили награду за сына и как это было?

— Вручал лично Крючков, у себя в кабинете. Сначала вручил орден Красной Звезды, потом где-то часа два или больше мы у него в кабинете разговаривали, он спрашивал о нуждах семьи. Муж тогда попросил, чтобы в «Альфе» ввели должность штатных медиков, а я — бассейн для детского сада. Все обещания он сдержал. Все было получено. Единственное, бассейн не успели построить, потому что произошли события августа 1991-го. А у нас уже были стройматериалы завезены и проект сделан. На сентябрь планировалось строительство. Детсад остался без бассейна. Приехали, забрали стройматериалы…

Крючков сказал потом, что обращался к Горбачеву с просьбой, чтобы тот вручил нам с мужем награду, но Горбачев отказался. Я не знаю точно, что он ответил, но смысл был такой: сын — сотрудник организации Крючкова, поэтому пусть Крючков и вручает.

— Как вы думаете, чего Горбачев испугался?

— Посмотреть нам в глаза. Наверное, еще не последнюю совесть потерял. Я думаю так. А вообще мне и сейчас очень

хотелось бы хоть раз встретиться с ним и послушать, что бы он мне ответил. Что он ничего не знал и ни в чем не виноват? Получается, что ребята полетели туда так, на прогулку, ради того, чтобы развлечься? Как мог президент не знать о такой акции?

«К литовцам у меня нет ни обиды, ни ненависти»

— Вы ожидали, что спустя 20 с лишним лет судьба развернется и снова вернет вас к этим событиям? Или они и так от вас никогда никуда не уходили?..

— Нет, не думала. Но я очень рада, что в обществе заново начали все это обсуждать, потому что мне очень обидно было за наших ребят.

— Если бы у вас была сейчас возможность сказать какие-то слова литовцам, что бы вы им сказали?

— Что простой народ не любит войн и провокаций. Простой народ всегда мечтал, мечтает и будет мечтать о мире. Вы же знаете, как в СССР мы жили. Мы служили с мужем и в Азербайджане, и в Армении, ездили отдыхать практически по всем республикам и ни разу не ощутили на себе ни злого взгляда, ни неприязни. Видимо, наверное, все это зависит от людей, а не от национальности. Я не говорю о правительствах, правительства всегда делили, делят и будут делить чемоданы — и с кнопками, и без кнопок. Это ж не русские, литовцы или эстонцы виноваты. Вот мы в Эстонии отдыхали — нам бесплатно отремонтировали машину! Мы остановились с палаткой около одного хутора ночевать с детьми — нас чуть ли не силой затащили на хутор и накормили ужином. И говорили — зачем вы будете мучиться в палатке, когда у нас полно в доме места? Они нас не знали абсолютно, это были чужие люди… Поэтому я и говорю, что люди везде все одинаковые. Есть плохие, есть хорошие. Любого человека спроси — хочет он войны? Нет. У меня как к таковым к литовцам нет ни обиды, ни ненависти. Несмотря на то, что в тех событиях погибло несколько литовцев, именно литовцы присылали мне письма с сочувствием. Мне просто обидно, что нас предали свои же. Горбачев. Я верующий человек, поэтому я никогда не позволю сказать себе, что я его проклинаю. Но, чтобы он все-таки по закону ответил за это, конечно, хотелось бы. У нас была с мужем мысль еще тогда, в 1991–1992 годах, подать в суд на Горбачева, и, если наших ребят не оставят в покое, то я, наверное, все-таки это сделаю.

* * *

Увы, не сделала этого Валентина Ивановна Шатских. Не успела…

И в Вильнюс не съездила, чтобы постоять на том месте, где был убит сын. Вместо нее это сделала я. Посмотрела на экскурсии, на которые теперь приезжают и стар и млад, на крыши, с которых в людей летели неизвестно кем выпущенные пули. И вспомнила почему-то слова, которые Валентина Ивановна произнесла, когда был уже выключен микрофон, категорически отказываясь повторить их на камеру:

— Может, если бы он из-за детей погиб или освобождая заложников, мне сейчас было бы легче. А так получилось, что все было зря…

Возразить ей было нечего…

Вместо послесловия

Подсудимый Юрий Мель, взятый в плен в мирное время: «Я был уверен, что служу своей стране»

Речь в суде по делу 13 января 1991 года.

Вильнюс, 8 февраля 2016 г.

— Уважаемые участники процесса! Суть предъявленного судом обвинения мне понятна. Виновным себя в совершении преступлений против человечности и военных преступлений не признаю.

Не согласен с каждым пунктом обвинения. Факт участия в операции по взятию под охрану телебашни и факт производства трех холостых выстрелов из руководимого мною танка подтверждаю. Полностью придерживаюсь показаний, данных мной на предварительном следствии.

Сегодня хотел бы дополнить следующее. Я, Мель Юрий Николаевич, по окончании Ульяновского гвардейского высшего танкового командного училища по распределению получил назначение в 106-й танковый полк 107-й мотострелковой дивизии, дислоцированной в городе Вильнюсе, на должность командира взвода в воинском звании лейтенант, где принял учебный танковый взвод. Поэтому большую часть своего времени службы на территории Литовской Республики проводил на Пабрадском полигоне, в расположении полка, где находилась учебная машина. В город Вильнюс приезжал не так часто, и то по указанию командования — или при несении службы в наряде, или по служебной необходимости.

После увольнения со службы по состоянию здоровья, открыто и ни от кого не прячась и не скрываясь, получал в генеральном консульстве Литовской Республики в городе Калининграде туристические визы, где все свои данные указывал в анкете. Границу пересекал неоднократно в установленном порядке с 2012 года, пока 12 марта 2014 года при возвращении домой не был задержан. То, что в отношении меня возбуждено уголовное преследование, не знал, иначе бы здесь не находился.

Полковнику в отставке Юрию Мелю, который 25 лет назад был лейтенантом и сделал три холостых выстрела, в литовском суде приходится отвечать сегодня за все «преступления» Советской армии перед человечеством. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

«Приказа на убийство людей не получал»

Военная служба в вооруженных силах любого государства предполагает добровольный отказ человека от ряда гражданских свобод и строится на жесткой дисциплине, строго регламентирована присягой государства, уставами и приказами командиров и начальников. Согласно присяге устава внутренней службы в Вооруженных силах СССР, полученный приказ должен быть выполнен, за отказ или его невыполнение предусматривается строгое наказание, вплоть до суда военного трибунала. Военная присяга в Советском Союзе заканчивалась словами: «Если же я нарушу эту торжественную присягу, пусть меня постигнет суровая кара, презрение и ненависть всего народа». То есть выбора при выполнении приказа нет. А ответственность несет тот, кто этот приказ отдал. Это основа любой армии, иначе это не армия, а банда. В описанных событиях я в составе сводного экипажа по приказу командира полка подполковника Астахова принял участие в мероприятии по взятию под охрану телевизионной башни, с задачей обеспечить беспрепятственное продвижение колонны к указанному объекту. Причем я, как и мой механик-водитель, был заменен в составе экипажа и поставлен в строй практически перед самым выходом

колонны. Подтверждением этого является исправленный приказ командира войсковой части 78018 № 3 от 9 января 1991 года, что еще раз подтверждает, что никакого предварительного сговора ни с кем не было. Приказа на убийство людей не получал, наоборот, нас постоянно и при любой возможности на всех уровнях предупреждали, чтобы мы действовали осторожно и ни в коем случае не пострадали гражданские люди, о чем в материалах дела есть неоднократные упоминания. Экипаж танка, в котором я находился, никого не задавил и никого не убил. По приказу командира полка было произведено два холостых артиллерийских выстрела из танковой пушки с углом максимального возвышения. Сам холостой выстрел не является и не являлся чем-то необычным, часто использовался, используется и будет еще долго использоваться для имитации выстрела. Пиротехнические средства не являются ни звуковым, ни световым и ни каким-либо другим видом оружия.

«Министра обороны видел только на фотографии»

16 января 1991 года по приказу командира полка в составе колонны мы выдвинулись в расположение части, где практически сразу начали давать показания сначала Главной военной прокуратуре, затем Генеральной прокуратуре Советского Союза, после чего совместной группе Генеральной прокуратуры Советского Союза и Литовской Республики в качестве свидетелей. Фактов причастности к гибели людей обнаружено не было. Больше мне никто никаких вопросов не задавал. До конца 1992 года я проходил воинскую службу здесь же, в Литве, ни от кого не скрывался и не прятался, проживал в гостинице Высшей партийной школы, после чего убыл по распределению к новому месту службы. Я солдат, а не политик, и был полностью уверен, что служу своей стране на территории Советского Союза, до момента признания независимости Литвы Верховным Советом СССР 6 сентября 1991 года. Мое звание на тот момент было «лейтенант», а начальная должность — «командир взвода», от которого ничего не зависело и мнение которого никого не интересовало. Вызывает некоторое недоумение попытка обвинения представить меня участником преступной группы. Из обвинения выходит, что большая часть обвиняемых — это прапорщики и лейтенанты после училища, то есть младшие офицеры — в одночасье стали военными и политическими деятелями. Кто хоть немного сталкивался с Вооруженными силами, знает, что у министра обороны определенный и весьма

ограниченный круг для общения. Министр обороны общается с командирами через своих порученцев — о каких лейтенантах и прапорщиках может идти речь? Это не его категория подчиненности.

Согласно справке начальника штаба дивизии, в январских событиях 1991 года только от «Северного городка» принимало участие 1567 человек. Спустя 25 лет всех военнослужащих, которые в 1991 году добровольно давали показания, переквалифицировали из свидетелей в обвиняемые. Хочу еще раз повторить, я ни в каких преступных группировках не состоял, в сговоры не вступал, министра обороны видел только на фотографии, никаких планов не имел и в их разработке не участвовал. Я служил кадровым военнослужащим в своей стране и присяги, данной народу этой страны, не нарушил. Был получен конкретный приказ следовать в колонне, без различного рода разъяснений, возможности выбора своего поведения и действий не было.

Коммунисты, вперед!

Поддерживая намерения суда рассмотреть это дело с точки зрения криминальной, думаю, однако, что это трудно будет осуществить. Сами по себе события имеют политическое значение, поэтому политизации не избежать. Мое обвинение начинается словами «Являясь членом Коммунистической партии Советского Союза…»… Хочу напомнить, что я являюсь гражданином Российской Федерации, где Коммунистическая партия не запрещена. Да, в рассматриваемый период я был членом Коммунистической партии Советского Союза, потому что что сама система государства другого членства в то время просто не предполагала. В самой Литве, по данным уголовного дела, на 1991 год было приблизительно 208 тысяч коммунистов, причем уже после январских событий. Поэтому обвинение в том, что я тогда был членом КПСС, сейчас выглядит странно. Мне членство в Коммунистической партии Советского Союза вменяется в вину, а другим в Литовской Республике этот факт не мешает занимать высокие государственные должности.

Ознакомившись с материалами уголовного дела, я пришел к выводу, что в событиях 13 января 1991 года определенные — политические силы и лица преступно использовали армию вслепую, для достижения своих целей. Безусловно, факт применения армии для наведения порядка не может быть оправдан. В мировой практике ответственность принимают

руководители, отдавшие такой приказ, а не рядовые военнослужащие. Безусловно, все случаи превышения своих должностных полномочий и применения насилия в отношении гражданских лиц должны быть расследованы и действиям их должна быть дана юридическая оценка. Однако все эти действия не имеют ничего общего с преступлением против человечности и военными преступлениями.

Новая неправда

Я лично, как никто, заинтересован в расследовании. Но я вижу определенные проблемы в осуществлении своего права на защиту. Как мне защищаться, если литовский Верховный суд, рассматривая дело Альгирдаса Палецкиса, констатировал, что никакая другая интерпретация событий невозможна и иное мнение является преступлением? Анализируя заявление политиков и президента страны о данном деле, могу только с сожалением констатировать, что негативные заявления о России, гражданином которой я являюсь, являются беспрецедентным давлением на общественное мнение и на суд. Может ли суд Литвы беспристрастно, неэмоционально осуществить правосудие? Я на это очень надеюсь. По сути, этот процесс является экзаменом для страны, проверкой на приверженность европейским ценностям и ценностям истинной демократии.

В подтверждение своей позиции о том, в каком правовом поле происходили указанные события, еще раз хочу заявить, что 13 января, участвуя в операции по взятию под охрану телебашни, я был абсолютно убежден, что Литва находилась в составе СССР. Ситуация была неоднозначной, противоречивой и сложной. С одной стороны, в статье 71 Конституции СССР было закреплено право народа на отделение. Литва была одной из республик, которая де-факто объявила себя независимой. С другой — после принятия декларации о восстановлении независимости между Литвой и СССР происходили переговоры, и 23 мая 1990 года Верховный Совет Литвы объявил мораторий для проведения переговоров с Советским Союзом о решении вопросов, связанных с восстановлением независимости. В 1991 году Литва получила дипломатическое признание и от Советского Союза, от Европейского сообщества и Соединенных Штатов Америки. Именно с этого времени в соответствии с нормами международного права Литва стала самостоятельным субъектом международного права, суверенным государством.

Я с большим уважением относился и сейчас отношусь к

народу Литвы, даже несмотря на страдания, испытываемые мною уже два года в заключении.

В решении Европейского суда по правам человека по жалобе Миколаса Бурокявичюса указано, что правосудие нельзя использовать как орудие формирования недавней истории, которая очень мало исследована. В сознании и подсознании народа возникает большое желание инициирования мести и угрозы ее удовлетворения, создавая, таким образом, новую неправду. Однако, по моему мнению, нельзя жить обидами прошлого и мстить.

Джульетто Кьеза: «Балтийский фронт в процессе нагревания»…

Я согласился написать предисловие к итальянскому изданию этой книги и решил посодействовать ее публикации в Италии, потому что, в некотором смысле, книгу такого рода давно ожидал. В постсоветские годы было не так много публицистических работ — а еще меньше литературных, возможно, даже ни одной, — которые бы пытались исследовать обозначенные здесь проблемы. Две из них — и этим я горжусь — я написал сам: «Прощай, Россия!» в 1997 году и «Латвийский кандидат», которая появилась десять лет спустя. Обе работы — концентрат отчаяния в пустоте российской публицистики: один «нерусский» увидел, как разрастается большая трагедия и каким образом она может ударить по русскому народу, в то время как русские — я имею в виду, во-первых, русскую интеллигенцию и, во-вторых, политическое руководство страны — оказались слепыми и глухими.

Хочу напомнить, что на эту работу автора вдохновили события, которые сопровождали мой последний и предпоследний визиты в Эстонию в период с декабря 2014 по январь 2015-го. Я встретился с Галиной Сапожниковой, которая уже однажды сопровождала меня в поездке в Таллин в 2009 году и помогала организовывать некоторые интервью. Одной из таких встреч стала беседа с Героем Советского Союза Арнольдом Мери — как раз в то время над ним шел судебный процесс, его обвиняли в соучастии в «геноциде эстонцев». Впоследствии я рассказал читателям о его жизненной истории и методах, с помощью которых эстонские власти завели на него дело[1]. Спустя пять лет, 17 — декабря 2014 года, я прочитал на сайте Министерства внутренних дел Эстонии причину моей высылки из страны, которая была связана с «оправданиями преступлений против человечности» и «защитой и оправданием действий Арнольда Мери, который признал свое участие в массовых депортациях, организованных в Эстонии в 1949 году». Кроме того, что Арнольд Мери ничего подобного никогда не признавал — на самом деле он, наоборот, все эти обвинения решительно отверг, — в нашем с ним интервью и речи не шло о каком-либо «оправдании» или «защите» его действий. Но это другой вопрос, который будет рассматривать Европейский суд по правам человека. Факт остается фактом: та старая история была использована, чтобы помешать мне публично выступить в Таллине пять лет спустя,

15 декабря 2014 года, посредством очень странного «досмотра полиции», в ходе которого я был заперт в камере без предъявления мне каких-либо обосновывающих сей акт документов. На следующее утро меня выдворили из страны сроком на один месяц. Месяц высылки за «преступление», которое вообще не предполагает прощения… После оперативного вмешательства посла Италии в Таллине Марко Клементе мне удалось отдохнуть в номере отеля. Мы все опешили: я в первую очередь, Галина Сапожникова и Игорь Тетерин, которые как руководители международного медиаклуба «Импрессум» и пригласили меня в Таллин. Перед тем как расстаться у поезда, который вез меня в Москву, я сказал Галине: все эти прибалтийские события имели важнейшее значение в распаде СССР, а ты являешься ценным свидетелем. Почему бы тебе не написать книгу? И вот наконец-то эта книга перед вами. И я ее комментирую.

Фото Зураба Джавахадзе, ТАСС.

Книга Галины Сапожниковой мало говорит о молчании

России, которая в тогда сама едва держалась на ногах, — она позволяет говорить жертвам того непростого времени о трагедии брошенного народа. Речь идет о Литве, но вопрос касается не только литовских граждан, которые сначала выступали против нацистов, затем служили делу социализма в Советском Союзе, и по этим же причинам были объявлены врагами своими же согражданами. Проблема касается русских всех трех прибалтийских республик и судьбы более 20 миллионов русских, которые в момент распада СССР, несмотря ни на что, остались за границами своей Родины. Можно сказать, что герои этой книги были брошены дважды. Решение о распаде СССР, принятое в Беловежской Пуще 8 декабря 1991 года тремя президентами в состоянии алкогольного опьянения — Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем, лишило их Советской Родины, которой они честно служили до самого конца. Но они, кроме того, оказались в одиночестве перед милостью и местью победителей, вставших во главе нового литовского государства под защитой и поощрением «Империи Добра», которая и привела их к власти. Они стали иностранцами поневоле в новом литовском государстве, которое, по иронии судьбы, единственное из трех стран Прибалтики приняло правильное решение о выдаче гражданства всем, кто в момент смены режима оставался там жить. Они не стали «инопланетянами», как это случилось с русскими в Эстонии и Латвии, но — как вытекает из работы Галины Сапожниковой — очень скоро приобрели квалификацию «специальных поднадзорных». Окруженные неприятелем в своем собственном доме, «виноватые» по умолчанию.

Настоящая двойная трагедия, которая выходит — думаю, что не случайно — из-под пера русского писателя и журналиста. Почему я говорю «не случайно»? Потому что это происходит в разгар мощного возрождения русского национального чувства. Понадобилась агрессия против России на Украине со стороны Запада, чтобы перед глазами русских снова явственно предстали те события истории, о которых мы сейчас говорим. Пробуждение после 24 лет забвения было резким и болезненным и вскоре стало кровавым для десяти миллионов русских на Украине, которые осознали, что были превращены в «инопланетян» на своей родине. В этом они были братьями по несчастью с русскими в Литве, Эстонии и Латвии. Но волна, которая поднялась после переворота в Киеве 22 февраля 2014 года, пробудила всех русских без исключения.

Узнать, что страна, которую до сих пор считали братской, превратилась в армию русофобов; что из уст людей, говорящих по-русски, исходит ненависть к русскому языку; что сосед, чей

отец воевал против нацистов вместе с твоим отцом и с которым вы ходили вместе в школу, настроен по отношению к тебе столь враждебно, что готов убить, — все это стало своего рода катализатором химической реакции, очень похожей на ту, что привела к победе над — нацизмом в 1945-м и над Наполеоном в 1812-м. Русские, поняв, что стали мишенью, сосредоточились и вспомнили о своей принадлежности к великой нации. И с удивлением обнаружили, что являются мишенью.

Перечитывая только что написанные строки, я чувствую, что должен добавить от себя кое-какие автобиографические размышления. Несмотря на то, что я не являюсь русским, «национальный вопрос» даже для меня предстает теперь в совершенно ином свете. Когда я приехал в Москву в 1980 году в качестве коррес-пондента газеты «Унита», в то время органа Итальянской коммунистической партии, я и сам был скромным продуктом западного Просвещения. Изначально я был убежден, что все люди равны. Во всех смыслах. До этого времени я никогда не использовал «критерий национальности» для оценки поведения отдельных людей. Народы тоже равны, я думал. И это правда, если говорить об их правах и достоинствах. Но в остальном речь идет об истине, которая не является абсолютной. Эта идея пришла ко мне позже. Это был продукт моего почти сорокалетнего общения с народами России. И я благодарен им за то, что они помогли мне сделать это открытие.

Я постепенно понял, что жители многонациональной, многоконфессиональной, огромной по географической протяженности страны оценивают, узнают, смешиваются или воздерживаются от смешения — короче говоря, вступают в отношения друг с другом, — не забывая даже на мгновение о национальности мужчины или женщины, с которыми они встречаются. Не существует суждения о человеке, абстрактного или практического, и никогда не было ни в России, ни в Советском Союзе, которое бы не принимало во внимание нацию, к которой этот человек принадлежит. Я обнаружил это, работая в поте лица, — мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, что в этой области больше, чем в какой— либо другой, проявляется мудрость народа, равно как ее пределы. Мы чувствуем, что популярные пословицы и поговорки содержат глубокие истины, накопленные коллективным опытом. Вот почему и принимаем их во внимание, как архетипы, — выступающие в качестве связующего моста с глубоким прошлым, которое мы все носим с собой.

Народы признают различия, а лица, эти народы представляющие, несут в своем ДНК критерии, с помощью

которых эти различия тщательно каталогизированы. Исторически почти всегда различия были пережиты, интерпретированы, связаны в виде формулировки «лучшее — худшее» (очевидно, что лучшие — это мы, худшие — они). Но это не единственный способ их определить. Существуют также взаимное любопытство, зависть, восхищение качествами других, уважение, признание общности человечества. В любом случае умение узнать иностранца, чужака, будь он близко или далеко, всегда было неотъемлемым элементом собственной безопасности, индивидуальной и коллективной. Отношения между народами в каждую эпоху всегда были основаны на бесконечно изменяющейся диалектике градаций этих разно-образнейших элементов.

Отступление в отступлении: мне приходит на ум действительно криминальное историческое упрощение, которое Запад (в самом вульгарном выражении, представленном в журналистской хронике) сделал из «завоевания» Афганистана западными вой-сками после террористической операции 11 сентября 2001 года. Газеты, журналы, книги рассказывали о цивилизующей эпопее, которая в скором времени модернизирует Афганистан на западный манер: мужчины откажутся от бороды, а женщины от бурки. Певцы западного превосходства пренебрегали тем фактом, что бороды не обязательно являются признаком отсталости, в то время как они были несмываемым знаком отличия. Ускользало от их внимания и то, что определенные привычки часто имеют фундаментальное практическое значение. Афганские бороды позволяют, например, таджикам отличить себя от узбеков либо от хазаров. И наоборот. То есть это больше, чем украшение, это сигнал, немедленно читаемое предупреждение даже с большого расстояния. Прочитать этот сигнал в тех конкретных условиях становится важным, чтобы сохранить жизнь тому, кто его демонстрирует. Повсеместное «обривание», спроектированное предполагаемыми завоевателями, в любом случае сработать не могло. Что касается бурки — то афганские женщины вместе со своими мужчинами должны решать сами, когда эта ткань в общественной жизни деревни станет излишней. Эту задачу следует решать не Западу, еще и потому, что он явно продемонстрировал, что не знает, как это сделать. За последние пятнадцать лет Афганистан не только не был приручен или завоеван: афганцы продолжают носить свои бороды, и даже столица — Кабул, не говоря уже о горной местности, полна женщинами в бурках.

Почему я начал с Вильнюса и дошел до Афганистана? Потому что думаю, что мы, европейцы, могли бы извлечь из этого

очевидного и заслуженного поражения множество полезных уроков. Мы находимся в эпицентре массовых и неконтролируемых миграционных процессов, в которых разные цивилизации, до недавнего времени почти неизвестные друг другу, оказались в тесном контакте, сразу, резко, из-за изменений «окружающих условий». Не они изменили свои условия: это сделали мы. Страдая от нашего насилия они революционизируют и нашу жизнь, ведь мы не смогли предсказать последствия того, что делали. Взрывные искры, которые мы сейчас наблюдаем, являются эффектом мощных трений, гигантских исторических линий разломов, которые беспорядочно сталкиваются; культур, существующих в разных «временах», некоторые из которых до сих пор живут в разных веках и в настоящее время вынуждены выставлять в унисон с нашими ритмами свои часы, которых они никогда не имели.

Их «фактор времени» полностью несовместим с технологией глобализации. В прошлом политические институты разных стран, используя почти всегда достаточно высокий уровень принуждения, могли предотвратить острые взрывы. Советский эксперимент был в этом смысле особенно эффективным. В том многонациональном обществе — историк Михаил Гефтер определил Россию как «мир миров» — многие пожары были потушены силой. Там, где не было возможности потушить, их оставляли в состоянии покоя под пеплом. Все вспыхнуло только тогда, когда с распадом реального социализма умерло совместное воздействие пропаганды и партийного интернационализма, а также карающего меча Советского государства.

Сейчас другая эпоха. И времени, чтобы остановить или ослабить взрыв, больше нет. То немногое, что осталось, рискует сгореть в шуме многих интересов, сталкивающихся в хаосе глобального кризиса Империи.

В украинском случае потребовалось четверть века национальной независимости, чтобы вновь разжечь все контрасты, всю ненависть, накопившуюся в прошлом. Западом были потрачены огромные объемы капитала, чтобы возродить ненависть, находящуюся в состоянии покоя, чтобы купить телевизоры и газеты, которые эту ненависть должны были размножить, чтобы нанять армии интеллигенции и должностных лиц, настоящих и будущих decision makers, готовых запрыгнуть на повозку победителя. Операция сработала. Украина была захвачена Западом. Свежая пролитая кровь разрушила последние мосты. В результате Украина потеряла Крым, который «вернулся домой», то есть в Россию, прежде чем ему пришлось бы заплатить свою дань кровью. Но какое это имеет значение для Империи?

Возвращение Крыма в родную гавань послужил поводом для укрепления санкций против России, чтобы держать ее под тяжестью отрицательных суждений «международного сообщества». Чтобы как-то оправдать расширение присутствия военной техники НАТО, которая все более тесно окружает Россию. Идея о том, что Россия напала на Украину, в настоящее время застряла в мозгах сотен миллионов людей. Состояние когнитивного диссонанса, в котором сейчас пребывает европейское общественное мнение, не позволяет им видеть, что это Запад напал на Украину, разваливая ее и превращая в колониальный придаток Соединенных Штатов Америки.

Часть Донбасса должна была выиграть настоящую кровопролитную войну, чтобы выжить, и теперь она независима, но другая часть русских Украины, гораздо большая, остается на Украине неразрешимой проблемой. Погром в Одессе 2 мая 2014 года был нужен, чтобы ее напугать, остановить, прежде чем она смогла бы организовать свою защиту. Но спустя всего два года стало ясно, что то кровавое предупреждение совершенно не гарантирует стабильность украинского государства. Разве это волнует нынешних руководителей Империи? Украина собирается вступить в НАТО. Так открылся еще один накаленный добела фронт — потенциального столкновения с Россией. Балтийский же фронт сейчас находится в процессе нагревания.

Все это не было делом рук России. Если бы мы не стали пленниками логики Оруэлла и упомянутого выше когнитивного диссонанса — было бы прекрасно видно, что у России нет и не может быть во всем этом никакого интереса. Необходимо было выдумать абсурдные и бессмысленные планы, насочинять какую-то метафизическую злость русских и лично Путина, для того, чтобы заявить, что Россия хотела вернуть Крым и даже всю Украину. Столь же нелепы и вопли, которые с поразительной частотой звучат в столицах стран Прибалтики (и Польши), в качестве ответа на несуществующее желание России вернуть себе Эстонию, Латвию и Литву.

Поэтому и было решено приступить к массовому использованию мейнстрима и заранее демонизировать Владимира Путина, приписывая ему все преступления века и предлагая чуть ли не повесить его на площади. Все вроде бы совпадает, но дьявол прячется в деталях. На самом деле Россия, поднявшаяся из руин СССР, на всех этих фронтах отсутствовала. Она позволила Америке без помех обучать и растить на Украине поколение русофобов и пронацистов, не замечая, что Запад готовит целый народ к войне против русских и на берегу Балтийского моря уже три европейские страны превратились в

собственные «губернии» НАТО.

Заканчиваю свое отступление, которое, как вы понимаете, было необходимо для демонстрации одного факта: украинские и прибалтийские инвестиции для Соединенных Штатов Америки и полководцев Запада не были напрасными расходами. Очевидно, что народы Украины и Прибалтики не получат никакой пользы и рискуют быть втянутыми в войну, даже не понимая почему. Но нельзя отказать Вашингтону в дальновидности. В дальновидности ученых, «советников императора». Украина была нужна в качестве идеальной мишени, потому что она всегда была — как писал Сэмюэль Хантингтон — «линией разлома между западной и православной цивилизацией», которая «проходит через сердце России». Был кое-кто еще, кто наметил ее путь задолго до того, как колонизированная Россия стала барахтаться в алкогольных парах ее «первого демократически избранного президента». Поляк Збигнев Бжезинский писал в своей книге «Великая шахматная доска»: «Самой важной страной остается Украина. И с постепенным расширением Европейского союза и НАТО ей придется выбирать, стать ли, наконец, частью обеих этих организаций […]. Но даже если это займет некоторое время, хорошо, что с — настоящего — момента Запад — в то время как усиливает свои экономические отношения и сотрудничество с Киевом в сфере безопасности — начнет постепенную интеграцию Украины, в разумные сроки, в период между 2005 и 2015 годами […]». Обратите внимание, с какой удивительной точностью, включая время, этот план был выполнен.

Не было никакого сопротивления. Россия запуталась в мазохистской идее о самой себе как об «Империи Зла». В то же время «Империя Добра» продолжала работу, которая к тому же имела длительную, очень и очень длительную подготовку. Если проследить, как происходил процесс отбора групп лидеров стран Прибалтики, Украины и Грузии, можно увидеть, что это было сделано под контролем западных министерств иностранных дел, а до этого — министерств обороны и секретных служб. В то время как Россия Ельцина мечтала вскоре вступить в клуб западных миллиардеров, в Вашингтоне горстями вылавливали в семьях эмигрантов из стран Восточной Европы всех, кто был настроен антикоммунистически и антироссийски. Многие из них (или их предков) сели в поезда или поднялись на борт нацистских судов еще во время бегства в 1944, и их «держали в теплицах» со всеми их националистическими, нацистскими, реваншистскими, антироссийскими идеями. До того момента, когда они стали бы полезны: они, их дети или внуки.

Об этом я писал в книге «Латвийский кандидат (Неизвестные

приключения негражданина в Европе)», которая подвела итог моему непосредственному опыту в странах Прибалтики во время европейской избирательной кампании 2010 года. Я просмотрел родословные персонажей, выбранных для будущей первой линии сражений: уже не против Советского Союза, которого больше не было, но против России, которая вышла из поражения в холодной войне ослабленной и травмированной, в первую очередь — психологически. Другими словами, американское руководство в полной мере приняло предложение Бжезинского: не доверять ни в коем случае. Россия оставалась слишком большой, чтобы можно было верить в ее вечную покорность. Должны были заранее подготовиться капралы, которые развернулись бы в будущих траншеях широкого круга воинствующей русофобии, формирующей новую линию прогрессивного демонтажа — от Балтики до Грузии.

Список был бы слишком длинным. Достаточно упомянуть некоторых из этих капралов, выбранных для примера из колоды. Тоомас-Хендрик Ильвес, президент Эстонии, бывший американский гражданин, окончил факультет психологии в Колумбийском университете, вернулся на землю отцов своих, пройдя как через микрофоны радио «Свободная Европа», так и через министерство иностранных дел Эстонии; первым побежал в Тбилиси, чтобы продемонстрировать солидарность с Саакашвили в 2008 году, когда еще дымились обломки Цхинвала. Или Катерина Чумаченко, жена Виктора Ющенко, которого с триумфом привели на пост президента Украины, чтобы осуществить «оранжевую» революцию. Обратите внимание на изысканность, с которой в первую леди Украины превратили высокопоставленного чиновника государственного департамента США, а также руководителя и промоутера идей и произведений Степана Бандеры. В балтийском списке необходимо упомянуть также Валдаса Адамкуса, который стал президентом Литвы, — не только американского гражданина, а уже настоящего нацистского легионера. В Грузии потребовалась «революция роз», чтобы поставить на президентский пост «американца» Михаила Саакашвили, организатора нападения на Южную Осетию 8 августа 2008 года, а сегодня, после провала основного задания, превращенного в гражданина Украины, для того чтобы стать губернатором в непростой Одесской области, прямо на границе с Приднестровьем, еще одним очагом напряженности с Россией. Что касается Латвии — тут есть только проб-лема выбора среди множества самых любопытных кандидатов. Гундарс Залькалнс, выпускник Бостонского университета, служащий армии США, награжденный восемнадцатью наградами, в том числе медалью за

войну во Вьетнаме, стал сначала советником министерства обороны Латвии, затем занял должность секретаря Совета по национальной безопасности — самый высокий политический и военный пост в стране. Такими были стигматы нового государства.

Точно так же, как и у государства литовского. Те же, кто — как мы читаем на этих страницах — ставит их под сомнение, привлекаются к уголовной ответственности, несмотря на свободу мысли и мнения, которые закреплены в основополагающих принципах Европейского союза. Немногие знают правду о становлении — независимой Литовской Республики, в настоящее время одной из 28 стран ЕС, о которой руководители Литвы не любят рассказывать, — поэтому и приняли законы, направленные на пресечение любой другой версии событий. Галина Сапожникова предлагает услышать голоса людей, которых никто не хотел слушать, но которые все это время пытались жить с прямыми спинами и высоко поднятыми головами. Я до сих пор храню в моем архиве интервью Аудрюса Буткявичюса (в начале 90-х он был министром обороны страны) газете «Обзор» в мае — июне 2000 года о событиях 13 января 1991 года. Чрезвычайно актуальный сценарий. Если бы мы поняли это в тот момент, когда это происходило, то режиссерам этого спектакля было бы очень трудно повторить его один, два, три, четыре раза, — однако же это произошло и происходит до сих пор.

13 человек погибло в январе 1991 года у телебашни и телецентра в Вильнюсе, когда советские войска и спецназ КГБ получили приказ их занять. Начиналась гражданская война, Советский Союз был в шаге от распада. Литовцы и вместе с ними многие русские, граждане Литвы, хотели независимости от Москвы. Они имели на это полное право. Но… Обвинение в смерти демонстрантов пало на Горбачева и на русских. Все мировые СМИ сообщили, что русские солдаты хладнокровно открыли огонь по толпе… Мир принял это как аксиому. И вдруг через 20 с лишним лет мы узнаем, что стрельба из различных видов оружия, в том числе из охотничьих винтовок, была произведена с крыш близлежащих домов. Она была организована заранее, хладнокровно, людьми, которые были хорошо — подготовлены. — Аудрюс Буткявичюс рассказал об этом много лет спустя. «Я не могу оправдать свои действия перед членами семьи жертв, — сказал он в том своем интервью, — но перед историей могу. Потому что эти смерти нанесли двойной удар по двум важнейшим бастионам советской власти: армии и КГБ. Таким образом мы их дискредитировали. Я говорю ясно: да, это был я, именно я спланировал все, что произошло. Я много

работал в Институте Эйнштейна с профессором Джином Шарпом, который занимался тем, что было названо потом гражданской обороной. (…). Да, я спланировал, как поставить в сложную ситуацию российскую армию. В ситуацию настолько неудобную, которая смогла заставить каждого русского офицера стыдиться. Война была психологической. В том конфликте мы не могли выиграть с применением силы. Это было ясно. Поэтому я решил перевести сражение на другой уровень, уровень психологической конфронтации. И я выиграл».

Учебное пособие для организации «подрывной деятельности изнутри», изначально мирной, но которая затем находила способ стать кровавой, было написано задолго до этого, и его автором был американец Джин Шарп. Затем оно его применили в Белграде, в Каире, в Тбилиси, в Киеве, в Триполи, Дамаске, лишь с некоторыми вариациями на тему. Но и в Триполи были те, кто стрелял по толпе, и в Киеве, а также в Дамаске. И каждый раз вина падала на очередного диктатора, который должен был быть свергнут. Во все времена История является историей победителей. В наше время победители — те, кто распространяет свою власть на средства массовой информации. И включает «передатчик» всякий раз, когда нужно.

Хочу сделать последнее примечание. Оно касается обвинений в адрес Михаила Сергеевича Горбачева, повторяющихся в этой книге не раз. Серьезные и клеветнические обвинения в умышленном предательстве интересов России и русских… Я не думаю, что дело было именно так, как говорят, например, Владимир Овчинский, или Дмитрий Язов, или некоторые другие. И, будучи свидетелем тех событий, не верю в то, что ответственность за распад Советского Союза лежит только на внешних силах (которые, без сомнения, действовали с целью ликвидации советского опыта и в той или иной мере поддерживались внутренними агентами). Именно из выводов, которые делают преследователи Горбачева, проступает уровень упадка, организационного и морального, который пронизывал в тот момент все политические структуры страны. «Цепь командования», которая зависела от первого и последнего Президента Советского Союза, была — как выясняется из этих строк — совершенно не в состоянии функционировать. Путаница, часто совпадающая со множеством отдельных коллективных предательств внутри самой коммунистической партии, неоспоримо и в неопровержимой манере доминировала на всех уровнях. Достаточно вспомнить рассказ Овчинского о восстании московских «пролитовцев», которых с трудом пришлось усмирять первому секретарю Московского городского комитета партии

Юрию Прокофьеву. И по-настоящему трагична говорящая сцена с главой КГБ Литвы Станиславом Цаплиным, который остался один в своем кабинете, в то время как три четверти его подчиненных перешли на сторону «Саюдиса». Страна была в огне: от Прибалтики до Тбилиси и Нагорного Карабаха… Власть российских СМИ, в подавляющем большинстве, уже перешла в руки внешнего врага. В этой реконструкции событий поражает относительность роли, возложенной на Бориса Николаевича Ельцина, который был, на мой взгляд, настоящим разрушителем того, что осталось от СССР. Превращать фигуру Горбачева из побежденного, которым он, несомненно, был, в предателя, который несет полную ответственность за катастрофу, — это попытка скрыть беспощадную, многостороннюю правду об истинных причинах, которые привели к концу Советского Союза.

О том, как мне пытались помешать написать эту книгу

Эта маленькая девочка в центре — я. На мне литовский национальный костюмчик. И была я тогда, наверное, в классе пятом, когда в нашей школе номер 27 города Ижевска праздновали день рождения СССР и мне досталась Литва. Это значит, что я должна была: пойти в библиотеку и прочитать все, что там про эту самую Литву написано, срисовать из энциклопедии и соорудить подобие национальной одежды, испечь какую-нибудь литовскую печенюшку, выучить стихотворение или песенку — и все это торжественно исполнить на школьном празднике в честь годовщины образования СССР. Так выглядела «тюрьма народов», как называли Советский Союз, в занесенном снегами Ижевске.

Жилетки и юбочки мы, кажется, позаимствовали в кружке танцев. Блузки, как потом выяснилось, надели шиворот-навыворот. Картонные короны клеили сами — точно помню, как вырезали кружочки и палочки из цветной бумаги. Стихи литовской — поэтессы Саломеи Нерис до сих пор знаю наизусть: «Маленький мой край — как золотая капелька густого янтаря…» Как же я тогда мечтала увидеть ее, Литву!

Ирония судьбы: в юные годы автор этой книги читала стихи о любви к Литве на школьном празднике. *Фото из архива Г. Сапожниковой.*

…Почему-то теперь, когда мне объявляют среди чистого поля о том, что для Литовской Республики я являюсь нежелательной персоной, потому как представляю «угрозу для ее безопасности», и зачитывают решение о запрете въезда на 5 лет, я думаю именно о той девочке, которая и представить не могла, что Прибалтика станет ее и крестом, и любовью.

Хвост, который виляет собакой

Это было лирическое отступление. А теперь к делу.

Нас догнали на трассе, километрах в 60 от Вильнюса, когда мы с одним из героев этой книги — Альгирдасом Палецкисом — ехали к другому герою, бывшему секретарю ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС, 85-летнему Юозасу Куолялису. Машину обогнал автомобиль пограничной охраны, из которого вышли двое. Выдворение из страны многим представляется суровой романтикой. Высылающие рассказывают потом, как, рискуя жизнью, ловили российских шпионов, отстреливаясь и прячась от уколов отравленными зонтиками. А те, кого депортируют,

делятся подробностями того, как злобные полицейские приковывали их к решеткам и в клетках доставляли в аэропорт. А мне и рассказать-то нечего: спокойно прилетела в Вильнюс и поехала на интервью. Если бы я была шпионкой, наверняка заметила бы слежку, не включала мобильный телефон и путала следы. Но я не шпион, а журналист, и переползать границу, как змея, не собираюсь. И никакой вины за собой не чувствую. Все мои публикации последних лет о Литве касались исключительно событий января 1991 года, которые Вильнюс упорно не хочет расследовать. Никаких негативных чувств к литовцам не питаю — наоборот, считаю их людьми теплыми и душевными. А еще — невероятно смелыми: я не много знаю таких борцов, как отсидевшие в тюрьмах коммунисты Юозас Ермалавичюс и Миколас Бурокявичюс. Или настоящие советские офицеры Альгимантас Науджюнас, Ромас Юхневичюс, Эдмундас Касперавичюс и Антанас Пятраускас, не побоявшиеся принять бой с «саюдистами», носителями той же самой, как и у них, крови, только отравленной национализмом.

В этом и есть, собственно, главный урок той вильнюсской истории лично для меня как журналиста.

Он заключается вовсе не в том, что 25 лет назад мы не смогли разгадать простейший ребус с «сакральными жертвами», необходимыми для «цветной» революции в точном соответствии с теорией Джина Шарпа. Это не обидно: нас обошли в карточных играх многоопытные игроки, уже тогда знакомые со знаменитыми «198 пунктами ненасильственного свержения власти», а мы были прекраснодушны и неопытны и свято верили в то, что впереди нас ждет удивительная капиталистическая «неполживая» жизнь.

А в том, что мы всех литовцев автоматически записали в людей, страстно мечтающих от нас оторваться. Нас к этому изящно подвели в конце 80-х, навязав комплекс вины за XX век, который на тот момент затмил преступления и фашистов, и «лесных братьев». Телевизор показывал исключительно тех, кто митинговал, танцевал и плакал, откровенно издеваясь над теми, кто пытался этому противостоять. И знаете, в чем состоит самое главное мое откровение от работы над этой книгой, которая включала в себя десятки интервью со свидетелями и непосредственными участниками событий 25-летней давности? В том, что в 1991 году людей, которые получили в СССР образование и работу, стали из батраков профессорами и понимали, ЧТО может произойти с их чудесной маленькой родиной, если она отплывет в агрессивный национализм, — в Литве была минимум половина.

А спустя несколько десятков лет эту девочку депортировали из Литвы из-за «угрозы национальной безопасности». *Фото Г. Сапожниковой.*

Но победили не они, а телевизионная картинка со свечами и национальными флагами.

Победил хвост, который виляет собакой. За который, собственно, и шла главная борьба в трагическую ночь на 13 января четверть века назад.

Плюс на минус

…Это совсем не страшно — когда тебя разворачивают в чистом поле и заставляют возвращаться в аэропорт. Гораздо неприятнее, когда публично сжигают твой портрет на митинге — как было с фотографией Альгирдаса Палецкиса. Или в 6 утра влезают в квартиру через балкон по пожарной лестнице, как в марте 2015-го поступили с антифашистом Гедрюсом Грабаускасом. Это реальный случай, не выдуманный: таким экзотическим образом следователи литовской полиции безопасности проводили обыски у него и еще некоторых его единомышленников — за то, что они стояли в пикете против НАТО у американского посольства. Что именно искали — не сообщили, но унесли с собой книги Достоевского и Старикова. Так что моя депортация с литовских полей — это еще вариант «лайт»…

«Мы вас информируем, что вы должны покинуть Литовскую

Республику. А если не покинете — можете быть задержаны и высланы», — зачитывает бумагу пограничник.

И тогда я думаю: пусть. Ну, не была я в этой Литве два последних года — и еще пять не приеду, Бог с ней. Без Литвы в этом мире можно вполне прекрасно жить. А если благодаря этой моей высылке мир узнает о литовской «карательной демократии» — так это мне только в плюсы.

Выдворение из страны является Событием, если оно эксклюзивно. А когда журналистов на волне нынешнего безумия — информационной войны между Россией и Европой чуть ли не каждый день высылают десятками — оно становится фарсом.

Карикатурой на власть, которая пытается демонстрировать силу, но давно ее не имеет.

Об этом, собственно, я и собиралась рассказать в книге, которую нынешние литовские власти всеми силами пытались мне запретить написать. Но ничего у них не вышло.

СПИСОК ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ

Адиклис Г. — следователь криминальной полиции Литовской Республики. В ноябре 1991 года по ложному обвинению произвел арест дружинника А. Смоткина на территории Белоруссии в г. Полоцке. Позднее был осужден литовским судом за убийство на допросе.

Алюкас А. — бывший депутат Шальчининкского районного совета народных депутатов. За антигосударственную деятельность был осужден властями Литовской Республики по так называемому «Шальчининкскому делу сепаратистов».

Антоненко А. — майор уголовного розыска МВД Литовской ССР. В вильнюсском ОМОНе был заместителем командира по оперативной работе.

Антонов В. — бывший секретарь парткома вильнюсского НИИ радиоизмерительных приборов, член ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС.

Асанавичюте Л. — одна из жертв событий 13 января 1991 года в Вильнюсе, по версии следствия была задавлена советским танком.

Астраускас В. С. — литовский государственный и партийный деятель. Председатель президиума Верховного Совета Литовской ССР (1987–1990).

Ахромеев С. Ф. — советский военачальник, маршал, Герой Советского Союза. Начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР — первый заместитель министра обороны СССР (1984–1988). С марта 1990 г. советник Президента СССР М. С. Горбачева по военным делам. Таинственно погиб в Кремле в августе 1991 г.

Ачалов В. А. — советский военный и политический деятель. Заместитель министра обороны СССР (1990–1991). Генерал-полковник. Создатель и первый председатель Всероссийского Союза общественных объединений ВДВ «Союз десантников России».

Бакатин В. В. — министр внутренних дел СССР (1988–1990). Последний председатель КГБ СССР (август — декабрь 1991 г.).

Бакланов О. Д. — советский хозяйственный и политический деятель. Министр общего машиностроения СССР, секретарь ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда. Член ГКЧП.

Баранников В. П. — советский и российский государственный деятель, министр МВД РСФСР (1990–1991). Последний министр внутренних дел СССР (1991). Министр

безопасности РФ (1992–1993). Генерал армии.

Бартошявичюс Л. — бывший член ЦК КП Литвы, директор Издательства ЦК КП Литвы. Осужден по делу «красных профессоров», провел в тюрьме 1,5 года.

Бейкер Д. — госсекретарь США (1989–1992). Глава администрации президента США Джорджа Буша-старшего. (1992–1993).

Бетингис К. — следователь генеральной прокуратуры Литовской Республики. Вел уголовные дела руководителей ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС.

Биланс К. — правозащитник, бывший депутат Шальчининкского районного совета народных депутатов. Был осужден по так называемому «Шальчининкскому делу сепаратистов» за «антигосударственную деятельность».

Бобков Ф. Д. — первый заместитель председателя КГБ СССР (1985–1991).

Бобылев А. Г. — инженер-физик. Председатель комиссии по организации референдума 17 марта 1991 года в Вильнюсском регионе. 7 ноября 1991 года был арестован и лишен свободы на 3 года за «антигосударственную деятельность».

Болдин В. И. — советский партийный деятель, член ЦК КПСС (1988–1991). Руководитель аппарата президента (17.04.1990 — 22.08.1991).

Болтунов М. Е. — полковник, военный журналист и писатель. Начальник группы референтов министра обороны (1994–1997). Автор 28 книг, вышедших в России и за рубежом.

Бондарев Ю. В. — русский писатель. Герой Социалистического Труда. Лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР.

Брадаускене К. — свидетель по делу Альгирдаса Палецкиса. На суде заявила, что видела людей, стрелявших с крыш домов в людскую толпу у вильнюсской телебашни в ночь на 13 января 1991 г.

Бразаускас А. М. — первый секретарь Коммунистической партии Литовской ССР (1988 г.). По указанию М. Горбачева в декабре 1989 года на XX съезде Компартии Литвы вывел ее из состава КПСС и, создав на ее платформе Либерально-демократическую партию, стал ее руководителем. Первый президент Литовской Республики (1993–1998). По его личному указанию были похищены и вывезены из Белоруссии, а затем и осуждены его бывшие товарищи по Компартии Литовской ССР М. Бурокявичюс и Ю. Ермалавичюс.

Бурокявичюс М. М. — профессор, доктор исторических наук, бывший член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК

Компартии Литвы на платформе КПСС (1990–1991). Был осужден и лишен свободы на 12 лет по надуманному обвинению «за участие в попытке госпереворота и соучастие в убийствах во время вильнюсских событий в январе 1991 года в Литовской ССР».

Буткявичюс А. — первый министр охраны края Литвы. Предполагаемый организатор жертв январских событий в Вильнюсе в ночь на 13 января 1991 года. Практик «цветных» революций. Приложил руку к созданию сценариев «оранжевых» революций на Украине и «революции роз» в Грузии.

Бутримович И. — секретарь Советского райкома партии г. Вильнюса. Погиб в результате нападения на него литовских националистов в ночь на 13 января 1991 года у вильнюсской телебашни.

Буш Джордж-старший — 41-й президент США (1989–1993).

Вайшвила З. — литовский политик, бизнесмен, один из сигнаторов Акта независимости Литвы.

Валайтис С. — следователь прокуратуры Литовской Республики в 90-е годы.

Варе Р. — государственный деятель Эстонской Республики, один из учеников Джина Шарпа. В 90-е годы занимал пост государственного министра ЭР. В настоящее время председатель Совета Фонда развития Эстонии.

Варенников В. И. — главком Сухопутных войск, заместитель министра обороны СССР, член Совета обороны СССР (1989–1991).

Василенко П. — начальник штаба народной дружины при горкоме партии Литовской ССР в 1991 году, предположительно сотрудничавший со спецслужбами Литовской Республики по Мядининкайскому делу.

Васильев А. В. — советский и российский юрист. Первый заместитель Генерального прокурора СССР (1989–1991).

Видмантас И. — секретарь Ма-жейкского райкома КП Литвы, пер-вый в истории новой Литвы политический заключенный. Сразу после падения ГКЧП СССР был арестован и брошен за решетку литовской тюрьмы как фигурант так называемого «Шальчининкского дела сепаратистов». Отсидев 7 месяцев в тюрьме, был оправдан.

Вильнюсский ОМОН — отряд милиции особого назначения г. Вильнюса Литовской ССР. Создан в 1988 году. В январе — августе 1991 года подчинялся МВД СССР. Расформирован после августовского путча 1991 года. Командир отряда — Болеслав Макутынович.

Высоцкис Ч. И. — литовский коммунист-изгнанник. Указом Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко ему

предоставлено политическое убежище. Секретарь подпольного ЦК КП Литвы, один из фигурантов «Шальчининкского дела сепаратистов».

Гармус А. — заведующий Республиканским бюро судебно-медицинской экспертизы Литовской ССР в 1991 году.

Гаудутис Ю. — следователь генеральной прокуратуры Литовской Республики. Руководил следствием по делу о вильнюсских событиях 13 января 1991 года.

Гедвилас М. А. — государственный и политический деятель Литовской ССР. Коммунист с 1934 года. Министр внутренних дел, а затем председатель Совета народных комиссаров Литовской ССР (1940–1956). Министр народного образования Литовской ССР (1957–1973).

Гергиев В. — знаменитый советский и российский дирижер. 13 января 2012 года против его симфонического оркестра, который должен был давать концерт в г. Каунасе, была организована провокация литовских националистов.

Головатов М. В. — командир Группы «Альфа» (1991–1992). Полковник запаса. Руководитель операции в Вильнюсе.

Горбачев М. С. — генеральный сек-ретарь ЦК КПСС, Президент СССР (15.03.1990 — 25.12.1991).

Грачев П. С. — российский государственный и военный деятель, Герой Советского Союза, министр обороны РФ (1992–1996). Первый российский генерал армии (май 1992 г.).

Грибанов Н. — работник ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС. Сразу же после объявления независимости был арестован, осужден и оштрафован в зале суда.

Грибаускайте Д. — литовский политик, бывший член Коммунистической партии Советского Союза. В прошлом — преподаватель вильнюсской Высшей партийной школы. Президент Литвы с 2009 года и по настоящее время.

Громов Б. В. — советский и российский военачальник и политик. Депутат Государственной Думы, генерал-полковник, Герой Советского Союза. В 1991 году — заместитель министра внутренних дел СССР.

Гросс А. — представитель ПАСЕ, занимавшийся правозащитными вопросами в 90-е годы.

Данилов Г. И. — госсекретарь по борьбе с преступностью и национальной безопасности Республики Беларусь (1993).

Дзагоев Х. — сержант срочной службы Советской армии, проходивший службу в Прибалтийском военном округе в г. Вильнюсе. Один из осужденных литовским судом по «Шумскому делу».

Димитров Г. М. — деятель болгарского и международного

коммунистического движения. Генеральный секретарь ЦК Компартии Болгарии (1948–1949).

Доналдсон Джон — в 90-е годы — исполняющий обязанности юрисконсульта в секретариате ЮНЕСКО.

Драгун О. Д. — подполковник милиции, в 1991 г. заместитель начальника ГУВД г. Полоцка (Белоруссия). Выдал литовским властям дружинника Смоткина А. Р., уехавшего на постоянное место жительства в Полоцк после августовских событий 1991 г.

Егоров В. Д. — министр МВД Республики Беларусь (1990–1994). С его согласия прокуратуре Литвы были выданы секретари Компартии Литовской ССР на платформе КПСС.

Ельцин Б. Н. — первый Президент Российской Федерации. Занимал эту должность с 10 июля 1991 года по 31 декабря 1999 года.

Ермалавичюс Ю. — советский литовский политический деятель. Доктор исторических наук, профессор. В 1990–1991 годах — секретарь ЦК КП Литвы на платформе КПСС. В январе 1994 г. был выдан МВД Республики Беларусь спецслужбам Литовской Республики. Был осужден вильнюсским судом и лишен свободы на 8 лет за свои убеждения и противодействие «саюдистам» во время январских событий 1991 года в Вильнюсе.

Загрядский С. — заведующий консульским отделом посольства Рос-сийской Федерации в Литовской Республике (1991–1996)

Иванов В. В. — председатель многотысячной общественной организации Литвы («Венибе-Единство-Едность»), магистр истории Варшавского университета, историк, философ, политзаключенный. Дважды был осужден литовским судом и лишен свободы за свои убеждения и книгу «Литовская тюрьма».

Иванов В. Л. — советский и российский военный деятель, генерал-полковник. Командующий Военно-космическими силами России (1992–1996).

Калячюс Э. — первый командир вильнюсского ОМОНа. В 1990 году перешел на сторону «Саюдиса» и был назначен комиссаром полиции г. Вильнюса. Позже был уволен из полиции за злоупотребления служебным положением.

Канапинскас А. — активист «Саюдиса», защитник телерадиоцентра. Погиб 13 января 1991 г. в Вильнюсе от взрыва самодельного взрывпакета, который он хотел бросить в солдат Советской армии и который непроизвольно взорвался на его теле.

Карпухин В. Ф. — Герой Советского Союза, командир Группы «А» («Альфа») при 7-м Управлении КГБ СССР (1988–1991).

Касперавичюс Э. В. — заместитель начальника штаба

Гражданской обороны Литовской ССР по политической части (1989–1991). После январских событий в Вильнюсе в 1991 году вел телепередачи на литовском («советском») телевидении, став рупором ЦК Компартии Литвы на платформе КПСС.

Кебич В. Ф. — кандидат экономических наук, белорусский политик, председатель Совета Министров Белоруссии (1990–1994).

Клинтон Б. — 42-й президент США (1993–2001).

Комар И. Г. — командир полка Псковской десантной дивизии, участник событий в Вильнюсе в январе 1991 г.

Коржаков А. В. — кандидат экономических наук, первый руководитель Службы безопасности Президента Российской Федерации. Генерал-лейтенант запаса.

Косолапов Р. И. — доктор философских наук, профессор. Автор и главный редактор журнала «Коммунист».

Кремповский Н. — в 1990–1991 годах заместитель Генерального прокурора Литовской ССР. По надуманному обвинению был осужден вильнюсским судом на 5 лет. В 1996 году умер от сердечного приступа.

Крючков В. А. — советский государственный деятель. председатель КГБ СССР (1988–1991). Член ГКЧП.

Кузьмин Ф. М. — генерал-полковник. Командующий войсками Краснознаменного Прибалтийского военного округа (1987–1991).

Куолялис Ю. — заслуженный деятель культуры Литвы, советский литовский политический деятель. Секретарь ЦК КП Литвы на платформе КПСС (1990–1991). В 1999 году был осужден литовским судом и лишен свободы на 6 лет колонии строгого режима по обвинению в участии в попытке госпереворота.

Кургинян С. Е. — советский и российский политический деятель, политолог. В 1991 году был направлен в Вильнюс для проведения расследования о событиях 13 января этого года. Совместно с Владимиром Овчинским написал аналитический доклад под названием «Литовский синдром».

Куцевич Иван — бывший депутат Шальчининкского районного совета народных депутатов. В 1991 году ему было предъявлено обвинение в антигосударственной деятельности в Литве по так называемому «Шальчининкскому делу сепаратистов». Оправдан судом.

Кучеров И. — профессор, доктор юридических наук, советник ЦК КП Литвы на платформе КПСС, один из фигурантов по делу «красных — профессоров». Летом 1994-го был арестован и помещен в тюрьму. Умер, не дождавшись приговора, в 1996 году.

Лагодный П. — свидетель по делу Альгирдаса Палецкиса.

Лазутка В. А. — профессор, доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Академии наук Литовской ССР. Первый секретарь Вильнюсского горкома партии, секретарь ЦК КП Литвы на платформе КПСС. Политический беженец.

Ландсбергис В. — литовский политик и общественный деятель, один из прародителей «Саюдиса», бывший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма в Литовской консерватории и известный русофоб. Председатель Верховного Совета Литвы (1990–1992).

Лауринкус М. — народный депутат СССР, депутат Верховного Совета Литвы, один из руководителей «Саюдиса». В марте 1990 года — гендиректор департамента госбезопасности Литовской Республики.

Лукашенко А. Г. — с 1994 г. по настоящее время Президент Республики Беларусь.

Любимов Ю. Д. — следователь Генпрокуратуры СССР по особо важным делам, старший группы по расследованию дела о 13 января 1991 г. в г. Вильнюсе.

Лякас Я. — свидетель по делу Альгирдаса Палецкиса. Видел людей, стрелявших с крыш домов у вильнюсской телебашни в толпу народа в ночь на 13 января 1991 г. После того, как дал показания в суде, против него было возбуждено уголовное дело о лжесвидетельстве. Но Верховный суд Литвы его оправдал.

Макутынович Б. — бывший командир вильнюсского ОМОНа. Умер в 2015 году.

Маслюков Ю. Д. — заместитель премьер-министра СССР (1988–1991).

Матонис А. — осенью 1991 года временно исполнял обязанности министра внутренних дел Литвы.

Масхадов А. А. — военный и государственный деятель непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ). В 1990 г. — начальник артиллерии 107-й мотострелковой дивизии Прибалтийского военного округа. (г. Вильнюс). В 1990-х участвовал в создании вооруженных сил ЧРИ и руководил боевыми действиями против федеральных сил Российской Федерации. Президент ЧРИ (1997–2005). 8 марта 2005 года в ходе спецоперации ФСБ был ликвидирован.

Мель Ю. Н. — гражданин России, бывший офицер Советской армии, полковник запаса, 12 марта 2014 года арестован на пограничном переходе. Находясь в тюрьме, участвует в судебном процессе.

Мисюконис М. — министр внут-ренних дел Литовской ССР,

позже министр внутренних дел Литовской Республики (1990–1992).

Миткова Т. Р. — советская и российская тележурналистка, телеведущая, заместитель генерального директора АО «Телекомпания НТВ» по информационному вещанию, главный редактор Службы информации НТВ.

Мицкевич С. — литовский журналист, в 1991 году — главный редактор радио «Советская Литва», один из фигурантов дела «красных профессоров». В августе 1999 года перед вынесением приговора бежал из Литовской Республики в Россию.

Млынник Ч. — командир рижского ОМОНа с февраля 1991 года. После того, как в 1991 году отряд был расформирован, переехал в Россию на постоянное жительство. Разыскивается Латвией.

Модров Х. — немецкий политик, один из последних руководителей ГДР.

Моисеев М. А. — советский и российский военачальник и политик. Начальник Генштаба Вооруженных сил СССР. Первый заместитель министра обороны СССР (1988–1991). Генерал армии.

Нагорный С. — секретарь Виль-нюсского горкома КП Литвы на платформе КПСС во время январских событий 1991 года в Вильнюсе.

Наместников В. Н. — генерал-лей-тенант, заместитель председателя РОСТО (ДОСААФ) с 1992 по 2007 г.

Насиновский В. Е. — заместитель секретаря Совета Безопасности, начальник Информационно-аналитического центра (23.12.1992 — 30.08.1993).

Науджюнас А. Я. — генерал-майор, начальник политотдела ракетной дивизии и космодрома Байконур (1986–1989). Неоднократно избирался членом ЦК Компартий союзных республик Литвы и Казахстана, депутатом различных уровней Советов народных депутатов. Генеральная прокуратура нынешней Литвы до сих пор требует от России его выдачи за попытку совершения государственного переворота.

Невзоров А. Г. — советский и российский журналист, репортер, телеведущий, публицист. Режиссер, сценарист и продюсер ряда нашумевших документальных фильмов.

Нерис С. — народная поэтесса Литовской ССР.

Никулин (Михайлов) Кон-стан-тин — бывший рижский омоновец. Сменил фамилию, находясь под программой защиты свидетелей в Латвии, но был выдан Литве. 11 мая 2011 г. Вильнюсский окружной суд приговорил его к пожизненному заключению, бездоказательно обвинив в убийстве литовских

таможенников у поселка Мядининкай 31 июля 1991 г. на административной границе между Литовской ССР и Белорусской ССР.

Нишанов Р. Н. — советский дипломат, советский и узбекский государственный и политический деятель. Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР, с сентября 1991 г. советник Президента СССР.

Озолас Р. — литовский политический деятель. Один из создателей движения «Саюдис». Идейный соратник В. Ландсбергиса. Русо-фоб. Депутат сейма Литовской Республики (1992–2000). Умер в 2015 году.

Олейников А. А. — заместитель председателя КГБ СССР Вадима Бакатина.

Орлов В. В. — фигурант «Шумского дела», за свои политические убеждения был осужден и лишен свободы Верховным судом Литовской Республики на 3 года.

Осипов А. — экс-сотрудник КГБ Литовской ССР.

Павлов В. С. — советский государственный деятель. Министр финансов СССР (1989–1991). Председатель Совета Министров СССР. Член ГКЧП.

Палецкис А. — литовский политический деятель, основатель партии «Социалистический народный фронт». В ноябре 2010 года произнес в эфире радио фразу: «Как теперь выясняется, свои стреляли в своих», за что был подвергнут в обществе обструкции, осужден и приговорен к 3000 евро штрафа.

Парфенов С. — заместитель командира рижского ОМОНа. 8 сентября 1991 г. был арестован вооруженными латвийскими полицейскими в кабинете начальника местного УВД города Сургута и вывезен в Ригу. Был лишен свободы на 3 с лишним года.

Патиашвили Д. И. — первый секретарь ЦК Компартии Грузии (06.07.1985 — 14.04.1989).

Паулаус-кас А. — бывший сотрудник аппарата ЦК Компартии Литвы, активист «Саюдиса», генеральный прокурор Литовской Республики (1990–1995), в настоящий момент возглавляет комитет по госбезапасности сейма Литовской Республики.

Петкявичюс В. — литовский писатель и политический деятель. Один из создателей и руководитель общественной организации «Саюдис». Депутат литовского сейма (1992–1996). Автор нашумевшей книги-разоблачения «Корабль дураков».

Пикаускас О. М. — генерал-полковник, заместитель командующего Воздушно-десантными войсками СССР по боевой подготовке. Умер в 1995 году.

Плеханов Ю. С. — советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант, начальник 9-го Управления КГБ СССР.

Прокопович Я. — капитан милиции Литовской ССР. Был осужден литовским судом и лишен свободы на 4 года за то, что согласно закону «О регистрации и хранении огнестрельного оружия» изымал незарегистрированное оружие у боевиков «Саюдиса».

Прокофьев Ю. А. — советский партийный деятель. Член Политбюро ЦК КПСС, член ЦК КПСС (1990–1991). 1-й секретарь Московского городского комитета КПСС (1989–1991).

Прунскене К. — литовский экономист и политик, первый премьер-министр провозглашенной 11 марта 1990 года Литовской Республики. Основоположник концепции экономической самостоятельности Литовской ССР.

Пуго Б. К. — председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС (1988–1991). Министр МВД СССР (1987–1991). Член ГКЧП.

Пятраускас А. — генерал-майор юстиции, до сентября 1991 года Генеральный прокурор Литовской ССР. Разыскивается прокуратурой Литовской Республики.

Разводов В. — бывший начальник штаба вильнюсского ОМОНа. Был обвинен в военных преступлениях и «преступлениях против человечности», но оправдан литовским судом.

Раугалене Д. — свидетельница по делу Альгирдаса Палецкиса. На суде заявила, что видела стрельбу по людской толпе с крыш ближайших домов у вильнюсской телебашни. Была осуждена за лжесвидетельство, но позже оправдана.

Раяцкас Р. — ученый секретарь отделения общественных наук Академии наук Литовской ССР, член «Саюдиса».

Резник С. — бывший работник ЦК Компартии Литвы. Провел в тюрьме 11 месяцев.

Рейган Р. — 40-й президент США (1981–1989).

Рижский ОМОН — рижский отряд милиции особого назначения Латвийской ССР. Существовал с 1988 по 1991 г.

Родионов И. Н. — государственный и военный деятель СССР, министр обороны РФ (1996–1997).

Ростропович М. Л. — известный виолончелист, пианист и дирижер, общественный деятель, правозащитник, педагог, пятикратный лауреат премии «Грэмми».

Рощин В. М. — начальник дежурной части вильнюсского ОМОНа. Разыскивается литовской прокуратурой с 1991 г. за то, что не дал вооружить литовских боевиков оружием милиции.

Рыжков Н. И. — председатель Совета Министров СССР, член

Политбюро ЦК КПСС с 1985 г. по январь 1991 г.

Скучас А. — первый руководитель охраны Верховного Совета Литвы (1991).

Смоткин А. Р. — «красный» дружинник, в ноябре 1991 года был выдан с территории Белорусской ССР литовским властям и арестован. Был осужден по «Шумскому делу». Провел 8 лет в колонии усиленного режима.

Снечкус А. Ю. — первый секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы (1940–1974). Герой Социалистического Труда.

Собчак А. А. — советский и российский политический деятель. Первый мэр г. Санкт-Петербурга.

Стаквилявичюс М. — член «Саю-диса», первый секретарь Шяуляйского горкома партии.

Станкайтис Ю. — журналист, был избит сторонниками «Саюдиса», в результате чего умер.

Станкевич А. — сотрудник эксперт-но-криминалистического отдела МВД Литовской ССР. В дальнейшем эксперт в вильнюсском ОМОНе.

Станкевич С. Б. — российский политик, один из лидеров Московского Народного фронта (1988–1989). Народный депутат СССР. Советник президента Ельцина по политическим вопросам (июнь 1991 г. — декабрь 1993 г.).

Станкявичюс Р. — летчик-испытатель. Испытывал многоразовый орбитальный космический корабль «Буран». Погиб в Италии при выполнении тренировочного полета.

Станчикас С. — полковник Внутренних войск СССР, командир полка милиции Литовской ССР, в 1991 году перешел на сторону В. Ландсбергиса.

Сущик Б. — заместитель командира самоходно-артиллерийского дивизиона по политической части, псковский десантник, один из заочно судимых по делу о событиях 13 января 1991 года в г. Вильнюсе.

Трубин Н. С. — советский государственный деятель. Последний Генеральный прокурор СССР (11.12.1990 — 29.01.1992).

Тудораке В. — сценограф вильнюсского Малого театра. Один из «защитников» вильнюсской телебашни в январе 1991 года.

Усхопчик В. Н. — генерал-лейтенант в отставке. С января 1989 года — командир 107-й мотострелковой дивизии Прибалтийского военного округа, дислоцированной в г. Вильнюсе.

Фалин В. М. — дипломат, общественный и политический деятель, референт Громыко А. А. и Хрущева Н. С. Член ЦК КПСС (1989–1991). Доктор исторических наук. Лауреат

Государственной премии СССР.

Федоров С. — командир полка Внутренних войск Советской армии, участник событий в Вильнюсе в январе 1991 года.

Фролов В. — полковник Советской армии. Был назначен командиром вильнюсской 107-й мотострелковой дивизии после генерала Усхопчика В. Н.

Шаймиев М. Ш. — советский и российский государственный и политический деятель. Первый Президент Татарстана (1991–2010).

Шарп Д. — американский общественный деятель, известный во всем мире своими книгами о методах ненасильственной борьбы с авторитарными режимами.

Шатских В. В. — лейтенант Группы «А». Был убит выстрелом в спину при входе в здание телерадиокомитета Литовской ССР 13 января 1991 года.

Шатских В. И. — мать лейтенанта Группы «А» Виктора Шатских.

Шебаршин Л. В. — деятель советской разведки, генерал-лейтенант, начальник внешней разведки СССР (с 6.02.1989 по 22.09.1991), и. о. председателя КГБ СССР с 22 по 23 августа 1991 года.

Шеварднадзе Э. А. — советский и грузинский политический и государственный деятель. Министр иностранных дел СССР (1985–1990). Президент Грузии (1995–2003). Герой Социалистического Труда, ближайший соратник М. Горбачева.

Шеин В. В. — бывший секретарь парткома МВД Литовской ССР.

Шенин О. С. — советский партийный и государственный деятель, российский политик, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС (1990–1993). Член ГКЧП.

Шепетис Л. — секретарь ЦК КП Литвы по идеологии в Литовской ССР, один из создателей Движения за перестройку в Литве «Саюдис».

Шибалко А. Г. — полковник милиции, начальник РОВД г. Борисова (Белоруссия) (1986–1995).

Шимкус С. — ректор вильнюсской Высшей партшколы Литовской ССР.

Шимуленис И. — один из погибших 13 января 1991 года в Вильнюсе.

Ширковский Э. И. — председатель КГБ Республики Беларусь (1990–1994).

Шолодонов В. И. — с 1992 по 1995 г. — генеральный прокурор Республики Беларусь.

Шорохов В. — «красный» дружинник, один из фигурантов

«Шумского дела»; отбыл в литовской тюрьме за свои убеждения 2,5 года.

Шушкевич С. С. — председатель Верховного Совета Республики Беларусь (1991–1994).

Цаплин С. А. — зам. председателя КГБ Литовской ССР. Генерал-майор. Убит в Москве при невыясненных обстоятельствах 3 января 1995 года.

Цининас А. — судья г. Вильнюса. В июне 2015 г. вынес оправдательный приговор бывшему командиру вильнюсского ОМОНа Макутыновичу Болеславу и начальнику штаба Разводову Владимиру.

Эйва (Эйтавичюс) А. — капитан американского спецназа. Воевал в Афганистане на стороне талибов. Сотрудник западных спецслужб.

Эйсмунтас Э. А. — председатель КГБ Литовской ССР (1987–1990).

Юргялис Ю. — директор департамента государственной безопасности Литовской Республики (1993–1998).

Юршекас Ч. — литовский политик, государственный и политический деятель Литовской ССР и Литовской Республики. Председатель сейма ЛР (в 1993–1996 гг. и в апреле — ноябре 2008 г.).

Юозайтис А. — один из активистов «Саюдиса».

Юонене С. — член ЦК КП Литвы на платформе КПСС, бывший главный редактор газеты «Советская Литва», разыскивается прокуратурой Литвы с 1991 года.

Юролайть Я. — в 1991 году депутат Шальчининкского районного совета народных депутатов. Осужден и лишен свободы по «Шальчининкскому делу сепаратистов».

Юхневичюс Р. — полковник Советской армии в отставке, заместитель начальника военной кафедры Высшей партийной школы г. Вильнюса (1990–1991). Разыскивается литовской прокуратурой.

Язов Д. Т. — маршал Советского Союза, министр обороны СССР (1987–1991). Один из главных заочно обвиняемых по делу 13 января 1991 года.

Яковлев А. Н. — советский и российский политический деятель, академик РАН, один из главных идеологов перестройки. Член КПСС с 1944 г. по август 1991 г., секретарь ЦК КПСС (1986–1990), член Политбюро ЦК КПСС (1987–1990).

Янаев Г. И. — советский партийный и государственный деятель, вице-президент СССР (1990–1991), член Политбюро, секретарь ЦК КПСС (1990–1991). Во время событий 19–21 августа 1991 г. являлся и. о. Президента СССР и фактическим

руководителем ГКЧП.

Янкелевич Л. — бывший депутат Шальчининкского районного совета народных депутатов. Осужден по так называемому «Шальчининкскому делу сепаратистов».

notes

Примечания

1

Статья была опубликована на русском языке 26 февраля 2009 года на сайте «Инфолисток Ночной Дозор», позже на итальянском языке на сайте www.megachip.info 5 февраля 2010 года.